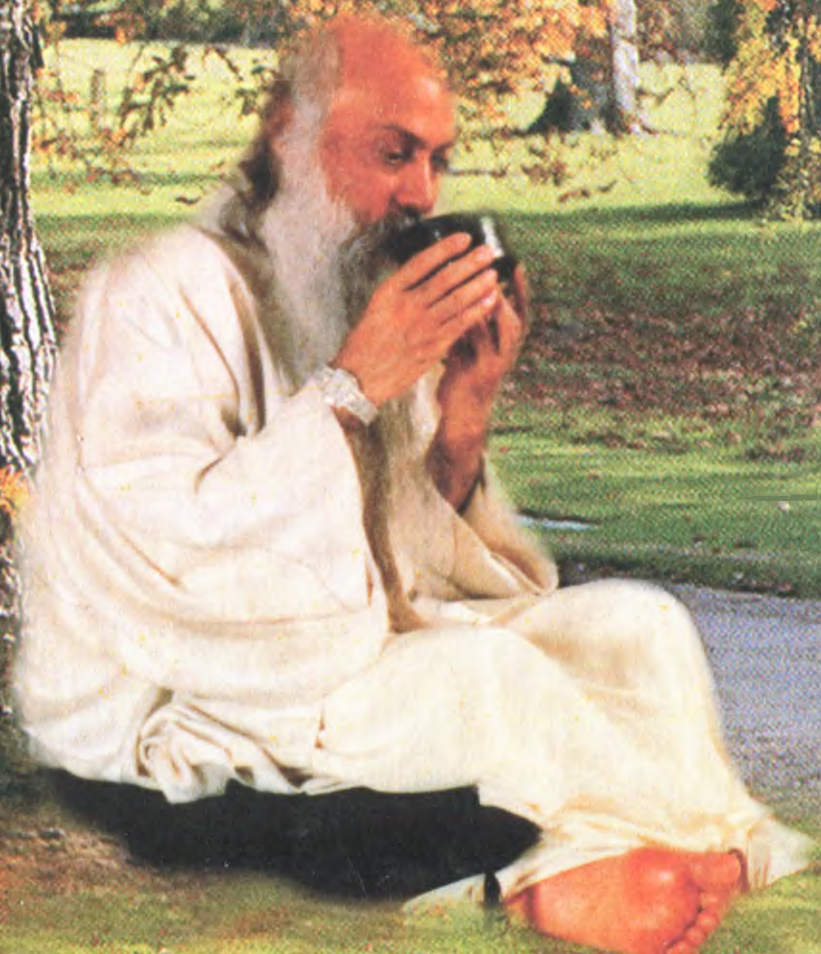
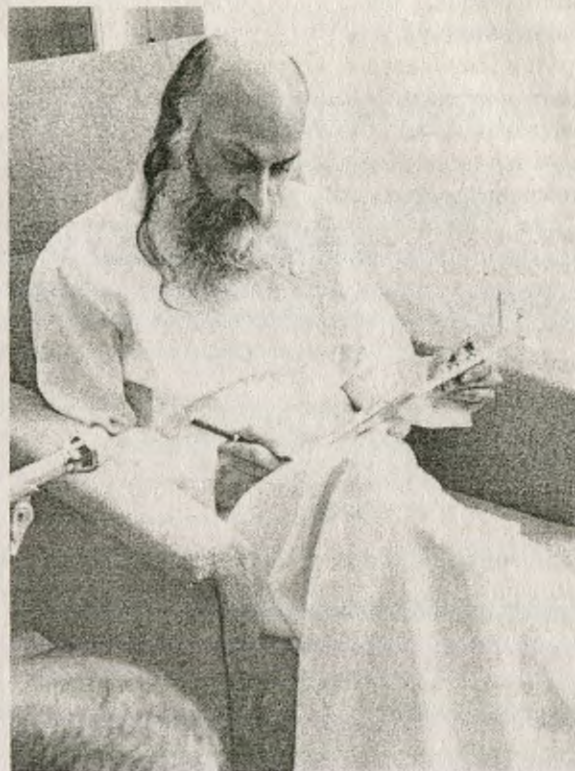

**ОШО
У НОГ МАСТЕРА**

ОШО

У ног мастера

Москва 2001 г.

ББК 84,5 Ид
096

Ошо
096 У ног мастера.
М. Нирвана, 2001, 304 с.
ISBN 5-7135-0046-23

«Я не могу удерживать вас подле себя. Чем больше вы приходите ко мне, тем больше я буду отбрасывать вас обратно к самим себе. И тогда возникнет непрерывность, поток. Энергия нигде не будет заблокирована. Это очень напоминает тот случай, когда река впадает в океан. Океан не собирается удерживать в себе воду. Он будет испаряться, будет бросать ее к облакам, и облака вновь прольются дождем, и вновь река будет течь, приближаясь к океану. Это круг. Такова экология. Причем так происходит не только в природе — так происходит и в сознании. Существует экология сознания.

Поэтому если вы даете мне любовь, мне ничего не остается, как вернуть вам ее обратно».

Редактор Свами Вит Праяк
Перевод Жукова И.

© At the feet of the master.
Osho International Foundation 1992
У ног мастера © Солдатов А.В. перевод 2001 г.
Все права защищены.

Формат 60x90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 0103320.
Лицензия № ИД 01174 от 20.03.2000

Издательство «Нирвана». 125422 Москва, до востребования.
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

04030300-022 без объявл.
7П6(03) 96

ББК 84,5 Ид
ISBN 5-7135 0046-23

Содержание:

часть 1. Великая любовь

1. Неистовая саньяса6
2. Высшая любовь18
3. Азы отпускания41
4. Жизнь без любви — это жизнь без любви ...69
5. Быть здесь значит быть игривыми81

часть 2. Вы — бунтари

6. Полное депрограммирование90
7. Вы мне не последователи94
8. Моя любовь не поможет113
9. Я несу вам конфликт124
10. Я — зеркало140

часть 3. Я — ваша сила

11. Я здесь для того, чтобы напоминать вам ...154
12. Вы носите меня с собой163
13. Я учу целостности, а не совершенству ...175

часть 4. Расширяйте свои границы

14. Выбирайтесь из кокона186
15. Отстраните несущественное197
16. Выходите за пределы208
17. Ждите неожиданного220

часть 5. Вы — одна семья

18. Любовь не знает ни времени,
ни расстояния230
19. Общая цель, одна душа241
20. Пусть медитация будет вашей
любвиной связью267

часть 6. Немой, попробовавший сахар

21. Меж двух молчаний278
22. Поющая птица религиозности287
23. Круги блаженства294

*Великая
любовь*

Неистовая саньяса

Становясь саньясином, начинаешь искать блаженство внутри. Обо всех прочих традициях, что уводят тебя во внешний мир, ты забываешь, потому что блаженство — это что-то внутреннее, абсолютно индивидуальное, личное, ты можешь найти его внутри самого себя — никто другой для этого не нужен.

Саньяса — это внутреннее путешествие, у нее нет внешней цели. Необходимо припасть к своему собственному источнику, необходимо исчезнуть в самом себе. Как только достигаешь своего источника, своих корней, ты преображаешься. И тогда ты можешь жить вовне, ты должен жить вовне. Тогда не будет ничего плохого, потому что ты будешь светиться радостью, ты будешь в непрерывном контакте со своим внутренним ядром. Посреди суеты и сутолоки жизни ты будешь оставаться спокоен, блажен и тих. И ничто не сможет потревожить тебя, ничто не сможет тебя отвлечь. Вот в чем состоит великое мастерство.

Моя саньяса означает тотальную жизнь в мире, и все же с полным осознанием, бдительностью — жить в мире, ни за что не цепляясь. Не нужно ни от чего отказываться: наслаждайся всем, но не забывай при этом быть отстраненным. Часть твоего существа всегда должна оставаться бдительной, чтобы ты не мог быть захваченным. Действуй, но не становись деятелем. Жизнь должна проживаться так, как будто ты актер на большой сцене, а все существование — ничто иное, как драма. Но только не начинай отождествляться с теми ролями, которые ты играешь. Проблемы возникают именно тогда, когда ты отождествляешься.

Поэтому моя саньяса может быть сведена к простому определению: неотождествление с какой бы то ни было ролью, какой бы она ни была. Можно быть врачом или бизнесменом, можно быть инженером или художником — какую бы роль ты ни играл, не относись к ней серьезно. Добиваешься ли ты успеха или терпишь неудачу — не важно; важно только, чтобы ты все это время оставался бдительным. Приходит успех — наблюдай его; приходит неудача — наблюдай ее. Идет жизнь — наблюдай ее; приходит смерть — наблюдай ее. Вся твоя работа заключается в том, чтобы оставаться свидетелем всего происходящего вокруг тебя, внутри и снаружи. Такова основа моей саньясы.

Свидетельствование возможно только в том случае, если ты движешься в медитацию. Выбери одну медитацию — любую, которая тебе подходит, и затем работай и работай над ней и не стремись при этом к немедленному результату. Забудь все о результате; только продолжай ее делать, наслаждайся ею, и в один прекрасный день придет результат. Однако он придет лишь тогда, когда медитация достигнет определенной интенсивности. Это напоминает испаряющуюся воду: когда она достигает ста градусов, она испаряется. При девяноста девяти градусах она еще не испаряется, это еще вода; но достаточно какого-то одного градуса — и она уже исчезает.

Посетителю из Англии:

Если ты наберешься смелости, саньяса может оказаться весьма полезной. Она станет первым положительным шагом преданности. Она подцепит тебя на мою удочку, и ты отправишься в неизвестное путешествие. Для тебя она почти непроглядна, и ты движешься в неизвестное. Разумеется, приходит страх, и возникает тысяча и одно сомнение, однако все они принадлежат твоему негативному уму.

Если ты решаешься идти к чему-то позитивному, ты должен стать безразличным ко всем этим сомнениям и вопросам. Это риск. Всякое позитивное — это риск, всякий рост — это риск. Всякое рождение будет крайне болезненным.

Всегда, когда рождается ребенок, бывают две возможности: он может жить, и может не жить. Когда он находится в утробе матери, за него дышит мать — он даже не дышал самостоятельно. Первые две-три минуты, следующие за рождением ребенка, самые опасные. Все замирают в напряженном ожидании: будет ребенок дышать или нет. И если ребенок не плачет, врачу приходится его ударить, чтобы тот начал дышать. Ведь ребенок никогда еще до этого не дышал, так что неизвестно, будет ли он дышать сейчас.

Саньяса подобна рождению заново.

Ты прошел какой-то путь, прожил определенную жизнь, ты над собой работал — и все же ты еще продолжаешь что-то упускать. Попробуй же что-то новое, что-то абсолютно новое.

Когда я говорю: «Принимай саньясу», я именно это имею в виду: отдай мне ответственность. Отбрось ее. Начни жить так, как будто никаких проблем не существует. Прямо с этого мгновения — просто расслабься. А расслабление это происходит через саньясу.

Если только ты наберешься смелости... это ведь вопрос смелости, это приключение.

То, что мне на самом деле хочется, так это пойти в другом направлении: пасть, быть плохим, идти куда попало, если хотите... Быть неистовым или, по меньшей мере, не святым.

Но ведь это же моя саньяса! По меньшей мере, не святая... она действительно неистовая. Если ты и в самом деле сыт по горло работой над собой, то я говорю как раз это: отдай мне ответственность. После этого не будет никакой работы. Будет одно лишь доверие.

Саньяса означает невинную жизнь, жизнь без умствования, жизнь без расчета, жизнь без всякой математики, без логики. Стать саньясином — значит распрощаться с Аристотелем... и жить как сумасшедший, интенсивно и страстно. И первый шаг — это выпасть из

прошлого.

Люди выпадают из общества, но от этого не много пользы. Потому что даже если ты выпадаешь из общества, ты несешь с собой свое прошлое, порожденное, возвращенное, обусловленное обществом. Ты можешь пойти против общества, но все же ты часть общества, поэтому я не говорю: «Выпади из общества» — я говорю: «Выпади из своего прошлого». Это и будет настоящим выпадением из общества.

А смена твоего имени свидетельствует лишь о том, что ты отрекаешься от своего прошлого — теперь у тебя больше нет неразрывной связи со своим прошлым. Разумеется, ты не можешь от него отречься, оно здесь присутствует. Однако ты начнешь видеть все более и более отчетливо, что оно принадлежало кому-то другому, как будто тебе приснился сон с таким содержанием, или ты видел кино, или прочитал роман — ты от него совершенно отъединен.

Саньяса требует смелости больше, чем что бы то ни было, ибо она есть проявление собственной индивидуальности, проявление свободы, проявление того, что ты больше не будешь частью безумия толпы, психологии толпы. Это проявление того, что ты становишься всеобъемлющим, что ты не будешь принадлежать никакой стране, никакой церкви, никакой расе, никакой религии. Ты будешь религиозным, но ты не будешь мусульманином, индуистом или христианином. Ты будешь любить и Иисуса, и Будду, и Мухаммеда, потому что ты будешь религиозным, но не будешь принадлежать никакой догме или вероучению и не будешь принадлежать никакому государству, никакой нации — ложны все эти границы, уродливы все эти разграничения. Земля одна, и саньяса есть проявление единства человечества.

Разумеется, она требует смелости. Она требует смелости еще и потому, что освобождает от традиции, от прошлого, от истории. Она пытается жить в настоящем по своему собственному разумению, а не под давлением мертвого, не под давлением истории. Жить свободным от истории — ни с чем не сравнимая радость, но и риск, потому что ты тогда останешься один, без всяких путеводителей, без всяких карт, которым ты мог бы следовать. Однако и в этом ее красота: когда у тебя нет никаких путеводителей, твое сознание растет, чтобы принять вызов. Когда у тебя нет карты, ты начинаешь исследовать самого себя. И жизнь тогда превращается в приключение.

Мои саньясины не должны быть верующими. Они должны быть исследователями, испытателями. Саньяса начинается в определенном состоянии агностицизма — ни атеистическом, ни теистическом, а лишь открытом, доступном, не обремененном никакими предрассудками. Агностик — это тот, кто ни во что не верит. Это не значит, что он неверующий: он ни верующий, ни неверующий, он

исходит из состояния незнания. А это самое глубокое явление: исходить из состояния незнания. И тогда недалек тот день, ведь ты сделал самый интеллигентный из всех возможных шагов.

Дураки бывают либо верующими, либо неверующими — либо католиками, либо коммунистами, но и в том, и в другом случае они одни и те же. Разнятся их флаги, разнятся их священники, разнятся их библии, разнятся их боги, но верование остается одним и тем же. Кто-то носит с собой Библию, а кто-то носит с собой «Капитал»; кто-то верует в Моисея, а кто-то верует в Маркса; кто-то верует в Кабу, а кто-то верует в Кремль — это одна и та же глупость, потому что любое неверие, так или иначе, является верованием.

Саньясин должен отбросить всякое верование, а верование включает в себя и неверие. Он должен сбросить с себя груз всяких пред-рассудков, чтобы глаза его оставались открытыми, бдительными, готовыми видеть положение дел, каким бы оно ни было. Это начало интеллигентности. А интеллигентность — это зерно ясности, и, когда расцветает интеллигентность, жизнь становится божественной. Темная ночь души остается позади. И уже занимается день!

Саньяса предназначена только для интеллигентных, ибо с каждым днем она требует все больше и больше интеллигентности. Чем глубже вы продвигаетесь, тем больше требуется интеллигентности. Но в том и прелесть всего этого процесса, что, когда вы принимаете вызов, в вас возникает больше интеллигентности. Она присутствует в вас потенциально. Но проявляется она лишь тогда, когда вы принимаете вызов.

Саньяса — это вызов к преобразению своей потенциальной интеллигентности в действительность, в реальность.

Саньясин должен быть женственным. Мужчина он или женщина — не имеет значения. Биологически, физиологически — не имеет значения. Требуется психологическая женственность. Он не должен быть агрессивным, не должен быть амбициозным. Он должен учиться ждать. Должен быть терпеливым, должен быть чревом, принимающим Бога.

Саньяса — это твое заявление, что ты готов принять. Если стучатся в дверь, ты готов ее открыть. Если тебя призовут, ты не станешь колебаться. Если потребуются идти на риск, ты не только пойдешь на него, но пойдешь на него охотно. И тогда возникает общность.

Вот что такое саньяса: это взаимодействие с Мастером. Просто ученик настолько сонастраивается с Мастером, что начинает понимать его с полуслова. Он больше не настроен на спор, он больше не спорит. С Мастером никакой спор невозможен; его просто слушают, и ему просто следуют. И все до того просто, что, если ты спосо-

бен слушать и следовать, это может случиться тут же, мгновенно.

Моя саньяса — это не отрицание жизни — это просто внутреннее доверие. Это жест сдачи: ты любишь меня и позволишь мне любить тебя... и если я стану изливать на тебя свою любовь, ты при-мешь ее с благодарностью.

Ускренный человек думает, размышляет, взвешивает, принимать ему саньясу или нет. И это хорошо, потому что, когда человек решает искренне, то это свидетельствует о решении, изменяющем жизнь... а это кое-что значит. Ты думала об этом и колебалась — и это было хорошо. Я наблюдал: колебание это действительно было хорошим. И лучше колебаться прежде, чем после. Необходимо прийти к ясному решению, которое закрывает прошлое и открывает новую дверь. Саньяса — это процесс открывания. У тебя до сих пор была какая-то жизнь, и эта жизнь тебе удалась... саньяса не означает, что твой образ жизни оказался неудачным. Саньяса просто означает, что есть такие удачи, которые на поверку оказываются неудачными. Можно как нельзя больше преуспевать и все-таки... и все-таки...

Дилер по продаже произведений искусств из Германии говорит Ошо, что она чувствует, что не может принять саньясу.

Посетительница: *Я думаю пойти по тому же пути, по которому следуют ваши саньясины, но я считаю, что должна делать это сама по себе, а не в этой коммуне. Я и так уже за свою жизнь побывала в таком количестве других тюрем: детдомах, пансионах... А так я чувствую себя свободной.*

Будь свободной — но ты не знаешь мою саньясу. Будь свободной! Скоро ты поймешь, что ты не можешь быть более свободной, чем мои саньясины. Но подожди. Скоро ты почувствуешь к ним зависть (смеется).

(С усмешкой): Может быть, но отчего я не могу идти сама по себе?

А ты попробуй! Я же не говорю: «Не пробуй». Но это реакция на твое прошлое — это не свобода. Потому что в прошлом произошло что-то такое, что заставляет тебя пугаться всяких коммун, всяких групп, становиться частью чего бы то ни было. Это всего-навсего реакция из прошлого — это не свобода.

Я не спешу давать тебе саньясу. Просто будь здесь и наслаждай-

ся... почувствуй, что такое саньяса. Будь с саньясинами, смотри и наблюдай, и ты узнаешь, что сама по себе ты никогда не будешь такой свободной. Потому что эта саньяса — что-то абсолютно новое на земле.

Мои саньясины непосредственно и лично связаны со мной. Они не связаны друг с другом, как в группе. И я не навязываю им никакой дисциплины — они никак не ограничены.

На самом деле все, что ты делаешь сама по себе, будет тобой же и ограничено, только и всего. На этот раз ты сама станешь своей тюрьмой. Ты стала пугаться других тюрем, а теперь ты будешь заключена в тюрьму своего эго — а это наихудшая из всех тюрем. Ты еще не осознала, что человек может быть заключен в тюрьму своего собственного эго и называть это независимостью и свободой. А это не может быть свободой.

Можно мне сказать кое-что еще? Я уехала из Германии, чтобы увидеть вас, и я почувствовала, что за эти четыре дня многое произошло. Я каждое мгновение чувствую столько грации... Но потом в этом ашраме мне пришлось с утра ждать вас, потом ждать медитаций, потом ждать даршана...

Погоди!

Медитируй и слушай меня. Я могу сказать тебе только одно: тебе не нужно никому говорить, что ты собираешься стать саньясинкой — и я скажу этим людям (указывает на группу) никому не говорить! (смеется).

Так что это лишь вопрос времени. Ты можешь откладывать его сколько пожелаешь, но что касается меня, то ты уже стала саньясинкой. Я могу в тебя заглянуть. Ты боишься не меня, ты боишься своего прошлого. Ты боишься своих прошлых затруднений. Но это не имеет ровным счетом никакого отношения к твоим прошлым затруднениям. Это абсолютная свобода.

Так мне отложить или дать саньясу прямо сейчас? (Посетительница смеется и кивает.) Закрой глаза — зачем ждать? — если что-то случается, допусти это.

(Кладя ей на голову малу): Я дарю тебе абсолютную свободу.

А теперь посмотри на меня. Это будет твое имя...

Удовольствие преходяще — блаженство вечно. Жить в удовольствии — значит растрчивать свою жизнь попусту. Оно приходит и уходит. Быть инициированными в саньясу — значит решить, что вы оставили позади психологию толпы, глупость и что теперь вы начинаете стремиться к чему-то вечному, к чему-то такому, что даже смерть не властна уничтожить. Человек прожил жизнь как надо лишь в том случае, если у него есть что-то, что даже смерть не властна вырвать.

Есть одна очень старая суфийская история...

Царь созвал своих мудрецов и сказал: «Я бы хотел получить от вас совет. Дайте мне в одном простом предложении такую сутру, которую можно было бы применить ко всем жизненным ситуациям и которая смогла бы решать все проблемы жизни — ключ Мастера».

Мудрецы были испуганы, и не на шутку: как составить только одну короткую максиму, которая смогла бы все решить? Они попросили отсрочки. Царь ждал несколько месяцев, после чего сказал:

— Чем вы занимаетесь? Дайте же мне совет!

А тем временем они искали кого-то, кто смог бы им помочь, и нашли суфийского Мастера. И тот суфийский Мастер сказал им:

— Не нужно ничего говорить. Вот совет.

И он написал его на листе бумаги, вложил в медальон и отдал мудрецам. И наказал им передать медальон царю и предупредить его, чтобы тот не открывал медальон до тех пор, пока не почувствует, что без него никак не обойтись. Если он сможет справиться со своими проблемами как-то по-другому, тогда пусть он не пользуется медальоном. Это ключ Мастера. Он очень ценен. Его не подобает использовать для обычных замков, которые можно открыть и по-другому.

Царь был на седьмом небе от счастья. Он так и ждал подходящего случая, но тот так и не подворачивался. А он все ждал и ждал, но, какая бы проблема ни возникала, он думал: «Без него еще можно обойтись. Я способен с этим справиться». А между тем время шло, но ему удавалось справляться с проблемами самостоятельно.

Этот медальон начал его очень интриговать: какой там крылся совет? Но он дал обещание, что не откроет его до тех пор, пока не возникнет вопрос жизни и смерти.

И вот время настало.

Он был наголову разбит властелином соседнего царства. Он бежал в лес, в горы, спасаясь от преследования врагов. И все время слышал за собой стук приближающихся конских копыт, пока, наконец, не подбежал к обрыву — теперь бежать было уже некуда. Он не мог повернуть назад: враги приближались и должны были оказаться здесь в любую секунду. Но если бы он прыгнул, он бы погиб. Царь не мог найти никакого решения. Вот он, этот миг! И царь открыл медальон. А там было написано всего-навсего простое предложение: «И это пройдет».

— Кто этот старикашка, который меня одурачивает? — недоумевал он. — Здесь же ничего нет — а я-то думал, что это и впрямь великий секрет — «И это пройдет».

Но пока он его читал, он вдруг осознал, что кони, вроде бы, ска-

чут куда-то в другую сторону, а не приближаются. Они сбились с пути.

Он свернул бумагу и вложил ее обратно в медальон. Через два дня он был спасен друзьями, и они отвоевали свое царство. И было большое ликование, состоялась церемония, и его с почестями приняли в его столице. Отовсюду бросали цветы — вся дорога была усыпана цветами.

И царь был так счастлив, так воодушевлен, что, казалось, он вот-вот лопнет от счастья. Как вдруг он снова почувствовал себя в опасности: счастья было чересчур уж много. Он снова взглянул на ту сутру, а сутра гласила: «И это пройдет».

И вот когда он явился в свой дворец, он стал выяснять, кто же дал ему этот совет. И он пришел к тому суфийскому Мастеру и был инициирован; он оставил свое царство и сказал:

— Вот человек, который дал мне великий совет — это человек, которому стоит следовать. Я сдаю вам себя. Я понял. Все пройдет, даже эта жизнь, поэтому теперь я ищу то, что не пройдет. Покажите же мне это.

Как только ты отбросишь свое старое имя и старые отождествления, ты в ту же секунду почувствуешь, что ноша упала с твоих плеч. И это не только имя — это само ядро целого прошлого, вокруг которого до сих пор вращалась вся жизнь. Тревоги, проблемы, сложности, камни на сердце — все они сосредоточены в имени. Очень трудно изменить личность, зато очень легко ее отбросить.

Новое имя — это только начало моего вовлечения в тебя. Если ты не можешь расстаться даже со своим именем, с чем еще способна ты расстаться? Смена имени — это не только смена имени, но попытка затронуть твое глубочайшее ядро. Дать тебе имя — значит вовлечься в тебя. Имя не просто ярлык — оно проникает гораздо глубже. Это своего рода психологическое проникновение. И это не только вопрос обретения красивого имени...

Когда имя дается Мастером, оно обладает и кое-каким значением — не только звучанием, но и значением. И в нем содержится послание; оно способно преобразить всю вашу жизнь. Но это только начало великого путешествия. Это семя — оно содержит в себе многое. Если вы затронете его и поможете ему, оно вырастет в большое дерево. И только тогда, когда оно вырастет в большое дерево и расцветет, ты узнаешь весь смысл имени. Оно предназначено не только для того, чтобы им было удобно пользоваться окружающим. Оно должно представлять тебя. Оно должно стать самым стилем твоей жизни.

Яведу речь о новом имени и создаю видимость того, что оно и впрямь обладает грандиозной значимостью, для того, чтобы успокоить твой ум. Побуждаемый этой жадностью, ты отбросишь старое.

А стоит только тебе отбросить старое, как рано или поздно я тебе сообщу, что новое так же бесполезно, как и старое. Пользуйся новым именем, оно необходимо. И, тем не менее, оно произвольно, это лишь навешенный на тебя ярлык. Оно ничего о тебе не говорит — не может сказать, оно не имеет с тобой ничего общего. Ты безбрежна... ты безмерна! А имя лишь маленькая вещь. К тому времени ты сможешь это понять.

Так что иногда мне приходится лгать — мне приходится говорить ложь. А между тем, именно это веками делали будды. Другого пути нет, потому что человек живет в таком море лжи, что только с помощью лжи он может быть вызволен из той мешанины, в которой пребывает. Человеку понятен только язык лжи.

Так, например, вы понимаете язык красивого имени. Оно улучшает самочувствие эго, оно усиливает эго. Ведь у тебя такое великое имя, такая великая возможность, потенциал. И все это подкрепляет эго. Это понятный для вас язык, и мне приходится говорить на том же языке.

Но стоит только вам начать со мной двигаться, как проблемы уже не существуют. Проблема номер один — это заставить вас двигаться. Вы застряли, и если я могу привести вас в движение, пусть даже с помощью сна, я создам для вас сон. И не только об имени, но и о духовных способностях, и о кундалини, о внутреннем свете и чакрах, и расцвете внутреннего лотоса... Все это сны, приманки для того, чтобы вы начали двигаться. А иначе вы не станете двигаться. Вы способны двигаться лишь тогда, когда есть сон, и этот сон побуждает вас к движению.

Но стоит только вам начать движение, как вы узнаете, что настоящее — это само движение, а вовсе не цель. Настоящее — это динамика... настоящее — это текущая энергия, пульсирующая энергия. Дело не в том, что вы где-то там достигаете. Цель — это и не цель вовсе, цель — это само путешествие.

Стоит только вам начать движение, как вы постигнете прелесть путешествия и станете настоящими бродягами — духовными странниками — и совсем забудете о цели. Вы станете говорить: «Путешествие — это так прекрасно — кому придет в голову беспокоиться о цели?»

И тогда вы никуда не будете идти. И где бы вы ни были, вы будете здесь, безмерно наслаждаясь пребыванием здесь. И тогда каждое мгновение будет переживанием вечного, безвременного, неизмеримого.

Все ваше сопротивление исчезнет. А оно есть у каждого, и не нужно из-за него беспокоиться. Но стоит только вам стать готовыми к принятию саньясы, как это будет означать, что вы тем самым уже преодолели большое сопротивление, одно из величайших. И оста-

нется лишь незначительное, куда меньшее, чем это. И стоит только вам стать саньясинами, как я начну вас бить. Пока вы еще не стали саньясинами, я сдерживаюсь! Я подчеркнуто вежлив, весьма любезен, соблазнитель. Но стоит только вам стать саньясинами, как я открою вам свое истинное лицо!

Становясь саньясинами, вы распахиваете новую дверь в свою жизнь, дверь доверия.

Главное, что я вам что-то говорю, и это что-то становится важнее вашего собственного ума — в этом весь смысл саньясы. И если отныне возникнет конфликт между тем, что я говорю, и вашим умом, вы отбросите ум и будете слушать меня.

Это риск. Но если вы то и дело будете прибегать к своему уму, решая делать или не делать то, что я говорю, тогда вы останетесь собой. Вы никуда не войдете. Вы не протянете мне руку, и я не смогу ее взять.

Понятие *prayaga* содержит в себе очень богатый смысл. Мне бы хотелось, чтобы вы вспомнили, что тело — это одна река, а ум — другая. Но это зримые, бросающиеся в глаза реки — поэтому вы можете их видеть. Однако за этими двумя реками скрыта третья, и эта третья река есть ваша реальность. Так что не затеряйтесь в этих двух. Третью необходимо помнить, побуждать, вызывать. В этом смысл саньясы.

Становясь саньясинами, вы совершаете шаг по направлению к этой третьей энергии, что внутри вас.

Выбирая Мастера, вы пытаетесь нащупать невидимое.

Сдаваясь Мастеру, вы сдаетесь своему глубинному ядру.

Грубое сдается тонкому, явленное сдается неявленному, сотворенное сдается несотворенному, время сдается вечности...

Это великий шаг. Бог невидим. Он повсюду, и все же он неосязаем, мы не можем его коснуться. Поэтому вы должны найти Мастера, которого вы можете коснуться, которого вы можете ощутить. Мастер — это перевалочный пункт: он точно такой же, как вы, и в то же время не как вы. Мастер — это тот, кто увидел Бога.

Саньяса означает, что ты настолько близко подходишь к Мастеру, что начинаешь видеть его глазами. Что ты предаешься взаимосвязи с Мастером, соединяя, сливая свою энергию с энергией Мастера. Что ты так держишь Мастера за руку, что он может взять тебя в неведомое, где тебя никогда доселе не было. Но стоит только тебе туда войти, как потребность в Мастере начнет постепенно ослабляться.

Так что саньяса — это именно любовная связь с Мастером, вовлечение, и настоящее чувство приходит тогда, когда ты в нее вступаешь. Это надо испытать.

Ты можешь и дальше ощущать повсюду связь со мною, потому что это вопрос любви. Пространство не имеет значения, время также не имеет значения. Здесь ли ты, в двух шагах, или там, за две мили — не важно. Мы соединены. Что-то присоединилось. Тогда это моя ответственность. Это твоя преданность и моя ответственность. Тогда я о тебе забочусь.

Становись же саньясином! Зачем ты об этом думаешь?

Так что многое должно быть сделано, и, если ты все время об этом помнишь, это может быть сделано быстро. Поэтому не расслабляйся, приняв саньясу. Так поступали миллионы людей во всем мире. Кто-то становился христианином: его окрестят — и он думает, что все сделано. Однако все, что должно быть сделано, должно быть сделано Иисусом Христом. Он Спаситель, и теперь, когда они готовы, он должен их спасти.

А между тем, Спасителя нет. Никто не может тебя спасти, кроме тебя самого. Я могу помочь, но я не могу спасти. Я могу указать путь, но я не могу пройти его за тебя; тебе придется идти самому. Саньяса — это твой жест, говорящий о том, что ты готов меня слушать. А принятие тебя в саньясины — это мой жест, говорящий о том, что я готов указать путь.

И как только ты попадаешься в мою ловушку, она за тобой захлопывается! Тогда ты уже конченный человек. Она становится окончательной точкой в твоей жизни. Мне нечему учить, я здесь только для того, чтобы тебя трансформировать. Учением занимаются те, кто не знает, как трансформировать людей; это жалкая замена. Но как только ты мне позволишь, я начну тебя разрушать и создавать новую личность. Саньяса ничто иное, как твой жест, свидетельствующий о том, что ты готов и не будешь мне мешать. Смысл саньясы в том, что ты теперь говоришь мне «да», ты протягиваешь мне чистый лист — только и всего. И тогда, что бы я на нем ни написал, так и будет!

Отныне, с этого мгновения, вся твоя энергия будет сосредоточена на медитации. Медитация — это чрево, из которого рождается божественное. Никакого другого доказательства бытия Бога не существует; и только медитация даст тебе почувствовать, что Бог повсюду.

Так что, если ты хочешь, чтобы я в двух словах сказал, что такое саньяса, то саньяса — это потеря своей головы. Тебе нечего терять, кроме своей головы.

Итак, ты позволишь мне ее отрубить, а?

Высшая любовь

Саньяса есть не что иное, как такое приближение ко мне, от которого ваше незажженное пламя может зажечься. Достаточно одного только приближения к пламени. И в определенное мгновение пламя переметывается к другому. И вот уже горят два пламени. Но от первого пламени ничего не убывает.

От одного маленького пламени, от одной маленькой свечки вы можете зажечь тысячу.

Наука верит в причину и следствие — это ее фундамент. Если вы нагреете воду до ста градусов, она будет испаряться. Нагревание воды до ста градусов — это причина, а испарение — это следствие, оно последует неизбежно. Таков закон причинности. Каждая наука коренится в законе причинности. Но если бы это был один-единственный закон, тогда не осталось бы никакой возможности для любви, никакой свободы, никакого осознания, ничего божественного. Одним словом, не было бы основы для религии. Религия сделалась бы тогда совершенно бессмысленной — только если не стал бы действовать и какой-то другой закон. Этот второй закон Юнг называет законом синхронности. Значение его не оценимо. Это одна из самых важных его заслуг.

Закон синхронности — это не причинная связь. Что-то происходит, и затем происходит что-то ему соответствующее, и тем не менее, они не связаны друг с другом как причина и следствие. Это странный закон, и все же он существует. Например, если муж и жена действительно любят друг друга, глубоко, всеми фибрами души, тогда вы обнаружите, что между ними случаются некоторые вещи, которые будут доказывать закон синхронности: еще прежде, чем муж что-то скажет, жена уже знает, что он собирается сказать; она знает, что он хочет, она знает, что ему нужно. Любящие начинают обретать определенную внутреннюю связь, которая не является причинной.

Она случается между Мастером и учеником, и она даже еще глубже, чем между любящими, ибо связь Мастер-ученик есть высшая любовная связь.

Ученик сидит рядом с Мастером и постепенно начинает входить в саму мелодию Мастера. Сердце его начинается биться в том же ритме, и в том же ритме он начинает дышать. Это не причинная связь и не может ею быть. Они начинают обретать такую связь, которая вообще не является материальной.

Это самое таинственное явление в существовании — связь Мастер-ученик, таинственная, ибо интеллектуально непостижимая. Ее нельзя логически доказать. Она вообще не логична. Поэтому те, кто становятся саньясинами по логическому убеждению, кто, слушая меня, убедился в том, что я говорю истину, находятся лишь на периферии.

Истинный ученик не имеет ничего общего с тем, что я говорю, но у истинного ученика есть кое-что общее с тем, что я есть. Истинный саньясин влюбляется. И это не вопрос убеждения. Это гораздо большее, что-то намного более таинственное, что-то трансцендентальное, поэтому настоящий ученик не в состоянии объяснить кому бы то ни было другому, что случилось. Все будут думать, что он сошел с ума, что он загипнотизирован, что он не в себе. Причем те, кто

так думают, ничуть не виноваты. Вся вина лежит на ученике: он не в состоянии этого объяснить. Но что ученик может с этим поделать? Виновато само существование.

Есть такие вещи, которые не поддаются объяснению. Есть такие вещи, которые ускользают от всяких рационализаций. И, по сути дела, жизнь начинается лишь тогда, когда вы уже вошли в контакт с чем-то не поддающимся объяснению, истолкованию, определению, доказательству, и все же глубоко внутри сердце ваше говорит, что это так. Оно отменяет все аргументы ума. Оно говорит уму: «Помолчи. Тебе не нужно беспокоиться. Сейчас я столкнулось с чем-то таким, что тебе недоступно». И нет никакой возможности сделать так, чтобы это можно было бы постичь. Это общность.

Саньяса — это истинное ученичество. Это не верование, не убеждение, не принятие определенной философии жизни. Это всеохватывающая любовь — причем любовь совершенно нового качества. Она не имеет ничего общего с вашей так называемой обычной любовью. Разве что один общий признак: в обычной любви также есть что-то непостижимое, но только что-то — очень маленькая толика непостижимого. Но эта любовь совершенно непостижимая. Поэтому те, кто любили, чуть больше способны ее понять.

Именно в этом заключается смысл ученичества: быть настолько открытыми Мастеру, чтобы вы могли принять его любовь, чтобы вы могли принять его богатство, чтобы он мог одарить вас всем, что он имеет.

Вот история из жизни одного великого музыканта из Южной Индии...

Великий музыкант стал очень старым, ему исполнилось сто лет, и у него были тысячи учеников. И вот все они собрались, потому что это мог быть последний день его рождения; надежда на то, что он протянет еще год, была невелика. Поэтому со всех концов страны съехались, привезя с собой много подарков, ценных подарков, ученики, которых он учил музыке — а у него была такая долгая жизнь, что он обучил много прекрасных музыкантов. Все они были знаменитыми музыкантами при том или ином царском дворе. Все они были богаты и уважаемы. И вот, когда они вручали свои подарки, вошел какой-то нищий, который тоже был учеником этого Мастера, однако вместо того, чтобы прославиться, вместо того, чтобы стать знаменитым на всю страну, он остался нищим. Должно быть, то был человек иных ценностей и качеств — бунтарь.

И вот, когда он пришел, все остальные ученики, которые его зна-

ли, принялись расспрашивать его насмешливо, с подковырками: они ведь знали, что он остался нищим... Он никогда не принимал никаких должностей, никогда не брал никаких наград, а только пел, бывало, на улицах, играя на своем ситаре для всех желающих, и никогда не брал ничего, кроме пищи, да и то лишь на один день. Поэтому ему нечего было отдать Мастеру.

И они над ним только насмехались... А он был редкостным музыкантом, все остальные музыканты не шли с ним ни в какое сравнение, и, несмотря на это, он предпочел жизнь бродяги и был несказанно счастлив. Он был ни к чему не привязан и не исполнял ничьих желаний. Он жил как мог — петь и играть, создавать музыку было его радостью, а не бизнесом.

Итак, они спрашивали:

— Так какой же подарок принес ты Мастеру?

А он отвечал:

— У меня есть не много, вернее, у меня ничего нет, и все же я могу кое-что подарить.

Им было любопытно: что же он мог подарить? И они со всех сторон обступили его. Когда же он подошел к Мастеру, он сел у его ног и сказал:

— Вам уже сто лет. И жизнь ваша достойна большего почитания, нежели моя. Мне только пятьдесят лет, но я уверен, что спокойно могу прожить, по крайней мере, еще тридцать лет; и я хочу отдать вам все, что мне отведено на эти годы. Что еще могу я вам предложить? Вот мой подарок.

С этими словами он поклонился Мастеру до земли и умер прямо на месте. Все были шокированы: что случилось? А Мастер прожил после этого еще тридцать лет.

Это синхронность. Это исторический факт, это не притча. Судя по всему, ученик был в глубокой синхронности. Это не причина и следствие. Здесь не может быть никакой причины и следствия. И все же он, судя по всему, был в такой глубокой со-настроенности, в таком глубоком созвучии, согласованности, что одного-единственного мгновения, когда он сказал: «Примите мою жизнь», оказалось достаточно! Он отдал свою жизнь и в то же мгновение умер, умер мгновенно. Не сделав больше ни единого вдоха.

Саньясинка чувствует, что у нее нет достаточного доверия: она боится, что Ошо прогонит ее. И чувствует, что не заслуживает быть здесь, потому что ничего не делает.

Тебе позволено быть здесь не потому, что ты этого заслуживаешь, а потому что я слишком много могу дать, и я должен это как-то отдавать! Так что отбрось эту идею раз и навсегда. Заслуживаешь ты или не заслуживаешь — дело вовсе не в этом. Я слишком много могу отдать — что мне с этим делать? И мне ничего не остается, как отдавать! Я отдаю, потому что я несметно богат.

Сама идея о необходимости заслужить что-то также является идеей эго.

Почему? Ну почему ты рассуждаешь в терминах заслуживания? Ты есть — и этого достаточно. И ты прекрасна такой, какая ты есть.

А между тем эта идея глубоко засела в уме каждого. С самого вашего детства, на протяжении веков ее насаждали все родители, все учителя, все священники: они твердили, что, если ты хочешь, чтобы тебя любили, тебе придется это заслужить. Вот эта идея и цепляется к тебе.

Чтобы обладать моей любовью, тебе ее совсем не нужно заслуживать — достаточно твоего бытия! Ты не обязана что-то делать, тебе не нужно быть достойной ее — все это чепуха. А ведь из-за этой чепухи люди эксплуатировались, ввергались в смятение, уничтожались.

Ты уже то, чем можешь быть — большего не нужно.

Так что тебе остается лишь расслабиться и принять меня. Не рассуждай в терминах заслуживания, иначе ты останешься напряженной. Твоя проблема, твоя неотступная тревога состоит в том, что ты недостойна, что ты не делаешь того-то и того-то, что ты недостаточно сделала, что у тебя недостаточно доверия. Ты воздвигаешь тысячу и одно препятствие.

Даже если у тебя недостаточно доверия — ну и пусть. Пусть будет как есть — стодится и это. Если твоя сдача недостаточна — хорошо, стодится и это!

Я принимаю все твои ограничения, и я люблю тебя со всеми твоими ограничениями.

Я не желаю ни в ком вызывать какую бы то ни было вину. Иначе все это будет трюком вашего ума: вы мне не доверяете — из-за этого вы чувствуете вину, и тогда я начинаю на вас давить: вы недостойны, потому что не делаете того-то и того-то, и тогда я убавлю порцию своей любви к вам. Но в таком случае любовь станет сделкой.

Нет, я люблю вас, потому что я люблю. Даже если вас здесь нет, даже если здесь нет никого, я все равно буду любить, потому что я есть. И любовь моя не является чем-то таким, что можно исчерпать.

Так что подобные вещи меня не волнуют. Просто расслабься и наслаждайся. Ведь из-за этих идей ты постоянно пребываешь в мучениях и страданиях. Отбрось же все это! Если ты мне не доверяешь — очень хорошо! Что ж, мне нужны и такие саньясины, которые мне не доверяют. Это ведь вносит разнообразие. Не так ли?

Что касается моего дела, то здесь должно быть ясно только одно: я не желаю, чтобы кто-то в чем-то чувствовал вину. Я хочу, чтобы человечество было полностью свободно от вины.

А между тем все религии мира делали прямо противоположное: они заставляли людей испытывать очень и очень сильную вину. Они заставляли всех чувствовать себя грешниками. Вот почему мир так несчастен. Обряд, утративший свою музыку, свой танец. Все так угрюмы, и все стало безобразно, оттого что все так виновны. Если ты ешь это — ты виновен, если ты ешь то — ты виновен. Если ты занимаешься любовью с этой женщиной — ты виновен. Если у тебя в голове какие-нибудь революционные идеи — ты виновен. Если твоя сексуальность в чем-то необычна — ты виновен... Есть тысяча и одна ловушка, чтобы сделать тебя виновным.

До тех пор, пока вы себя окончательно не умертвите, вас нельзя будет уважать. Поэтому общество уважает только мертвецов, а живые виновны все до одного.

Мой же подход прямо противоположен, диаметрально противоположен от начала до конца. Мне бы хотелось, чтобы вы испытывали счастье. И что бы вы ни делали, вы приняты!

Саньясинка говорит, что ощущает себя камнем, что она полна ненависти и агрессии. «Я не люблю вас, я никого не люблю!» — говорит она.

Что ж. Очень хорошо!

Нет, это не хорошо.

Я же не прошу, чтобы ты меня любила. Здесь нет проблемы. Если бы я просил тебя, а ты бы не любила, тогда была бы проблема. А я не создаю для тебя никакой проблемы. Такова ты есть! Прими это: что еще можешь ты сделать? Просто расслабься в этом. Ты камень — что ж, камень. Камни — они ведь тоже бывают весьма драгоценными!

Но от этого веет холодом.

Да, драгоценные камни холодны, даже алмазы — и те холодны. Но что ты можешь поделать? Ведь камень не может ни с того ни с сего сделать прыжок и стать цветком; камень останется камнем. Ты можешь или наслаждаться тем, что ты камень, или страдать оттого, что ты камень, но камень останется камнем. И я не вижу здесь никакой проблемы: сколько-то камней необходимо. Мир разнообразен, и

не нужно, чтобы все было одним и тем же — в этом и состоит богатство мира. А ты — прекрасный камень, так что не нужно об этом беспокоиться. Если энергии в один прекрасный день сами собою изменятся — хорошо. Если не изменятся, то к чему тратить время на раздумья о невыполнимых идеях? Наслаждайся этим! Ага? Ты ведь способна этим наслаждаться.

Вы все время просите меня дать вам какую-нибудь идею, чтобы начать бороться с самим собой, а я не собираюсь этого делать. Вы спрашиваете то так, то эдак, но это ведь одно и то же. То, что вы у меня просите — это поддержать в вас некую идею, чтобы дать вам возможность бороться с собою. Вы не можете жить без какого-нибудь конфликта, вы так и стремитесь создать на свою голову страдания, а я не собираюсь вам в этом помогать. Я хочу, чтобы вы были счастливы, а единственный способ быть счастливыми — это быть такими, какие вы есть. Несчастье наступает тогда, когда вы начинаете пытаться быть кем-то другим. Ну и что плохого в том, чтобы быть холодной? Горячим людям нужно несколько холодных людей — это вносит равновесие. Иначе горячие люди просто сгорят. Кто их остудит?

И не нужно думать о подобных вещах: что ты не любишь меня или не любишь никого. Ну и что из того? Это же очень хорошо! Наслаждайся этим — тем, что ты никого не любишь. Это хорошо, потому что ты не попадешь в затруднительное положение. Любовь приносит трудности: чем больше ты любишь, тем больше трудностей — тут тебе и тревога, и муки, и страх отвержения, и то и се. А ты совершенно неподвластна всему этому: никто не может отвергнуть тебя, потому что ты совсем не любишь. Ты покончила с этим миром. Ты же настоящая саньясинка!

Но я упускаю любовь... Я ведь ее упускаю.

Ну и упусти себе на здоровье — что с этим можно поделать? Или найди кого-то, кто будет еще холоднее тебя.

Нужно усвоить одно: кем бы ты ни была, ты есть это, и нет способа быть кем-то другим. В тот день, когда ты это увидишь, исчезнут все страдания. И из самого этого видения в тебе вырастет великое блаженство, и, быть может, тогда станет возможна любовь, и ты растаешь. Как знать. Но ты не можешь этого добиться — это случается. Это будет подарком от Бога, а не чем-то, чем ты манипулируешь.

Так что живи и тем временем наслаждайся! Делай все, что можешь сделать, и наслаждайся. Я вижу: ты превосходно можешь этим наслаждаться. Между прочим, эта идея, что тебе нужно любить, то да се, тоже исходит от других. Эта идея, на самом деле, не твоя: ты видишь, что кто-то любит, а кто-то еще держится с кем-то за руки и обнимается — и уж так они любят друг друга — и у тебя возникает

такое чувство, что ты что-то упускаешь.

А между тем все это лишь твое предположение; это вовсе не является твоим глубочайшим побуждением. Потому что лично я нигде не вижу побуждения — ты прирожденная монахиня!

Тебе будет очень трудно всегда и неизменно оставаться открытой. Иногда ты будешь открытой, а иногда закрытой. И все же здесь не о чем беспокоиться. Это ритм — такой же ритм, как день и ночь. Днем цветы раскрываются, а ночью закрываются, точно так же, как вдох и выдох: ты вдыхаешь, и затем выдыхаешь — поэтому ты не можешь оставаться открытой по двадцать четыре часа в сутки.

Иногда ты окажешься очень близко ко мне, а иногда — очень далеко. Иногда ты будешь подходить все ближе, ближе, ближе, а иногда ты будешь так отдаляться, так отстраняться и так из-за этого огорчаться. Но однажды ты поймешь, что это ритм, естественное явление ума, и тогда здесь не будет проблемы — и ты расслабишься.

Нужно помнить одно: никогда не принимай никакого решения, когда ты находишься в состоянии отрицания. И тогда не придется жалеть.

Решения должны приниматься лишь тогда, когда ты находишься в состоянии утверждения, ага? — точно так же, как ты решаешь днем, а не ночью, когда ты глубоко спишь. Всегда принимай решения, когда ты счастлива, открыта, течешь, и тогда решения будут правильными. В такие мгновения ошибиться невозможно.

Саньясинку огорчает, что для того, чтобы прийти на даршан и быть физически близкой к Ошо, у нее не должно быть никаких запахов, на которые у Ошо аллергия. «Я действительно вас люблю, — говорит она. — Но мне это непонятно».

Если ты меня любишь, ты это поймешь. Только жди. Не я заставлю тебя это понять — сама любовь заставит тебя понять это. Если бы ты меня не любила, тогда мои разъяснения были бы бесполезны, так ведь?

Если ты меня любишь, ты иногда будешь в гневе, ты не можешь только любить. Когда я принимаю твою любовь, я принимаю также твой гнев. Чистая любовь тебе не принадлежит — как же ты можешь мне ее предлагать? Любовь твоя смешана с уродством всех мастей. Когда я инициирую тебя в саньясины, я инициирую тебя со всеми

этимися возможностями: и с твоим гневом, и с твоей ненавистью ко мне, и с твоими мыслями, в которых ты меня не принимаешь, и с этим, и с тем — со всеми возможностями.

Принять ученика — непростая задача, ведь ты принимаешь такой клубок проблем. Ученик никогда не бывает совершенно сладким. Если бы он был совершенно сладким, как бы он мог быть учеником? Он несет в себе много горечи и будет накладывать и проецировать эту горечь на Мастера. Мастер станет экраном, и вы будете проецировать на него все подряд — и хорошее, и плохое. Иногда это будет великим переживанием, и вы вознесетесь на вершины, а иногда вы будете падать в долину отрицания. Но это естественно, в этом нет ничего предосудительного.

В прошлый раз, когда ты уходила, ты уходила с намерением вернуться, а на этот раз ты уходишь и возвращаться не собираешься — и то, и другое истинно. Ни то, ни это не продолжается вечно. Все переходяще. К тому времени, как ты придешь домой, ты можешь снова почувствовать ко мне любовь. И так будет происходить много раз.

Это колесо. Много раз ты будешь приближаться и отдаляться, приближаться и отдаляться. И постепенно ты начнешь видеть всю абсурдность своего ума, и тогда в один прекрасный день ты возьмешь и отбросишь весь свой ум. Но это случится позже.

Когда кто-то впервые становится саньясином, он околдовывается, околдовывается моим присутствием. Но он забывает свою собственную индивидуальность. Это напоминает влюбленность в мужчину или женщину: когда ты влюбляешься, ты не думаешь о своих упущениях, о своих ограничениях; ты просто видишь красоту женщины, не думая о себе. Но если ты начинаешь жить с этой женщиной, все твои упущения, все твои ограничения, весь твой гнев, вся твоя ненависть, ревность и собственничество выходят наружу. И тогда ты удивляешься: куда делась та любовь? Где те прекрасные дни, тот медовый месяц? Все они ушли, и осталось одно лишь расстройство; но ты никогда об этом не думал.

Когда вы влюбляетесь в меня, вы просто думаете обо мне; вы не думаете о себе. И все же рано или поздно вам придется о себе подумать. А если вы о себе не подумаете, то я заставлю вас это сделать. Я отброшу вас обратно к самим себе, и когда вы увидите, кто вы, где вы, все эти вещи неизбежно всплывут и начнут вам досаждать.

Но все хорошо — и это тоже очень хорошо. На этот раз ты движешься в другое настроение. Ну и что? На этот раз ты движешься обратно в ночь, а в прошлый раз ты двигалась в день. Но день прошел, и на подходе ночь, затем снова придет день и снова спустится ночь. И так будет продолжаться до тех пор, пока ты не решишь отбросить всякое настроение и просто быть со мной без всякого разделяющего нас настроения, и не будет ни любви, ни ненависти. И тогда ученик

действительно пришел к Мастеру.

Когда в один прекрасный день ты придешь и сдашь все настроения... и помни: хорошие настроения также придется сдать...

А между тем, что продолжают делать люди? Они продолжают делать одно: положительное хорошо, оно так сладко — и они хотят им обладать; а вот отрицательное горько — и они не хотят им обладать. Однако в этом состоит вся проблема жизни. И так обстоит не только с Мастером — так бывает с кем угодно: вы выбираете одну половину. А кто тогда будет обладать другой? — она ведь попадает в тот же самый карман, и отделить ее невозможно, вам придется выбирать и ее. Если вы вообще делаете выбор, вам придется выбирать и то, и другое. И либо они существуют вместе, либо исчезают, но вам не дано их разделить.

И постепенно вы поймете, в чем дело: сначала ученик проходит через любовь, а затем в один прекрасный день колесо поворачивается, и он начинает ненавидеть, злиться, протестовать и сопротивляться. Пока, наконец, ему не случится осознать, что люди не могут быть связаны любовью, иначе неизбежно появляется ненависть. Тогда ученик оставляет и то, и другое. И тогда между Мастером и учеником ничего не остается — даже любви, потому что даже любовь — препятствие. Ученик просто пребывает в присутствии, без всякого ожидания, без всякого желания. И в этом заключена великая красота.

И в этот день случается настоящая инициация. Потом уже ничего не изменяется; человек пришел к поворотной точке. Это придет и к тебе, если ты умеешь ждать, если ты способна быть терпеливой.

Не понимая, почему ее друг говорит Ошо, что их отношения делают его несчастным, саньясинка отворачивается от Ошо, чтобы посмотреть, что с ним.

Просто смотри на меня... Забудь о нем! Это будет продолжаться дальше...

Любовь продолжает жить лишь тогда, когда она бывает рекой; когда же любовь застывает, она умирает. Любовь живет только в движении, потому что любовь — это танец. Будучи замороженной, она умирает. Любовь заключается во влюблении; она не существительное, она — глагол.

И это происходит во всех видах любовных отношений, в дружбе...

Это может происходить даже в отношениях с Мастером. Медовый месяц может подойти к концу, если вы не понимаете, что нужно

оставаться в потоке, в процессе, текущем как река. А иначе ученик начинает думать, что Мастер от него никуда не денется, а Мастер начинает думать, что ученик от него никуда не денется — и тогда она умирает. Тогда Мастер — это уже не Мастер, а ученик не понимает, что такое любовь.

С настоящим же Мастером любовь всегда течет. С настоящим Мастером она никогда не бывает компромиссом, никогда не бывает договором, никогда не бывает узаконенной — она остается открытой. И никогда не знаешь, что случится дальше — тогда она превращается в великое приключение.

Так что пребывайте в этом приключении, и тогда человек может всю свою жизнь оставаться молодым. И тогда человек умирает молодым; он остается молодым, даже умирая. Ему может быть сто лет, однако дело не в этом: молодость его — это что-то внутреннее. Он остается гибким, эластичным. Он не превращается во что-то иссохшее и омертвелое — соки все еще струятся в нем.

Приводилось много доказательств существования божественного, однако все они могут быть опровергнуты — и они были опровергнуты. Человеку до сих пор не удавалось найти ни одного неопровержимого доказательства. И, тем не менее, в мире было несколько людей, составлявших самую соль земли, существование которых невозможно опровергнуть, присутствие которых невозможно опровергнуть, которые оставляют такой импульс блаженства, что, даже если вы захотите, вы не сможете его отрицать. Вопреки самим себе вам придется признать, что существует нечто превосходящее то, что уже известно.

Именно это нечто превосходящее мы и постараемся здесь передать. Это нечто превосходящее, это качество, XYZ, я называю блаженством.

Отсюда любовная связь между Мастером и учеником. Это просто любовная связь! Это обоюдный приход двух сердец в глубокое доверие, в общность — такую близкую, такую открытую и уязвимую, что пламя одного сердца может перекинуться в другое сердце. И вдруг загорается незажженная свеча, и случается чудо. Это случается внезапно, это совсем не постепенный процесс.

Для удовольствия нужно два человека. Для счастья также требуется двойственность. А для блаженства не нужно двух человек или двойственности — достаточно одного-единственного. Оно случается в глубочайшем одиночестве. Поэтому его называют звуком хлопка одной ладони.

Для удовольствия вам нужен еще кто-то или что-то. Если вы наслаждаетесь едой, вам нужна еда; если вы наслаждаетесь музыкой, вам нужна музыка — вам приходится от чего-то зависеть, а любая зави-

симось ранит. Любая зависимость становится обузой, и ты не можешь простить того человека, от которого начинаешь зависеть.

Вот почему любимые ссорятся. Фундаментальная причина ссоры заключается в том, что они чувствуют, что сажают друг друга в клетку, что они не могут быть счастливы друг без друга. А это ранит. Это «я стал зависимым, рабом» очень ранит. Это как наркотическая зависимость — человек чувствует свое рабство. Но как прикажете быть блаженным в рабстве? И нам приходится искать и отыскивать внутри самих себя то пространство, где блаженство случается независимо от чего бы то ни было, где для того, чтобы оно случилось, ничего не нужно, где оно случается, как наш собственный глубинный источник. Вот почему блаженство несет с собой свободу, истину — чувство безмерного величия и великолепия.

Что касается моего мнения, то вы уже прибыли, однако это должно стать для вас реальностью. Со мной это уже случилось — я вижу вас насквозь — просто вам потребуется некоторое время на то, чтобы вы постигли истину, что вы уже прибыли, что это ваш дом, что поиск окончен, что больше нет нужды искать, что теперь вы можете расслабиться, что теперь вы можете праздновать, что теперь с этого самого момента жизнь будет не работой, а игрой, что вам не нужно думать в терминах цели, что вам дается и так больше, чем нужно, и вы можете отбросить напряжение и тревоги. Вы жили с ними достаточно долго — но вот пришло время, и вы созрели. Однако чтобы истина эта стала вам понятна, потребуется чуть больше времени.

На Востоке говорят, что не ученик находит мастера, а сам Мастер находит ученика... и это абсолютно верно. Ученик не может найти Мастера; ученик даже решать — и то не может. Как же он может определить, кто Мастер, а кто не Мастер?

А между тем, в жизни ученика наступает такое мгновение, когда им овладевает какая-то неведомая энергия, и его тянет в определенном направлении, подчас даже вопреки ему самому, даже вопреки его сопротивлению, беспомощности. И если он действует в согласии, все происходит быстро; а если он сопротивляется, это все-таки происходит, только на этот раз требуется намного больше времени. Но стоит только Мастеру выбрать ученика, как путь назад уже отрезан — это точка, откуда не возвращаются.

Если ученик выбирает Мастера, он может вернуться назад; в один прекрасный день он решает уйти от этого Мастера. Но, на самом деле, ему не ведомо, что такое истина и кто ее достиг, кто ею обладает. Ведь существует тысяча и один человек, которые изображают мистиков, а на самом деле лицемеры. Лицемеры эти весьма речисты — а им приходится быть речистыми, ведь нужно же им как-то выживать в этом мире. Они очень любят утешать и пользуются всевозможными ухищрениями, чтобы заманить людей в капкан.

Ученику очень трудно выбирать. Он еще не здесь — как же он может выбирать? Чтобы выбирать, ему для начала нужно быть. Чтобы видеть, ему для начала нужно осознавать. А ученик слеп. Если бы он смог распознать Мастера, он смог бы распознать самого Бога — это была бы не проблема: ведь распознать Мастера — все равно что распознать Бога.

Ученик ошупью движется в темноте. У него нет опыта света, поэтому даже когда он приходит к просветленному, он не способен видеть, ибо глаза его знают одну только темноту. Им известен разве что язык движения ошупью, язык поиска. Им неведом язык не-поиска, не-разыскивания, язык бытия; они знают только язык становления.

Мастер — это бытие, а ученик пытается стать чем-то. И очень трудно, практически невозможно ученику выбрать Мастера. Это Мастер должен выбирать ученика. И как только ученик выбран Мастером, он уже попал в ту точку, откуда нет возврата, нет пути назад. Ему приходится сталкиваться лицом к лицу с реальностью, входить в нее с каждым днем все глубже и глубже.

Я никогда никого не отвергаю. Вы можете меня отвергать, вы можете меня принимать, но я всегда принимаю вас. Люди спрашивать меня, почему я настаиваю на саньясе. Потому что я вас люблю, и мне хотелось бы с вами кое-чем поделиться, а этим можно поделиться только тогда, когда вы ко мне приблизитесь.

Отбросить это — значит стать такими уязвимыми, такими незащищенными, такими открытыми, что это начинает пугать, и вы снова закрываетесь. И снова цепляетесь за это, потому что вам ничего не известно, кроме этого. И отбрасывание этого походит на смерть.

Это возможно лишь в глубокой любовной связи с Мастером — тогда вы постепенно набираетесь смелости. И по мере роста вашего доверия к Мастеру риск для вас становится возможным. И как только вы готовы рискнуть это, блаженство начинает к вам течь из каждого уголка и закоулка существования.

Быть учеником — в этом весь смысл религии, потому что, благодаря ученичеству, высшее блаженство открывает вам свои тайны.

Страх естественен. И все же не закрывайся! Пусть присутствует страх — все равно оставайся открытым. В этом заключается красота отношений Мастера и ученика, ведь когда ты ученик, ты становишься открытым только своему Мастеру. Уязвимости твоей дается определенное направление — ты не просто открыт.

Вам когда-нибудь доводилось наблюдать за работой гипнотизера? Когда гипнотизер с кем-то работает, он говорит: «Ты полностью загипнотизирован; теперь ты бессознателен, ты погружен в глубокий сон», и человек как будто проваливается в глубокий сон. Если кто-то закричит, он не услышит, но если гипнотизер будет говорить даже

шепотом, он его услышит. Он погружен в глубокий сон для всего мира — за исключением гипнотизера. Между гипнотизером и загипнотизированным остается какая-то маленькая связь.

Точь-в-точь то же самое происходит между Мастером и учеником. Гипнотизеру приходится гипнотизировать — это преднамеренное усилие. Мастер же не предпринимает никаких преднамеренных усилий: гипнотизирует само его бытие. Не то чтобы он вас гипнотизировал — само его бытие гипнотизирует вас.

Поэтому, когда вы начинаете открываться, цветок ваш раскрывается по направлению к Мастеру. Вы видели подсолнух? Он просто раскрывается по направлению к солнцу, и когда солнце движется, цветок тоже движется. Когда солнце на востоке, головка цветка обращена к востоку. А вечером, когда солнце перемещается на запад, головка цветка тоже движется на запад. Когда же солнце заходит за горизонт, цветок закрывается: он открыт только солнцу. Подсолнух — это точный символ ученика.

Вам доводилось наблюдать, как молятся мусульмане? Всякий раз, когда они молятся, они обращены лицом в сторону Мекки — где бы они ни были, в любой точке мира, они кладут поклоны в направлении Мекки. Это очень символично, ведь когда-то там жил их Мастер.

Страх естественен... тут не о чем беспокоиться. Но только не закрывайтесь из-за страха. Когда вы открыты здесь как саньясины, вы открыты мне. Вот почему я так настаиваю на саньясе: я вижу опасность и проблему. Если люди, находящиеся здесь, спрашивают: «Разве мы не можем работать сами по себе, не принимая саньясу?», я отвечаю: «Можете» — потому что они совершенно не могут понять, в чем смысл саньясы. Они могут работать и сами по себе, но если что-то пойдет не так или если они начнут открываться, у них не будет никакого направления. А если у вас нет никакого направления, когда вы становитесь уязвимыми, это очень опасно, потому что в вас может войти все, что угодно. В вас иногда могут входить злые силы.

Если вы не подсолнух и не движетесь постоянно к солнцу, тогда в вас может войти любая злая сила, и все усилия пойдут прахом. Вы попадете в такую беду, что вызволить вас оттуда будет очень трудно.

Но когда вы любите Мастера, то цветок вашего сердца продолжает естественное движение — и вам вовсе не нужно предпринимать каких бы то ни было усилий. Когда бы и где бы вы ни были, вы будете обращены лицом ко мне.

Так что оставайтесь для меня уязвимыми. И становитесь все более и более открытыми.

Каждый ребенок рождается невинным, но прежде, чем он успеет произнести слово, мы начинаем пичкать его ум нашей хитростью. Прежде, чем сердце его откроется, мы отводим его энергию от серд-

ца к голове — а голова никогда не бывает невинной, она вечно рассчитывает, хитрит.

Сердце всегда невинно, поэтому с божественным может быть связано только сердце, но не голова. Голова хороша на рынке, но не в храме. И тем не менее, люди с явным преобладанием головы властвуют и в храмах. Человек совсем забыл свое сердце, свою сердечную полноту, свою невинность, свою чистоту.

Все мои усилия направлены на то, чтобы вновь дать вам ту самую невинность, которая была у вас еще до того, как общество вторглось в вас и исковеркало все ваше внутреннее существо и природу.

Саньяса — это не попытка достичь какой-то цели, — напротив: это новое вхождение в источник.

Вам поможет не то, что я вам говорю, вам поможет то, что я есть. И не мои слова каким-то образом могут вас освободить. Слова всегда создают новые ограничения, потому что ум тут же сводит их к знанию. Даже если слова исходят от бессловесного, то как только ум их ухватывает, он в ту же секунду их убивает. Он сводит их к мертвому знанию, он скапливает их, словно сокровища.

Только бытие может проникнуть в бытие... только сердце может вести диалог с сердцем, и этот диалог — диалог не слов, а молчания, любви, молитвы.

Так что будьте здесь исполнены молитвой. И чем больше вы исполнены молитвой, тем вернее выберетесь вы из этих сомнений. Будьте же здесь в большем доверии. Ибо маленькие сомнения в уме заслоняют путь к сердцу, к тому же сомнения эти совершенно бессмысленны. А между тем ум весьма и весьма изощрен в фабриковке сомнений; он хватается за малейшую возможность. Где практически невозможно найти ничего сомнительного, он и там умудряется что-то находить. А если он не может ничего найти, он создает это сам; если и создать он этого не может, он это проецирует. А если он не может найти, не может проецировать, он приходит в ярость. Но все это образует дым вокруг пламени вашего бытия.

Когда я говорю: «Будьте исполнены молитвой, будьте доверчивы», я имею в виду вот что: в течение этих нескольких недель, покуда вы находитесь здесь, живите без ума. Станьте снова маленькими детьми, собирающими на морском берегу камешки — не ради какой-то другой цели, а так, просто из чистого удовольствия. Я — берег.. и невозможное возможно! Но это возможно лишь для тех, кто приближается ко мне без всяких других мотивов, без всякой другой цели.

Логика очень нетерпелива. Логика хочет всего, да побыстрее, так как время стремительно летит, жизнь ускользает из наших рук, и в дверь стучится смерть, поэтому все должно уподобиться растворимому кофе.

Медитация тоже должна быть немедленной. Но медитация не может быть немедленной. Кофе может, а медитация не может. И хорошо, что не может. Если бы она могла быть немедленной, она тогда продавалась бы на рынке. Вы тогда смогли бы приобрести ее разных цветов, размеров и форм. Она фабриковалась бы тогда, как трансцендентальная медитация. ТМ — это теперь фабричная марка. Даже само слово ТМ обеспечено авторским правом, запатентовано; его никто не может употреблять. Как будто это какой-то товар.

Медитация — это не товар.

Поэтому начало саньясы должно быть таким: перенаправление ума, расчета, хитрости, логики, нетерпения к любовной связи. Если саньяса будет любовной связью, только тогда и сможет все происходить. Тогда вы будете действовать совершенно иначе. Тогда появится бесконечная готовность ждать. И — о чудо: тот, кто может ждать вечно, может получить это прямо сейчас. А тот, кто хочет получить это сейчас, быть может, обречен на вечное ожидание. Нетерпение — это препятствие. Терпение же — поддержка, пища.

Любовь способна ждать — одна только любовь и способна ждать. Одна только любовь и способна надеяться, одна только любовь и способна доверять. Любовь обладает всеми выдающимися качествами, которые необходимы для роста: медитативностью, осознанием, молчанием.

Инициация в саньясу есть инициация в высшую любовную связь, которая только существует в этой жизни.

Саньясин говорит, что он пытался убежать от Ошо несколько раз.

Это хороший знак. Любящие меня всегда доверяют мне. Однако выхода нет: чем больше вы доверяете, тем крепче вы будете схвачены. От любви никогда нельзя убежать — это невозможно; такого просто никогда не бывает. Если вы любите, как вы можете убежать?

Я знаю: когда бывает любовь, возникает страх — сильный страх охватывает все существо: ведь вы же начинаете терять свою индивидуальность, свое эго, свои очертания. Любовь — это неминуемое убийство. Отсюда недобрые предчувствия. И вы пытаетесь себя защитить — это естественно. На то и дан инстинкт, чтобы защищаться.

Правда, когда вы пытаетесь уйти прочь, вы обнаруживаете, что это невозможно, так как теперь вы видите, что даже если и сохраните свое эго, оно вам будет ни к чему. Смерть в любви лучше жизни без любви. Смерть в любви лучше смеха без любви. И даже лучше быть в аду, но в любви, чем быть в раю без любви. Однажды вкусив любовь, ты становишься наркоманом. Я делаю из вас наркоманов. А лекарств

от этого до сих пор не существует, противоядия не существует.

И не существует пути назад. Если бы в вас сидел один только страх и не было бы любви, я бы посоветовал вам вернуться назад, потому что это было бы напрасным беспокойством — зачем же идти на риск? Но если есть любовь, тогда пути назад нет. Любовь не знает пути назад. Она движется вперед, вопреки всем трудностям она движется вперед. Она никогда не раскаивается. И что бы ни случилось, это хорошо, потому что хороша любовь. Страх будет подкрадываться только на границе. Но глубоко в сердце воцарится любовь; страх же будет подкрадываться только на периферии. И если я замечаю у кого-то страх в самом его ядре, тогда я помогаю ему отойти прочь, ибо он будет напрасно жить в мучениях; и пребывание здесь было бы для него каким-то мазохизмом.

Я здесь для того, чтобы направлять вас к трансформации. Я здесь вовсе не для того, чтобы стать вашим мучителем; в мучении нет ценности. И все же я не говорю, что в трансформации отсутствует боль. Боль как таковая не имеет ценности, но когда боль служит трансформации, ценность ее неизмерима. Поэтому в самом ядре вашего сердца существует любовь, так же, как на периферии существует подкрадывающийся страх. Это вполне естественно — примите же и это.

Саньясинка говорит, что вот уже год, как она избегает Ошо.

Что-то должно произойти, вот ум и боится. Ум никогда не боится без всякой реальной причины. Поэтому люди, которые меня избегают — это те люди, которым предстоит быть трансформированными мною. Они пытаются бежать, они пытаются воздвигать препятствия, преграды, потому что боятся. Они знают: если они подойдут поближе, то неминуемо появится та точка, из которой уже не будет возврата. И сам этот страх служит им защитой. Те, кто пытаются меня избегать — это мои люди. Так что это хороший показатель; здесь не о чем беспокоиться, ага?

Я ваш пастух (посмеивается). Вы можете избегать меня, вы можете бежать — а я все равно вас отыщу! И чем больше будете вы пытаться меня избегать, тем больше будете вы чувствовать притяжение. Потому что есть вещи, которых избежать невозможно. Невозможно избежать любовной связи, а это — любовная связь. И чем больше будете вы пытаться меня избегать, тем больше будете вы чувствовать притяжение. Потому что есть вещи, которых избежать невозможно. Невозможно избежать любовной связи, а это — любовная связь. И чем больше будете вы пытаться убежать, тем больше вы будете

чувствовать влечение. Мое присутствие станет вас преследовать, и я последую за вами, куда бы вы ни шли.

От меня убежать легко, но как вы убежите от собственного влечения ко мне? Оно же внутри вас. Поэтому, куда бы вы ни пошли, вы будете носить его с собою. Вы станете все больше и больше его созавать, потому что из-за постоянного избегания ваш ум станет все больше на нем сосредотачиваться.

Гипнотизеры ведут речь о некоем законе, весьма характерном для человеческого ума; они называют его законом обратного эффекта. Если вы пытаетесь чего-то избегать, вы неизбежно в это вовлечетесь — таков закон обратного эффекта. Если вы избегаете и не хотите чего-то видеть, вы будете лицезреть это снова, снова и снова.

Но это ведь естественно, ага? Это случается, и здесь не о чем беспокоиться!

Дева означает «божественное», «сварно» означает «золото» — божественное золото. Человек находится в сыром состоянии, и многое должно быть преобразено, прежде чем он действительно достигнет своего назначения. Человек — это золото, которое еще не прошло очистки огнем. И до тех пор, пока оно не будет очищено, в глубине его души так и останется неутолимая страсть, испепеляющая жажда, неистребимый голод, потому что человек никогда не сможет ощутить себя дома до тех пор, пока он не придет к своей собственной истинной природе.

Золото просто представляет его истинную природу, высочайшее — оно символично. К нему примешано много грязи, но даже если золото находится в самой глубине грязи, оно остается золотом. Но желание избавиться от всего чужеродного, избавиться от всего, что не есть подлинная сущность, естественно. Однако, чтобы избавиться от неподлинного, придется пройти через мучительную боль, всенарастающую боль. Поэтому я употребляю слово «огонь».

Путешествие это не легкое, путешествие это тяжелое, потому что многое из того, что было возвращено, что возвращалось, быть может, несколько жизней подряд, приходится отбрасывать. И отбросить это — значит стать бедным, стать нищим. Именно это имеет в виду Иисус Христос, когда говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Быть нищим духом — это и есть огонь.

Человек жил с грандиозными идеями, взглядами и знаниями, и он привязался к ним, потому что это было все, что он имел. Однако, чтобы вступить на путь чистоты, на путь трансформации, необходимо отбросить весь этот мусор. Я ничего не даю вам, потому что вы не нуждаетесь ни в чем, что дается извне. То, что вам нужно, уже есть — оно уже состоялось, но мне придется отобрать у вас много того, что не является вашей природой.

Поэтому работа Мастера, на самом деле, заключается не в том, чтобы дать что-то ученику, а в том, чтобы отобрать у него все, что он имеет, и оставить его совсем нищим духом. Это и есть путешествие со всеми своими трудностями. Когда ученик приходит к Мастеру, он приходит в надежде что-то получить, но настоящий Мастер ни в коем случае не оправдает этих надежд.

Только псевдомастер дает вам утешение; настоящий же Мастер дает вам огонь. Только псевдомастер дает вам что-то: знание, мудрость, просветление. Настоящий же Мастер знает, что вам ничего нельзя дать, и прежде всего потому, что у вас уже есть все то, в чем вы нуждаетесь. Оно завалено громадной кучей мусора, и этот мусор должен быть убран. И все же вы очень долго взращивали этот мусор, оберегали его, как сокровище, поэтому когда его убирают, это причиняет боль, это оставляет раны.

И хочется убежать от настоящего Мастера. Хочется убежать тысячу и один раз. Тысячу и один раз человек разочаровывается в настоящем Мастере, потому что он по сути своей никогда не исполняет ваших желаний.

Вы приходите с одной идеей, а у него другие соображения насчет того, как надо поступать. Он не будет соответствовать вашим представлениям о настоящем Мастере, он будет сокрушать все ваши идеи. Когда ученик приходит к Мастеру, у него имеется множество представлений о том, каким подобает быть просветленному. Но вы не можете приручить Бога — вы не можете приручить настоящего просветленного, нет способа сделать это. Он так и останется диким. Поэтому он неизбежно должен обманывать ваши желания, не оправдывать ваших ожиданий, разрушать ваши представления о настоящем Мастере. Он суров, и только очень смелые остаются надолго, чтобы преобразиться.

Я вам это говорю, потому что это случается с каждым учеником. Это случится и с вами: возникает тысяча и одно сомнение. Мастер и в самом деле не оставляет практически никакой возможности для доверия, но, если вы, несмотря на это, доверяете, тогда доверие работает. Оно работает только тогда. А если Мастер делает доверие легким и вполне возможным, если соответствует вашим представлениям о том, каким подобает быть Мастеру, тогда доверие дешево, очень дешево... и бессмысленно.

Так что это обещает быть действительно великой трансформацией. Саньяса — это алхимия, поэтому я даю тебе имя Сварно. Неблагородный металл должен быть трансформирован в благородный — золото.

Майя говорит, что единственное ее желание — это взаимоотношения с Ошо. «Что я чувствую по отношению к вам... не знаю, — продолжает она. — Я никак не могу этого постичь».

Ты не можешь этого постичь — никто не может этого постичь.

Но это делает меня такой незащищенной.

Любовь всегда заставляет чувствовать незащищенность.

Но я же вас не знаю!

И не нужно знать. Ты только продолжай любить, а познание случится само по себе. Любовь — вот реальный способ познания. Другого способа познать не существует. Если ты будешь пытаться познать прежде, чем вступить в отношения любви, ты никогда не вступишь ни в какие отношения. Ибо знание невозможно, знает одна только любовь. Но в таком случае возникает проблема: прежде чем познать, тебе придется сделать прыжок. Правда, теперь тебе не нужно бояться, ты уже сделала прыжок. И теперь уж нет пути назад.

Но я сопротивляюсь этому, у меня часто бывает такое чувство, что я этому сопротивляюсь.

Все пытаются сопротивляться... все еще пытаются.

(Слезы, которые она до сих пор сдерживала, теперь текут по ее лицу, когда Ошо предлагает ей войти в свою энергию).

Хорошо, Майя... очень хорошо!

Произойдет что-то великое. И тебе не нужно этого постигать — я ведь это уже постиг (смеется).

Чем ты занимаешься?

Работаю в булочной.

Вот и прекрасно. Работай в булочной!

У нас там висит ваш большой портрет.

Хорошо... это хорошо, Майя!

Женщина, надумавшая было принять саньясу, боится, что она не всегда сможет надевать оранжевую одежду, например, на свою свадьбу.

Тогда повремени с этим. Никакая преданность не должна быть половинчатой. Предавшись мне однажды, ты предаешься всем своим сердцем. И тогда не бывает никаких проблем в отношении будущего, того, что случится, и что ты будешь делать. Это мгновение самодостаточно; не беспокойся о следующем мгновении. Кто может сказать, что случится в следующее мгновение? Ведь следующее мгновение рождается из этого.

Если ты будешь со мной глубоко двигаться, вся твоя жизнь, все твое будущее станет совершенно другим. Уже сама эта преданность вызовет такую перемену, такую прямо-таки драматичную, радикальную перемену, что ты сможешь полюбить, но ты сможешь полюбить кого-то другого, а не того, кого ты любила до тех пор, как мне предалась. Изменится все твое понимание, весь твой подход, все твое видение жизни. И скорее всего, ты полюбишь саньясина.

Женщина спрашивает, почему она должна носить оранжевое.

Не в этом вопрос. Это лишь моя прихоть. Странность.

Она говорит, что не знает, что говорить, когда ее спрашивают об этом.

Просто посмотри, что я говорю. Я ничего не объясняю. Я говорю, что я странный. Ты можешь сказать, что сделалась с этим человеком сумасшедшей, что этот человек проявляет большую странность в отношении оранжевого.

Не все в жизни нужно объяснять. Мы не обязаны все всем объяснять. Можно оставаться и необъяснимыми. Все глубокое всегда необъяснимо. То, что ты можешь объяснить, будет очень поверхностным. Есть такие вещи, которые ты не можешь объяснить.

Если ты любишь человека, разве ты можешь объяснить, как ты его полюбила? Какой бы ты ни давала ответ, он покажется глупым: из-за его носа, из-за его лица, из-за его голоса... создается такое впечатление, что об этих вещах упоминать не стоило. И все-таки в этом человеке что-то есть. В нем может быть и это, но в нем есть что-то большее, что-то большее, чем все это, вместе взятое.

Так что, если ты меня полюбишь и у меня будут кое-какие странности, то тебе придется из-за них страдать.

Есть одна суфийская история о Джалалуддине Руми...

Любящий пришел к дому своей возлюбленной. Он стучится в дверь, а возлюбленная спрашивает:

— Кто там? Кто стучит?

— Это я, — отвечает он. — Ты что, меня не узнала?

Затем следует тишина и раздается ответ:

— Этот дом слишком мал. Он не может вместить сразу нас двоих.

Это будет очень трудно. Уходи, и когда ты будешь готов, возвращайся опять.

Сбитый с толку и в крайнем замешательстве, любящий уходит в пустыню и медитирует над тем, что произошло и почему его отвергли. И вот постепенно до него начинает доходить, в чем дело. Тогда он возвращается назад. Снова стучится в ту же дверь, и ему задают тот же вопрос:

— Кто там? Кто стучит?

— Здесь никого нет, — отвечает он. — Есть только ты.

И вдруг дверь внезапно распахивается.

Мы живем в каком-то сне, нам нужно определенное пробуждение, и работа Мастера заключается вот в чем: так ударить ученика, чтобы тот пробудился. И уж, конечно, Мастер должен быть беспощаден, он должен быть беспощаден из сострадания. Он должен больно бить по голове: один хороший удар по голове — и человек пробуждается.

Все методы медитации есть не что иное, как определенные способы удара по самому источнику вашей сонливости. Но стоит только вам начать пробуждаться, как и толики пробуждения окажется достаточно, чтобы напомнить вам о забытом вами. И тогда не будет проблем. Тогда вы сможете работать самостоятельно, доискиваясь внутри, куда вы это дели и как вы об этом забыли.

Чтобы пробудиться и выйти из своих снов, нужно лишь небольшое усилие. И пользу может принести все что угодно. Иногда приходит на помощь даже случай: вы на одно-единственное мгновение теряете свою сонливость, и вдруг все припоминается.

Человек продолжает ударяться головой о множество вещей, ибо не знает, какой удар, из какого источника принесет пользу. Вы можете снова и снова ударяться об один и тот же столб, и неизвестно, какой это столб: девяносто девятый или сотый... и все же появляется такая точка, где случается припоминание. Иногда оно может случиться и с первого удара — все зависит от толщины сонливости, от ее плотности. У людей бывают разные уровни в зависимости от ха-

рактера их обусловленности. Каждый ребенок обусловлен по-своему, и поэтому каждый ребенок нуждается в определенном ударе.

Быть с Мастером возможно только в том случае, если ты безмерно любишь, потому что Мастер станет наносить тебе удары. Пока ты не доверяешь, ты никому не позволяешь себя ударить. Тебе поневоле приходится доверять хирургу, ведь ты же будешь лежать на столе под наркозом, и кто знает, что там на уме у хирурга?

Чтобы быть с Мастером, нужно понимать, что любовь дороже самой жизни. Отношения между Мастером и учеником — это любовные отношения, это высочайший пик доверия, потому что это самая серьезная операция. Больше операции, чем эта, не существует. Трансформироваться должна вся ваша жизнь. И это возможно, нужно только это позволить.

Многое уже произошло, и гораздо большему предстоит еще произойти. Это превосходит всякое воображение, вы и мечтать об этом не можете. Когда это случается, только тогда вы и узнаете, что это возможно, что это было возможно. Существует гораздо большее, которое вы и представить себе не можете, о котором вы и помыслить себе не можете даже в своих самых смелых мечтах.

Жизнь — это такая удивительная тайна; она не исчерпывается нашими желаниями, наши желания крайне мизерны и ничтожны. Мы желаем бессмысленных вещей, в то время как нас ждут великие, исполненные смысла переживания. Только попросите о них — и они уже ваши. Проблема в том, однако, что мы не в состоянии их себе представить — как же мы можем их желать?

В этом заключается вся цель пребывания с Мастером, который может видеть то, что вы не можете себе представить и который может начать вам помогать двигаться в тех направлениях, в которых вы сами никогда не двигались. И Мастеру приходится вас прямо-таки силой волочить, так как вы зачастую не желаете двигаться, а, как правило, стремитесь двигаться в прямо противоположном направлении. И это естественно, ведь вы же не способны видеть — так зачем вы должны устремляться в этом направлении: вы же ничего здесь не видите. Все скрыто, и вам хочется двигаться в определенном направлении, где вы хоть что-то можете видеть.

Мастер необходим, необходимо великое доверие, чтобы вы могли двигаться в таком направлении, от которого не знаешь, что ожидать. И вы движетесь из одного только доверия, но стоит только вам начать движение, как все станет случаться, и тогда вы узнаете. Тогда станет возможным большее доверие, а вместе с ним и больше нового опыта. И путешествие это бесконечно: оно только начинается, оно никогда не прекращается.

Азы отпущения

Я здесь для того, чтобы дать вам свободу. Поэтому, когда я говорю о сдаче, я не имею в виду, что вам предстоит стать моими последователями. Даже слово это — и то не подходяще. Каждый, кто в меня влюбляется, становится моим другом — но не последователем. Потому что я не призываю подражать мне и не призываю быть такими, как я, я не даю вам никакого идеала, которому вы должны следовать, и не даю вам никакой идеологии... я просто освобождаю вас от всех идеологий и от всех идеалов — освобождаю от всех обусловленностей.

Вы сдаете эго, а я возвращаю вам вашу свободу.

Саньяса — это просто сдача, отпускание, жест, говорящий: «Я готов, я не буду колебаться, не буду сопротивляться, не буду с вами бороться» — только и всего... ибо на сопротивление лишь попусту тратится время. Это как в том случае, когда вы приходите к хирургу и начинаете с ним бороться. А он собирается делать вам операцию! Но вы начинаете применять приемы карате и что-нибудь еще в этом духе — как же в таком случае может быть сделана операция? Вот почему хирург первым делом должен дать вам хлороформ!

Я не даю хлороформа, и тем не менее это операция, и здесь требуется все ваше приятие. Вот что такое саньяса: это не обряд, это глубокий, исполненный смысла жест. Как только я вижу, что кто-то говорит «да», я тут же получаю возможность приступить к операции. А это величайшая операция: перенаправление вашей энергии от головы к сердцу, ибо это идет вразрез со всей вашей обусловленностью, образованием, культурой, религией, но до тех пор, пока ваше сердце снова не оживет и не будет биться в музыке любви, вы никогда не сумеете признать ничего значительного.

Посетитель: У меня вопрос о сдаче...

Гм... Задайте мне свой вопрос.

Хорошо, до какой степени можно сдать... известно ли это вам? Я имею в виду, что можно сдать чему угодно и просто лежать себе где-то там. Что вы имеете в виду, когда призываете сдать?

А ты ничему не сдаешься — ты просто отбрасываешь свое эго — только и всего. И больше ничего не сдается.

Но как мне узнать, что же это такое?

Сдавшись... ага? — потому что это единственный способ узнать, что это такое. Если ты спросишь меня, какой на вкус чай, я скажу...

(со смехом) Попробуй его!

...попробуй его! А что еще могу я сказать? Нет способа определить вкус чая — такую простую вещь — тебе необходимо попробовать его. Пусть сдача будет твоей чашкой чая — попробуй же ее!

Сдавшись, узнаешь, что такое сдача, полюбив, узнаешь, что такое любовь. Другого способа не существует! Нет никакой возможности понять интеллектуально — только экзистенциально. Это то же, как если бы ты не любил и обратился к кому-то: «Прежде, чем полюбить, я желал бы узнать, что такое любовь...» Как это можно объяс-

нить?

Сдача — это любовь, величайшая любовь, которая только существует.

Сдача — это, на самом деле, неправильное слово. У нас на санскрите есть подходящее слово — «самарпан». Оно означает предложение себя в глубокой любви и доверии. Слово «сдача» безобразно. Оно употребляется по отношению к войне. Адольф Гитлер сдался, Германия сдалась, Япония сдалась. Это вид поражения.

А санскритское «самарпан» — это не поражение. Это великое мгновение радости — оттого, что человек предложил себя. Это посвящение. Если в вас появляется хоть небольшое осознание того, что кто-то немного вас опередил, вы предлагаете себя, вы говорите: «Возьми меня за руку» — вот и все. А все остальное постепенно придет само собою.

Это не какое-то бездейтельное лежание под деревом — вы останетесь теми же. Нет! Только одно будет пропущено — и это одно — понятие эго. Когда вы отбрасываете эго, ваша индивидуальность не затушевывается. На самом деле, когда вы его отбрасываете, в вас будет больше индивидуальности.

Саньяса означает устранение вашего эго, в результате чего вы обретаете способность понимания. Саньяса в основе своей есть сдача целому.

Мастер — это всего лишь предлог. Вы сдаетесь Мастеру, потому что вы не способны непосредственно общаться с такой громадной вселенной. Вы нуждаетесь в некоем маленьком окошке, через которое можно смотреть на небо. Открытое небо пугает, нагоняет ужас, но стоит только вам посмотреть в окно, как звездные указатели вовлекают вас в вечное путешествие.

Мастер — это только окно, окно к Богу. Вот почему мы на Востоке поклонялись Мастеру как богу — по той простой причине, что он открывает маленькую дверцу, через которую вы можете войти в целое. В обществе Мастера вы обучаетесь искусству сдачи, что в конечном итоге вам предстоит проделать по отношению к целому.

Это похоже на тот случай, когда вы учитесь плавать: сначала вы учитесь на мели, совсем рядом с берегом. Вы не можете сразу погрузиться в глубокие воды. Но стоит только вам научиться плавать, как вы уже отваживаетесь на все большие и большие глубины. И потом в один прекрасный день вы узнаете, как надо плавать — и тогда уже не имеет значения, какая это глубина: в одну милю или в пять миль. Это не имеет значения; это одно и то же, это вообще не имеет никакого значения.

Мастер — это как раз берег, берег, где вы без всякого страха можете обучаться основам искусства сдачи — и тогда начинается путе-

шествие.

Постепенно вы будете обучаться, как все больше и больше приближаться к вечности и бесконечности без всякого страха. На самом деле, когда человек сдается, эго исчезает, и вместе с эго исчезает весь страх.

Саньяса означает сдачу — сначала Мастеру, а затем через Мастера целому. Но необходимо помнить, что нужно достичь целого. Река должна достичь океана. Только когда река исчезает в океане и теряет свое тождество, она приходит домой.

Именно в сдаче, и исключительно в сдаче вы узнаете, кто вы такие; в остальных же случаях люди по-прежнему верят в свое эго. Сдача означает сдачу эго, псевдосамости. И когда сдается псевдосамость, на поверхности появляется реальное. Открытие реального, сдача — это существенный процесс, сдача всего, что ложно. А эго — это самое ложное из всего существующего.

Это самая большая иллюзия. Оно существует лишь в наших головах, и больше нигде. Это даже не тень, так как для тени нужна хоть какая-то субстанция, тень непременно должна быть тенью чего-то. А эго — это всего-навсего ложная идея, насаждаемая обществом. Но, несмотря на это, в нее можно верить. А если вы в нее верите, она становится реальностью — по крайней мере, для вас. Вы можете сломать всю свою жизнь, служа чему-то вообще не существующему. Причем об этом начинаешь узнавать лишь тогда, когда смерть уже стучится в дверь. Но когда уже становится слишком поздно.

 отношения между Мастером и учеником — это самые близкие отношения. Даже любовники — и те не так близки, не могут быть так близки, потому что даже любовники ограничены своими эго, и эти эго вечно пребывают в конфликте, вечно в раздоре. Одно эго все время пытается господствовать над другим, отсюда, естественно, конфликт.

А эти отношения — единственные из всех возможных в мире отношений, в которых случается добровольная сдача, в которых над вами никто не господствует, но вы сами же и прекратили борьбу. Вы перестали защищаться из любви и доверия. Из любви и доверия вы увидели, что другой — это не враг, и потому нет нужды бороться. А когда борьба исчезает, энергия, что была в нее вовлечена, высвобождается и дает пищу душе, питает душу.

Когда нет ни любви, ни ненависти, тогда есть полная сдача. Любовь не может быть полной сдачей, потому что в глубине любви заключена ненависть. Это палка о двух концах — ненависть всегда ей внутренне присуща.

Когда вы кому-то сдаетесь, то этот кто-то не может заточить вас в тюрьму, и сама опасность превращения собственного эго в вашу тюрьму исчезает. Когда вы мне сдаетесь, вы на самом деле сдаетесь не мне — потому что меня здесь нет. И я не получаю от вашей сдачи никакого удовольствия. Сдаетесь вы или нет, для меня не имеет значения. Когда вы мне сдаетесь, вы, на самом деле, сдаете самих себя — вы не сдаетесь мне. Вы просто сдаете ваше эго. А я только предлог, средство.

Вам было бы трудно пойти и сдаться реке, или небу, или там звездам — вы будете выглядеть как-то глуповато. Вот я и претендую на пребывание здесь (смеется) с единственной целью — помочь вам не чувствовать себя глуповатыми и суметь куда-то пристроить свое эго. Здесь нет никого, кто его получает, и никого, кто испытывает от этого счастье, и тем не менее это помогает.

Будда обычно называл подобные вещи средствами, упайей. Это всего-навсего упайя, средство для тех, кто не может устранить свое эго до тех пор, пока они не найдут какие-нибудь стопы, к которым они могут его возложить. И я допускаю вас к своим стопам.

Однако внутри никого нет.

Эго создает всевозможные затруднения. Эго станет приводить аргументы, чтобы убедить вас, что это неправильно, что вы утратите свою независимость, то и се... Но у вас и так нет никакой независимости, у вас и так нет свободы!

Вы сдались своему же эго. Вы сдались идее, что вы кто-то. И теперь одна только эта идея — что вы кто-то — должна будет сдаваться в саньясе. Саньясин — это никто. Саньясин принимает, что он никто, что он больше не продлевает путешествия эго, что он уже отбросил эго, что он больше не амбициозен, что он хочет жить простой, обычной жизнью, что он просто хочет жить.

А я всего лишь повод для того, чтобы помочь вам отбросить ваше эго. Дело обстоит не так, что вы мне сдаетесь. Что я буду делать со столькими эго? Это же будет ненужный хлам! — ага? Вы избавляетесь от него, вы бросаете его в меня... что же мне с ним делать? Это всего лишь предлог. Когда вы сдаетесь, я ничего не получаю, ко мне ничего не поступает. Но из-за того, что вы меня любите, вы можете пойти на риск сдачи.

В один прекрасный день вы поймете, что вы не сдались — это только эго исчезло под названием сдачи. И благодаря сдаче вы впервые становитесь самими собой.

Я здесь для того, чтобы отдать вам вас самих.

Перед вами человек, который не принадлежит никакой традиции. Перед вами человек, который не следует никакому определенному пути. На самом деле, у меня нет философии, нет идеологии. Я аб-

солютно открыт. Я смотрю на вас и говорю вам все, что вам необходимо. И меня не волнует, противоречит ли это моим же собственным утверждениям или нет. Я занят исключительно вами и вашим благом. Я могу не говорить того же самого кому-то другому, потому что у него могут быть другие потребности.

Поэтому когда люди приходят ко мне в первый раз, они неизбежно начинают запутываться, потому что я огромен. Я легко двигаюсь по любым путям человеческого сознания, я использую все возможности. И продолжаю что-то изобретать — все, что необходимо. И все-таки я исхожу из того, что главное — это сам человек, ищущий — а все остальное не важно. У меня нет никаких устоявшихся идеологий, которые я мог бы вам дать, у меня нет структуры. Я не собираюсь втискивать вас в какую бы то ни было структуру. Я просто слушаю вас, ваше сердце, и создаю структуру для вас. Дело в том, что каждому необходимо что-то уникальное. И никакая система не в силах помочь.

Так что сначала человек, находящийся со мной, глубоко и основательно запутывается, однако это хороший знак. Если вы запутываетесь, это значит, что я уже начал над вами работать. Это значит, что я сейчас что-то рассортировываю. И чтобы все это рассортировать, вы должны будете со мной сотрудничать.

Беспокойство возникает тогда, когда ты деятель. Когда же ты только средство, беспокойства не бывает. К тому же, будучи деятелем, ты быстро утомляешься. И если давление будет чересчур сильным, ты сойдешь с ума. А если ты недеятель, никто не сможет тебя истощить. Недеятель никогда не бывает истощенным, он бесконечен — ибо недеятель соединен с бесконечным.

Как только ты решаешь быть не деятелем, а лишь инструментом, в это мгновение — в это самое мгновение сдачи — ты соединяешься с источником, и тогда не возникает проблем. Ты многое будешь делать — делать и забывать. Ты не будешь нести груз прошлого, и эго не появится. Эго — это убийственная вещь, яд. Так что оставь его мне.

Вот почему я так настоятельно учу сдачу. Люди, которые меня сейчас окружают, не подозревают о том, чему предстоит произойти. Я готовлю их ко многому, к тому, о чем они даже не подозревают. А сдача будет ключом, потому что тогда начнет кое-что происходить, и они взорвутся, они будут не в силах с этим совладать — они сойдут с ума. Давление будет чересчур сильным — оно их убьет.

Но если им известна сдача, трудностей как не бывало. Тогда они могут плыть... что бы ни происходило, они могут плыть. Даже если весь мир ввергнется в хаос, только мои люди будут молчаливы, тихи и спокойны, собраны и центрированы. Они останутся незатронутыми.

Саньясинка сетует на то, что, когда Ошо велит ей что-то делать, она чувствует, что следует делать противоположное, так как ей кажется, что это больше отвечает самой сути ее проблемы.

Уногда может быть и такое. Если ты чувствуешь себя хорошо, делая противоположное, делай противоположное. Главное — помнить то, что приносит тебе ощущение блаженства. Нужно все время проводить внутреннюю проверку: приносит ли это благополучие, лучше ли ты себя чувствуешь, приводит ли это к гармонии. Если да, значит, это подходит. И тогда не волнуйся, а просто следуй этому.

Проблема возникает только тогда, когда ты начинаешь чувствовать разлад, когда ты ощущаешь какое-то напряжение. Потому что напряжение — это как раз свидетельство того, что возникла какая-то тревога. Когда все идет хорошо, напряжения никогда не замечаешь. Это твой превосходный внутренний механизм, который моментально дает тебе совет остановиться. Он говорит тебе, что ты движешься в неверном направлении, что ты идешь против своей природы.

Поэтому, если ты действительно желаешь меня слушать, слушай свое сердце и следуй ему.

Я здесь не для того, чтобы навязывать вам какую бы то ни было дисциплину — я здесь для того, чтобы освободить вас от всякой дисциплины — чтобы начало расцветать ваше естественное бытие.

Слушай сердце — это и есть настоящее послушание. Слово «послушание» происходит от корня, означающего искусство слушания, однако это слово очень далеко ушло от своего первоначального значения. Основополагающее искусство слушания означает слушание сердца, ибо именно здесь предстоит осуществиться свершению. И необходима очень тонкая бдительность.

Поэтому, когда ты что-то делаешь со своим телом, слушай свое тело. И в таком настроении никогда не беспокойся об уме, потому что ум ничего не может сказать о теле. Тело само знает, что хорошо и что плохо. Поэтому, когда возникает вопрос, касающийся тела, слушай тело. А когда возникает вопрос, касающийся размышления, планирования, идей, мечтаний, логики, разума, — слушай ум. Когда же возникает вопрос твоей целостности, слушай сердце.

И учись слушать. Это очень трудно, потому что указания приходят непрерывно, но, если ты не слушаешь их, они постепенно ослабевают.

Поэтому только слушай. И не беспокойся о том, что я говорю буквально, потому что иногда я говорю противоположное. И это противоположное создает ситуацию. Если я хочу, чтобы ты пошла направо, я иногда призываю тебя идти налево. Если я чувствую, что, когда я буду призывать тебя идти налево, твой ум создаст идею движения направо, тогда я всегда призываю идти налево. Это зависит от человека, с которым я говорю. Так что не воспринимай мои слова буквально.

Саньясинка говорит, что она пытается избегать Ошо и старается смотреть сны днем, чтобы только от него увильнуть.

Попробуй — ты не сможешь избежать. Куда бы ты ни направлялась, я буду тебя преследовать. Попавшему однажды в мои руки очень трудно меня избежать. Я знаю: ты не хочешь делать попытку, и все же это рано или поздно обязательно произойдет с каждым саньясином. Когда ты действительно начинаешь ко мне приближаться, возникает страх, потому что еще немного — и ты исчезнешь. Тогда ты уже не сможешь вернуться к своей старой самости, а между тем это единственная самость, которая тебе известна. Ты обретишь новую самость, но сейчас ты ее не знаешь — как же ты можешь быть уверена в отношении нее?

Если ты действительно хочешь избежать, тебе понадобится моя помощь (посмеивается). Без моей помощи тебе не удастся... Впрочем, ты можешь попробовать — в этом нет ничего плохого.

Ты отдаешь себе отчет, что ясно только одно: если ты приблизишься к этому человеку, ты исчезнешь. Поэтому страх естествен, понятен. И все же ты не можешь убежать, потому что соблазн непреодолим. Ты столкнешься со мной. Бездна — это не просто бездна, она, ко всему прочему, очень магнетична. Она тебя пугает, но также и притягивает, она весьма парадоксальна.

И все же это происходит с каждым. Посмотри в мои глаза — ты обязательно увидишь бездну.. громадную бездну, похожую на смерть. Это твоя смерть.

Из нее выйдет кто-то новый — то будет твоя настоящая самость. Но ты этого совершенно не осознаешь. Твоя ложная самость исчезнет, и появится новая, поэтому в глубине души тебе не хочется убежать. И все же на поверхности ум будет пытаться искать пути к отступлению. Так что это зависит от тебя. Если ты и в самом деле хочешь избавиться от этой тревоги, бросайся в меня с головой.

Учитель существует лишь для того, чтобы дать вам информацию. Мастер же должен дать вам трансформацию — а это совершенно иной процесс. Дать информацию несложно — вы можете продолжать ее заучивать и дальше. Именно этим и занимаются школы, колледжи, университеты: они продолжают загружать ваш биокомпьютер, они продолжают вкладывать в вас все больше и больше информации. Мастер же должен вас трансформировать — отсюда необходимость глубокой сдачи, потому что Мастер начнет над вами работать, а это причиняет боль — это хирургия.

И в то мгновение, когда он занесет над вами меч и начнет вас рубить, если в вас при этом нет сдачи и любви, вы сбежите! Но помните: с хирургического стола опасно убежать! Он мог уже вскрыть кое-какие места, и если вы убежите...

Люби нужно сдаваться целиком, ничего не припрятывая. Если вы что-то припрятываете, вы не сможете испытать любовь. И нужно быть азартным игроком, не подсчитывающим, а готовым всем рискнуть. Вы сразу ставите на карту все, что только у вас есть — и в это самое мгновение происходит трансформация.

Сдача случается. Это не вопрос делания. Вы можете ходить к тысяче и одному Мастеру, но это случится только с одним. И вы не можете этого сделать — вы здесь ничего не можете сделать. А если вы и делаете это, то от этого немного пользы, потому что это делаете вы — много ли от этого может быть пользы? Это просто случается, это любовь.

Естественно, ищущему приходится идти ко многим. И тогда где-то что-то срабатывает. Это может сработать где угодно — в зависимости от типа энергии Мастера и от типа вашей энергии. Если они встречаются, если у них одна длина волны, случается сдача. И тогда вы внезапно чувствуете притяжение...

Это и есть сдача. Она не имеет ничего общего с вашими верованиями. Это слепая любовная связь. Ты влюбляешься в женщину... и дело обстоит не так, что это ты устраиваешь, что ты делаешь любовь — ты просто обнаруживаешь, что ты уже любишь. То же самое происходит и на духовной стезе. Внезапно ты влюбляешься в Бога, и ты не можешь скрыться от этой любви. Даже если ты и хочешь убежать, побег невозможен. Внезапно вся твоя жизнь до этого мгновения становится лишь продвижением к этой точке. Ты могла приходить к этому Мастеру, к тому Мастеру — но все это только способствовало твоему приходу ко мне.

Здесь нет никакого авторитета, и все же это похоже на авторитет, и это создает трудности. Сдача — это полярная противоположность авторитету, и, тем не менее, у полярных противоположностей есть определенное средство! Увидьте разницу: в авто-

ритарных отношениях авторитет вам навязывается. Он не является добровольным, это насилие. В случае сдачи авторитет вам не навязывается, вас никто не принуждает — вы сами сдаетесь, добровольно сдаетесь. Внешне они кажутся похожими. Если кто-то наблюдает извне, он не найдет никакого различия, потому что авторитарный человек будет отдавать приказы, а сдавшийся будет им подчиняться. Однако различие будет вот в чем: в одном случае важен приказ, а в другом важно подчинение. Однако на поверхности есть приказы и есть люди, которые их выполняют и поэтому у любого смотрящего извне появится такое чувство, что это одно и то же. А между тем существует громадное различие, и различие это настолько велико, что его волей-неволей приходится прочувствовать — только тогда его можно понять.

Здесь нет авторитета. Я не авторитарен. Вы сдались, определенно сдались — таково ваше решение. Если вы захотите вернуть свою сдачу обратно, вы вольны это сделать, никто не будет вам мешать, это ваш выбор. Вы его сделали; вы могли выбрать не сдаваться. В случае же авторитета это не ваш выбор. Выбираете вы или нет, авторитет остается авторитетом, и вы вынуждены ему подчиняться, вы вынуждены ему следовать. Иногда происходит так, что вы можете не подчиняться авторитету, так как не можете всегда за ним следовать. Люди начинают искать пути неподчинения, маленькие пути сохранения собственной незатронутости. Но вы не можете не подчиниться неавторитарному человеку, которому вы сдались.

К примеру, вы можете не подчиниться Александру, но вы не в состоянии не подчиниться Будде. Вы можете взбунтоваться против Александра, но вы не можете взбунтоваться против Будды, потому что здесь нет ничего, против чего вы можете взбунтоваться — вы же свободны!

Именно из-за своей свободы вы выбрали меня, и свобода ваша остается неприкосновенной. Вы можете потребовать ее в любой день — и секунды не пройдет, как вы уже свободы. Но если вы выбираете подчинение, то это ваш выбор и это ваша свобода.

Ученик подчиняется, потому что он любит подчиняться. Он жаждет, стремится подчиняться. Ему хочется что-то сделать. И дело обстоит не так, что кто-то заинтересован в навязывании вам некоей аргументации — в этом вовсе никто не заинтересован. Ученик следует дисциплине по собственной воле; это не армия.

И потому вы постепенно, но неизбежно начинаете видеть различие: они только кажутся похожими.

Все через это прошли. Родители приказывали вам и что-то от вас требовали. Где бы вы ни были, кто-то приказывал и требовал. И, естественно, становишься всем этим сыт по горло. Но что касается меня, то это не я приказываю — вы сами подчиняетесь. Я приказываю

не для того, чтобы вы подчинялись, а потому что вы сами хотите подчиняться.

Это совершенно новый опыт. Вы не были знакомы с ним прежде, поэтому прошлое ничего не может о нем сказать. Вам придется узнать, что это, и тогда вы увидите разницу. А разница громадна, хотя на поверхности очень трудно определить, в чем она заключается.

Вы сдались просто из-за своей любви, просто из-за того, что вам доставляет удовольствие делать что-то для меня. Это что-то может быть очень маленьким — всего-навсего мытьем полов — но вы делитесь со мной своей энергией. И это ценно — не из-за экономической ценности данной работы. Это ценно из-за вашей любви и вашего доверия.

Так что будьте бдительны. Ваш ум может запутаться, и вы можете упустить великую возможность.

Саньяса — это *ваше* решение. Да, это сдача, но решение ваше. И когда сдача исходит из вашего решения, она обладает красотой, потому что не смердит рабством, а благоухает свободой.

Сдача, сделанная с сомнением, бессильна, так как, чтобы быть осмысленной, сдача должна быть полной: сдача наполовину — это ошибка в названии. Точно так же, как не существует круга наполовину: круг — это значит целый круг, — и сдача наполовину не существует. Не может быть круга наполовину — это уже что-то другое, это не круг. Вы не можете назвать его кругом наполовину, это какая-то дуга.

Чтобы быть осмысленной, сдача должна отвечать следующим условиям: первое: она должна быть полной. Поэтому, если сохраняются сомнения, с саньсой придется подождать. Она не должна осуществляться вопреки сомнению; она должна осуществляться только тогда, когда сомнение уже исчезло. И тогда становится естественным второе: она случается — вы ее не делаете. Делание как таковое говорит о том, что присутствует сомнение, и вам приходится предпринимать усилие.

Сдача — это случай. Когда приходит время, вы вдруг обнаруживаете, что она случается. Да, если вы хотите ей помешать, вы это можете — что верно, то верно — но вы не можете ее сделать — запомните! Вы можете ее убить, но вы не можете ее сделать.

Человек обладает большей способностью к разрушению, нежели к созиданию. Наша способность к разрушению значительно превышает способность к созиданию... к тому же существуют некоторые вещи, которые вообще не могут быть созданы. Например, мы не можем создать любовь. Когда она случается, она случается — мы можем только помешать тому, чтобы она случилась. Мы не можем создать ничего хоть сколько-нибудь действительно стоящего, зато мы можем

помешать чему угодно. Именно этим мы и продолжаем заниматься.

Отсюда первое: сдача должна быть полной.

И второе: она должна быть случаем, а не тем, что вы сами делаете. Сделанная сдача уже мертва. Вы не можете ее делать, и не пытайтесь ее делать!

Вы пришли сюда. Пойдите сюда, побудьте здесь, не спешите, не нужно никакой спешки. Вы только слушайте меня, и если вы не думаете о сдаче, сомнения вскоре начнут исчезать. Если вы слишком много будете думать о сдаче, сомнения так и будут оставаться. Когда же вы не думаете о сдаче, к чему появляться этим сомнениям? Ни к чему! И тогда в один прекрасный день она безотчетно случается. И тогда это такая радость!

Помните только одно: не мешайте этому мгновению. Вы можете ему помешать, вы можете закрыть свою дверь — это в вашей власти. И все же оставайтесь в это время открытыми и позвольте этому случиться.

Это смерть эго, поэтому вы не можете ее делать. Вы — те, кому предстоит в ней исчезнуть — как же вы можете ее делать?

Сдача — это не что-то направленное против вас. Как сдача может быть против вас? Вы думаете, что сдача означает неизбежное и полное изменение вашей природы, однако это не так. Сдача означает полную естественность.

Если вы мне сдаетесь, то это просто значит, что я посоветую вам быть полностью расслабленными в своем бытии. Если она ведет вас на север, идите на север; если она ведет вас на юг, идите на юг. Позвольте всему этому обрести свою радость, и в один прекрасный день с этим будет покончено, однако покончено не силой. Это придет через большее осознание, опыт... и это не имеет ничего общего с борьбой.

Бегайте сколько хотите — но только оставайтесь бдительными и не ввязывайтесь ни в какую борьбу с самими собой. Я против всякой борьбы. Борьба создает раскол, а раскол неизбежно приводит к шизофрении, сумасшествию. Будьте же цельными, причем под цельностью я не имею в виду собирание всех ваших частей.

Если ваши части рассредоточены, будьте рассредоточенными и примите факт рассредоточенности, и в самом этом принятии вы увидите нечто похожее на образующееся единство. Это единство не будет насильственным, не будет похожим на что-то одно: оно, скорее, будет напоминать оркестр: играет много инструментов, однако в глубоком ритме, это нечто целое.

Если единство не похоже на оркестр, оно обещает быть весьма монотонным. Бывают нерассредоточенные люди, однако это очень скучные, глупые люди. В тот день, когда вы почувствуете, что возникает что-то похожее на трансценденцию, все ваши части так и оста-

нуты частями, однако на этот раз они будут двигаться согласованно, в определенном ритме; все они настроились на одну длину волны. Они не стали одним; они теперь просто поют вместе — и возникает хор. Певцы рассредоточены, но они поют хором, согласованно. В песне они согласованы; в остальных случаях все они разделены.

И звук этот не может возникать насильственно, дисциплинарно. Он приходит лишь через глубокий отдых, расслабленность в вашем бытии.

Т

ервая сдача ощущается почти как воодушевление, как медовый месяц. Однако вскоре вы успокаиваетесь, ага? Тот медовый месяц и та эйфория исчезнут, после чего начнется настоящая работа. И в один прекрасный день, если вы продолжаете работать, случится настоящая сдача. И тогда это будет уже не медовый месяц.

Впрочем, это естественно: сначала она должна быть как медовый месяц. Как влюбленность. Когда вы возбуждены, когда имеет место эйфория, вы чувствуете, что случилась сдача. Однако вскоре вы замечаете реальность и суровую прозу жизни, и возникают тысяча и одна ситуация, когда вы будете говорить: «Да» не приходит — приходит «нет», и возникает сомнение. Доверие не тотально. И это естественно — с вами не происходит ничего особенного, это случается с каждым.

Именно так растут: колеблясь, сомневаясь, то говоря «да», то говоря «нет», волнуясь — именно так растут. Но если сохраняется упорство, если остается достаточно терпения, тогда в один прекрасный день все «нет» исчезают. Конечная победа всегда остается за «да». Однако приходится ждать. Нетерпеливый упускает — терпеливый выигрывает. Так что будьте терпеливыми.

Как только вы мне это оставили, все начинает идти своим ходом. Как только вы сдаетесь, вступает в действие космическая энергия. Я всего лишь предлог для вашей сдачи. Мне не нужно идти и работать — как только вы мне сдаетесь, вступает в действие космическая энергия. Она присутствует всегда: даже тогда, когда вы действуете сами по себе — космическая энергия и тогда работает. Правда, в этом случае из-за вас возникает тысяча и одно препятствие.

Она подобна жидкости, а вы даете ей очень узкий проход. И вместо того, чтобы позволить всему легко случаться, вы чуть-чуть приоткрываетесь, и жидкообразная энергия постоянно пребывает в конфликте. Конфликт вызывает напряжение. Используйте меня лишь как повод для сдачи, и тогда вы больше не будете двигаться этим путем. Жидкость разливается, и все начинает идти своим ходом — стоит только вам это понять, как все становится простым и вполне удовлетворяющим. Тогда ничто не сможет идти не так.

Никогда не бывает, чтобы что-то шло не так; все, что происходит, происходит как надо. Но когда вы деятель, тогда все идет не так, а стоит только вам стать недеятелем, как все будет как надо.

Все руководство исходит от Бога, а руководство исходит всегда — только вы должны научиться слушать. Это тихий, едва уловимый голос — голос сердца. Если ум сверх всякой меры переполнен шумом, вы не сможете его услышать. Но стоит лишь уму умолкнуть, как начинает звучать этот тихий, едва уловимый голос. Он абсолютно ясен, без помех, без волнений. Это не вопрос выбора — он совершенно непререкаем. Он не оставляет никаких альтернатив. Нужно просто делать то, что он говорит, ничего другого сделать нельзя. Однако мы его не слушаем — наши умы находятся в такой неразберихе, шум движения мыслей так оглушителен.

Поворот этот не вовне, поворот этот внутри вас. Чтобы найти Бога и его весть, нужно глубже войти в свое собственное бытие. И стоит только обнаружиться этой внутренней весте, как не будет больше ошибок, не будет раскаяния, не будет вины, не будет вопроса, что значит делать хорошо и что значит делать плохо — все, что ты делаешь, будет хорошо. Это также не вопрос морали: само твое бытие хорошо, и хорошо все, что из него исходит. И ты идешь при свете, идешь легко, потому что здесь больше нет груза головы. А когда ты идешь при свете и идешь легко, жизнь превращается в смех, любовь, радость.

Однако до тех пор, пока не будет найден этот внутренний поводырь, будет необходим Мастер. И как только находится этот поводырь, вы находите Мастера внутри самих себя. Мастер, что находится здесь, нужен просто для того, чтобы говорить вам что-то, что уже сказало ваше сердце, но так как вы не можете его услышать, это должно проговариваться извне, потому что нам легче услышать что-то извне, чем то, что исходит изнутри.

Мастер вовне — это лишь представитель внутреннего поводыря. Поэтому внутренний поводырь и внешний Мастер — это не два разных явления; они говорят на одном и том же языке. Сдача Мастеру, на самом деле, есть сдача вашему собственному внутреннему поводырю, ибо внешний Мастер действует лишь как эхо, как зеркало: он отражает вас. Он проясняет вам то, что вам неясно — только и всего. Он просто громко проговаривает то, что молча говорится вашим сердцем. Он усиливает этот тихий, едва уловимый голос.

Всегда помните: если вы здесь, то необходимо понять следующее: что бы здесь ни происходило, за этим стою я. Этого не делает никто другой — вам нет надобности беспокоиться. Если вы не хотите сюда приходить, не приходите. Это путь, который выбрал я. И вам нет надобности его понимать. Это во-

обще не ваша проблема! Если вы не хотите быть здесь, значит, вам не нужно быть здесь. Если вы хотите быть здесь, будьте здесь, и тогда вам придется принять все, что происходит. Чтобы быть со мной, вам придется следовать всему, что здесь происходит. А если вы не хотите, то воля ваша.

Что бы здесь ни происходило, никто за это не отвечает, кроме меня. Таков выбранный мною путь. Я знаю, что к чему, и ни перед кем не отвечаю. Это мой путь, мой прием работы. Это мой способ выбирать людей. Это мой способ отсеивать людей, которые ничего не стоят.

И всё из-за того, что это как раз начало сдачи. Если мелочи могут вам помешать, то тогда, когда я буду отсеивать вам голову, придется очень трудно. Так что, если вы хотите быть здесь со мной, то зарубите себе раз и навсегда: все, что происходит здесь, я все и вся осознаю, и за всем и вся стою.

Никогда не перекладывайте ответственности на других. Это великолепный трюк ума: вы можете думать: «Ошо здесь ни при чем. Эти люди — эта Маниша, этот Харидаса — эти люди так поступают». Вы можете гневаться на них и оправдывать меня. Но это неправильно. Они делают все, что хочу я.

Никто не делает ничего такого, что я не осознаю. И ничто не происходит вопреки моей воле. Это вам необходимо понять.

Сдача трудна, так что не испытывайте вину; в ней нет ничего личного. Процесс сдачи как таковой — это самый сложный процесс. Он требует величайшего усилия, это может казаться парадоксальным, но, чтобы сдать, требуется величайшая в мире воля. Слабовольные не способны сдать, сдача по плечу лишь очень и очень сильным людям. Сдача требует силы, выдержки.

Сдача как раз означает отбрасывание своих самых основных инстинктов выживания. Сдача означает, что вы остаетесь незащищенными, беззащитными, уязвимыми.

Сдача, когда она случается — это почти что чудо — вот почему она приносит столь великую трансформацию. Ибо в обычной жизни она никогда не случается. Люди продолжают о ней говорить. Но разговоры — это одно, а дело — совсем другое. А между тем, когда бы она ни случилась — редки те мгновения, когда она случается — это волшебство. Она трансформирует вас в одно-единственное мгновение.

Поэтому она трудна, труднодоступна — это трудновыполнимая задача. Она подобна восхождению на Эверест с голыми руками, без подстраховки.

И все-таки, если есть жажда, то и возможность присутствует.

Все живут в таких страданиях и мучениях. Без радости, без песни, без танца — по той простой причине, что все это принадлежит Богу, а не нам.

Это все может принадлежать нам, только если мы исчезнем, если не будем стоять на пути, если позволим Богу течь сквозь нас. И в этом абсолютном отпускинии, в этой сдаче заключается саньяса.

Саньяса — это не сдача мне, не сдача кому-то конкретному; это просто сдача целому — этому громадному, бесконечному существованию. И стоит только вам в нем раствориться, как в это же мгновение жизнь станет чистой радостью.

Я не призываю к сдаче. Когда вы сдаетесь, мне приходится нелегко. Точно так же вы не делаете чего-то, когда вы мне сдаетесь. Что вы делаете, сдаваясь? Чего вам сдавать? Я возлагаю на себя ответственность. Я беру в свои руки чью-то жизнь, и я должен о ней заботиться. Это деликатное явление.

Для вас это может быть любопытством, для вас это может иметь место потому, что вы видите, как много людей сдалось, и говорите: «Ну, теперь и мы попробуем». Это может быть всего лишь подражанием. Но для меня все это не просто. Когда вы преданы мне, я возлагаю вашу ответственность на себя. И отныне, если вы терпите поражение, я терплю поражение вместе с вами. Если вы идете в ад, часть меня тоже потянется в ад. Если вы несчастны, несчастным буду я. Отныне ваша жизнь будет моей жизнью.

Саньясин говорит, что пытался учиться сдаче.

Тогда сдавайся! Здесь нечего и думать. Это же просто. Это не требует усилия, не требует подготовки. Достаточно одного только решения.

Сдача — это не что-то такое, что вы можете устроить и организовать. Это не что-то такое, к чему вы должны подготавливаться. Если вы будете пытаться подготовиться, вы никогда не сможете сдать. Сдача — это просто понимание того, что своими силами вы так и не смогли ничего достичь, своими силами вы вели борьбу, обреченную на поражение — так почему бы не отбросить все это и не испытать что-то абсолютно новое?

Для сдачи нужна одна только сдача, и больше ничего. Она не очень сложна, это простой жест.

Человек учится через действие — другого пути не существует. Вы подходите к реке и начинаете учиться плавать. И чем больше вы плаваете, тем больше вы узнаете, как плавать. Сдача — это движение в глубины сознания, это плавание. Чем больше вы действуете, тем

больше вы познаете. А чем больше вы познаете, тем больше откроется для вас приключений и тем больше будет вызовов. И я буду давать вам все больше и больше вызовов.

Чем больше вы сдаетесь, тем больше вы будете чувствовать себя способными к сдаче.

Один саньясин сказал, что он не чувствует себя сдавшимся, и что он взял свою саньясу обратно.

Это тебя освободит и приблизит возможность сдачи. Когда ты не чувствуешь себя сдавшимся, саньяса превращается в непрекращающуюся провокацию, и ты начинаешь со мной бороться. Так будь же не-саньясином. И в этом нет проблемы. Сдача однажды придет, но лишь тогда, когда она придет, в саньясе будет какой-то смысл, иначе она будет бессмысленной. Теперь я тебя полностью освобождаю, так что тебе нет надобности со мной бороться.

И если ты прекратишь борьбу, сдача придет непременно, она уже на подходе.

Ты действительно хочешь сдать, вот почему возникает проблема неполноты твоей сдачи. Те, кто не хочет сдаваться, могут легко себя обмануть: они могут думать, что уже сдались. Это в них неискренно, неподлинно. Подлинный человек всегда будет думать, сдался он или нет. Если он не сдался, то что в таком случае он делает? Это путь, которым однажды приходят к настоящей сдаче.

Не переживай, не испытывай никакой вины. Саньяса вновь случится из свободы. На этот раз ты ее упустил, но люди упускают много раз... она ведь дается недешево. Человек упускает и снова дерзает, упускает и снова дерзает, но если он продолжает дерзать, то в один прекрасный день это случается.

Это величайшее из всего того, что только может случиться с каким-либо человеческим существом, ибо только в сдаче льется дождь блаженства, только в сдаче наступает грация. Только в сдаче ты узнаешь, что такое жизнь. В ином же случае имеют место только борьба, напряжение, стресс, давление и тревога; и вся жизнь — лишь их замкнутый круг, который нигде не кончается. Он движется как колесо: те же самые спицы, снова поднимающиеся и снова опускающиеся, снова поднимающиеся и снова опускающиеся. Сдача же суть прыжок за пределы этого колеса тревоги.

Это естественно и по-человечески: чувствовать время от времени несогласие с Мастером, чувствовать время от времени, что тебе бы хотелось сказать «нет». Но это и хорошо, ведь именно так рождается настоящее «да». Если ты слишком легко говоришь «да», не гово-

ря «нет», твое «да» будет бессильным. Поэтому, когда бунтарь становится послушным, то это настоящее послушание. Когда же послушным становится послушный, то это не много значит.

Так что это очень хорошо. Не беспокойся об этом... и не подавляй этого. Это хорошо. Это пройдет.

Если ты можешь согласиться со мной на один процент, тогда ты уже не сможешь убежать. Ты можешь не соглашаться со мной на девяносто девять процентов, но это уже не важно. Если я могу занять внутри тебя маленькое пространство, всего один процент, тогда я войду глубже. Тогда этот один процент станет двумя процентами, а два процента — тремя процентами — и постепенно ты увидишь, что твое «ты» ушло.

Когда ты принимаешь саньясу в первый раз, сдача не может быть полной, или очень редко бывает полной. Иногда она бывает полной, но это случается очень редко. Это начало сдачи. Затем она растет, и постепенно ты сдаешься все больше и больше. Чем больше ты понимаешь меня, тем более она становится возможной.

Сначала сдача происходит неохотно — возникает такое чувство, как будто ты утрачиваешь свою личность, свою индивидуальность. Вначале у тебя возникает чувство: «Почему? Почему это я должен сдаваться кому-то другому?»

Однако постепенно ты начинаешь понимать, что другой — это вовсе не другой. Ты сдаешься не мне — ты сдаешься своему собственному будущему, ты сдаешься своей собственной потенциальности, ты сдаешься своему собственному центру. Я всего-навсего виа медиа... через меня. Я всего-навсего почтальон: ты пишешь письмо, а я тебе его доставляю. Твое письмо адресовано тебе же.

И, наконец, постепенно ты начинаешь осознавать, что сдача не противоречит твоей индивидуальности; на самом деле, она дает тебе твою настоящую индивидуальность. Однажды ты признаешь тот факт, что ты сдался самому же себе, а меня здесь вообще не было. Однако вначале это было необходимо, иначе тебе было бы трудно коснуться своих собственных стоп, это выглядело бы очень глупо. Поэтому ты касаешься моих стоп — и все это лишь в промежутке.

Однажды ты сможешь коснуться своих собственных стоп.

Дело Мастера — найти твое назначение. А это возможно лишь тогда, когда между Мастером и учеником возникает глубокая симпатия. Ведь это очень тонкое явление — чувствовать твой потенциал. Пока ты не будешь полностью доступен, без всяких условий, пока не затронуты твои струны, это будет невозможно.

Отсюда — ученичество, саньяса, означающая сдачу. Это любовная связь. Ты отбрасываешь свое эго и просто становишься частью

мира Мастера. И начинаешь соединяться, растворяться и исчезать. И тогда все становится проще простого; все начинает идти своим ходом. Ничего не говорится, ничего не слушается — но все начинает случаться.

Я не даю вам никаких заповедей: «делайте то, не делайте это» — никаких «следует» и «не следует». Я не даю вам никакой дисциплины, я лишь даю вам простой совет — открыть свои глаза и увидеть свет. И после этого окажется невозможным сделать что-нибудь не так. Тогда сама собой приходит самодисциплина.

А когда дисциплина приходит сама собой, она обладает своей особой красотой, она обладает спонтанностью, радостью, качеством танца.

Если бы вы смогли допустить эту идею, что вы можете все бросить ради меня, даже свою женщину, то сама эта идея принесла бы пользу. И я не призываю вас что-то делать. Я не собираюсь призывать вас бросить что бы то ни было — дело вовсе не в бросании. Но сама эта идея, что, если я скажу, вы бы смогли бросить, бросить даже своих любимых — эта идея проделала бы в вашей душе гигантскую работу. Она дала бы вам целостность.

Если вы можете отбросить что-то, не представляющее для вас ценности, то это вообще не отбрасывание. Если вы сможете отбросить то, что вы отбросить не в состоянии, отказ от чего был бы для вас подобен смерти, тогда через эту идею вы становитесь целостными, вы становитесь центрированными.

Не то чтобы я призывал вас это сделать — я был бы тогда последним человеком.

И все же ты упустил главное. Теперь от этого уже не будет никакой пользы, потому что знаешь, что я не собираюсь призывать тебя что-то отбрасывать. Так что тебе придется ждать другой возможности.

Когда я несу вам послание, я имею в виду это! И если в то особое мгновение вы это делаете, то что-то случится, а иначе ничто никогда не случается.

Вы не должны об этом думать! Когда я несу вам послание, вы просто должны это сделать. Вы не должны раздумывать, делать это или не делать — я не даю вам никакой альтернативы — иначе вы и дальше будете упускать эти мгновения. А они приходят редко! Стоит только вам упустить, как вы уже никогда не узнаете, когда оно придет вновь. Выбирайтесь из своей головы! Вы же сами создаете себе трудности.

Какое бы распоряжение с этого мгновения ни отдавалось, вы должны его выполнять! Я знаю, это трудно — вот почему это должно быть выполнено.

Перестаньте думать. Просто делайте все, что я говорю, и через два-три месяца произойдет многое. А иначе вы будете создавать мелочи, не имеющие никакого смысла. И тогда вы будете уничтожены, тогда вы почувствуете вину и начнете думать о самоубийстве, о том, о сем... а все это вовсе ни к чему. Какое еще большее самоубийство вам нужно? Когда вы становитесь саньясинами, вы совершаете самоубийство! Верно?

Георгий Гурджиев имел
обыкновение заламывать за свои
книги фантастические цены...

Он не посылал их в книжные киоски. Он, бывало, запрашивал все, что приходило ему в голову... фантастические цены за свои лекции. Объявление об этих лекциях давалось обычно всего за один час до начала, а ведь человек мог находиться за двадцать верст. Ему сообщалось по телефону: «Лекция состоится в восемь часов — торопитесь!» И обычно происходило так, что люди из отдаленных мест прибывали мгновенно, а когда они прибывали, им сообщалось, что лекция перенесена на завтра.

Однажды он переносил лекции восемь дней подряд. Людей формировали в одиннадцать часов. И они приходили, платили за нее — и после этого она отменялась. В первый день пришло четыреста человек, а на восьмой день — всего четыре. Он посмотрел на пришедших и сказал: «Вот теперь остались только нужные люди. И теперь я могу говорить. Это те люди, — продолжал он, — которые поймут. Они готовы заплатить: восемь дней подряд и без единой жалобы, без единого упрека: «Что за чушь? Почему вы над нами издеваетесь?» Никакого недовольства, никакого сожаления». Вот это сдача, это доверие: «Если он так поступает, значит, в этом что-то есть».

Мастер очень искусно должен работать с учеником. Он должен его владеть, но он не должен разрушать его свободу. Он должен его питать, но он не должен делать его зависимым. С одной стороны, он должен помогать ему сдать, а с другой стороны, он должен давать ему больше воли. Функция Мастера весьма парадоксальна. И парадокс этот заключается вот в чем: с одной стороны, он говорит: «Сдайся!», а с другой — он говорит: «Остерегайся меня».

В произведении Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» последнее, что сказал своим ученика Заратустра, были слова: «Теперь я собираюсь вас покинуть, но, даже когда я уйду, остерегайтесь меня. Я должен вас покинуть, ибо должен сделать вас совершенно свободными, полностью свободными». Поэтому вначале Мастер помогает вам, убеждает вас сдать. Но стоит только вам сдать, как действия его

меняются на прямо противоположные: он начинает помогать вам вставать на свои собственные ноги.

Я думаю, что у ваших гуру есть некоторое упущение в отношении сдачи. Сдача есть, но отсутствует другая сторона. Владение тогда может быть прямо-таки разрушительным. До определенной степени оно будет питать, но постепенно у вас возникнет такое чувство, что теперь уже слишком поздно, потому что вы утрачиваете свои корни. И становитесь зомби.

Мастер может придать вам смелости, он может вселить в вас уверенность, что просветление действительно происходит. Вы можете почувствовать, что в нем оно уже произошло. И самого этого чувства достаточно для того, чтобы удержать вас на этом пути, ибо цель очень далека, и вас подстерегает тысяча и одна опасность. Каждый шаг может увести вас в сторону, и на каждом шагу будет огорчение и безнадежность. Много раз вы будете готовы вернуться назад, и много раз вы будете чувствовать, что зашли в воображаемый мир — мир иллюзий, снов. Много раз у вас будет такое чувство, что лучше было бы оставаться мирскими и не выбирать эту стезю... потому что где она, эта цель? Цель скрыта за плотной толщей облаков.

Если бы вы были с Мастером, это бы вам помогло. Когда к вам подступает безнадежность, его любовь, его присутствие, пребывание с ним подарит вам надежду. И удержит вас на пути. Однако в конце вы должны будете достичь своего собственного бытия.

Новая энергия, которая случается, всегда будет невольно сравниваться с прежней личностью. А прежняя личность очень сильна, ведь вы так долго ее подпитывали. И теперь вы должны подпитывать новую и прекратить питать старую. Лучше всего делать это так: если вы сможете исчезнуть без остатка и позволить мне работать, вы не почувствуете бремени; в противном случае вы будете чувствовать себя обремененными. Только исчезнуть... только сказать самим себе «до свиданья».

Теперь пришел черед моей работы — не привносите же себя. И это послужит сильнейшей защитой растущей энергии. И когда вы начнете работать на меня, тогда вы позволите мне работать через вас — тогда не бойтесь, что бы ни происходило, ибо со мной постоянно связан риск. Однако из этого риска вы начнете расти, вы начнете созревать. Риск — это огонь, приводящий в зрелость внутреннее бытие. Поэтому больше не прячьтесь.

Вы можете видеть моих саньясинов... Сдав себя, они не стали зомби. Они стали в большей мере индивидуальностями. Раньше они не были индивидуальностями — они были зомби! Они таскали за собой свое эго! Но они отбросили эго — и теперь они могут праздновать. Оковы разбиты.

Сдача — это вовсе не зависимость. Сдача, как ничто другое, делает вас независимыми. Сдача не забирает вас от самих себя — она просто забирает ваше эго! А это совершенно разные вещи. Когда эго отбрасывается, вы впервые становитесь индивидуальностью. Эго было лишь фальшивой индивидуальностью, претензией, подделкой под то, что вы действительно есть. Это вовсе не было настоящим. В сдаче вы отбрасываете подделку, чтобы стать тем, чем вы в самом деле являетесь. Это вообще не зависимость.

Когда вы мне сдаетесь, вы, на самом деле, никому не сдаетесь, потому что здесь никого нет. Вы сдаетесь ничто — великому ничто. Вы можете посмотреть на меня... Я всего лишь дверь, большой проход, через который нужно пройти. Я всего лишь пустота. Вы можете пройти сквозь меня, через меня и прийти к своему собственному бытию. Я не препятствие.

Поэтому помните: если сдача превращается в зависимость, вы упустили. Тогда вы ведете прежнюю игру эго — эго, играющего в игру сдачи.

Когда вы действительно сдаетесь, некому говорить: «Я сдался». Ничего не осталось — а одна только ясность видения, прозрачность видения. Вы легче смотрите на вещи и не проецируете на них себя. Решения приходят от мгновения к мгновению, и вы не манипулируете ими, вы больше не контролируете свою жизнь. Вы живете в отпуске и отвечаете каждому мгновению.

Есть два способа прожить жизнь. Один — управлять ей, контролировать ее, планировать ее, выносить решения, исходя из прошлого и подгоняя под них будущее. Именно этим и занимается каждый, и каждый превращает свою жизнь в ад. И другой способ — просветленный способ жизни — это не выносить никаких решений из прошлого, а только ждать, когда наступит подходящий момент, и отвечать из всей своей целостности.

Сдавшись, вы становитесь целостными. Когда вы сдаете эго, вы сдаете свои планы, свое прошлое, свое будущее, вы сдаете свой ум. И теперь осталась одна лишь пустота. И вы будете действовать из этой пустоты. И это не будет реакцией, это будут действия. И не то чтобы вы приходили к решению относительно их — они будут сами решаться вашей целостностью.

Я здесь для того, чтобы помогать вам становиться как можно независимее. Если вы станете от меня зависеть, все будет потеряно. Я не хочу, чтобы вы опирались на меня — это будет вас калечить. Вы начнете ходить моими ногами и смотреть моими глазами — вы же ослепнете, вас разобьет паралич.

Учитесь у меня, но будьте самими собой. Оставайтесь доступными мне, но не становитесь подражателями. Оставайтесь открытыми и уязвимыми, однако следовать за мной нет никакой необходимости.

Чтобы понять это, необходима филигранная, острая чувствительность.

Есть две простые вещи: либо вы становитесь эгоистами и говорите: «Я не могу сдаться», либо вы говорите: «Я сдаюсь. И отныне я стану зависим». И то, и другое легко.

Я же делаю упор вот на чем: вы должны сдаться — и оставаться самими собой. Я требую парадокса, однако в самом этом парадоксе есть красота и благословенность.

Хорошо учиться сдаче, доверять — это очень хорошо. И, тем не менее, всегда следует помнить: сдача — это только начало. В конце приходит свобода.

Иногда это случается... многие думают, что, став саньясинами, они тем самым уже достигли. А, между тем, это только начало, это не конец. Это только азы. Нужно идти дальше, гораздо дальше, и нужно проделать долгий путь: цель далеко, за пределами звезд.

Но если вы сделали первый шаг, последний также будет сделан.

Первый шаг самый важный, потому что вокруг постоянно околачиваются люди со своей нерешительностью: принимать саньясу или не принимать? Первый шаг — это почти половина путешествия.

Потому что вы набираетесь смелости и принимаете решение... а решение это очень важно. Теперь предстоит вовлечение в большую работу над собой. А человек растет через вовлечение, через глубокую вовлеченность, через искреннюю работу..

Стань же любимым учеником. Когда я говорю: «Стань любимым учеником», я не имею в виду «моим учеником». Мои саньясины — это мои друзья... Ты должен стать учеником существования. Ты должен стать учеником солнца, луны, звезд, деревьев — всего этого прекрасного существования, что окружает тебя, ты должен стать учеником самого Бога.

Истинный Мастер лишь помогает тебе раскрыть свои скрытые тайны. И это — ключ. Действуй из знаний — и ты останешься глупцом. Действуй из состояния незнания — и ты станешь мудрецом.

Саньясинка говорит, что она совсем запуталась. Когда Ошо спросил, в чем дело, она сказала, что хочет, чтобы он держал ее в поле зрения и не требовал от нее при этом никаких объяснений.

Я могу держать в поле зрения, но это не поможет. Я могу держать тебя в поле зрения, однако тебе приходится это говорить — а это создает большое различие. Без этого никак не обойтись. Тебе придется высказывать свой вопрос, тебе придется проделывать, по крайней мере, эту работу. Я вижу, в чем проблема: если ты хочешь, чтобы я сказал, я могу это сделать, но это не поможет.

А проблема в том, что ты хочешь быть независимой, и, несмотря на это, тебе хочется, чтобы я заботился о тебе на каждом шагу. Вот в чем проблема. Тебе хочется, чтобы я заботился о тебе на каждом шагу — и я на это готов — но тогда тебе опять-таки захочется быть совершенно независимой от меня. Вот в чем противоречие. Тебе придется выбрать что-нибудь одно. Если ты выбираешь независимость — превосходно: будь независимой. И тогда не жди от меня никакой заботы; тебе придется с ней распрощаться. Ты не можешь иметь пирожное и в то же время его съесть. Тебе придется принять решение.

Либо полностью сдавайся — и тогда всякая независимость и прочая дребедень не должны возникать.

Хорошо и то, и другое, однако ты пытаешься сидеть в обеих лодках, отсюда путаница. Ты боишься сдать, и в то же время боишься быть независимой, вот в чем дело.

Если ты хочешь быть независимой — попробуй. В этом нет ничего плохого; это превосходно. На самом деле, если ты мне сдаешься, то как раз я собираюсь в конце концов сделать тебя абсолютно независимой. Сдача — это лишь переход к приготовлению. Но если кто-то хочет быть независимым до этого, он может попробовать. Однако это будет не чем иным, как утверждением эго.

Я чувствую, что этот момент должен быть прожит. Я действительно это чувствую.

Вот и проживай его!

Я чувствую, что сдача может случиться, если только я сама приложу все свои силы. Я завязну в путанице и затем я могу сломаться... и тогда это будет настоящая сдача. Я не желаю ложной сдачи.

Правильно! Ты ведь проживаешь ее, так?

Я не желаю ложной сдачи. Мне не хочется говорить: «Да, я сдаюсь, потому что я...»

Нет, говорение не поможет так? Говорение не поможет. Проживай ее! Если встать на такой путь, то это должно прийти — проходи же через это! Но тогда не проси утешать тебя, потому что будут страдания. И тогда проживай их. Ты ломаешься, а когда кто-то ломается, то это не легко, это больно, это крах. Если ты в состоянии это прожить, тогда будет крах — это уж точно. Но тогда не спеши нахо-

дить какое-нибудь решение. А только проживай это... выстрадай это. Великолепно, если проходишь через всю эту агонию. Она может привнести свет, она может привнести ясность.

Именно об этом я и говорю. Я не призываю тебя выбирать: как ты можешь выбрать? Я могу только сказать: попытайся увидеть все это в целом. Какой бы ни была проблема, она должна быть увидена. В таком случае, увидь эту путаницу и то, как она тобой создавалась. А ты пытаешься сделать две вещи одновременно, две полярные противоположности одновременно — отсюда путаница! Так увидь же ее и пройди через нее.

Если ты увидишь ее полностью, ты из нее выберешься. И какой бы ни был выход, он хорош. Если от него исходит сдача — хорошо, если от него исходит независимость — хорошо. Так что нет необходимости с самого начала впадать в предрассудок относительно всего этого: что сдача якобы обязательно придет — нет, иначе это снова станет манипуляцией.

Держи себя открытой и проходи через это. Несколько месяцев будет агония, так что будь к ней готова... и тогда не ищи дешевых утешений. Ты выбираешь трудный путь.

Тогда что такое нетрудный путь?

Нет, нет. Ты не можешь выбрать прямо сейчас. Ты уже на трудном пути. Здесь запутались не все, поэтому должны быть какие-то пути, которые выбирают люди и которые не так трудны. Не все так запутались, как ты. Это должен быть твой выбор, но, быть может, это единственный путь, которым ты можешь пройти. Каждый должен идти своим путем. Трудным так трудным — здесь не о чем беспокоиться.

Да.

Что-нибудь еще?

Да. У меня такое чувство, что вы все это мне говорите, как будто рассердившись на меня.

Нет, нет, нет. Я не сержусь!

Это заставляет меня чувствовать вину.

Нет, нет, нет, в этом нет необходимости. Это все твоя путаница, которую ты продолжаешь создавать. А я имею в виду вот что: я не хочу говорить в чем проблема. Если бы ты задала такой вопрос, это было бы уже другое дело — тогда ты бы не думала, что я сержусь... потому что это ты его задала. Но из-за того, что я это говорю, я кажусь сердитым. А я просто говорю, что такова ситуация в твоём уме. Наблюдай ее, увидь ее, пройди через нее и через месяц скажи мне,

как ты себя чувствуешь.

До тех пор, пока вы не потеряете всякую веру в верования, доверие не возникнет, потому что это совершенно иное измерение. Верование есть восприятие кого-то другого как спасителя. Христиане веруют в Христа, буддисты веруют в Будду; они надеются на кого-то, как если бы это он был в ответе. Но никто за вас не в ответе, кроме вас самих. Доверие же не направлено вовне. Доверие — это просто внутреннее качество, напоминающее аромат цветка — оно не направлено, оно просто есть. Никто не может отнять у вас ваше доверие, и прежде всего потому, что вы ни в кого его не вкладывали.

Настоящий Мастер никогда не создает верования, называя его доверием. Настоящий Мастер разрушает верования. Вот почему люди дзен говорят: «Если встретишь на дороге Будду, убей его». Они говорят, чтобы вы убили верование в Будду, чтобы доверие ваше было свободно от всяких объектов.

Доверие — это такое же качество вашего сердца, как интеллигентность — качество вашего ума. И чем меньше вы засорены вашими верованиями, тем скорее вы обнаружите, как растет доверие. Кто может его у вас отнять? Никто. Никто не может его пошатнуть. Вы доверяете, оттого что наслаждаетесь доверием. Здесь нет никакой мотивации: это доверие ради доверия. Если вас кто-то обманывает, то это его дело, на самом деле, он дает вам возможность испытать свое доверие. У человека доверия все это вызовет лишь смех: он преодолел еще одно препятствие!

Сдача Мастеру — это, на самом деле, не сдача Мастеру; это лишь получение помощи от Мастера в сдаче самому себе. Мастер — это всего-навсего зеркало — он отражает вас.

И подчас бывает так, что даже неверная дорога, по которой вы следуете, может вывести вас на правильный путь. Неподходящие люди, с которыми вы имеете дело, могут помочь вам в поиске необходимого для вас человека. Увидеть ложное как ложное — это большой шаг к познанию истинного как истинного.

Поэтому в конечном счете, когда бросаешь взгляд назад и принимаешь во внимание все, то все начинает устраивать как нельзя лучше. И вам остается только благодарить и тех, кто обманывал вас, и тех, кто вам помогал — всех.

Никогда не судите людей. Что бы они ни делали, они делают, что могут. С какой стати вы должны ждать от них большего? Кто вы такие? Что бы вы ни использовали, чему бы вы ни учились, что бы вы ни переживали, вы используете, учитесь, переживаете и продолжаете двигаться дальше — до тех пор, пока не доберетесь до того места, где вы можете просто исчезнуть и откуда уже не надо будет двигаться куда-то еще. Эта дверь становится все ближе, но прежде, чем она приблизится, стучать приходится во многие двери.

Девятьсот девяносто девять ложных Мастеров... и вот человек приходит к истинному Мастеру. Иногда случается просто чудо, когда вы приходите к истинному Мастеру: он мог жить совсем рядом с вами, он мог оказаться вашим соседом.

Есть одна очень известная тибетская история...

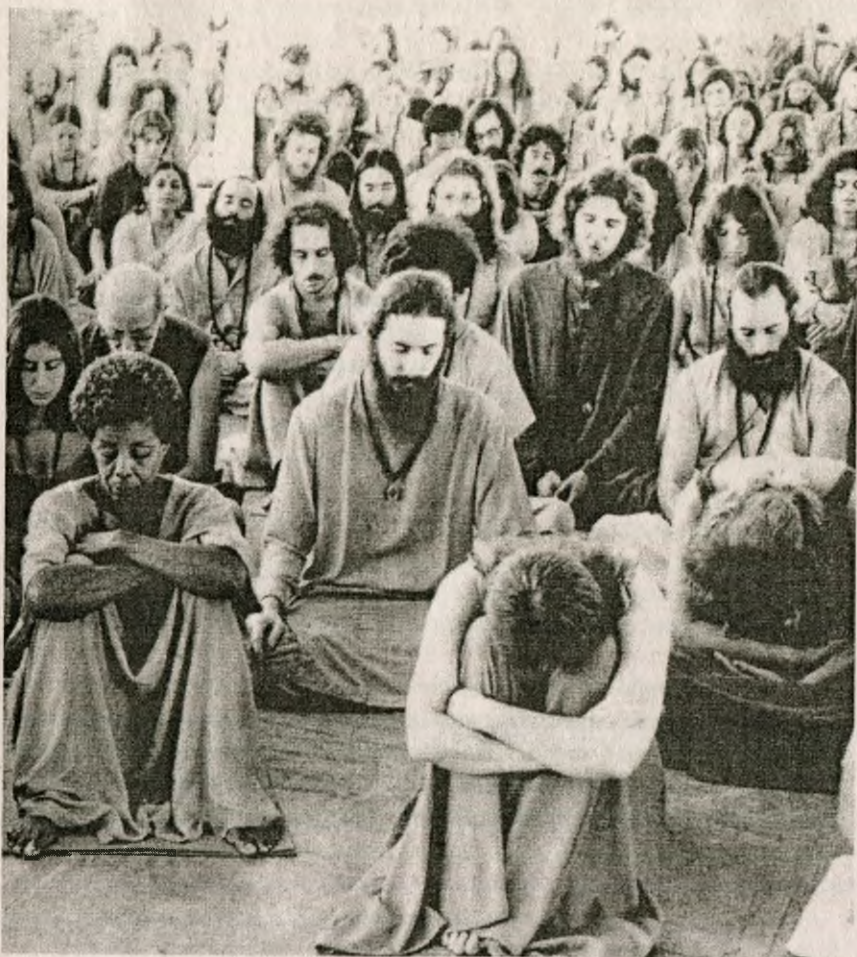

Молодой человек пришел и сдался Мастеру — настоящему мастеру, самозванцу. Однако сдача этого ученика была такой полной, что он достиг. Тот Мастер был настоящим. Тот Мастер ничего не знал, однако сдача ученика была всецелой, доверие его было абсолютным — и в жизни ученика начали происходить чудеса. Даже Мастер был удивлен, потому что не мог в это поверить — он сам не мог сделать ничего подобного. А ученик ходил по воде — вот что он делал. Мастер сам пытался проделать это, думая: «Уж если мой ученик может ходить по воде, то почему и у меня не получится? Может быть я недостаточно пытался». И он спросил ученика: «Что ты при этом делаешь?»

«А что здесь делать? — ответил ученик. — Я просто помню ваше имя, и все становится возможным. Я проходил сквозь огонь и не обжегся; я ходил по воде, я прыгал с горного утеса и не ушибся. Одно только ваше имя! Ведь вы его знаете — зачем же вы спрашиваете меня?»

Мастер попробовал это сделать, произнес свое имя: когда он шел по воде, он старался помнить самого себя. Однако он испугался; закралось сомнение. И он чуть не утонул. Только повторяя его имя? — он был не в состоянии поверить, что такое возможно.

Так что вопрос не в том, с кем вы. Вопрос, скорее, в том, как велико ваше доверие?

Жизнь без любви — это жизнь без любви

Саньясин должен помнить о том, чтобы не накладывать на свою любовь никаких ограничений. Любовь не должна быть объектом сосредоточения. Как только вы сосредотачиваетесь на объекте, в тот же миг вы попадаете в ловушку. Например, если вы любите одного человека, то это значит, что все остальное существование отвергнуто. Вы исключили его из своей любви, ваша любовь стала такой узкой, а узкая любовь превращается в тюремное заточение.

Любовь никогда не должна быть похожей на тоннель. Она должна оставаться открытой со всех сторон. Человек должен любить как можно больше людей, сторон жизни, направлений. Он должен продолжать исследование. Любите без всякой на то причины. Любите из одного только удовольствия любить. Любите, ибо только благодаря любви вы обретете способность все узнать — все это существование, всю эту жизнь, всю эту чудесную вселенную, что окружает вас.

Есть одна красивая притча из жизни Будды...

Он встретил убийцу, а этот убийца был одним из самых известных во всей человеческой истории. Он был до того опасен, что его боялись даже цари и воины. Он был почти сумасшедшим, это был очень и очень сильный человек, он был прямо-таки диким зверем.

И этот убийца поклялся отправить на тот свет тысячу человек и сделать из их пальцев гирлянду. Он убил девятьсот девяносто девять человек, однако к тому времени все уже были начеку, и он никак не мог найти тысячную жертву. Где бы он ни появлялся, людей оттуда как ветром сдувало. Движение на тех дорогах прекращалось... и ползли слухи.

Однажды неподалеку проходил Будда, и люди принялись его увещавать: «Не ходи по той дороге. Здесь рыскает этот сумасшедший Ангулимал, и он уже несколько месяцев ищет еще одного человека для того, чтобы его убить и сдержать свою клятву. Он не посмотрит, что ты Будда, и не посмотрит на то, кого он убивает; у него нет глаз, чтобы видеть. Даже если в этот момент будет проходить его родная мать и остановится, чтобы с ним повидаться — он и ее убьет!»

Но Будда ответил: «Если бы я не знал, я бы пошел по другой дороге, но теперь, когда вы мне сказали и я узнал, я должен пойти здесь. А иначе что остается делать этому бедному человеку? Он и так ждет месяцами, но никто не проходит рядом с ним. Это нужно сделать из одного только сострадания к его клятве. Я пойду!»

Его собственные ученики начали рассеиваться! С ним шло пять тысяч саньясинов, но когда он шел в лес, все потихонечку исчезли. А когда он пришел взглянуть на этого Ангулимала, он остался один.

Ангулимал посмотрел на него. Ангулимал был определенно сумасшедший, и все же он почувствовал жалость к этому человеку, к этому молчаливому человеку, такому умиротворенному, такому невинному, невинному как дитя. Он закричал Будде: «Куда ты идешь? Зачем ты ко мне приближаешься? Я же тебя убью! Никогда еще я ни к кому не испытывал жалости, но тебя мне жалко. Я опасен, и если ты сделаешь навстречу мне хоть один шаг, я тебя убью. Уходи! Беги отсюда!»

Но Будда ответил: «А куда мне идти? Смерть ведь повсюду, поэтому, куда бы я ни пошел, она меня везде подстерегает. В чем смысл моего бегства, Ангулимал? Хорошо, ты можешь меня убить! Кто-то ведь должен служить орудием!»

И он продолжал приближаться — но его лицо, его умиротворенность, его любовь... Он изливал свою любовь, и Ангулимал ощутил некоторое смущение. «Остановись! — крикнул он. — Ты что, никогда

обо мне не слышал? Говорю же тебе: я опасный человек! Ты что, не видишь у меня на шее эту гирлянду из пальцев? Я дожидаюсь еще одного человека. Так что не двигайся больше мне навстречу!»

А Будда ответил: «Что за чепуху ты говоришь! Я уже давно остановился; вот уж несколько лет, как я не двигаюсь. Ты бежишь, а я вообще не двигаюсь».

Ангулимал рассмеялся и сказал: «Сдается мне, ты еще более сумасшедший, чем я! Ты идешь прямо на меня, а говоришь, что остановился; я сижу здесь, а ты говоришь, что я бегу!»

И Будда ответил: «Да, я никуда не иду, из-за того, что мой ум остановился. Куда идти? Чего достигать? Я не мечусь и не бегу. Я просто нахожусь сейчас здесь. Ты же только с виду сидишь, но существует тысяча и одно желание. И ты бежишь во всех направлениях, Ангулимал!»

Так завязался диалог между двумя этими людьми, а Будда подходил все ближе и ближе. Но чем ближе он подходил, тем тяжелее делалось Ангулималу. То был неслыханный вызов.

И тогда он забыл про убийство Будды. Будда же сказал: «Ты что, запомнил, что должен меня убить? Не трать времени на переговоры, так как сюда идет много людей, моих последователей, и тебе станет еще труднее. Так делай же свое дело! Но прежде чем ты будешь его делать, я бы хотел задать тебе вопрос: зачем ты это делаешь? Что ты хочешь доказать?»

«Я хочу доказать, — проговорил Ангулимал, — что я самый сильный человек в этом государстве — и не только этого времени, но и всех времен. Я хочу войти в историю как величайший убийца!»

Будда засмеялся и сказал: «Хорошо! Но прежде, чем меня убивать, будь так добр, сделай для меня, умирающего, один пустяк — это мое последнее желание».

«Конечно, а какое?» — спросил Ангулимал.

«Срежь с этого дерева ветку и дай ее мне», — сказал Будда.

Ангулимал срезал своим мечом с дерева ветвь и протянул ее Будде, а Будда сказал: «А теперь присоедини ее обратно к дереву».

«О чем ты просишь? — недоумевал Ангулимал. — Это же невозможно сделать. Я могу срезать весь лес — это просто. Но я не могу присоединить эту ветку обратно к дереву — это же невозможно!»

«А теперь убей меня, — сказал Будда, — но помни, что это может сделать и ребенок. Разрушать может каждый. Но ты только тогда являешься человеком, когда ты создаешь. Если ты не способен присоединить эту ветку к дереву, не убивай больше людей».

Созидание очень ограничено — разрушение же не знает пределов. Наша способность к разрушению значительно превосходит нашу способность к созиданию, к тому же существуют некоторые вещи, которые вообще невозможно создать. К примеру, мы не можем

создать любовь. Она случается, когда она случается. Мы можем только помешать тому, чтобы она случилась. Мы не можем создать сдачу — мы можем только помешать ей. Мы не можем создать ничего хоть сколько-нибудь действительно ценного, но мы можем всему помешать — именно этим мы и занимаемся.

Я не говорю своим саньясинам: «Идите и помогайте человечеству». Такой помощи было оказано уже предостаточно, и предостаточно вреда вышло из такой помощи. Хватит! Но я настаиваю: помогите себе! И если вы сможете достичь света, блаженства, переживания благочестия, тогда вы непременно сможете помочь другим. Об этом и говорить не стоит: оно само будет литься через край, ваша радость будет литься через край. И помните: только блаженный человек может быть полезным — несчастный способен принести один только вред.

Поэтому прежде всего необходимо запомнить следующее: главное — это самим стать блаженными. Будьте махровыми эгоистами — только тогда вы сможете стать альтруистами. Это странное послание, потому что веками человеку вдалбливалось: «Не будь эгоистом, тогда ты будешь альтруистом». Я же говорю прямо противоположное: будьте совершенно эгоистичными... ибо только из вашего эгоизма вырастает альтруизм — это не противоречие.

Человек, который полюбил самого себя, сможет полюбить и других. Человек, который испытал блаженство, сможет его распространить. Человек всегда отдает только то, что сам имеет — он это излучает. Это невозможно скрыть, это начинает действовать само собою. Это такое чудо, такое волшебство.

Когда вы кого-то любите и ваша любовь не течет, вам будет трудно установить со мною связь. Но очень легко со мной связаться, когда любовь ваша течет.

Если один любовный опыт оказался горьким, если что-то идет не так и сердце не знает, что вы должны любить не только этого человека, сердце просто сжимается, оно начинает бояться любви.

Здесь это происходит много раз и по-разному. Например, кто-то приходит сюда, и после этого уходит от своей жены, от своей подруги, от своего друга или мужа. Это шок для всего механизма чувствования; все вдруг останавливается, и соки больше не текут. Тогда становится трудно вступать во взаимоотношения и со мной, ибо ко мне должны течь те же самые соки. Поэтому такой опыт делает вас несколько нерешительными.

Иногда то же самое происходит и с другой крайностью: кто-то приходит сюда в поисках меня и желании быть только со мной, потом он влюбляется в женщину. И все соки его начинают течь к этой женщине, затем он чувствует, что не связан со мной. А ведь это одно

и то же, это одно и то же явление. Просто на этот раз он слишком увлекся этой женщиной, к ней обращен весь его ум, и он уже склонен к забвению меня.

Однако всякий раз, когда любовь течет легко и нет места страху и одержимости ею — когда человек ни слишком в ней, ни слишком против нее, когда все идет нормально, посередине, тогда вам ничего не стоит вступить в очень глубокие отношения со мной. Вот счастливая пара, уже не переживающая свой медовый месяц — медовый месяц прошел, а они успокоились, и если они находятся здесь, они очень легко и просто вступают во взаимоотношения со мной. Соки текут, страха нет, но нет и медового месяца, так что им не приходится все свое внимание сосредотачивать на женщине или мужчине.

Когда любовь людей протекает хорошо, они открыты также и мне. И все же они открыты не мне — они просто открыты любви и сну. И в этом сне они видят, что открыты мне. Когда же их любовь заканчивается, они чувствуют также закрытость и по отношению ко мне — потому что они никогда не были открыты.

Эта любовь, эти взаимоотношения хороши, но они обречены пройти. Я не против них: когда я называю их иллюзией, я не говорю, что я против них. Я целиком и полностью за них, так как вы можете расти, только проходя через подобные иллюзии. Вы можете расти только через разочарования — иного способа расти не существует. Поражение приносит больше, чем успех, потому что успех может и дальше подпитывать иллюзии, а поражение просто раскрывает ваши глаза на реальность. Однако ум не желает видеть реальность, поэтому он продолжает ткать новые сны.

На этот раз ум думает: «Мы, наверное, родственные души». Но никто никому не есть родственная душа. И все-таки правда горька, потому-то люди ее и не любят. Люди любят жить в иллюзиях и стремятся усиливать и поддерживать свои иллюзии.

Вы только взгляните глубже в свое сердце: вам хочется поддерживать свои иллюзии, вам хочется, чтобы я их поддерживал, питал, вскармливал и лелеял. Но я не могу этого делать. Да и вам самим этого не нужно. Когда я вижу, что кто-то в этом нуждается, я их поддерживаю. Я их поддерживаю, и продолжаю поддерживать до тех пор, пока не дойду до той точки, пока не узнаю, что их можно пошатнуть.

Ваше время пришло: они должны пошатнуться — иллюзий не существует. Но существует особый вид любви, возникающей, когда исчезают все иллюзии — это то, что я называю истинной любовью. Все, за исключением этой любви, лишь детский лепет... то, что вы называете щенячьей любовью. И теперь вы можете либо расти, либо снова возвращаться в этот замкнутый круг. Таковыми и были ваши

стремления: вы двигались с людьми в поисках этого экстаза. Но он не придет.

Саньясин говорит, что он ощущает слишком сильную зависимость от своей подруги. И добавляет, что у него такое чувство, что он закрыт для Ошо.

Здесь имеется несколько моментов... Первое: обычно девяносто девять процентов из всего того, что люди называют любовью, есть не что иное, как потребность. Так что не очень-то из-за этого расстраивайся: это естественно. А так как ты испытываешь потребность, ты, естественно, попадаешь в зависимость. Поэтому всякая любовь создает рабство, и тогда возникает замкнутый круг: тебе не хочется быть зависимым — ведь это ранит эго — и тогда ты вырываешься прочь. Но когда ты вырываешься прочь, твоя потребность не удовлетворяется, и ты испытываешь голод и сноваходишь во все это. Это становится непрекращающимся движением: приближение-отдаление. Вот как продолжает свое движение маятник ума. И способа положить этому конец не существует: когда ты отдаляешься, ты начинаешь испытывать потребность.

Любовь — это пища! В ней нуждается твое тело, в ней нуждается твой ум, в ней нуждается твое существо. Без любви ты будешь чувствовать себя покинутым в холодном мире. И некому тебя обнять, некому тебя согреть. Ты почувствуешь себя брошенным ребенком. Поэтому, когда ты один, к тебе подступает страх. И тогда ты начинаешь двигаться к тому человеку, которого любишь. Ты забываешь о всякой зависимости и о всяком рабстве. Разлучите влюбленных — и они начнут испытывать великую любовь друг к другу; соедините их — и через несколько дней они друг друга возненавидят.

И эти отношения ненависти-любви продолжают, этот замкнутый круг продолжается: ненависть отдаляет вас друг от друга, а когда вы отдалены, возникает любовь. Любовь приближает вас друг к другу, но, когда вы приближаетесь, вы ощущаете зависимость, возникает рабство, и вы чувствуете себя загнанными в клетку, в тюрьму. И движение отдаления людей друг от друга начинается снова.

И все же это естественное состояние бессознательного ума — так что не жажди чего-то лучшего. В этой точке ничто лучшее невозможно. А если ты хочешь чего-то лучшего, тебе придется изменить состояние своего ума, а не ваших отношений. Понимаешь?.. Ты же пытаешься изменить ваши отношения — а это невозможно. С таким умом возможно только это. И тебе ничего не остается, как принять

это и наслаждаться этим. Наслаждайся же этим всюду, как только можешь, но изменить все это ты не властен. А если ты хочешь все это изменить, тебе не следует входить в непосредственное изменение этого, тебе придется изменить свой ум, тебе придется стать более медитативным, тебе придется стать более сознающим — только это может внести в твою любовь какое-то изменение. Только когда ум возвышается к более высоким уровням сознания, возвышается и любовь. Определенному состоянию ума соответствует определенный вид любви, и тебе не дано изменить любовь. Любовь зависит от состояния ума.

Поэтому при таком состоянии ума не создавай на свою голову ненужных страданий. Прими все это как необходимость. Она — это потребность в тебе, а ты — это потребность в ней; это взаимная эксплуатация. Только будь — вот и все. Эксплуатируй ее на всю катушку, и позволь ей на всю катушку эксплуатировать тебя — вот и все. В этой точке ничто другое невозможно. Не обманывай ее — только и всего. Будь честен в своей эксплуатации и позволь ей тоже эксплуатировать тебя, ибо она тоже нуждается в тебе. Не думай, что только ты ее используешь — она тоже использует тебя. Не одурачивай себя. Вы оба используете друг друга — что есть, то есть — на этой стадии так и будет. Никто не может изменить любовь непосредственно. Прими же ее и начинай больше работать с сознанием. И только в этом изменении постепенно начнет меняться качество любви.

И второе: если твоя любовь такова, то и твои отношения со мной будут такими же, ибо это тоже любовные отношения — поэтому они не могут быть чем-то большим. И все же наши отношения отличает одно: мне нечего от тебя брать — это не обоюдно; ты же волен брать сколько сможешь. На самом деле, я очень благодарен тем, кто берет от меня. Они облегчают мою ношу. Я благодарен, а им не нужно меня благодарить.

Так что тебе не нужно об этом беспокоиться — ты можешь эксплуатировать меня сколько угодно, не чувствуя вины. Впрочем, все это тоже претерпит изменения, когда изменится твой ум. Стоит только это понять, как все становится очень просто.

Больше медитируй или применяй методы осознания. Ты делал Випассану? В таком случае применяй Випассану как метод. Ходи, двигайся, все больше и больше проникаясь подходом Випассаны. Молча сиди, по крайней мере, два часа: час утром и час вечером. Вместо того чтобы непосредственно приступить к проблеме любви, двигайся опосредствованно. И ты изумишься: крошечное прибавление осознанности — а качество любви автоматически изменилось.

Ты приходишь со мной через многие фазы развития. Если ты приходишь очень открытым, то ты не можешь дальше оставаться открытым. Ты закроешься и станешь равнодушным. Однако открытость

наступить вновь, и на этот раз она будет совсем другой.

Первое чувство открытости было твоим воображением. Теперь же оно в большей мере будет похоже на реальность. Но это случается... Испуг тоже естественен. Ты начинаешь нервничать и удивляться тому, что происходит. Однако ничего плохого не происходит. Когда ты приходишь впервые, ты приходишь со своими проекциями, со всем своим воображением. Ты живешь в воображаемом мире.

Затем ты приходишь сюда и начинаешь работать и ходить по земле. Воображение исчезает, проекции исчезают. И возникает такое чувство, как будто ты что-то упускаешь. Ты почувствуешь иную открытость, которая не будет связана с воображением и которая больше не исчезнет, ага?

Должно быть, вы слышали...

Один молодой человек спросил Сократа, стоит ли ему жениться, при этом он прекрасно знал, что жена самого Сократа была сварливой, донельзя уродливой и злой женщиной, периодически награждавшей его тумаками.

Но Сократ сказал: «Женись. Хорошая жена попадется — превосходно! А попадется жена, как у меня — великим философом станешь!»

Как может маленькая волна надеяться одержать победу над самим океаном? Это желание как таковое — просто умопомешательство. А между тем, ум продолжает всевозможные умопомешательства, и все они произрастают из семени неудовлетворенности.

Саньясин должен перенаправить свою энергию от ума к сердцу, от логики к любви. Как только вы начинаете любить, вы в то же мгновение вступаете в согласие с существованием. В этом и состоит смысл любви: согласие не вынужденное, но радостное, не подневольное, но исполненное танца, доставляющее несравненное наслаждение и удовольствие — как будто ты приходишь домой.

Любовь может достичь своего высочайшего пика только тогда, когда она становится дружелюбием. У любви есть три возможности: первая — вождление, то есть что-то биологическое. В ней нет ничего плохого, однако это низшая форма энергии — она у всех животных. И ничего особенного нет в том, что она имеется и у человека; вождление соединяет человечество с животным царством.

Любовь же не биологична, она психологична. Это уже более высокое измерение. Она не воспроизводит, она творит. Как только между двумя людьми возникает любовь, вся их способность творчества прорывается лавиной. Они могут начать делать то, чего никогда не делали прежде. Они могут начать писать картины, они могут на-

чать музицировать, они могут начать танцевать... Однако любви достигают очень немногие. Девяносто девять процентов людей так и остаются в рамках животного царства, вождления.

А любовь — это свобода от животности. Это рождение человеческого существа — несравненно прекраснее вождления и несущее в себе громадный заряд творчества — и все-таки в ней содержатся пережитки вождления, которые в ней по-прежнему остаются. Вот почему любви присущи собственничество, ревность, зависть. Это безобразные черты, это пережитки прошлого, разрушающие красоту любви. И как только стихает любовь, эти черты начинают проступать во всей своей красе.

Можно подняться и чуть выше: когда любовь становится просто дружелюбием — я не называю это дружбой, потому что это может навести вас на мысль об отношениях. Я называю это дружелюбием. Когда любовь становится просто дружелюбием, не собственничеством, не ревностью, когда в ней больше нет желания господствовать, когда любовь начинает давать другому свободу, полную, безусловную свободу, тогда она становится дружелюбием. Это и есть то высочайшее, что только может достичь человеческое сознание.

Мои саньясины должны преобразовать вождление в любовь, а любовь в дружелюбие. И как только вы достигаете дружелюбия, вы сразу же оказываетесь дома.

Жизнь без любви — это жизнь без самой жизни. Она прожита лишь на минимуме, прожита кое-как, по сути дела, это прозябание. Скучное, бессмысленное, всего лишь ожидание прихода ничто, затянувшийся процесс смерти.

Любовь не приносит преобразование. Любовь подобна весне, когда скрытые ранее источники вдруг начинают течь. И ты впервые ощущаешь трепет существования, приключение, всепроникающий зов неведомого.

Мои саньясины должны помнить об этом постоянно... ибо веками человеческий ум сбивали с толку. Жизнь превратили в средство для достижения некоей иной цели. А жизнь не средство, жизнь сама себе цель. И как только жизнь становится сама себе целью, она мгновенно превращается в чистую любовь.

Мы должны неизменно выбирать любовь. Находите в каждой ситуации пути и способы любви. Даже в том, кто вам отвратителен, может оказаться что-то такое, что вы можете полюбить.

Вы всегда можете найти что-то даже в наихудшем из людей — надо только это поискать. И вы также всегда можете найти самое плохое в наилучшем из людей — надо только это поискать. Это лишь вопрос наблюдения.

Саньясин должен выбирать все те стороны жизни и людей, кото-

рые рождают в вас отклик любви, и тогда ваша жизнь будет постепенно превращаться в непрекращающуюся любовь. С каждым мгновением она начнет все глубже и глубже вращаться в любовь. И когда вы достигнете неизмеримого, вы пришли домой.

Саньясинка говорит, что у нее такое чувство, как будто в ней живут два человека: иногда ей хочется уехать обратно в США, а временами ей хочется остаться.

В таком случае уезжай, потому что всякий раз, когда между мной и чем-нибудь еще возникает какой-то конфликт, ты должна выбирать другое, так как я не хочу, чтобы ты была половинчатой. Если у тебя такое чувство, что здесь есть конфликт и что тебе бы хотелось уехать, уезжай. Так будет лучше. По крайней мере, отныне ты будешь меня вспоминать. А если ты останешься здесь, ты будешь вспоминать своего любимого, который мог бы быть здесь, и будешь на меня злиться. А в этом нет смысла.

Итак, каждый саньясин на самом деле должен себе уяснить, что, когда бы ни возникало противоречие между мной и чем-то еще, выбирайте другое, и тут не нужно спрашивать. Так ваш рост будет куда спокойнее, чем при других обстоятельствах. А иначе вы сделаетесь мрачными, будете сердиться, сокрушаться и думать, что страдаете из-за меня, что из-за меня вы принимаете муки и приносите тяжкие жертвы. Не надо приносить никаких жертв! Вы же тогда раздуваете из мухи слона и станете думать, что сделали слишком много.

Просто уезжай, ладно? Ведь, когда ты отсюда уедешь, ты всегда сможешь возвратиться. И всегда приезжай, когда у тебя появится подобное чувство, ага?

Я так боюсь... (вздыхает оттого, что не может выразить, что чувствует).

Да нет же, я понимаю, я понимаю твои затруднения, но если проблема в этом, то ты должна уехать! Ты последуешь моему совету? Логика моя проста: логика моя в том, что, если ты там, ты будешь ко мне ближе, будешь обо мне думать и будешь думать много раз, что остаться в Пуне было бы лучше, и это хорошо. А ты здесь, и ты несчастна, и все думаешь о своем любимом, а от этого не будет никакой пользы. Ты следишь за мной? Будучи там со своим любимым, ты будешь ко мне ближе — вот почему я говорю «уезжай», поняла? И не о чем здесь беспокоиться...

Всегда, когда встает вопрос выбора между божественным и человеческим, высшим и низшим, выбирайте низшее, потому что, не

пройдя через низшее, вы никогда не достигнете высшего. А если вы прыгнете к высшему, не окончив с низшим, вы снова упадете.

Так что здесь не о чем беспокоиться!

По крайней мере, в течение одного месяца вы оба будете счастливы. Я здесь, и все же здесь он; через месяц, ага? И это очень просто, не превращай это в проблему.

А проблемы подобного рода, то есть когда приходится выбирать, встретятся в жизни еще много раз: тропа разветвляется на две, и приходится идти по одной из них. Но это намного лучше. У меня была мысль, что ты должна уехать — вот почему я отговаривал тебя уезжать — так что все проясняется. То, что я говорю, разумеется, не всегда соответствует тому, что я имею в виду (смеется), а то, что я имею в виду, не всегда соответствует тому, что я говорю! Я знал, что ты уедешь, поэтому и советовал тебе остаться — так что все проясняется. Но теперь ты в плохом пространстве.

Отбрось же это плохое пространство; здесь ведь нет проблемы, ага? Уезжай, и приезжай, когда сможешь. И приезжай или вместе с ним, или одна, но только покончи с этим.

Именно с этим и приходится всем сталкиваться, и такая проблема существует в любое мгновение: делать выбор между этим и тем. Мой же опыт говорит вот о чем: если я советую людям остаться, они думают об отъезде, если же я говорю «уезжайте», они уже начинают подумывать о том, чтобы остаться, ведь месяц — это так долго... и ты можешь опять создать проблему: что тебе не стоит уезжать, что ты должна здесь остаться. Просто уезжай, ага?

(с несчастным видом) Все это так сложно.

Вот тогда и увидим. Сложно так сложно. А что делать? Ведь существуют только две возможности: ты же не можешь быть одной половиной здесь, а другой там, верно? И приходится выбирать.

Поэтому мысль о том, что ты должна уехать, держи в голове в течение месяца, если все образуется. А как все образуется? Если ты начнешь чувствовать себя лучше, чем сейчас, тогда лучше уехать. Если ты начнешь чувствовать себя хуже, чем сейчас, мы опять подумаем. Если же ты ничего не сможешь решить, кинь жребий, ага? Но у меня такое ощущение, что ты почувствуешь себя хорошо.

(Она начинает всхлипать, а Ошо незло посмеивается).

Не волнуйся, ладно? Не волнуйся, ты же станешь себя хорошо чувствовать!

(В слезах). Иногда я чувствую, как будто некуда больше идти, кроме как сюда.

Но на этот раз это не так. Придет и это время, но оно покамест

еще не пришло. Даже среди находящихся здесь людей есть много таких, которые хоть и находятся здесь, но время для этого еще не пришло, и поэтому они здесь серединка-наполовинку! Это время придет — ты только позволь ему прийти, ага? Сию же минуту начни думать, что ты уезжаешь, и в тебе станет появляться другое пространство. И тогда увидишь! Один месяц — это ведь большой срок... Только наблюдай, какое пространство возникнет из этих идей, ага?

Быть здесь — значит быть игривыми

Быть здесь со мной просто значит быть игривыми, несерьезными, веселыми.

Я учу не отречению — я учу наслаждению. И чем больше вы будете наслаждаться, тем больше вы сможете получить подарков от Божественного. Чем более вы игривы, тем больше с вами Бог, тем более вы свежи, юны, живы.

Десятилетний мальчик говорит Ошо, что он не чувствует к нему близости, так как между ними обычно стоит стена, и чтобы попасть внутрь, ему придется проходить через ворота. Он спрашивает, почему люди не могут просто войти, когда они захотят.

«Коро ты узнаешь! Стена эта не для того, чтобы мешать людям входить. Стена для того, чтобы я не мог убежать! Ведь иначе я бы убежал, и вы бы меня не нашли.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь вам снова стать детьми. Это трудно. Это очень трудно, потому что весь ваш опыт, вся ваша структура, весь ваш характер сопротивляются и говорят: «Что ты делаешь? Ведь это же выглядит глупо!» Ну и будьте глупыми, и позвольте этому утверждаться! И вы ощутите себя такими необремененными, обновленными и свежими, как капля росы. Свежесть исходит от духа, ибо тело ваше старо, но сознание ваше способно быть новым и юным.

Я сейчас даю вам новое рождение, так что вы можете забыть о прошлом, о своем детстве, о своих родителях, о том, какими вы были и как жили до сих пор. Пусть это будет четко разграничено. Почувствуйте разрыв с прошлым и начните жить с этого мгновения. Это ваш день рождения. Забудьте старый день рождения — он не имеет к вам никакого отношения, потому что вы никогда не жили своей жизнью, так что это не ваша жизнь. Вы играли роль в какой-то пьесе, а сценарий был написан другими.

Когда же вы становитесь моими саньясинами, я освобождаю вас к написанию своей собственной пьесы и к игре своей собственной роли. Я даю вам абсолютную свободу делать все, что вы захотите. Я не навязываю вам никакой дисциплины. Я просто даю вам любовь, почитание жизни.

Это же ваша жизнь — и вы должны быть почтительными по отношению к ней. Это ваша жизнь — и вы должны ей доверять и идти с ней, куда бы она ни вела, даже если вам предстоит сбиться с пути, идите. Сбиться с пути — в этом нет ничего плохого, ибо только те, кто сбиваются с пути, возвращаются назад. Даже если вам придется сделать ошибку, делайте ее — ибо мы учимся только на ошибках. Иного пути учиться не существует.

Тот, кто никогда не совершает ошибок, никогда ничему не учит-

ся, никогда не растет. Для всякого роста необходима смелость делать ошибки.

Начиная с этого мгновения, делайте только то, что вы хотите делать, чего бы вам это ни стоило.

Есть одна знаменитая история о царе Лакнау...

Он был большим любителем музыки и пригласил ко двору одного очень великого музыканта. Однако музыкант тот был каким-то странным. Он заявил: «Я сыграю на своем ситаре, но только при одном условии: никто не должен трясти головой. И люди должны сохранять неподвижность. А если кто-то станет трясти головой, то голову ему нужно отрубить».

Царь удивился, однако он тоже был сумасшедшим, и он ответил: «Ладно». И по всему городу объявил, что приходиться следует только тем, кто владеет собой в совершенстве, в противном случае они рискуют расстаться со своей жизнью. Многие тысячи людей хотели прийти, однако они были напуганы. Но несколько человек все-таки явилось, и музыкант начал играть.

Проходит полчаса, и десять-двенадцать человек уже так опьянены музыкой, что энергия их приходит в движение, и головы начинают трястись. Царь удивился: неужели музыка может обладать такой властью? Ведь эти люди рискуют своей жизнью!

Когда концерт подошел к концу, эти десять-двенадцать человек были доставлены к музыканту, и король спросил: «Ну, что скажешь? Отрубить им головы?» «Нет, — ответил музыкант. — Это как раз те люди, для которых мне бы хотелось устроить особый концерт. Я хотел узнать, что из себя представляют настоящие люди. И я хочу сыграть для тех, кто способен рисковать своей жизнью. Это настоящие алкоголики!»

Тогда царь спросил тех двенадцать: «Вы что, не осознавали? Почему вы тряслись? Почему вы двигались? Почему вы попали под власть музыки, когда ваша жизнь была в опасности?» «Не знаем, — отвечали они. — До какого-то момента мы изо всех сил пытались держать себя в руках, но потом мы уже были не здесь — поэтому мы не можем сказать, что мы двигались. Мы делали все возможное, чтобы не двигаться, но наступило такое мгновение, когда мы уже ничего не могли сделать... Музыка была столь прекрасна и столь проникновенна, что исчезла всякая идея самости, и поэтому некому больше было контролировать. И когда нам грозила опасность быть убитыми, мы были на это готовы!»

Есть одна суфийская история...

Суфийский мистик, которого все считали сумасшедшим — каким, впрочем, всегда считают всех мистиков — остановился у своего друга. Семья была несколько обеспокоена, потому что этот человек был непредсказуемым. И чтобы не удивлять соседей никакими сценами и чтобы все было шито-крыто, они договорились поместить его в подвале, а подвал тот находился под землей. И вот ночью вся семья вдруг услышала громкий хохот, который раздавался с террасы. Они выбежали, думая, что это мистик, и оказались правы. А тот катался по террасе и хохотал как сумасшедший.

«В чем дело? — спросили они. — Почему ты смеешься как сумасшедший и катаешься по полу?» А он ответил: «Внезапно я стал падать вверх! Я был в подвале и стал падать вверх. Потому-то я и смеюсь: со мной такого еще никогда не случалось — и вдруг я оказался на террасе!»

История эта символична: однажды ты обнаруживаешь, что падаешь вверх. Ведь обычные люди живут в подвале.

Чем молчаливее вы становитесь, тем большую способность все видеть в ясной перспективе вы обретете. И тогда вы удивитесь, что все до того великолепно, что все существование так и заходится от смеха... Всегда обращайтесь внимание на смешные стороны существования, и вы станете все точнее и точнее попадать в унисон с самим собой и с миром. Чувство юмора делает человека весьма обычным. Но что касается меня, то я считаю, что эта обычность есть, на самом деле, совсем не обычное явление. К тому же чувство юмора наделяет вас множеством подарков. Если вы увидите собственную жизнь во всей ее смехотворности, вы начнете смеяться: чем вы до сих пор занимались? Вы начнете смеяться над своими же действиями, и случится великое освобождение.

Когда вы сможете смеяться над самими собой, вы не сможете быть взыскательны к другим.

Любовь не серьезна — она оживленна, игрива. Любовь превращает жизнь в веселье, праздник. И все мои усилия здесь направлены на то, чтобы создать впервые в истории всего человечества новый вид религиозного человека, смех для которого гораздо ценнее молитвы, игривость для которого несравненно духовнее серьезности. Человека, который будет ближе к поэзии, чем к философии, ближе к музыке, чем к математике, ближе к чувствительности, чем к тупости, закрытости и обнесенности со всех сторон стенами, боязни жизни, бегства, отречения от нее. Нет, не таким будет путь моих саньясинов.

Вместо того чтобы отрекаться от жизни, мои саньясины должны

ею наслаждаться. А наслаждаться — значит любить!

Принять — значит быть могущественным. Принять — значит быть религиозным. Принять без всякого рассуждения, без всяких условий — значит двигаться в совершенно ином измерении. И эта возможность всегда ждет вас; как только вы отбрасываете свои проблемы, в ту же секунду она становится доступной.

Я продолжаю отвечать на ваши вопросы и решать ваши проблемы, прекрасно зная, что у вас их нет. Вы можете спросить меня, зачем я продолжаю вам отвечать? Я могу просто сказать, что все это бесполезно. Однако тогда вы не сможете понять.

Вы даете мне проблему, а я даю вам решение. Вы задаете мне вопрос, а я даю вам ответ. Я становлюсь частью игры. Если вас интересует эта игра, я буду играть. И постепенно вы начнете осознавать то, чем вы занимаетесь. И помните: тратится только ваше время, а не мое, так как теперь мне достигать уже нечего, поэтому и тратить нечего, кроме вашего времени. Однажды это поняв, вы отбросите проблемы и потом начнете наслаждаться и праздновать. Вместо того чтобы думать, начните танцевать; вместо того, чтобы думать, начните петь; вместо того, чтобы думать, отправьтесь в длительную прогулку и начните плескаться в реке.

Бог доступен столь многими путями; и недоступен только через мышление, ибо мышление — это способ его избегания.

Старайтесь жить по интуиции и не бойтесь. Я знаю: возникнет страх, возникнет ужасный страх. Я знаю, как это трудно — жить без проблем. Я сам через это прошел.

Вы можете создать тысячу и одну вещь. Когда у вас проблема — а жизнь это не проблема — вы можете оставаться занятыми. Однако во всей этой занятости нет ни грана занятости.

Проницайте это все больше и больше. И в самом этом проницании разрубится узел.

Будьте такими, какие вы есть. И наслаждайтесь мной, ловите от меня кайф. Празднуйте меня и будьте счастливы — совершенно без всякой на то причины.

Жизнь — это тайна, которую надо прожить, а не проблема, которую надо решить.

Ум так разросся, что почти задавил человека. Ум стал громадным, и человек не может из него выбраться. Но из-за того, что мы сами же его и создали, а также из-за того, что это лишь пустой раздутый шар, достаточно одного лишь булавочного укола — ничего большего не требуется.

Саньяса и есть этот булавочный укол — шар лопается, и вдруг

появляется радость. Когда из шара выходит воздух, горячий воздух — это очень горячий воздух — в вас вдруг возникает прохладный бриз; вместо тьмы — свет, вместо тягостной жизни — качество танца, вместо жизни нацеленной на завтра, вами овладевает радость от мгновения.

Есть такие люди, которые, будучи подведенными к розовому кусту, начинают подсчитывать шипы. Первым делом они начинают подсчитывать шипы — розы не имеют значения, а если что-то и имеет значение, так это шипы; и потом, когда пальцы их изранятся в кровь, они приходят в такой гнев, глаза их с такой враждебностью смотрят на этот розовый куст, что увидеть розы становится просто невозможно. Их окутывает плотная плена гнева.

Но этим мы и занимаемся.

Саньясин должен осознать всю эту чушь. Если вы идете к розовому кусту, танцуйте вокруг него. Смотрите на розы, наслаждайтесь розами. Увидьте чудо среди тысяч цветов. Роза расцвела — какая еще большая тайна может быть! Роза, произрастающая среди шипов — это же настоящее чудо! И, увидев однажды розу, позитивное, вы переместите центр тяжести с ума на сердце, с изощренности на невинность, с негативного на позитивное. И жизнь станет тогда вечной песней.

Как раз сегодня я читал одну историю...

Человеку, который работал клоуном в цирке и смешил людей, надоела вся эта игра. Тогда он ушел в монастырь и стал саньясином. Однако там находились очень серьезные люди. А его жизнь была сплошь соткана из юмора, и он туда никак не вписывался. Ему не разрешалось танцевать, не позволялось прыгать и скакать и вызывать у людей смех. То были угрюмые люди с вытянутыми лицами — великие святые и в высшей степени аскетичные монахи — и он почувствовал себя не в своей тарелке. Он не мог во все это поверить. Как же молиться? Как медитировать? Он был просто человеком, который мог смеяться сам и помогать смеяться другим.

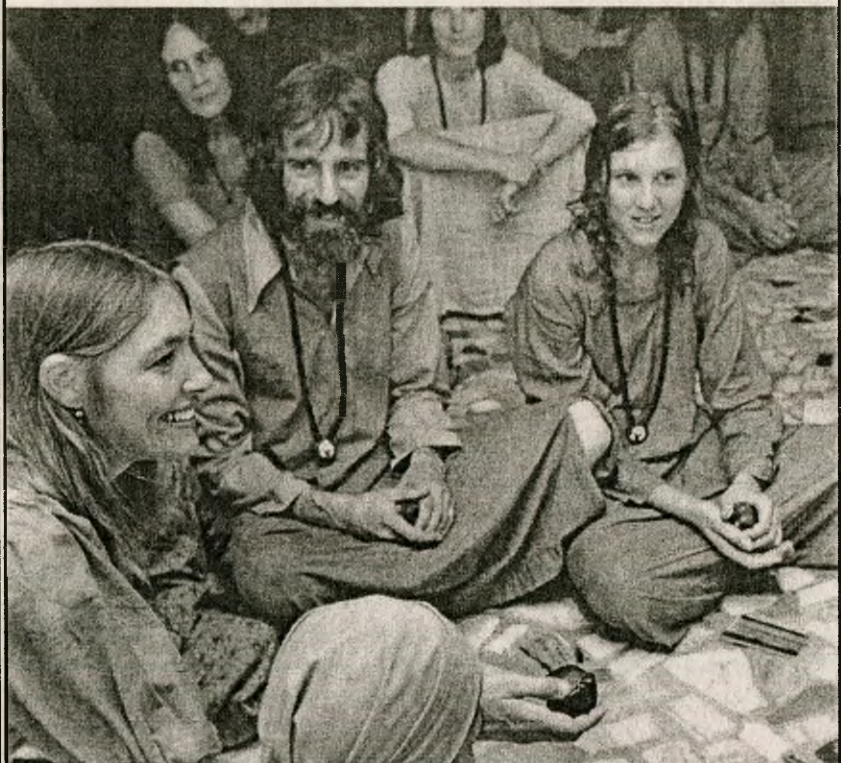
Несколько дней он жестоко страдал. Но потом, за углом монастыря, он увидел где-то вдалеке какой-то маленький храм. Храм тот никем не посещался. Там стояла статуя Будды, и он начал разговаривать с Буддой, обращаясь к нему с такими словами: «Помоги мне. Я дурак, а все эти люди мудры. Всю свою жизнь я работал клоуном, и вот теперь мне очень трудно изменить свои старые привычки. Я чувствую: ты меня поймешь. Я не умею молиться, потому что не знаю, как это делать, — говорил он Будде, — и не думаю, что когда-

нибудь сумею этому научиться. Ведь все это так серьезно. Я не умею медитировать, поэтому буду делать только то, что могу. Если тебе это понравится — хорошо. А если не понравится, то уж потерпи меня».

И вот перед этой статуей Будды он принялся выплясывать и проделывать номера, которые некогда проделывал в цирке. Он стал очень счастливым. И весь монастырь подумал, что с этим дураком что-то случилось — так он светился. Каждое утро и каждый вечер он исчезал, и настоятелю монастыря стало любопытно: «Что же произошло с этим человеком? — он прямо-таки светится».

И вот однажды они отправились вслед за ним. Настоятель монастыря не мог поверить в то, что там происходило: этот дурак разговаривал с Буддой, шутя, пританцовывая, играя и прыгая. Настоятель монастыря был ошарашен!

И тогда случилось чудо... случилось ли оно на самом деле или нет — не важно. Случилось чудо: статуя Будды поднялась и, взяв за руку этого дурака, пустилась в пляс и начала отпускать шутки.

*Вы —
бунтари*

Полное депрограммирование

Саньясин должен пройти лишь небольшой путь от головы к сердцу, от искусственного к естественному, от случайного к спонтанному, от социального к индивидуальному. Я выбрасываю моих саньясинов из их коллективного ума к их подлинной сути.

И для меня это величайшая революция. Никакая другая революция не может сравниться с ней, потому что лишь при помощи этой революции вы можете достичь трансцендентального, экстатичного существования, когда вы выходите за пределы смерти.

Саньяса в своей сути это бунт — бунт против психологии толпы, бунт против прошлого, бунт против истории и времени, бунт против традиции и писаний. И лишь освободившись от всего этого человек свободен быть собой. А пока человек не самосто-ятелен, он остается ребячливым, он никогда не вырастает.

Зрелость приходит лишь через свободу. Жизнь это возможность расти, и свобода совершенно необходима для роста. Быть бунтарем значит быть религиозным. Поэтому не бойтесь бунтовать.

К тому времени когда ребенок становится способен говорить, он начинает учиться образу жизни в мире — языку мира, поведению. Мы обуславливаем ребенка всеми возможными способами. Мало-помалу он забывает все; он начинает неосознавать самого себя. Так живут и умирают миллионы людей. Вся их жизнь проходит напрасно. Они ничего не получают, ничего не открывают, ничему не радуются, не чувствуют никакой истины. А если вы не можете почувствовать свою собственную истину, как вы можете поделиться ею с другими? А в этом основная цель — то, для чего мы приходим в этот мир — принести что-то из запредельного и поделиться им.

Это нужно открыть заново. Мы должны разрушить все барьеры, которые выросли вокруг этого. И в этом весь процесс саньясы. Саньяса означает процесс тотального разобусловливания. Кем бы человек ни был — христианином, индуистом, мусульманином, итальянцем, немцем, японцем — не имеет значения: его нужно разобусловить. Нам придется разрушить все, что накопилось вокруг вашего естества. А когда все барьеры убраны, возникает великая радость. Внезапно человек вспоминает кто он и для какой цели он здесь.

Функция Мастера в том, чтобы переделать все, что сделало общество. Она в том, чтобы отрицать все, что было навязано вам. А когда все толстые слои обусловленности убраны, ваше эго начинает исчезать. Именно эго сохраняет вас отделенными от целого и несчастными.

Саньясин начинает менять свои ценности, он начинает менять способ своего восприятия. Это напоминает чтение книги: вы перепрыгиваете от одного слова к другому и каждый раз упускаете промежуток между словами — тот промежуток, который есть всегда. Вы можете изменить способ своего восприятия и начать двигаться от одного промежутка к другому, не уделяя внимания словам. И тогда вы будете удивлены: книга одна и та же, а послание ее совершенно другое. И тогда не важно, читаете ли вы на иврите, латыни или греческом, потому что вы читаете одни лишь промежутки, которые не бывают ни ивритскими, ни санскритскими, ни греческими, ни латинскими, а представляют собой просто промежутки.

То же самое верно и в отношении нашей жизни: мы должны из-

менить способ своего восприятия. Мы ищем несчастье, и мы его находим. Так начните же искать радость — и вы обретете радость. Мы ищем шипы — и они тут как тут. Так начните же искать цветы — и они всегда будут с вами, только и дожидаясь вашего взгляда.

Ни одного ребенка не интересуют деньги. Ни одного ребенка не интересуют эго. Ни одного ребенка не интересует власть. Но мы устремляем его к этим целям. Мы воспитываем его — мы называем это воспитанием. Весь этот процесс растления мы называем воспитанием. Мы делаем детей амбициозными, эгоистичными, скупаемыми жаждой власти; и постепенно к тому времени, когда они придут домой из университета, треть их жизни уже будет растрчена на существование согласно программе. А ведь это длительный процесс — двадцать пять лет — и распрограммировать их теперь становится трудно. Кроме того, это не осуществимо, если сам человек не хочет распрограммироваться.

Саньяса просто означает вашу готовность к распрограммированию. Если человек к этому готов, это может быть сделано очень быстро. Но если человек цепляется за свою программу, тогда это очень трудно; это не может быть сделано против вашей воли. Это может быть сделано только в результате вашего добровольного сотрудничества, только в результате вашей глубокой сдачи, вашей обращенности к новой жизни.

Становясь саньясином, человек заявляет самому себе: мне больше нет дела до того, что говорят обо мне другие.

Один только этот критерий может стать сердцевинной всего вашего изменения. Вся ваша жизнь будет прожита в совершенно ином свете. Вы обретете настоящую перспективу. Вы не будете ограничены обществами с их меняющимися нравами и моральями. Мораль меняется подобно моде: то, что хорошо сегодня, завтра становится плохим.

На протяжении веков войны были хорошими, а теперь они плохие. Для вегетарианцев невегетарианская пища — величайший грех. Для невегетарианцев же такая проблема вообще не возникает. Они смотрят на вегетарианцев, как на каких-то свихнувшихся, двинутых, повернутых — как на чокнутых!

А между тем все эти мнения не имеют никакого отношения к реальным проблемам жизни. Человек должен стоять на своих собственных ногах и принимать во внимание только одно: все, что я делаю, должно согласовываться с моим светом, моим внутренним светом. Единственным решающим фактором должно быть мое сознание.

Я не даю вам идеалов. Если у вас есть идеалы, вы можете пасть. Я не даю вам никаких идеалов — я даю вам только озарение. Если я

пытаюсь сделать вас совершенными, вы падете, так как оставаться совершенными невозможно.

Если учитель учит вас никогда не гневаться, то возникает возможность падения, потому что он требует от вас того, что не свойственно человеческой природе. Наступят такие мгновения, когда появятся гнев. К тому же гнев иногда бывает вполне приемлем.

Эти так называемые хорошие люди, призывающие никогда не гневаться, всегда становятся частью общества — каким бы безобразным, каким бы деспотичным и эксплуататорским оно ни было. Они становятся его частью, потому что они не могут гневаться, не могут бунтовать. А между тем в бунте есть что-то прекрасное — это квинтэссенция человеческого духа.

Вы мне не последователи

Функция ученичества в том, чтобы позволить себе почувствовать благодать того, кто это вкусил. Смотреть глазами Мастера, ощущать его руками — единственный способ косвенного доказательства существования Бога. Стоит только вам влюбиться в благодать Мастера, как ваша жизнь радикально изменится. Но нужно быть доступными и достаточно смелыми, чтобы умереть для прошлого и позволить новому родиться в вас.

Меня заботит не то, что вы будете делать, когда откроетесь. Меня заботит, прежде всего, ваша открытость — вот главное и определяющее. Прежде чем открыться, человек должен быть большим эгоистом, иначе он может попусту растратить свою жизнь. Человек должен вложить всю свою энергию в открытие себя. И как только произойдет это открытие, я не стану больше давать никаких указаний. Я скажу, что теперь вы можете получать указания от самого Бога.

Мастер нужен для того, чтобы помочь тебе открыться — и тогда работа его будет сделана. Тогда ты столкнешься лицом к лицу со своим Богом. Тогда ты можешь обо мне забыть. Ты можешь просто двигаться со своим Богом, куда бы он тебя ни вел, ага? Если он ведет в танец — танцуй. Если он ведет в песню — пой. Если он ведет в служение бедным — служи. А если он говорит: «Просто сядь под деревом — в этом и будет состоять твое служение мне», тогда садись под дерево, и пусть твоя вибрация окутает всю землю. Но это зависит от конкретной ситуации; это индивидуально. И у меня нет для тебя никакой принудительной дисциплины.

Функция Мастера — помочь вам, соблазнить вас, побудить вас к прыжку. И если Мастера любят, если ему доверяют, то все тогда будет проще простого. Вся саньяса состоит в одном только доверии. В доверии легко можно сделать прыжок, без доверия же это невозможно. Сомневаясь, вы не способны сделать прыжок, потому что все время будете в нерешительности: делать его или нет, и все время будет оставаться это или-или, или-или, или-или. Умом решить невозможно, так как ум не в состоянии знать неизвестное, он так и остается привязанным к известному. Вы ведь никогда не переживали встречи с целым, а значит это риск. Для риска на самом деле требуется особое качество: недожинная смелость — чтобы доверять и отбросить всякое сомнение.

Вопреки всем сомнениям, человек влюбляется в того, кто уже познал, кто уже совершил прыжок, кто уже нашел. И в этом доверии человек делает квантовый скачок. Один единственный шаг. Как только вы совершили прыжок, никто уже не сможет вам помешать. Даже если вы сомневаетесь — а на этом пути вы можете сомневаться — здесь все-таки не о чем беспокоиться, вы все-таки достигнете того озера, ведь вы же не можете висеть где-то в воздухе.

Поэтому стоит только кому-то совершить прыжок, как я уже совсем не беспокоюсь об этом прыжке. Я даже не взгляну: с этим все закончено. Я стану работать с кем-то другим, так как вам все равно нигде удержаться в воздухе, и неминуемо придется идти до самого дна. Так что стоит только кому-то совершить прыжок, как моя работа закончена.

Саньясинка говорит, что у нее есть много сомнений на его счет, но сейчас на несколько мгновений она перестала сомневаться.

Сомнения возникают, потому что вы пытаетесь в меня верить. А кто вам сказал, что в меня нужно верить? У всех верующих есть сомнения. Так что перестаньте в меня верить, и сомнения тогда прекратятся: ведь когда вы не верите, то вопрос о сомнении просто не возникает. Когда вы не верите, вы можете меня увидеть — и тогда возникнет доверие. А это совсем другое явление.

Таково различие между доверием и верой. Вера — это что-то ложное, оно приходит с усилием. Вы пытаетесь в меня поверить, вы напряженно над этим работаете. Но как долго можете вы напряженно работать? В какое-то мгновение вы расслабитесь, и тогда вас снова обуревают сомнения. Ваша вера — это разновидность напряжения, вы вызываете ее силой. Никакая вера не сможет убить сомнения, никогда не сможет. В лучшем случае ей удастся его подавить, но тогда вам придется бороться двадцать четыре часа в сутки, а это изнурительно. И когда вы так долго боретесь, вы обязательно должны отдыхать. Но когда вы станете отдыхать, сомнения снова взгромятся вам на грудь. И тогда вы снова вступите в борьбу...

Отбросьте веру, и сомнение исчезнет. А когда нет ни сомнения, ни веры, тогда открываются глаза.

Просто видьте меня. Просто будьте со мной — вот и все. Не нужно верить. Забудьте о всякой вере.

Именно это случилось сейчас. Сидя здесь, ты не предпринимаешь никаких попыток. Ты забыла о своей борьбе веры и сомнения. Ты просто слушала меня, ты просто чувствовала меня. Ты сказала, что в эти несколько мгновений сомнений не было. Но ты не поняла, как это случилось. В эти несколько мгновений не было веры и не было сомнений. То было совершенно иное измерение.

Ты просто была здесь. Чувствовала мое присутствие. То было прямое столкновение — вот и все. И не истолковывай это теперь как веру — что-де за эти несколько мгновений ты пришла к вере — потому что тогда снова придут сомнения.

Попробуй понять, как это случается, прямо здесь и сейчас. Я тот же, ты та же. Так почему за эти несколько мгновений это произошло? Почему тогда это не может случаться постоянно? Ты только попробуй понять механизм происходящего и расслабляйся в эти мгновения все больше и больше. Не нужно в меня верить — но тогда и сомневаться во мне нет смысла. Я предоставляю тебе полную свободу от

веры.

Медитация, которую ему посоветовали делать, не решила проблемы этого саньясина.

Вопрос мой затрагивает мое доверие к Вам... Когда моя проблема не решается, я начинаю спрашивать себя: действительно ли Вы меня знаете или только ставите надо мной эксперимент?

Знаю ли я тебя, так? Все это могло бы уже разрешиться — но что бы я ни говорил о будущем, это всегда возможность, а не определенность. Я не говорю, что это будет решено... я просто говорю, что это может быть решено. Но ты сам не хотел, чтобы это было решено. Если бы это было решено, ты не чувствовал бы за собой такой правоты, которую ты чувствуешь сейчас.

Будущее всегда открыто не до конца. У нас может быть определенность только в отношении прошлого, но никак не в отношении будущего. Я могу видеть то, что возможно, но ведь существует тысяча и одна возможность, а осуществится только одна. Я даю тебе метод, с помощью которого можно попытаться ее осуществить. И если бы ты действительно этого хотел, это бы произошло — но ничто не происходит против твоей воли.

Наблюдай за своим собственным умом: глубоко внутри, очень глубоко внутри ты не хотел, чтобы это произошло. На поверхности ты делал все возможное, то есть я посоветовал тебе, и ты попытался следовать моему совету. Ты доверял мне и поэтому пытался следовать, однако глубоко внутри какая-то часть тебя не хотела, чтобы это произошло — быть может, она была очень бессознательной, быть может, ты и теперь ее не замечаешь — вот и не произошло этого.

Ничто не может произойти против твоей воли, и я здесь не для того, чтобы вызывать что-то против твоей воли. Я могу просто указать тебе путь и посоветовать тебе ему следовать. Вот почему у тебя такое сильное чувство собственной правоты. Ты же счастлив, что это не произошло.

И еще: помимо всего прочего, у тебя была прекрасная возможность усомниться во мне. Это тоже всегда присутствует: скрываясь за доверием, неотступно присутствует сомнение. И я не говорю, что здесь что-то не так: это естественно. Ты ведь *ничего* не делаешь абсолютно — как же ты можешь абсолютно мне доверять? Это невозможно, это не соответствует человеческой природе... И этого я тоже жду.

Доверие твое — это пласт; за этим пластом лежит более глубокое сомнение. Ты будешь находить для сомнения любую возможность, и где бы ты ни находил такую возможность, ты ее никогда не упус-

тишь; на самом деле ты будешь упускать много возможностей для доверия, но ты никогда не упустишь ни одной возможности для сомнения. Понаблюдай за этим.

Если я буду давать тебе сто возможностей, девяносто девять из которых будут подкреплять твое доверие, ты можешь их упустить, зато ты не упустишь ни одной, что создает сомнение. Это очень похоже на тот случай, когда я проявляю девяносто девять процентов любви и один раз гневаюсь — всего-навсего одно проявление гнева — а ты уже не можешь это забыть, не можешь простить. Ты забываешь все эти девяносто девять проявлений любви. Но это проявление гнева становится чрезвычайно важным, потому что глубоко внутри ум так и дожидается того, чтобы подпитаться чем-нибудь негативным.

Ты только наблюдай за действиями ума и всегда помни — не только в отношении этого, но и на будущее: что бы я ни говорил, это всего лишь возможность, а осуществится она или нет — это уже зависит от тебя.

Я предоставляю тебе полную свободу — таков мой метод работы. Я мог бы всем этим манипулировать, я мог бы что-то вызвать у тебя силой, но это не было бы уже моей работой, это уже не моя работа, и это также не сделало бы тебя счастливым.

Так что помни об этом и впредь. Мое доверие ни от чего не зависит. И твое доверие ко мне должно быть безусловным — только тогда это доверие. Если оно зависит от каких-то условий, тогда оно не может долго длиться, оно уже мертво.

Саньясинка говорит, что ее чувства в отношении саньясы и ее Мастера неустойчивы. Она знает, что должна взять ответственность за то, что с ней происходит, но не знает, что ей делать в этом замешательстве.

В начале всегда бывает замешательство, однако все то, что причиняет тебе сейчас беспокойство, только докажет надежность опоры. Это очень похоже на рытье колодца; когда ты начинаешь рыть яму, ты не получаешь тотчас же воду. Сначала тебе попадают сухая земля, потом постепенно земля становится все чище, затем она делается влажной, после чего идет грязная вода, и уже только потом ты получаешь чистую воду.

Процесс прорывания внутрь себя в точности такой же. Вначале ты получаешь только мусор, потому что это твой первый слой — гнев, ревность, ненависть, уныние — этот хлам есть. И когда ты на-

чинаешь вкапываться, то перво-наперво тебе приходится сталкиваться с ним. Так что не переживай из-за этого: это всего-навсего часть процесса. Но если ты, не смотря на это,ходишь чуть глубже, то уже начнет появляться кое-что получше. После того, как будет покончено с гневом, возникнет сострадание — оно совсем рядом, сразу же под гневом: каждый гневливый человек — потенциально страдающий человек.

Сначала тыходишь и обнаруживаешь жадность. Но если ты продолжаешь копать, если жадность не подавляет тебя, то вскоре ты обнаружишь возникающую из-под нее способность делиться. И так во всем! Прямо за твоей ревностью присутствует качество любви.

И нужно неотступно продолжать копать. Разумеется, сначала бывает замешательство: ведь столько всего вырывается наружу. Но уже в следующий раз, когда ты окажешься здесь, все начнет улаживаться, а между тем продолжай медитировать, чтобы все начатое не было бы сведено тобою на нет, иначе тебе все придется начинать с нуля.

Поэтому если ты иногда чувствуешь, что это причиняет тебе беспокойство... так оно и есть! — все это вносит сумятицу, и в тебе никогда уже не будет того комфорта, который обычно был, пока ты не начала через это проходить. Однако тогда ты впервые успокоишься и с облегчением вздохнешь.

До того, как началось это замешательство и эта сумятица, твой покой и твоя легкость были всего лишь обманчивыми идеями. Ты сидела на вулкане и думала, что все превосходно — а между тем вулкан может извергнуться в любую секунду.

Но теперь ты начала осознавать этот вулкан — ты знаешь, что внизу находится он — поэтому ты не можешь безмятежно сидеть. И все же эта ситуация лучше предыдущей, так как тогда ты совершенно не осознавала вулкана; ты сидела себе на его вершине и радовалась. Теперь же ты не способна радоваться, так как знаешь: здесь вулкан. И что-то приходится делать, иначе он в любой день может извергнуться, и тогда будет слишком поздно. Тебе приходится отдаляться от него прочь, тебе приходится искать для своего бытия какое-то другое пространство, какой-то другой способ жизни. Вот в чем состоит все это замешательство. Это замешательство говорит тебе, что та жизнь, которая была у тебя до сих пор, оказалась неправильной.

И, естественно, ты перекладываешь всю свою ответственность на меня. Этого стоило ожидать — в этом нет ничего плохого. Это тоже часть твоего ума: мы никогда не желаем брать на себя ответственность. Если ты чувствуешь гнев, если ты чувствуешь замешательство, ты говоришь: «Это дело рук того-то. В данном случае это Ошо — это его рук дело!» А между тем это ваше прошлое: вы всегда перекладываете ответственность на кого-то: на мать, отца, общество, врага — но всегда на кого-то!

Как только человек становится религиозным, в тот же день он начинает возлагать всю ответственность на себя. И в тот день, когда человек говорит: «Теперь отвечаю я, что бы со мной ни происходило, отвечаю я» — он также становится зрелым.

С тобой никогда не происходит того, за что ты не отвечаешь. Вся ответственность в конечном счете лежит на тебе. Но это ведь очень пугает, ага? — взвалить на себя всю ответственность. И чувствуешь, что тебя начинает пригибать к земле — ноша непомерно тяжела. Но до тех пор, пока ты не взвалишь на себя эту ответственность, ты так и останешься незрелым ребенком и будешь по-прежнему искать глаза образ отца.

А я не образ отца.

Несколько минут Ошо разговаривал с лидером группы насчет его работы в новой группе, напоминая ему, что, чем меньше он знает, тем больше свободы возможно для участников. Когда же лидер считает себя врачом, он вызывает зависимость — говорит Ошо.

Мы стараемся помогать людям так, чтобы они становились независимыми, чтобы они подошли к той точке, где помощь больше не нужна, где они смогут вас поблагодарить, почувствовать благодарность и сказать «до свидания». Общество сделало людей беззащитными, беспомощными. Причем страх внедрен так глубоко, что они все время ищут кого-то, кто принимал бы за них решения — некоего эксперта, лидера, кого-то, кто может сказать «делай то-то!» И тогда они успокаиваются: они знают, что это говорит тот, кто знает.

Но это же вызывает конфликт между Вами и мною. Судите сами: я не знаю, нуждаюсь ли я в вас... Я думаю, что я нуждаюсь, но когда я слышу от Вас такие вещи, я начинаю думать, что Вы меня учите, что я не нуждаюсь в Вас.

Я учу вас не нуждаться во мне — но как раз для этого я вам и нужен.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы сделать вас свободными. Я беру вашу руку в свою, но вовсе не для того, чтобы держать ее во веки вечные, ибо это станет ограничением для вас и обузой для меня. Это не делает вас свободными, а только закабалит и

меня, и вас. Я беру вашу руку с тем, чтобы оставить ее как можно скорее. И все мое благословение, вся моя молитва сосредоточена на том, чтобы вы как можно скорее обрели способность совладать с тем, что я оставил вашу руку..

Выбор времени вы должны оставить за мной. Так как, если решать будете вы, то скорее всего решать будет эго. И трудность состоит вот в чем: если решать будет эго, вы оставите мою руку раньше, чем это нужно — и тогда вы останетесь зависимыми.

Но меня не оставляет в покое вот какой трюк: Вы будете держать мою руку до тех пор, пока я сам ее не выну. И в этот момент Вы скажете «да» — а между тем я сам вынимаю свою руку.

Это-то как раз и есть эго, которое создает для себя новые владения: вы-де должны что-то делать.

Нет, в тот мигновение, когда вы будете готовы, вам уже нигде не найти моей руки. На самом деле мне и говорить-то это сейчас не следовало бы, однако моей руки здесь вовсе нет. В то мигновение, когда вы будете готовы, вы ощутите в себе полноту свободы — никто не держит вас за руку.

Я так и подозревал (смеется). Вот в чем дело: я так и подозревал.

Но это тоже игра эго — оно будет подозревать, будет говорить, что вы должны что-то сделать, что вы должны выдернуть свою руку. И т. д., и т. п.

Слушайте его, но не сотрудничайте с ним. Для этого нужно только время.

Саньясин спрашивает, как ему принять авторитет Ошо.

Нет, не принимай мой авторитет — постарайся понять то, что я говорю. Одно и то же явление можно рассматривать и как авторитет, и как понимание — а между тем это разные вещи.

Я что-то говорю... и если ты принимаешь это без понимания, если ты говоришь, что должен делать это, потому что я так сказал — тогда я снова стану твоим папой. Я снова собью тебя с толку. Вопрос не в том, кто папа. Стоит только тебе принять чей-то авторитет без понимания, как ты уже сошел с правильного пути. Теперь ты уже не будешь делать ошибок, не будешь искать собственной дороги. Теперь тебе хочется покончить со всяким продвижением ошупью. Тебе хочется чего-то легкого, готового.

Что бы я ни говорил, постарайся понять. Если ты поймешь и будешь следовать этому, потому что теперь это стало твоим пониманием — тогда другое дело.

Ты меня понимаешь? Решающим фактором в конечном счете должно стать твое понимание. Понимание — вот единственный авторитет.

Что бы я ни говорил, это не теория, а факт, так что мне нет надобности навязывать какой бы ни было авторитет, я ведь знаю: если ты постараться понять, ты поймешь. Авторитет нужен тогда, когда утверждается что-то не основанное на фактах. Если я скажу тебе «поступай так-то, ибо так велел Бог», а ты не знаешь, велел ли так Бог или нет — и это невозможно преподнести как-то иначе. А между тем, что бы я ни говорил, это простая истина без всякой теоретической тарабарщины.

Не допускай никакого авторитета — в том числе и моего — это собьет тебя с пути. Двигайся сам по себе. И если ты в ходе своего движения чувствуешь, что этот человек может тебе помочь и предпочитаешь воспользоваться моей помощью, пользуйся ею, пропуская ее через свое понимание. И дело не в том, что все сказанное этим человеком является истинным — его слова становятся истинными благодаря твоему пониманию. Твое понимание — это единственное доказательство.

Мои саньясины — не последователи, а возлюбленные мои, друзья. Я здесь для того, чтобы давать вам не детальное руководство, а лишь несколько намеков то здесь, то там, несколько ориентиров то здесь, то там. А потом я оставляю вас одних с тем, чтобы вы начертили свою собственную карту, подогнули свою одежду под свой размер и фасон и двигались в ту неизведанную территорию, что пролегает внутри вас и никогда не повторяется. Она ваша и только ваша.

Не принимайте меня за крупный авторитет — я не таков! Если вы принимаете меня за крупный авторитет, то рано или поздно вы взбунтуетесь против меня и скажете «нет».

Само слово «авторитет» не верно по отношению ко мне: я же совсем не авторитарный! Я не даю вам никаких указаний, не говорю вам «делайте это и не делайте то» и что, если вы будете делать это, вы заслужите поощрение и награду, а если вы будете делать то, вы будете наказаны и брошены в ад — я этого не говорю. Я не говорю, что, если вы будете делать это, вы станете добродетельными, а если не будете делать этого, вы превратитесь в грешников. Я вас не порицаю, я вас совсем не осуждаю. Как же я могу быть авторитарным?

Я принимаю вас такими, какие вы есть, и приятие мое абсолютно полное. Я люблю вас. Я не являюсь авторитетом. Если я и предлагаю что-то, то это делается из любви, а не из-за авторитаризма. И вам решать, принимать мое предложение или не принимать. Если вы его принимаете — хорошо, если вы его не принимаете, то это так же хорошо. Я не сержусь. Это ваш выбор, ваша свобода принимать его

или не принимать.

С авторитарным же человеком ситуация выглядит так: если он вам приказывает что-то сделать, а вы не делаете, то вы идете против него — и тогда он разгневется и накажет вас.

В Ветхом Завете иудейский бог говорил: «Я очень гневливый бог, и если вы за мной не последуете, я вас уничтожу». И этот иудейский бог дает евреям десять заповедей-руководств и заявляет: «Я не только гневлив, но и очень ревнив! Если вы станете поклоняться другим богам, я низвергну вас в вечный ад!»

Вот что такое авторитаризм.

Восточный же мир совершенно иной. Будда говорит: «Будь светом для самого себя». Любимый Будда скажет: «Самое большое, что я могу сделать, — это быть твоим другом. Я могу указать путь, но я не могу навязать тебе его силой. Если ты выбираешь, то ты выбираешь, исходя из своей свободы, и, когда ты выбираешь, вся ответственность возлагается на тебя». Это необходимо запомнить!

При авторитарном человеке хорошо одно: ответственность лежит не на вас, а на нем. Вот почему люди любят авторитарных людей: вы можете отбросить всякую ответственность, от вас лишь требуется следовать распоряжениям. Если он говорит «иди этим путем», то иди этим путем, а если что-то идет не так, то за это отвечает он.

Люди нуждаются в авторитетах — в ком-то, кто сказал бы им, что надо делать это и не надо делать то. Они нуждаются в лидерах, вроде Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина или Мао Цзэ-дуна — весьма самонадеянных в своем авторитаризме и уверенных в своей непогрешимости. Ага? — кстати, одним из основных положений римских пап является их непогрешимость.

И все же люди нуждаются в подобных личностях. Почему? — потому что тогда они могут избавиться от своей ответственности, могут стать рабами. И тогда у них уже не бывает проблем, не бывает тревог: обо всем позаботятся вожди.

Люди не желают быть свободными — они хотят быть рабами. Что бы там они ни говорили, а в глубине души они хотят быть рабами. Поэтому они стремятся к авторитетам.

А между тем, когда вы попадаете в руки авторитета, возникает двойственность: одна ваша часть хочет, чтобы я был авторитетом, ведь тогда у вас появляется возможность избавиться от ответственности, а другая ваша часть, ваша настоящая часть, ваша подлинная часть, стремится к свободе и поэтому говорит «нет!» Отсюда — конфликт... Но я на стороне вашего «нет», так как оно более привлекательно.

Поэтому слушайте меня, однако следовать за мной нет никакой необходимости. Когда вас не принуждают следовать, вы можете лучше слушать, потому что тогда не возникает проблемы: вы же просто

слушаете. Если мои слова нравятся вам — хорошо; но когда они привлекают вас, вы будете следовать за вашим собственным умом — потому что это притягивает вас. Вы не будете следовать мне и ответственность возложится на вас.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы сделать вас как можно ответственнее. Я не хочу вас искалечить. Я не хочу, чтобы вы попали от меня в зависимость. Как я могу этого хотеть? Я же люблю вас! Я так сильно вас люблю, что хотел бы видеть вас как можно более независимыми, совершенно независимыми, потому что только тогда человек становится прекрасен; тогда у него есть душа!

Так что «нет» исходит как раз из вашей идеи авторитаризма. Отбросьте эту идею — и «нет» исчезнет. Я совсем не авторитет! Если вы однажды отбросите эту идею, откуда тогда возьмется «нет»? Для «нет» тогда не окажется возможности: я ведь просто друг.

Вы можете слушать или не слушать, можете действовать согласно моим словам или не действовать согласно моим словам. Но если вы слушаете меня с любовью, то, независимо от того, действуете вы или нет, понимание ваше будет продолжать расти... а это самое главное. И вы будете действовать, исходя из собственного понимания. А как вы можете действовать по-другому? Вот почему я продолжаю говорить — продолжаю говорить и утром, и вечером. Все мои усилия направлены на то, чтобы сделать ваш ум более ясным, более понимающим, с тем, чтобы вы могли действовать по собственному разумению.

Ни о чем не беспокойтесь: я ведь с вашим «нет». Помните об этом!

Саньясин говорит, что он склонен позволять своей женщине контролировать его, но затем прекращает с ней отношения, и это дает ему много энергии. Однако после этого он теряет направление, и ему кажется, что уже ничего не остается, как вернуться обратно.

Да, так оно и бывает! Ты только посмотри: это стало твоим шаблоном. Тебе несколько дней придется оставаться в вакууме — только тогда этот шаблон будет сломан — иначе невозможно.

Ловушка вот где: ты что-то делаешь и чувствуешь себя хорошо. Ага? — кто-то стал для тебя авторитетом, ты следуешь ему, и все идет вполне хорошо. Однако потом возникает проблема, и твой внутренний дух начинает бунтовать. И тогда это опять-таки хорошо, так как

в этом «нет» ты тоже чувствуешь энергию, силу. Но эта сила может чувствоваться лишь тогда, когда существует какой-то авторитет. И поэтому ты связан двойным узлом.

Без авторитета ты не мог бы сказать «нет». А если ты низвергаешь авторитет, «нет» исчезает. Но тогда ты опять-таки попадаешь в затруднительное положение, ведь энергии тогда уже больше не остается. И ты снова пускаешься в поиски авторитета: когда появляется авторитет, появляется «нет». Ты должен увидеть этот замкнутый круг: авторитет привносит «нет», «нет» привносит авторитет.

Увидев это, ты поймешь, что попал в слишком большую зависимость от своих родителей в прошлом и что этот шаблон продолжает воспроизводиться. Ты покамест не смог от них освободиться; ты еще не убил своих родителей.

Всего несколько дней назад я беседовал о сутрах Будды. Будда говорит... один саньясин отправлялся в дальний путь для выполнения какой-то работы, и Будда говорит: «Видите того счастливца? Он убил своих отца и мать и с тех пор стал совершенно счастливым».

Ученики, конечно, смущены и озадачены его словами: «Он убил своих отца и мать и с тех пор стал совершенно счастливым? О чем вы говорите, господин? — недоумевают они. — Это же величайшее преступление в мире. Как он мог стать счастливым, убив своих отца и мать?»

И Будда объясняет: «Это не внешний отец, не внешняя мать, а внутренний отпечаток; он полностью уничтожил внутри себя родительскую власть».

Именно об этом ведет речь Иисус, когда говорит: «Пока вы не возненавидите своих отца и мать, вы не последуете за мной». Христиане никогда не могли этого объяснить. Всякий раз, когда возникает вопрос, почему Иисус так говорил, они чувствуют некоторую растерянность. Такой человек, как Иисус, который говорит о любви и сострадании, вдруг заявляет: «Пока вы не возненавидите своих отца и мать...?»

Таков и мой подход: пока ты не освободишься от своих отца и матери, они будут и дальше создавать тебе проблемы. И дело не в том, что они не правы — все дело в тебе, весь вопрос в тебе.

На каком-то этапе было необходимо, чтобы твой отец был авторитетом, чтобы твоя мать была авторитетом — иначе ты бы вообще не рос, ага? Просто ты был до того не сведущ в мире и его проблемах, что они прямо-таки обязаны были тебя подготовить.

Ребенок не способен понимать доводы, не способен понимать аргументы и глубоко входить в анализ, причины и т. п. И ему просто необходимо говорить «делай это!» Вы не можете философствовать, не можете морализировать и не можете глубоко входить в причины: ребенок не поймет. И вам приходится быть предельно ясными.

Современные психологи говорят, что женщины из-за этого стали очень авторитарными, ведь им приходится иметь дело с детьми. Отец уходит на целый день в офис или на фабрику или куда-нибудь еще, и матери ничего не остается, как быть авторитетом, ведь дети ее постоянно донимают. И если она будет при этом все время объяснять, она не сможет ничего делать... к тому же объяснения опять-таки не помогут. Она говорит: «Тише! Прекрати! Не задавай глупых вопросов! Это так — и это так потому, что я так говорю».

И вот женщина постепенно начинает со всем этим свыкаться, и тогда она становится такой же, как муж: она становится авторитарной. Она тогда забывает, что не должна быть авторитарной по отношению к мужу. Она заявляет: «Как я сказала, так и будет. Мы пойдем на этот фильм и больше никуда. Мы должны сделать это».

По наблюдениям психологов, голос женщины до замужества не так тверд, не так категоричен, в нем есть нотки нерешительности. Но после замужества, а тем более после рождения ребенка, голос их становится непререкаемо тверд и авторитарен.

А им поневоле приходится быть авторитарными. Однако из-за того, что они делают это бессознательно, они помогают и одновременно вредят ребенку. Они помогают до поры до времени, но потом этот авторитарный голос продолжает звенеть в ушах, и ты всегда будешь искать образ отца или матери — кого-то, кто взял бы за тебя ответственность. Ты так и останешься ребенком, ты не будешь расти. Рост будет отзывать болью... и зачем расти, когда можно найти отца? Но при всем при том ты постоянно будешь чувствовать себя незрелым, отсюда — импульс к росту. Как ты можешь отбросить этот импульс к росту?... И конфликт продолжается.

Постарайся это понять. Исследуй это и оставайся в вакууме. И отбрось на этот раз идею, что я твой авторитет — и заметь: когда ты отбрасываешь эту идею, «нет» начинает исчезать. Ибо оно не способно существовать без положительного — оно — тень положительного — поэтому оно исчезает. И тогда оставайся в вакууме.

Будь самостоятельным, оставайся с самим собой. Даже если ты делаешь что-то неправильное, в этом нет ничего плохого. Это даже хорошо — но только делай это самостоятельно. Два-три месяца просто будь сам по себе. Слушай свое сердце и действуй в согласии с ним. И хорошо, если ты совершишь несколько ошибок; по сути дела, только на ошибках и учатся. Никогда не делай дважды одну и ту же ошибку — что верно, то верно, но каждый день совершай новые ошибки. Находи себе какие-то новые занятия, испытывай новые идеи, новые направления. И продолжай совершать ошибки — в этом нет ничего плохого.

Два-три месяца оставайся в вакууме с самим собой, и тогда ты сможешь, наконец, смотреть на меня как на друга, а не как на авто-

ритетную фигуру. И тогда тебе от меня будет больше пользы, потому что я не буду тебе врагом. Я не стану удерживать тебя в твоём детстве: я буду дверью в твою зрелость.

И в этом заключается все дело Мастера: помогать тебе становиться зрелым.

А между тем из ста так называемых Мастеров девяносто девять просто делают тебе замену твоего отца. Это не простое совпадение, что слово «папа» означает «отец», что слово «бапу» означает «отец», что христианский священник и Бог известны как «отец». Все это проекции одной и той же идеи.

Отбрось же эту идею! Пусть Бог будет твоим другом. И тогда наступит свобода, и вместе с этой свободой начнется рост.

Тот, кто следует за другими, не доверяет себе, поэтому он и следует за другими. Тот же, кто доверяет себе, учится у других, но не следует им. Он следует своей собственной интуиции. Каким бы ни был риск, он никогда не идет на компромисс.

Для того чтобы быть самим собой, необходима смелость и безграничная преданность самому себе. Инициация в саньясу это не инициация в последование. Я против всякого последования. Инициация в саньясу — это как раз подготовка вас к тому, чтобы быть самими собой, чтобы быть смелыми; это бунт против всяких страданий и всяких программ, что заставляют людей страдать.

Саньяса означает индивидуальность. Вы должны впитывать мой дух, участвовать в моем бытии, но не быть последователями, не быть подражателями. Именно этим и занимались по сей день все религии: они создавали подражателей, псевдо, лицемеров, ханжей. Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь вам быть смелыми и доверять своему собственному бытию, доверять своему собственному голосу. Я не учу вас преданности мне — я учу вас преданности вашему собственному потенциалу.

Настоящий Мастер всегда отбрасывает ученика к его собственным внутренним глубинам. Он не позволит ученику цепляться за него. А ученику хочется цепляться, ученику хочется быть зависимым, ученику хочется быть направляемым, руководимым, обеспеченным программой, но настоящему Мастеру приходится бороться с учеником. Ему приходится делать что-то идущее вразрез с желаниями ученика. И в этом состоит различие между истинным и ложным Мастером: ложный Мастер оправдывает ваши ожидания, он никогда вас не разочаровывает; истинный же Мастер разочаровывает вас буквально на каждом шагу, он никогда не оправдывает ваших ожиданий. Он действительно огорчает вас, ибо это единственный способ свести на нет то, что сделало с вами общество, это единственный способ привести вас к полной свободе.

Я не отвечаю за то, чтобы вас открыть. Если вы закрыты, вы так и останетесь закрытыми. А если вы открыты, то это значит, что вы сделали для себя что-то прекрасное и доброе. Это всецело зависит от вас. Так что запомните это, ибо вас обучили иметь определенную идею, которой вас снабжает чаще всего психология. Если вам плохо, вы говорите: «Моя мать не была добра ко мне — это она виновата». Фрейд всю ответственность перенес на мать. Бедная мать! Впрочем, теперь уже ничего не поделаешь: матери здесь больше нет, вы не можете снова стать детками — так что с этим все кончено. И вы принимаете себя такими, какие вы есть — обречены принимать.

Фрейд говорит, что во всем виноваты родители. Маркс говорит, что во всем виновато общество. И есть также аналитики, которые находят то одно, то другое. Однако никто не говорит, что ответственность лежит на вас. Это очень запутанное и хитрое дело.

На самом деле отвечаете вы — не ваша мать, не ваш отец, не ваше общество. Я знаю: они дали вам определенную среду, и тем не менее выбор остается за вами. В той же самой среде кто-то другой вырос по-другому. Я мог в той же самой атмосфере вырасти по-другому. А почему вы не можете? Ваш брат в той же самой семье может расти по-другому, не так, как вы. Так, среда хоть и играет какую-то роль, но отнюдь не самую главную. Главное — это ваше отношение.

Здесь находятся люди, которые думают, что это я отвечаю за то, чтобы помочь им в их просветлении. И если они не становятся просветленными, то виноватым оказываюсь я. А что я могу с этим сделать? Они сами создают всевозможные преграды, а отвечать приходится мне! Они уедут и скажут, что находились здесь год или два, но так ничего и не произошло.

Ваша ответственность абсолютна. Стоит только вам это понять, как вы увидите, что что-то можно сделать, так как постоянное перекладывание ответственности на чьи-либо плечи это не выход из положения. Это глупо, так как вы попусту растрчиваете свою жизнь.

Мастер не может снабдить вас подробной картой этой территории, так как никакой карты не существует. И никакая карта не может быть составлена по той простой причине, что каждая индивидуальность настолько уникальна, что, если составить карту, то она будет применима исключительно к тому человеку, который ее составил. Если карту составит Будда, она будет истинной постольку, поскольку имеет отношение к Будде; если карту составлю я, то она будет истинной постольку, поскольку имеет отношение ко мне. Проблема же возникает тогда, когда люди начинают подражать и пытаться следовать по маршруту, начертанному в этой карте.

Моя карта будет отвлекать вас от самих себя — вы начнете мне подражать. Поэтому, видя уникальность каждой индивидуальности, настоящий Мастер никогда не будет давать карту. Настоящий Мастер

всегда будет уважать уникальность каждого человека, поэтому он может дать вам лишь несколько намеков. А вы должны понять эти намеки и продолжать путешествие без всякой карты.

Последователь — явление весьма заурядное. Существует огромная дистанция между последователем и тем, за кем он следует. Это подходит для политики: там имеются последователи и вожаки. В религии же нет вожаков и нет последователей, а есть просветленные и любящие их — влюбленные в них. Следование весьма заурядно. Следование означает, что вы логически убеждены в правильности того, что говорит Христос. Однако это всего-навсего интеллектуальная убежденность.

Любовь же означает, что вы убеждены не интеллектуально, не головой, а сердцем.

Существуют два способа прожить свою жизнь: либо обнесение себя стенами и отъединение от целого — это путь эго, путь ума. И другой стиль жизни — превращение всех стен в мосты. Это путь медитации, путь, где отсутствует эго.

Первый живет в аду, и за это отвечает только он сам. А второй живет в раю, и за это тоже отвечает только он, и больше никто. Это ваш выбор, и поэтому никогда не вините звезды, никогда не вините судьбу, не ограничивайте свою ответственность, не перекладывайте ее на плечи кого-то еще.

Это один из основополагающих моментов саньясы: я отвечаю за все, что со мной происходит. Отвечаю только я, и больше никто. Стоит только принять эту ответственность во всей ее полноте, как жизнь начнет проходить через революцию — революцию, что приносит тысячи благословений и даров.

Всегда помните: я здесь для того, чтобы помочь вам стать более свободными. Если вы чувствуете, что саньяса становится для вас обузой, что она для вас тяжела, и, вместо того, чтобы стать помощью, мешает вам, тогда немедленно уходите из нее — и не чувствуете никакой вины. Я буду последним человеком, если вызову в ком-то какую бы то ни было вину.

Медитируйте над этим. Если вы чувствуете, что все это стало для вас ограничением и без саньясы вы были бы свободнее, в таком случае я всегда за свободу. Прекрасно зная, что вы не правы, я тем не менее всегда на стороне свободы — даже если она иллюзорна.

Я сумасшедший, я продолжаю говорить такое... Впрочем, мне не за чем верить, ибо тогда станут возникать сомнения. Просто слушайте меня. И если вы чувствуете склонность это делать — делайте! А если вы этого не делаете, то не нужно чувствовать вину.

Если вы правильно меня понимаете, то никогда не спрашивайте моего совета о частностях, потому что это может превратиться для вас в проблему. Оставайтесь просто живыми, спонтанными и полными чувств. Где бы ваш подсолнечник ни почувствовал солнце, разрешайте себе чувствовать и никогда не слушайте никаких других соображений.

Это смелость и подлинность. Подлинность — одна из величайших ценностей в жизни. С ней ничто не сравнится.

Религия учит вас следовать своему собственному внутреннему чувству и все ради него ставить на карту, всем рисковать, проживать свою жизнь и делать свое дело. Будьте подлинными. Будьте сами по себе и никогда не становитесь копией.

Я здесь для того, чтобы помогать вам быть самими собой, а не для того чтобы отвлекать вас от вашего бытия. Я здесь не для того, чтобы навязывать вам какую-то дисциплину. Я здесь исключительно для того, чтобы дать вам это озарение — то, что вы должны во что бы то ни стало идти во внутрь. Вы не должны мне следовать — вы должны меня понимать и углубляться в самих себя. Разница между пониманием и следованием громадна. Люди становятся последователями. Но мои саньясины должны быть не последователями, а людьми понимающими, экспериментирующими со своим собственным бытием.

Внимайте мне, понимайте меня, но экспериментируйте со своей собственной самостью. Не верьте в меня — доверяйте мне, с тем, чтобы вы могли экспериментировать, но не верьте. Верьте лишь тогда, когда уже достигнете, верьте лишь тогда, когда уже проделаете эксперимент.

Однажды Мастера дзен спросили: «Что больше всего мешает Христу делать в этом мире свою работу?» «Христианство», — отвечает тот.

Каждая личность должна стать самой собой — вот как становятся Буддой. Если вы следуете Будде и подражаете ему, то вы станете подражателями. Это может казаться парадоксальным, однако, это определяющий момент.

Подражание это очень соблазнительно. Так ведь? Когда вы любите Иисуса, вам хочется ему подражать. Когда вы любите Будду, вам хочется ему подражать. Когда вы любите меня, вам хочется мне подражать.

Но если вы подражаете, вы упускаете. Любить меня или любить Будду — значит входить в свою собственную самость. Мастер должен отбросить ученика в его собственное бытие. Поэтому у людей дзен есть правильное название этого соблазна к подражанию: они называют его Болезнью Будды. Они безмерно любят Будду, но называют это Болезнью Будды, ага? Будда до того прекрасен, что не подражать ему,

конечно же, невозможно. Но тогда это превращается в болезнь.

И, как известно, Мастера дзен говорили, что если ты встретишь на пути Будду, немедленно убей его. Они каждый день поклоняются Будде — утром, вечером, — они молятся. И все-таки говорят, что, если во время медитации в вас возникнет образ Будды, возьмите меч и немедленно его разрубите. И тогда с этим было бы покончено, а то парень этот того и гляди наделает бед.

Они говорят: «Если ты повторяешь имя Будды, немедленно промой, прополощи свой рот, ибо имя это тоже опасно». Они любят Будду и говорят такие вещи! Это кажется противоречивым, и все же это не так.

Никогда не будьте подражателями, если хотите однажды предложить себя Богу. Каждый раз старайтесь слушать свое собственное сердце.

Все мои усилия здесь направлены не на то, чтобы сделать из вас кого-то, а просто на то, чтобы помочь вам стать тем, кем вы можете стать — какими бы вы ни были! У меня нет застывшей идеи, у меня нет идеала. Я просто должен помогать вам расти. Ага? Прямо как садовник: он помогает розовому кусту быть розовым кустом, а лотосу он помогает быть лотосом. Он не пытается заставить лотос стать розовым кустом — и также не пытается сделать из розового куста лотос. Он оберегает, поливает, вносит удобрения. Он отдает свою любовь и тепло. Он окружает розовый куст всей заботой, на которую только способен — и все для того, чтобы помочь ему стать самим собой.

Каждый раз, когда вы чувствуете, что вам хочется со мной бороться — нет проблем: вы вольны это сделать. Можете начать с моих благословений — нет проблем. Хорошо все, что помогает вам расти, и то, что вы чувствуете, приведет вас к большей зрелости — даже если это борьба со мной. И не думайте, что вы измените мне, предадите меня. Даже если вам захочется быть Иудой — будьте им.

Помните только одно: хорошо все, что приносит вам счастье и рост. И вмешиваться в это никому не позволительно.

Поэтому, если у вас иногда появляется такое чувство, что вам хочется бороться — боритесь. Не подавляйте борьбу. Если иногда вам хочется предать — предавайте. Не беспокойтесь об этом. Я здесь не для того, чтобы вызывать в вас какое бы то ни было беспокойство и тревогу. Хорошо все то, благодаря чему вы хорошо себя чувствуете. Входите в это. Входите всем сердцем, не рассуждая, чтобы все случающееся с вами помогало бы вам. Если это было неверно, вы выйдете из этого более мудрыми. А если это верно, вы выйдете из этого еще мудрее. Так что вы ничего не теряете. По большому счету, в конечном итоге вы ничего не теряете. Даже блуждание — часть следова-

ния, пути.

Есть одна история из жизни Будды...

Одним из самых близких его учеников был Шарипутра. И вот когда Шарипутра стал просветленным, Будда сказал: «Теперь ты можешь идти и повсюду нести мое послание. Не нужно находиться рядом со мной. Куда бы ни отправился ты, я буду с тобой». И даже несмотря на то, что Шарипутра стал просветленным — и он не мог сказать «нет» — он уходил с большой неохотой. Он ведь не хотел оставлять Будду — ему просто хотелось на веки вечные быть его тенью. Он стал просветленным, и поэтому теперь не осталось никакой привязанности, и все же он уходил с неохотой. И где бы он теперь ни бывал, утром ли, вечером ли — он кланялся в направлении Будды.

«Что Вы делаете? — спрашивали его ученики. — Отчего Вы каждый день, утро, вечер кланяетесь в определенном направлении?» «Там движется Мастер», — отвечал он. «Но Вы же сами стали просветленным», — недоумевали они. «Не важно, — отвечал он, — благодарность ведь все равно остается. Даже когда подсолнух полностью расцвел, он продолжает поворачиваться за солнцем».

Много раз со многими случится такое, что им захочется от меня Мотойти. Прекрасно. Иногда вам бывает необходимо свое собственное пространство. Быть рядом со мною становится чем-то обременительным. Поэтому будьте здесь только тогда, когда вам хочется быть, в противном случае — уходите. У вас должно быть свое собственное пространство.

И саньяса моя ничто иное как попытка придать вам смелости иметь свое собственное пространство. И если вы когда-нибудь почувствует, что саньяса эта стала вам обузой, бременем — бросайте ее. И никогда не думайте, что вам нельзя этого делать, потому что я дал вам ее с такой любовью; не беспокойтесь об этом. С такой же любовью я могу и взять ее обратно.

Я буду последним человеком, если заставлю вас чувствовать вину за что бы то ни было. Поэтому, если вы саньясины, то это ваш выбор. Если вы не саньясины, то это тоже ваш выбор. Благословения мои безусловны. Кем бы вы ни были — саньясинами или не саньясинами — не имеет значения.

Моя любовь не поможет

В конце концов, вам придется добраться до своего собственного присутствия — ничье другое присутствие вам не поможет. Оно может быть поддержкой, в лучшем случае благоприятным климатом. Однако это длительное путешествие, и идти приходится одному. Это полет от самого себя к самому себе.

Саньясинка сказала, что ей страшно двигаться к любви. Ошо долго беседовал с ней и говорил, что страх этот совершенно естественен, так как несет в себе возможность быть отвергнутой. Но все же, продолжает он, риск прекрасен. И прежде чем вы найдете кого-то для себя, вы должны будете стучаться во многие двери.

Сейчас я никого не люблю, кроме Вас, поэтому я должна стучаться в Вашу дверь — а это очень трудно.

Но ведь моя дверь открыта — стучаться-то не нужно! Я тебя принял, поэтому и спрашивать не нужно. Лучше найди какую-нибудь закрытую дверь и стучись туда.

Сейчас ты нуждаешься в закрытой двери. От моей любви не может быть много пользы. Моя любовь будет слишком холодной. Правда, она уже есть, и поэтому искать ее не нужно. Я отдаю ее, делюсь ей, не дожидаясь, чтобы кто-то о ней попросил. И я продолжаю отдавать ее незнакомым людям. Так что в этом отношении никаких проблем не существует.

Тебе нужен кто-то, кто похож на тебя. Все это опять может оказаться трюком избегания... можно полюбить меня, и это станет избеганием. И тогда тебе не захочется встретить человека реального, похожего на тебя.

Я же почти не реален — ты влюбляешься в призрак. А тебе нужен мужчина в плоти и крови.

Не нужно слишком уж чувствовать мое присутствие, так как это может быть тяжело... это даже может стать разрушительным. Лучше становитесь все более и более нормальными, естественными. И отношения со мной станут такими, как будто их и вовсе нет — только тогда сможете вы попасть в унисон со мной. И не будет тогда никакого возбуждения. А будет очень тихое течение, почти неразличимое, неощутимое. И если вам захочется его зафиксировать, вам это не удастся. Ум может сказать, что оно похоже на какую-то облачность. А оно не облачно.

Я позволяю людям входить в ашрам так, чтобы они могли совсем про меня забыть. И тогда я становлюсь частью их существа, и пом-

нить обо мне нет необходимости.

Вы что-то едите. И когда это «что-то» находится у вас во рту, вы ощущаете вкус. И вы либо получаете от этого удовольствие, либо не получаете, но как только это проглатывается, вы о нем забываете. И оно превращается в часть вас. Сейчас я почти что внутри вас, поэтому вы не будете меня чувствовать. Но теперь я тем лучше буду работать внутри вас. Я стану вашей кровью и плотью. Нужно забыть о пище. А если вы все время будете помнить, что вот теперь пища находится в желудке, теперь она переваривается, а теперь она поступает в кишечник — вы сойдете с ума! Вкушайте только ртом — и все.

Поэтому, когда люди приходят ко мне впервые, то сначала бывает сильное возбуждение, сопротивление. Люди бросаются в крайности, после чего они мало-помалу успокаиваются. И как только они успокаиваются, начинается работа.

Саньясинка, которая сначала чувствовала себя вполне благополучно, на этот раз ощутила, что ее самоуверенность пошатнулась.

Вот и хорошо, что так называемая самоуверенность пошатнулась, потому что она есть ни что иное, как эго, выступающее под другим именем. То, что ты называешь самоуверенностью, не имеет ничего общего с уверенностью.

По-настоящему уверенный человек в уверенности вообще не нуждается. Продумай это глубоко: по-настоящему уверенный человек в уверенности никогда не нуждается; уверенность просто есть, и нет нужды о ней думать. Человек даже не осознает ее присутствия. Когда же уверенности нет, мы делаем вид, что она есть, дабы скрыть ее отсутствие, и называем это самоуверенностью. А это всего-навсего уловка, маска.

И вот эта маска пошатнулась — но пошатнулась не ты. А между тем у нас у всех имеются такие маски — с этими масками мы отождествляемся, и поэтому, когда они затронуты, это ранит, это очень ранит, ужасно ранит. И, тем не менее, все эти маски обречены пошатнуться.

Моя работа — это просто неблагодарный труд. Лишь на самой последней стадии вы начинаете понимать, что с вами произошло. Когда все эти маски исчезли, и вы вдруг распознаете свое подлинное лицо — то самое лицо, которое было у вас, когда вы еще не родились, то самое лицо, которое было у вас, когда еще не родились ваши родители, то самое лицо, которое будет у вас, когда исчезнет ваше тело и вы умрете, то самое лицо, которое будет у вас на веки вечные

— когда это подлинное лицо войдет в фокус вашего зрения, вы поймете, что все это было благословением.

Есть одна суфийская история...

Человек отправился на поиски Мастера. Выйдя из города, он спросил первого попавшегося ему человека, который сидел под деревом: «Как мне найти Мастера?» И человек тот стал описывать Мастера так: вот признаки: он будет сидеть под таким-то и таким-то деревом, у него будут такие-то и такие-то глаза, такая-то и такая-то вибрация и т. д., и т. п. И человек был очень счастлив: теперь у него уже были критерии.

Он провел в поисках тридцать лет. Ему доводилось встречаться со многими Мастерами, со многими людьми, и он был так измотан, так разочарован и огорчен, что уже повернул к дому со словами «все это чушь!»

И вот когда он входил в город, ему снова попался на глаза тот старик — только на этот раз совсем старый. И вдруг его осенило: «Да вот же то самое дерево, которое он описывал, вот та самая вибрация». Он всмотрелся в глаза этого старика, и старик рассмеялся! Тот самый смех, те самые глаза. «Почему ты не сказал мне об этом раньше? — воскликнул он. — Зачем мне было тридцать лет терпеть такие страдания и такие кошмары?»

«А я говорил тебе, — отвечал старик, — я все описал, а ты даже не удосужился взглянуть на дерево! Ты не был готов. Дерево было здесь, я был здесь. Когда я описывал глаза, я смотрел в твои глаза, но тебя не было».

Отдаляясь от моего энергетического поля, человек начинает нервничать. Он становится похожим на вырванное с корнями дерево, которое собираются пересаживать на другое место. И все же здесь не о чем беспокоиться. Иногда бывает полезно от меня отдалиться — это помогает вам удержаться на своих ногах. Я хочу, чтобы вы были независимыми. Я хочу поддерживать вас, но только так, чтобы вы могли оставаться независимыми.

Это очень тонкая штука. Это напоминает воспитание ребенка. Мать должна оберегать ребенка, но не слишком ревностно, иначе ребенок никогда не вырастет, не повзрослеет. Однако при этом ребенок не должен оставаться слишком незащищенным, иначе он никогда не будет чувствовать себя в этом мире как дома. Это очень тонкое искусство — удерживаться ровно посередине и не переусердствовать ни в защите, ни в незащищенности, и очень трудно уловить равновесие. К тому же у каждого оно бывает индивидуальным; с каждым санья-

сином я должен работать индивидуально. Люди как таковые разнятся — и разными бывают их потребности.

Поэтому мне понятно, почему ты нервничаешь, впрочем, это хорошо. И когда ты придешь в следующий раз, ты подойдешь ко мне поближе. Само это отдаление приблизит тебя ко мне. Это один из парадоксов жизни; чем более вы независимы, тем к большей вы способны слаче.

Всегда полезно на какое-то время отходить, а затем возвращаться — иначе для вас все это будет само собой разумеющимся. Хорошо, когда рыба иногда выпрыгивает из воды и, оказавшись на песке, начинает испытывать жажду и снова прыгает в воду. И тогда она впервые узнает, какое это благословение — быть в воде.

Так что это маленький оазис, ага? Углубляйтесь в дебри мира, почувствуйте, как со всех сторон хлещут горячие ветра и повсюду царят непрекращающиеся раздоры и жестокость. И всякий раз, когда вы будете чувствовать усталость, изнуренность, возвращайтесь снова. Отдохните в оазисе, а потом будьте готовы двигаться вновь.

Сама мысль о безопасности создает проблему. А я помогаю своим людям начинать наслаждаться незащищенностью. Я не обеспечиваю им безопасность, как я могу обеспечить им безопасность? Никто этого не может, к тому же в этом нет ничего хорошего. А если бы кто-то и смог, то этого все равно не стоило бы делать, потому что, когда человек в безопасности, он мертв — тогда вы не сможете жить.

Жизнь приходит вместе со смертью. Когда вы вдыхаете, вы должны выдыхать: вы же не можете сказать: «Буду только вдыхать». Они приходят вместе: вдох и выдох. Жизнь — это вдох, смерть — это выдох.

Только смерть поддается контролю, поэтому чем более вы мертвы, тем легче вас контролировать. Тогда вы становитесь мужем или женой, тем или этим — все это кажется безопасностью. Обычный дом, счет в банке, машина в гараже, жена, дети, приличная работа — и человек чувствует себя в безопасности. Но безопасность ли это? Безопасность невозможна; возможен только комфорт. Все это комфорт, а не безопасность, и все это можно отнять.

Есть только одна возможность безопасности — начать наслаждаться опасностью. Это кажется парадоксальным, но все истинное в жизни всегда парадоксально. Истина — это парадокс. Полюбите опасность — и она исчезнет. И дело не в том, что вы окажетесь в безопасности, а в том, что, когда вы начинаете любить и наслаждаться опасностью, кто станет беспокоиться? Здесь нет волнения, нет тревоги. Человек прямо-таки заинтригован. Он заинтригован: ему интересно, что принесет ему завтра. И он остается открытым.

Задержитесь здесь чуть дольше. Я заберу ваше будущее, и тогда

вы станете счастливыми. Я заберу саму эту мысль о безопасности.

Никогда не предавайте свою истину! Если вы предадите свою истину, вы почувствуете свою отъединенность от всего, ибо вы связываетесь только через истину. Истина — это единственная связь. Вы не связаны со мной непосредственно — вы можете быть связаны со мной только посредством своей истины. Вы не можете встретить меня, я не могу встретить вас — встретиться могут только моя истина и ваша истина — иного способа встречи не существует. Если же вы не честны перед самим собой, тогда встреча не возможна.

Если вы впервые почувствовали ответственность за самих себя — пусть даже не большую — я буду с вами. Ибо все мои усилия здесь направлены на то, чтобы сделать вас ответственными перед своей собственной жизнью.

Это ваша жизнь, и она бесценна. Она не что-то такое, чем можно бросаться, что можно растратить. Никто не сможет ничего сделать до тех пор, пока вы сами не решитесь что-то сделать со своим бытием, со своим будущим. Определяющим является только ваше решение. Вот что такое ответственность. Она велика. Она прямо-таки пугающе велика.

Если бы существовал Бог, отвечал бы он, и вы тогда могли бы оставаться незрелыми. Незачем беспокоиться: вот отец, и он присматривает за вами.

Быть абсолютно ответственным — значит не иметь никого, кто бы присматривал за тобой. Ты сам должен за собой присматривать.

А потому опасен каждый шаг, и приходится быть очень и очень бдительным. Сама эта бдительность, эта ответственность, это ощущение ответственности способствует зрелости. Человек становится ответственным, и тогда он берет свою жизнь в свои собственные руки — и в это самое мгновение ты больше не часть крепко спящего человечества. Уже произошло некоторое пробуждение.

Будьте просто счастливыми! Вот что я имею в виду, когда говорю «будьте собой». Живите так, как будто вы в этом мире одни. Что вы тогда стали бы делать? Все исчезают, и вы в этом мире один — что вы тогда стали бы делать? Покончили бы жизнь самоубийством? Если возникает такая мысль, то это значит, что вы должны покончить самоубийством прямо сейчас, намеренно или непроизвольно. Если вы думаете, что в случае исчезновения всего мира вы стали бы медитировать — как это здорово, никто вам не мешает — тогда вы должны медитировать прямо сейчас. Или, если вы думаете, что стали бы тогда петь или танцевать — тогда займитесь этим прямо сейчас. А если вы будете что-то делать для других людей, тогда вам ничего не останется, как покончить жизнь самоубийством.

Лично я не покончу жизнь самоубийством. А те, кто играют какую-то роль для публики, — что им останется делать? Они же сойдут с ума не сходя с места, потому что публики больше нет, и исполнение роли невозможно. Они были до сих пор всего лишь актерами, всю свою жизнь пытаясь что-то доказать другим. А теперь те другие исчезли, и это стало бессмысленно.

Все ваши политические деятели покончат жизнь самоубийством. Что им останется делать? Некому за них голосовать, некому обращаться на них внимание, некому петь им дифирамбы — некому. Внезапно они останутся одни. И у них возникает такое чувство, что существование их ничего не стоит.

Вот что я имею в виду, когда говорю «слушайте свое бытие» — как если бы вы были в этом мире одни. Вас окружают люди? Что ж, хорошо. А если их не будет, вы станете текучими, как река. Реке будет все равно, приходят люди купаться или нет. И солнце будет по-прежнему сиять. Оно не станет беспокоиться, много ли на пляже людей, принимающих солнечные ванны, или не много. Цветы будут по-прежнему цвести... птицы будут по-прежнему петь. И только сумасшедшие люди попадут в затруднительное положение; в остальных же случаях все как есть, так и будет.

Поэтому всякий раз, когда вы испытываете замешательство, всегда думаете, что, окажись вы одни, стали бы вы делать то, что делаете сейчас? И если бы вы стали делать именно это — продолжайте. Но если вы чувствуете, что, оставшись одни, не стали бы этого делать, так как для вас значима оценка, утверждение себя в глазах других, значит, вы делаете не свое дело. А вместо этого делаете что-то другое, что-то такое, что от вас ждут.

Рисковать не нужно. Если риск — это ваше, тогда ладно. Если же не ваше, то рисковать не нужно. Всегда помните: когда я говорю «делайте свое дело», я имею в виду, делайте, чем бы оно ни было. Это может быть и сдача мне, но если это ваше, вы должны делать это непременно.

Вы должны чувствовать все, что доставляет вам удовольствие. Все, что приносит вам радость, мир, — это ваше. Иного критерия не существует. И это опять-таки внешний критерий: что-де нужно рисковать, нужно быть смелыми... но с какой стати? Если вы этого не чувствуете, то и не нужно быть таким. Если вы чувствуете себя хорошо, идя своим путем, — прекрасно. А если вы чувствуете, что что-то не так... И это должно быть вашим чувством, а не идеей. Потому что, слушая меня, вы можете обзавестись не теми представлениями, не теми идеями, не теми интерпретациями.

Случилось вот что. Когда я обращаюсь к такому большому количеству людей, мне приходится говорить общими фразами; мои слова не могут быть обращены лично к тебе. Не могут относиться именно

к тебе. И ты должен это понимать. Я говорю «рискуйте», но это может быть твой риск, а не риск вообще. Это же риск! А между тем другие рискуют и навлекают на себя опасности, и тебе не хочется от них отставать. Тебе представляется, что и ты должен делать то же самое. Но с какой стати? Ты видишь, что другие смелы и отважны, и чувствуешь себя трусом — ну так и будь трусом!

Впрочем, даже в этих словах таится осуждение. Как только мы говорим «будь трусом», то создается такое впечатление, как будто что-то осуждается. Нет, ни в коем случае. Это ничего общего не имеет с осуждением. Это твой путь. Если ты хочешь вступить в борьбу, тогда вступай в борьбу.

Всегда помните: все, что вам приятно, — это ваше. И пусть это будет единственным внутренним критерием. Все время двигайтесь, неустанно двигайтесь и судите по самому внутреннему критерию: хорошо ли вам, счастливы ли вы? Много раз будет возникать проблема, потому что вы не сможете разобраться, где у вас чувства, а где у вас мысли. Так что вам придется быть понаблюдательнее и видеть.

Чувство — это целостное явление, мысль же исходит от головы. Чувство объемлет вас, окутывает вас. Чувство — это то, что относится к самому вашему естеству. Оно курсирует в вашей крови, дышит в вашем дыхании. Чувство — это целостное явление.

Например, когда вы сейчас передо мной сидите, вас окружает определенное чувство. Это не мысль — это чувство. Позже вы будете о нем вспоминать, и тогда оно станет мыслью. Позже вы начнете о нем размышлять, и тогда оно станет мыслью. Мысль принадлежит либо прошлому, либо будущему. Чувство же всегда в настоящем, поэтому чувство не знает никакого сравнения. Чувство не знает никакого планирования. Либо оно есть, либо его нет.

Будьте же чувствительными.

И никогда не сравнивайте с другими, ведь они могут делать что-то свое: кто-то пишет стихи, становится знаменитым, и ему рукоплещут, его ценят. Это может быть его призванием. А вашим призванием может быть как раз оставаться в неизвестности. Вы приходите в мир, живете в мире и оставляете мир, как если бы вы никогда не приходили. Но и в этом есть своя красота. Кто сказал, что прекрасны только знаменитости? Входи подобно приглушенному шепоту. Никто не слышит, когда ты проходишь мимо, и даже пыль не шелохнется. Ты не оставляешь следов, ничего не оставляешь, словно тебя и вовсе не было. В этом есть своя особая красота. Те, кто стоят себе и ждут — тоже служат.

Но все это должно приходиться к вам из глубокого ядра. Слушая меня, ум хватается за определенные идеи, и поэтому человек начинает думать. Так выслушайте меня, поймите и начисто забудьте, чтобы это стало частью вас. И тогда оно начнет действовать из вашего

центра.

Оттого, что вы мне пишете, пользы не много. Если что-то иногда становится невыполнимым, и вы ничего не можете с этим поделать, пишите, а иначе к тому времени, когда ваше письмо ко мне придет, вы уже получите помощь. На самом деле, когда возникает потребность, помощь тут же начинает устремляться к вам. Еще до того как вы успеете спросить, ответ уже дается. Это магия, которая случается в пространстве между Мастером и учеником: вопрос еще не успел сформироваться, как ответ уже дан. Вы можете его не расслышать и поэтому думаете, что должны задавать вопрос. Но если вы сумеете быть чуть терпеливее, вы его услышите и обнаружите, что он уже был дан.

Из ста вопросов девяносто девять бывают сиюминутными. И к тому времени, когда вы их напишете, они уже перестанут быть насущными — они исчезнут сами собой. Необходимо научиться терпению, и тогда можно будет увидеть, что девяносто девять процентов проблем вообще не стоят того, чтобы о них беспокоились. Они движутся сами собою. Они приходят и уходят — они не имеют с вами ничего общего. Они всего-навсего случайные посетители, они не коренятся в вас.

Это происходит всегда, когда вы открываетесь — и в этом заключается любая медитация: она вас открывает.. Если у человека, которого вы любите, возникает какая-то проблема, и вы при этом открыты, открыты в это самое мгновение, эта проблема внезапно переходит к вам, и вы начинаете ее чувствовать. А между тем она не имеет к вам никакого отношения; это всего-навсего случайный посетитель. Она не коренится в вас; это всего лишь отражение. Не пройдет и нескольких минут, как она исчезает. Вам только и нужно, что смотреть, наблюдать и ждать.

Пусть это войдет у вас в привычку: если возникает какая-то проблема, подождите хотя бы с неделю, а потом уж пишите. В девяносто девяти случаях из ста вам и писать-то не понадобится. Зато в этом одном случае вы напишете что-то действительно стоящее. Иначе в этом мусоре и алмазы можно потерять.

Есть такие люди, которые изо дня в день пишут длинные письма. Они думают, что способны ежедневно создавать столько проблем. Проблемы очень ограничены. В мире найдется не много проблем — их всего несколько, совсем чуть-чуть. Если разобраться, то их и по пальцам можно перечесать. Человек движется по кругу и беспрестанно наталкивается на одну и ту же проблему. Может быть, другая ситуация, и проблема приобретает другие очертания, форму и окраску, однако это лишь разница в обличье. Вы только взгляните на проблему в ее наготе — и вы увидите, что это та самая проблема, над которой вы бьетесь всю свою жизнь.

Не волнуйтесь, так как время от времени в вашем уме будет маячить вопрос, который вы бы хотели написать, а вы никогда не пишете вопросы. Итак, будете ли вы максимально использовать данную вам возможность или нет? А ведь вы действительно пользуетесь всеми преимуществами — куда большими, чем у тех, кто постоянно пишет. Стоит только возникнуть небольшой проблеме, как они уже бросаются строчить письма! Они даже не берут на себя труд подождать, чтобы определить, является ли эта проблема случайным посетителем или она и в самом деле коренится в них.

Чем терпеливее вы, тем больше вам придет помощи. Чем молчаливее вы... Люди, которые все спрашивают да спрашивают — навязчивые люди. Они думают, что помощь придет к ним оттого, что они могут спрашивать — и чем больше они спросят, тем больше им придет помощи. Это полнейшая чушь. Больше помощи придет тем, кто молчит со мной. Тем, кто лишь стоит позади, не претендуя, никоим образом не пытаюсь привлечь к себе внимание других, мое внимание, никоим образом не пытаюсь получить признание... ибо все эти проблемы есть ничто иное как средства получить признание. В таком случае вы преувеличиваете свою проблему, ага? И считаете, что уж коли у тебя большая проблема, то, значит, ты большой человек, а если у тебя незначительная проблема, то и сам ты ничего из себя не представляешь.

Вот люди и раздувают из мухи слона — они раздувают из мухи слона прямо на моих глазах. Они поднимают столько шума с единственной целью: привлечь к себе внимание, чтобы все знали об их присутствии. Это один из приемов эго: эго всегда хочет объявить миру: «Посмотрите, я здесь!» Оно хочет, чтобы на его присутствие обратили внимание.

Те же, кто хранят молчание, кто остается в тени, те, кто находятся здесь, но чье присутствие не ощущается, больше всех получают от меня пользы.

Что ты можешь сделать в отношении доверия? Оно будет расти медленно-медленно. И не ставь условий, иначе оно никогда не возникнет. У тебя же есть определенные условия. Ты считаешь, что я должен знать о тебе то-то и то-то и что я должен решать, что тебе надлежит следовать тем-то и тем-то путем. Ты не можешь иметь по отношению ко мне никаких условий, иначе ты будешь в постоянном замешательстве. А я продолжаю делать свое дело. Иногда я что-то делаю специально, чтобы вызывать у вас замешательство, и если вы не приходите в замешательство, тогда только и возникает доверие. Но у меня есть свои основания, и я никогда о них не говорю, потому что сказать о них — значит все потерять.

Я человек абсурда. И если ты хочешь получить рациональные объяснения тому, что я тебе предложил, ты будешь постоянно нахо-

диться в затруднительном положении, и каждый день будет случаться не одно так другое, и ты начнешь сомневаться. На самом деле сказать «начнешь сомневаться» не верно: ты уже сомневаешься; малейший повод — и сомнение бьет ключом в твоём сознании. А иначе к чему сомневаться?

Если ты знаешь, что нужно, а что не нужно, тогда сам и решай, а я решать не стану.

Доверие не предполагает чего-то рационального — оно не таково. Если тебе нужно рациональное доверие, то ты его никогда не достигнешь; доверие неизбежно будет иррациональным. Доверять мне нет причин. Это любовь.

Так что не беспокойся на этот счет. Это сомнение присутствовало внутри тебя. А теперь оно лишь поднято на поверхность. Просто наблюдай за ним и продолжай делать то, что я тебе говорю.

Я несу вам конфликт

Иисус говорил: «Не мир несу я вам — но конфликт. Не мир несу я вам — но меч». Он говорит: «Я здесь для того, чтобы разрушить вас — разрушить весь ваш мир и сотворить великий хаос».

Если вы выбираете быть со мной, то вы рискуете найти себя — вы неизбежно рискуете найти себя. А единственный способ найти себя — это рискнуть эго. Это больно, это ранит. Ведь вы так долго жили с эго, вы стали с ним прямо-таки единым целым. Но саньяса означает, что вы выбираете путь, где отсутствует эго. Вам придется отбросить все, что присуще эго: все виды ревности, собственничество, ненависть, гнев — все, что негативно и темно, все, что создает в вас ад. Эго есть источник любого ада. Как только эго исчезает, вы снова в раю.

Если вы саньясины, вы выбираете меня. И потому запомните: если вы выбираете меня, вы неизбежно рискуете найти себя.

Впрочем, это только поначалу кажется, что вы чем-то рискуете, ведь эго — это ложная сущность. Мастер требует всего-навсего сдачи ложного, для того чтобы вами смогло овладеть подлинное. Как только вы отбрасываете ложное, в ту же секунду вы становитесь подлинными. Ибо подлинное подавляется ложным. Ложное взгромоздилось на грудь подлинного и того гляди его задушит. Внутри вас удушается подлинное, и оно жаждет высвобождения. Ложное превратилось в тюрьму — тюрьма должна быть разрушена, снесена. И сколь бы болезненным ни был этот процесс, в конечном счете, он оправдает себя как нельзя лучше.

Саньясин не должен стремиться к немедленному результату. Он должен уметь предвидеть наперед, должен видеть вещи в их конечной перспективе. И тогда жизнь начнет проходить через радикальное преобразование.

Быть со мной — значит находиться в опасности. Я непредсказуем, и быть со мной — это то же, что жить в дикой местности. Ничто никогда не обретет вновь своей определенности; исчезнет всякая определенность, исчезнет всякая защита. И вам придется умудряться жить от мгновения к мгновению, ото дня ко дню.

А между тем вселенная именно так и устроена: от мгновения к мгновению, ото дня ко дню. В существовании не бывает никакого планирования, оно незапланировано — и потому прекрасно. Незапланированной жизни свойственна потрясающая красота, ибо в будущем всегда какой-нибудь сюрприз да ожидает. Будущее никогда не станет повторением; всегда случается что-то новое, и никогда не бывает возможно принять его в расчет.

Защищенные люди ведут буржуазную жизнь. А саньясин против буржуазной жизни. Буржуазная жизнь означает: в семь тридцать — подъем, в восемь ноль-ноль — завтрак, в восемь тридцать — отъезд в город на электричке; в семнадцать тридцать — возвращение домой, полдник, просмотр газет, телепередач, затем — ужин, занятие любовью с женой без всякой к ней любви и отход ко сну. На следующий

день начинается все то же самое. Все налажено, и нет ничего неожиданного: будущему предстоит быть ничем иным как снова и снова повторяющимся прошлым. И, разумеется, здесь нет никакого страха. Вы столько раз проделывали эти вещи, вы уже наловчились и можете проделывать их снова.

С приходом нового приходит страх, ибо никогда не знаешь, способен ли ты с этим справиться. Всегда делаешь что-то впервые, и поэтому никогда не бываешь уверен, удастся ли тебе это или нет. А между тем в самом этом трепете, в этом приключении заключается жизнь — лучше даже сказать «живость», чем «жизнь», потому что слово «жизнь» тоже стало скучным и мертвым — живость, поток.

Так что это хороший показатель, когда вы понимаете во что ввязываетесь. Это любовь, это жизнь; это опасность — и это, ко всему прочему, смерть. Мастер должен быть всем: жизнью и смертью, днем и ночью, летом и зимой — всем... милым и свирепым, нежным, словно цветок, и твердым, как скала. Эти полярности должны встречаться в Мастере, ибо ученик будет расти только между этими двумя полярностями.

Мы продолжаем делать противоположное. Все мои усилия направлены на то, чтобы вас расшатать. А все ваши усилия направлены на то, чтобы себя защитить. Ведь тогда возникает шаткость, вы ощущаете внутреннюю дрожь, и, кажется, что все рушится. Вам хочется одного, я же пытаюсь делать что-то другое. Я пытаюсь разрушить вас, да так, чтобы вашей старой скорлупы больше не было. Я пытаюсь разбить скорлупу, чтобы вы могли выйти из своего яйца, а вы пытаетесь ее защитить. И, разумеется, в таком случае вы почувствуете потрясение, тяжесть, усталость и напряжение.

Либо просите меня прекратить... и тогда я не буду больше пытаться вас расшатывать. Я оставлю вас незатронутыми, и вам станет легче... либо слушайте меня и расшатывайтесь!

Саньясин говорит, что хотя он уже давно находится в ашраме, он еще никогда не позволял себе почувствовать близость к Ошо.

Гм, ты держишься на расстоянии пушечного выстрела, ты слишком уж сковываешь себя. А теперь пришло время расслабиться и приблизиться... ведь это же явная расточительность. Мы многое выпускаем без всякой на то причины. Именно эго продолжает настаивать на том, чтобы ты держался в отдалении, потому что, если ты держишься в отдалении, то эго способно сохраняться. И страх заключается в том, что, если ты станешь приближаться, то, чем ближе

ты будешь ко мне, тем дальше ты будешь от своего эго. И тебе приходится выбирать.

Однажды приходится принимать решение, и момент для этого уже настал.

В отношении меня у вас должна быть предельная ясность: я не обычный учитель, который утешает людей. Я ориентируюсь на истину, а не на утешение. Какой бы неудобной ни была истина, я предан ей.

Страх естественен... ведь приближение ко мне в каком-то смысле означает смерть. Вы можете приблизиться ко мне только единственным способом, и это станет возможным только в том случае, если вы утратите свое эго. Поэтому страх просто обязан здесь присутствовать — страх смерти, страх утраты собственного эго. И все же не бойтесь, позвольте страху быть. Не бойтесь страха, примите его.

Вы приближаетесь с каждым днем, и чем больше вы приближаетесь, тем больше страх будет напоминать живое, трепещущее в вас существо. Но и у него есть своя кульминация. Позвольте ему дойти до своей кульминации — и тогда он просто исчезнет. И вместе с ним исчезнете также вы.

Поэтому я крест... и страх естественен, ага? В Индии мы говорим, что Мастер — это смерть — так оно и есть. Он не может дать вам новую жизнь, если не может дать вам смерть. Ваше рождение возможно только через смерть. Я могу стать вашим воскрешением, если только стану вашей смертью.

Саньясин говорит, что эго никогда не устраивает то, что есть, и что ему всегда хочется чего-нибудь еще, но когда это становится ему доступно, то ему уже этого не хочется.

Чрез это страдание неизбежно приходится проходить — таков путь человеческого роста. И постепенно узнаешь, что все это напрасно. Но учиться всегда трудно, потому что всегда учишься только на собственном опыте. Ты будешь сталкиваться с этой глупостью тысячу и один раз — лишь тогда этот опыт постепенно проникнет в бессознательное и станет опытом.

Одно только прохождение через определенную ситуацию не становится опытом. Оно только поверхностно коснется тебя и пройдет. Но оно снова, снова и снова будет тебя касаться на той же самой тропе — много раз, подобно ударам молотка — и вот в один прекрас-

ный день ему откроется твоя более глубокая сфера. И тогда ты увидишь его, словно при вспышке света — и оно станет абсолютно ясным. И в это мгновение что-то преобразится. Ты уже испытал глупость всего этого, тщету этого, бесплодность этого. И теперь оно уже не будет снова тебя беспокоить.

Когда ты находишься здесь со мной, ты забываешь свой ум. Это случается с каждым, кто любит меня. Когда я здесь, я становлюсь важнее, ум же твой отходит на задний план. Любовь означает вот что: ты любишь человека, и этот человек становится важнее тебя. И тогда я поглощаю тебя. И ум твой умолкает, и в душе твоей праздник.

Однажды ты узнаешь, что все это не имеет никакого отношения к моему присутствию. Основная пружина на самом деле выглядит так: всякий раз, когда уму твоему бывает нечего сказать, когда ум твой умолкает, ты чувствуешь свободу. Пребывание с Мастером всего-навсего прием, помогающий тебе узреть сущность происходящего: если ум отстраняется хоть на несколько секунд, ты уже меняешься целиком. И нет тогда больше страданий, нет раскола, нет напряжения. Все хорошо... Ты благословлен, и ты можешь благословить все существование.

Пойми суть происходящего: Мастер — это всего лишь предлог для отстранения ума. Главное — это отстранение ума — вот что необходимо запомнить.

Всякий раз, когда тебе удастся отстранить ум, ты будешь оказываться в том же пространстве. Снова и снова убеждаясь на опыте в том, что ум приносит одни лишь страдания, что ум — это ад, что ум только сулит рай, но никогда его не дает... Ага? Именно так и происходит. Ты здесь, а ум говорит, что рай там. Рай всегда бывает где-то еще: он никогда не бывает здесь. Это уловка ума. Ум говорит, что он там, а не здесь, что он то, а не это.

Чтобы ум мог действовать, ему необходимо отдаление; он не способен действовать в настоящем. Всякий раз, когда вы бываете в настоящем, вы бываете счастливы. Рай здесь, того, что есть сейчас, уже достаточно. Но уму необходимо отделение, и поэтому он помещает рай куда-то туда — и чем дальше, тем лучше. И тогда ты будешь устремляться к этому «там» в надежде, что обретешь покой и счастье, и ты найдешь и это, и то; но как только ты достигнешь «там», «там» станет «здесь» — оно уже больше не там. А ум не может быть счастлив в «здесь», и поэтому он снова проецирует куда-то еще.

Быть может, вашей проекцией станет место, которое вы покинули, однако обратите внимание на математику ума: он должен проецировать куда-то еще: либо в прошлое, либо в будущее, но он не способен существовать здесь. И потому он вечно откладывает; ум — это отсрочка, бесконечная отсрочка. Ум — это завтра, завтра, завтра, но ни в коем случае не сегодня. Впрочем, это должно быть увидено

снова и снова; узнать это легким путем не возможно. Иначе мудрость была бы всегда доступной — будды ведь все время говорили о том же. И, тем не менее, это приходится узнавать трудным путем. Приходится проходить через эти страдания, приходится обманываться умом.

Миллионы раз вы снова и снова будете исполнены надежд ума, и снова и снова вы будете разочарованы. Вы будете двигаться с умом, и ум заведет вас в яму. Снова и снова он будет приводить вас к еще большему страданиям. И только из этого вечного крушения вы однажды увидите в чем дело.

И тогда это не будет чем-то интеллектуальным, это не будет даже пониманием. Это окажется самым вашим бытием; стрела проникла в самое сердце. И теперь это будет уже не предположение, не гипотеза, не чей-то совет, не предмет вашего верования, не умозаключение. Это будет ваш экзистенциальный опыт. Вы увидели это — и с этим покончено! И в этот самый день «там» исчезнет, «то» исчезнет, и вместе с ними исчезнет ум; и останетесь вы. Только вы.

Такое состояние не-ума иногда наступает, когда вы становитесь близки ко мне. И все же уходите, снова увидьте там игру ума и возвращайтесь! Ага? Через это страдание неминуемо приходится проходить, избежать его не возможно. Ведь если вы его избежите, тогда все, что я говорю, навсегда останется верованием; оно так никогда и не станет вашим собственным настоящим пониманием.

Когда все идет так, что лучше и не надо, вы становитесь несколько обеспокоенными. Вы не в состоянии позволить себе счастье. Быть может, вы не позволяли его себе всю свою жизнь. У вас, определенно, есть на него аллергия — та же, что есть у многих. Им больше по душе страдание, а при отсутствии такового им приходится его создавать, а иначе они почувствуют себя не в своей тарелке. Когда они счастливы, они прямо-таки лишаются корней. Они понятия не имеют, что им теперь делать. Ведь, когда возникает проблема, вы должны что-то делать; когда же проблемы нет, то и делать ничего не остается.

Вот почему я время от времени создавал для вас проблемы — потому что замечал, что вам требуется немного проблем. И я буду создавать их впредь, если вы этого не прекратите. Как только вы начнете наслаждаться жизнью, тогда никаких проблем вам даваться не будет; в противном случае я так и буду продолжать — бросая вас из одной комнаты в другую, от одной работы к другой. Но это то, что вы сами требуете. И вы должны будете мне доказать, что вы можете себе позволить быть счастливыми. Это же так просто: позволить себе быть счастливыми. Но я понимаю, что сделать это трудно. Людям требуются годы на то, чтобы научиться позволять самим себе.

Счастье не трудно — трудно его позволить.

К тому же, когда вы счастливы, вы глупо выглядите. Счастью присуще что-то смахивающее на глупость. Когда вы несчастны, вы кажетесь весьма аналитичными, много постигшими. Налицо сложная проблема — и вы делаете то-то и то-то. Когда же вы счастливы, вы просто глупы. Вот почему мудрые несчастны. Счастливыми бывают только дураки!

Когда вы соприкасаетесь с самим собой, вы соприкасаетесь с пустотой — вот что пугает. У каждого в самой сердцевине существа есть пустота, как ступица колеса. У колеса имеются спицы, и все они соединены в ступице, однако в самом центре колеса находится пустота. Колесо держится на этой пустоте. И все колесо вашей жизни точно так же центрировано в пустоте, в небытии.

Я изо всех сил стараюсь отбросить вас в вашу пустоту. И стоит только вам в нее попасть, как вы рассмеетесь над тем абсурдом, которым до сих пор занимались. Вы увидите, что эта пустота есть абсолютная наполненность. Абсолютная наполненность.

Это очень напоминает строительство дома. Что вы назовете домом: стену или пустоту, что заключена в этих стенах? Стены не дом; они всего-навсего ограждения пустоты. Вы живете в пустом доме, вы живете не в стенах. Вы возводите стены, но вы не можете через них проходить, поэтому вы и образуете пустое пространство, которое называется дверным проемом, и проходите через него. Мы изготавливаем вазу или горшок, но пользуемся мы исключительно пустотой, что внутри них. И реальная значимость горшка заключается в том, что внутри он пустой, а вокруг него — глиняная стенка. Точно так же обстоит дело с телом.

Тело — это лишь заключенная в оболочку пустота. А глубоко внутри вы — пустое, чистое небо, где ничто никогда не шелохнется. И чтобы узнать, что оно из себя представляет, нужно его попробовать. Стоит только вам его узнать, как вы поймете, что это глубокий покой. Это жизнь... она оживляет вас, омолаживает вас. Это как будто вы спите ночью. Куда вы идете? Вы когда-нибудь задумывались над тем, куда вы идете, когда вы спите? Вы идете в пустоту.

Если человеку суждено прожить шестьдесят лет, то двадцать лет из них он будет спать. Для этой жизни необходимо двадцать лет пустоты — чтобы оживляться вновь и вновь. Каждое утро вы снова свежи и юны; и снова движетесь, действуете. А к вечеру, снова устав, вы погружаетесь в сон. А сон означает погружение в ступицу.

Темнота вашего бытия — вот то место, куда вы движетесь и где находите свой отдых. Вы почти исчезаете. В глубоком сне вы забываете свое имя. Вы забываете, кто вы: мужчина или женщина. Вы забываете, белые вы или черные, ваш язык, ваше общество, которому вы принадлежите, богаты вы или бедны, стары или молоды — вы за-

бываете все. И вдруг в этой пустоте исчезает отождествленность, и из этой неотождествленности вы обретаете жизнь.

Поэтому допустите ее и наберитесь смелости. Войдите в эту пустоту. Страх будет оставаться до тех пор, покуда вы в нее не войдете — поэтому не спрашивайте меня, что вам делать с этим страхом. Страх останется. Но вы должны входить вопреки страху.

И стоит только вам войти, как страх исчезнет. Стоит только вам узнать, что вы можете войти туда и выйти оттуда, исчезнуть и появиться вновь, войти в хаос и вновь вернуться в систему. Стоит только вам узнать, что вы можете двигаться в беспорядок и затем вновь стать упорядоченными, точно так же, как засыпать ночью и просыпаться утром...

Отбросьте же этот страх. Исчезните! Я здесь для того, чтобы привести вас обратно.

Страх естественен. Приблизившись ко мне, конечно, испугаетесь. Вы же на краю пропасти. Если вы упадете, вы уйдете навсегда. Соблазн упасть в эту бездну огромен — отсюда страх.

Когда вы ко мне приходите, вы приходите с тем, чтобы во мне умереть. И пока вы не умрете, вы не возродитесь. Так что страх абсолютно естественен. Примите его и продолжайте двигаться вопреки ему.

Необходимо запомнить эти две вещи. Вот эти две крайности: либо люди начинают подавлять свой страх и пытаются напустить на себя этакую браваду — что обязательно будет ложным, потому что в глубине души, внутри будет страх — либо люди так пугаются, что их парализует; и страх тогда становится препятствием. И в том, и в другом случае вас охватывает страх. Правильным же будет принять его с тем, чтобы уже не нужно было подавлять. Примите его естественность, примите сам факт страха и вопреки ему идите вперед, обходя его. Не подавляйте его и не спотыкайтесь об него. Продолжайте двигаться вопреки ему. Дрожите, так как страх все равно присутствует, но продолжайте двигаться. Продолжайте мчаться к пропасти.

Не напускайте на себя бесстрашие, потому что напускное бесстрашие — ничего не стоящая ложная вещь, фальшивка. Поэтому будьте просто естественны, подлинны, искренни. Отдавайте себе отчет, что страх присутствует, и все же продолжайте идти. Вот что я имею в виду, когда говорю «продолжайте идти вопреки страху». Дрожите — хорошо, трясетесь — превосходно. Но продолжайте идти, дрожа, как маленький, едва проклюнувшийся листик на сильном ветру.

Вы когда-нибудь видели силу проклюнувшегося листика? Такой хрупкий, такой слабый, и, не смотря на это, такой сильный. Когда бушует ураган, лист не перестает дрожать — но видели ли вы его красоту? Здесь есть страх, ибо страх всегда бывает там, где есть что-то

живое. Только в мертвой вещи не бывает страха. Охватывает страх, бушует ураган, а лист такой маленький, тоненький, нежный, мягкий. Его ничего не стоит раздавить — но видели ли вы его силу? Он все еще продолжает танцевать, петь. Все еще продолжает доверять жизни.

Поэтому будьте мягкими, будьте нежными, будьте тонкими, будьте боязливыми, но никогда не спотыкайтесь о страх. И не подавляйте его. Примите эти ограничения, человеческие ограничения, и все же продолжайте работать за их пределами. Вот как растут, ага?

Жизнь не логична, а диалектична. Если б жизнь была логичной, то существовали бы только мужчины или только женщины; и не было бы надобности в полярных противоположностях. Если б жизнь была логичной, то существовал бы только положительный заряд, и не было бы отрицательного заряда. Зачем? В существовании противоположного смысла нет — и жизнь была бы весьма последовательной. И был бы тогда либо свет, либо тьма, либо любовь, либо ненависть, либо радость, либо страдание. Если б жизнь была логичной, то не было бы никакого противоречия.

А между тем жизнь диалектична. Противоречия встречаются на каждом шагу, противоречия встречаются на каждом уровне существования. И если бы не любовь, что соединяет их мостом, жизнь превратилась бы в тревогу, в мучение — тогда вы были бы расколоты. Если существует любовь, тогда противоположности сходятся и смешиваются друг с другом, и вы становитесь едины.

Аикта означает как раз это единство — когда вы впитали все противоречия и все противоположности. Вы не разрушили их, но впитали их; они не были отброшены; они были использованы. Использованы были и любовь, и ненависть — и теперь в вас возникло новое качество энергии называемое состраданием. В нем присутствует что-то от обоих, и все же оно содержит в себе то, чего нет ни в одном из них; оно — и то, и другое, и в то же время ни одно из них.

Весь мой подход к жизни заключается в наведении моста между полярными противоположностями, вот почему я так противоречив. Я не последователен — я слишком верен жизни, чтобы быть последовательным. Я ничего не отдаю на откуп логике. Мое уважение — это уважение к жизни. Если жизнь непоследовательна, то и я буду непоследователен. Если жизнь разделена на полярные противоположности, то и я буду разделен на полярные противоположности. Впрочем, у жизни также имеется ключ к выходу за пределы этих полярных противоположностей. Вам не потребуется отрицать одно ради другого; вы можете принять и то, и другое, использовать и то, и другое и выйти за пределы обоих.

Саньясин недоволен тем, что
Ошо его запутал.

А я только этим и занимаюсь! Если ты запутался — я тебя проясню. Если тебе все ясно — я тебя запутаю!

Высказывания мои противоречивы, да и сам я весьма абсурден, и я не пытаюсь этого скрыть — вот в чем дело!

И вполне естественно, что вы чувствуете здесь себя обеспокоенными, расколотыми, запутанными. Я понимаю: вы должны пройти через множество тупиков.

Впрочем, все это создается здесь намеренно, сознательно. Весь процесс нацелен на то, чтобы окончательно вас запутать, ибо только в этой запутанности вы становитесь способны отбросить ваш ум.

Запутанность — это часть жизни. Только мертвые никогда не запутываются. У них все определено, правда, их определенность ценностью не обладает. Запутанность более ценна. Она просто говорит о том, что вы еще живы, что у вас еще есть шанс — вот что означает запутанность. Но вы не желаете запутанности — вам хочется определенности. А определенность означает самоубийство — так чтобы уж покончить с собой раз и навсегда.

Я не собираюсь давать вам какой бы то ни было определенности. Я собираюсь дать вам ясность, а не определенность. Ясность всегда отыщет тропку в дебрях запутанности — она не противостоит им.

А определенность противостоит запутанности, определенность никогда не позволит никакой запутанности вами овладеть. Она так ее пугается, что просто избегает ее, бежит от нее — и тогда человек, естественно, остается тупым и посредственным. Я за ясность, но не за определенность. Нужно приветствовать каждую новую запутанность, ибо каждая новая запутанность будет бросать вам новый вызов — с тем, чтобы проясниться, стать более прозрачным.

Я здесь не для того, чтобы давать вам какие бы то ни было верования — поэтому я продолжаю противоречить самому себе. Я не позволю вам обрести какую бы то ни было опору, потому что не хочу, чтобы вы за что-то цеплялись. Как только я увижу, что вы за что-то цепляетесь, я в это же мгновение выбью почву из-под ваших ног. И вы, конечно, упадете в кучу и запутаетесь. Потерпите крах и разозлитесь: вам же хочется все разложить по полочкам. Ум вечно хочет все разложить по полочкам, жизнь всегда хочет любить. Жизнь есть движение, а ум — стоячее болото. Жизнь подобна реке.

Это ваш ум хочет остаться в стоячем болоте — вот что вызывает это затруднение. А жизнь желает двигаться — отсюда борьба. К сожалению, все вы на стороне ума. А вам следует быть не на стороне ума,

а на стороне жизни. Вам следует сказать: «Что ж, если здесь путаница — так и быть! Это значит, что мои старые идеи расшатываются. Теперь мне предстоит обрести какое-нибудь новое видение. Я должен двигаться. Это больше не мой дом — я должен найти другой!»

Если вы продолжаете жить, как жили всегда, значит, у вас есть ясность — не та ясность, о которой я веду речь, но все-таки у вас есть определенная ясность. Старые привычки, старый шаблон — вы продолжаете им следовать, и все у вас идет как по маслу. Но когда вы вступаете в контакт с таким человеком, как я, и если контакт этот действительно происходит, вы ощутите запутанность и смятение, так как начнет случаться новое, и в то же время будет еще присутствовать старое. Вы станете колебаться, не в силах решить, продолжать ли старое или сделать прыжок в новое. Все ввергнется в хаос... Это добрый знак. Иисус говорил: «Не мир несу я вам — но конфликт. Не мир несу я вам — но меч». Христианам было трудно это истолковать, ибо Иисус, заявляющий, что он несет не мир, а войну, как будто бы... не прав! «...но меч, — говорит он. — Я здесь для того, чтобы разрушить весь ваш мир и сотворить в вас великий конфликт, сотворить великий хаос».

Так может поступать только живой Мастер.

И если вы теперь следуете Иисусу и считаете себя христианами, то ему не удастся внести в вас конфликт. На самом деле вы обретете в нем большое утешение. Благодаря ему, вы почувствуете большее успокоение — и тогда все пропало.

Я тоже несу вам конфликт. Когда вы со мной — то рано или поздно в вас обязательно произойдет великий раскол — ваше прошлое и ваше будущее будут безнадежно разведены в разные стороны. И если вы останетесь с вашим прошлым, вы упустите меня. Впрочем, вы не в состоянии сделать даже этого. Если вы будете со мной, вы утратите свое прошлое. Однако и это кажется чересчур рискованным — ведь это все что у вас есть. Ваше прошлое — это все, чем вы обладаете. Если вы пойдете со мной, если вы решитесь пойти со мной, вы станете нищими. Вы станете нищими духом, ибо прошлое ваше делается бессмысленным, неважным. Прошлое ваше канет в небытие. И тогда вы не будете знать кто вы, вы можете знать это исключительно благодаря прошлому. Вы не будете знать вашего отождествления, потому что ваше отождествление исходит из прошлого. Вы тогда не будете знать, христиане ли вы, индуисты или мусульмане.

Вот в чем смысл моих усилий: помочь вам подойти к той критической точке, где вам ничего не останется как решать либо быть с будущим и рискнуть всем прошлым, либо начисто покончить с будущим и передвигаться в комфорте и удобстве прошлого.

Поэтому просто ждите. Пусть будет путаница. Не пытайтесь все

разложить по полочкам, не пытайтесь все разгадать, так как что бы вы теперь ни делали, это не поможет. Просто ждите. Это великое размежевание путей. Великое решение, и момент решения обязательно поднимает суматоху. Поэтому просто наблюдайте — теперь уже ничего не нужно делать.

Запутанность — это часть всей работы... потому что я могу помочь вам только в том случае, если сначала уничтожу вас, ваши иллюзии, ваши представления, ваши верования, ваши ожидания. И до тех пор, пока я их не уберу, не разорву на куски, до тех пор, пока не вызову грандиозную путаницу — такую, чтобы вы понятия не имели, куда вам теперь идти — только тогда вы сможете войти в себя и от меня будет хоть какая-то польза. Так что это часть; это демонтаж — часть работы. На нее потребуются несколько дней. Путаница не будет постоянной; всего лишь немного терпения — и все образуется, и станет цветком, вашим внутренним цветением.

Только интеллигентные люди способны запутаться — способны позволить себе запутаться. Неинтеллигентные люди не могут позволить себе запутаться, вот почему они никогда ко мне не приходят. Не могут прийти: это слишком рискованно. Они знают: я стану их запутывать, а стоит только им запутаться, как им уже не отгадать, кто они, что делают, и что теперь произойдет.

Я запутываю вас для того, чтобы вы начали поиск самих себя. Чтобы вы начали снова и снова смотреть на себя, пытаясь понять, кто вы. Я убираю ваше старое отождествление, то есть вашу определенность — и бросаю вас в темноту. И теперь вам уже ничего не останется, как находить свой собственный путь.

Идите в темноту, находите свой путь. Здесь кроется опасность. Однако благодаря опасности что-то образуется. Благодаря опасности человек становится сознающим. Благодаря поиску человек приходит домой.

Вы должны проходить со мной через все жизненные этапы. Вы должны грустить со мной, страдать со мной, праздновать со мной. Вы должны проходить со мной через все климаты. Я не какое-то определенное время года, я — целый год. Придет лето, придет зима, и наступит весна, будет осень — и вы должны идти со мной круглый год.

Есть люди, похожие на времена года; они имеют один вкус. Уж если они лето, то они — лето; а уж если они зима, то они — зима. Но я так не застываю. И, сталкиваясь со мной, люди, имеющие только одно время года, умирают — им не ведомо, что такое жизнь. А жизнь — это грандиозное изменение, мощный поток. Волна на волну — и океан продолжает свой ход, и волны неотступно точат скалы и продолжают лить свою песню.

Вы должны жить со мной в разные времена года, при разных настроениях. Когда вы проживете все времена года и все настроения, тогда и поймете, что такое богатство.

Так что допустите и это. Если мои слова были подобны цветам, то дайте им теперь быть подобными ножам, врезающимися в вас ножам. Если мои слова были подобны смягчающему бальзаму, то дайте им теперь быть подобными языкам пламени, ибо, в конце концов, вам придется пройти через все противоположности, чтобы вернуться домой, подойти к той точке, где противоположности встречаются, сливаются и исчезают.

Однажды такая точка появится, когда вы будете слушать меня, и тогда не останется уже ни горя, ни счастья. Слова не будут подобны цветам, не будут подобны пламени. Вы будете просто слушать в полной тишине, и не раздастся ни единого звука, ничего не произойдет. Вы будете так, как будто вас нет — и лишь тогда вы услышите послание.

Каждый климат хорош, ага? Так что наслаждайтесь... Если вы живете со мной днем, то кто в таком случае будет жить со мной ночью? Примите все мои проявления — и каждая новая фаза будет что-то внутри вас ломать — какой-то блок, что-то застывшее — и поможет вам течь. Я буду бить вас всевозможными способами. А сдача означает, что вы готовы.

Если я спешу на помощь — значит вы готовы. Если вы говорите, что сдались и последуете за мной, поскольку я иду в рай, а не в ад — значит вы не сдались. Если вы готовы пойти со мной куда угодно — только тогда вы готовы со мной пойти.

И я понимаю так: до тех пор пока вы не коснетесь самого дна ада, вам никогда не узнать, что такое рай. Вот для чего существует ад; чтобы очистить вас, уничтожить все ненужное — с тем, чтобы в вас смог расцвести рай. Это кажется парадоксальным, но райский цветок расцветает в аду.

Если вы доверяете мне, тогда не цепляйтесь. Примите неустойчивость, незащищенность. Примите дискомфорт и неудобство. Примите их — и они тут же исчезнут. Они присутствуют, потому что вы продолжаете думать, что раньше вам было лучше — по крайней мере, все было налажено.

Комфортна только смерть. Жизни присущ свой дискомфорт, и человек растет, благодаря нему — благодаря боли, страданию. Все имеет свой собственный смысл.

И в конечном итоге, то, что вначале казалось опасностью, откроется вам как единственная безопасность. И то, что вначале вам казалось дискомфортом, вскоре откроется вам как единственное счастье.

Никогда не принимайте скоропалительных решений. Ждите. И помните, что это пройдет, это уйдет. Проблема возникает тогда, когда люди принимают решение, находясь в плохом настроении. Они тогда начинают думать: «Оставь саньясу, выбрось ее из головы». Если вы принимаете решение в плохом настроении, тогда вы упускаете возможность, вы захлопываете дверь. И тогда вам будет очень и очень трудно вернуться назад. Ваше это будет чувствовать боль. И что тогда останется говорить, как вернуться назад? А между тем это происходит каждый день...

Здесь есть несколько саньясинов, которые оставляют саньясу, когда они раздражены, но затем это настроение проходит, и они начинают раскаиваться. Но тогда им уже трудно вернуться обратно, потому что они чувствуют вину, и если они все-таки приходят, то вина все равно продолжает их точить. Просить о саньясе вновь — кажется просить слишком многого; вы совершили проступок. И тогда им приходится подыскивать объяснение.

Ждите. Придут негативные мгновения — ждите и наблюдайте — и они уйдут. И в итоге человек должен остаться доступным высшему, когда отброшено будет и то, и другое. И тогда вы будете со мной. Тогда не будет больше отношений и не будет возможности их порвать. Это уже будет не общение, а общность.

Вся до сих пор существовавшая философия была своего рода выбором или-или. А все мое учение — это не или-или, а то, и другое — и. Не выбирайте. Выбор делает человека односторонним. Одни становятся материалистами, другие становятся идеалистами — и оба — серединка на половинку: наполовину мертвые, наполовину живые. Оба упускают целостность, а причина — их хроническое упорствование на чем-то одном. Они недостаточно смелы, чтобы принять противоречия, недостаточно смелы, чтобы принять жизнь такой, какая она есть. У них есть это «надлежит»: этому надлежит быть таким-то.

Мы не можем ничего навязывать жизни. Ей нет никакого дела до нашей логики, нашей математики, нашего ума. Она идет своим ходом. Она диалектична. И хорошо, что диалектична, а не логична. Если бы она была логичной, она была бы плоской. Вы только представьте себе мир, состоящий из одних женщин, мир, в котором нет мужчин — это был бы плоский мир — либо только из мужчин без женщин — опять-таки он был бы плоским. Вы только представьте себе мир, где есть одни лишь удовольствия и нет страданий — это был бы плоский мир. Даже удовольствие станет тошнотворным, невыносимым. Людей будет рвать им. Переваривать его станет уже невозможно. Вы только представьте себе жизнь, в которой были бы одни лишь розы и не было бы шипов. Люди мечтают о такой жизни, но

им невдомек, что такая жизнь была бы полнейшей скукой. Шипы необходимы. Они делают жизнь вызовом, борьбой, приключением, они делают жизнь стоящей того, чтобы ее прожили.

Я всецело за самопротиворечивость жизни. Вот почему многие так озадачены моими высказываниями, ведь я же противоречу самому себе, постоянно противоречу — потому что я верю в жизнь, а не в логику. Я противоречу, чтобы быть правдивым. Последовательность всегда ложна, а истина всегда непоследовательна. Она должна быть достаточно емкой, чтобы вместить в себя полярные противоположности.

Я также постоянно противоречу в методе — для того, чтобы вы ни за что не цеплялись. Я не даю вам никакой философии жизни: одной рукой я даю, а другой — тут же забираю ее обратно, потому что не желаю говорить вам об истине: передать ее невозможно.

Я всеми силами пытаюсь спровоцировать в вас истину, а не говорить вам о ней. Запутывание — это мой метод — вы можете назвать меня запутывателем.

Ум не всегда бывает не прав. Ничто не бывает всегда неправильным или всегда правильным — это зависит от контекста, это зависит от восприятия в целом. Что-то может быть целебным для одного, а для другого может оказаться ядом. Так что здесь невозможно делать каких бы то ни было общих утверждений; все утверждения индивидуальны. Они относятся к определенному человеку. То, что я говорю тебе, правильно только по отношению к тебе.

А между тем сейчас столько людей...

Это утверждение адресовано лично тебе; оно не предназначено для кого-то другого.

Всегда помните: когда я отвечаю кому-то другому, вам не следует считать, что этот ответ неизменно относится к вам — он может таковым и не быть. Вопрос может быть тем же, но ведь задается он разными людьми — это уже другой вопрос. И я отвечаю не в вакуум, я отвечаю людям. Ваш вопрос другой, и мой ответ будет другим.

Есть одна история...

Один мусульманский мистик, Абрахам, каждый день, молясь Богу, все время повторял: «Я ни о чем не прошу — но только посылай мне всегда немного боли. Посылай мне всегда немного даров страдания».

Он остановился у другого мистика, и тот услышал молитву Абрахама. «Что за чушь ты несешь? — спросил он. — Ты же знаешь: Бог сострадателен, и мусульмане называют Бога Рахимом, состраданием. И он настолько сострадателен, что, если его попросить, он исполнит

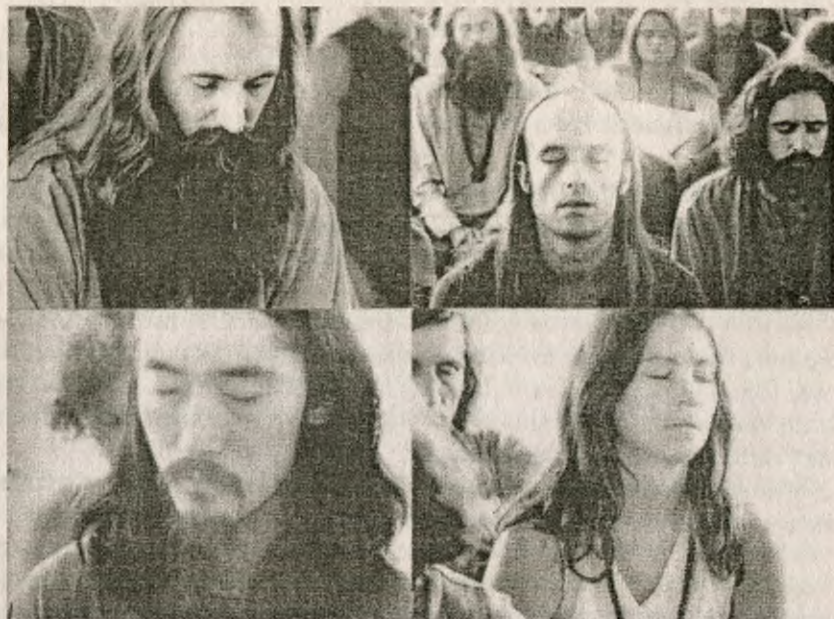
твою просьбу!»

«Я пришел к Богу через боль, через страдание, — отвечал Абрахим, — а когда я счастлив, я склонен его забывать — вот почему я прошу немного боли. Когда мне больно, я помню Бога. Когда же я счастлив, я склонен Его забывать». Он говорил великую духовную истину.

Помните: нет более глубокого способа выразить свою благодарность, чем через слезы. Нет более высокой молитвы, чем со слезами. Всего несколько дней назад Гит Говинда прибыл из Эсалена. Он не мог сказать мне ни единого слова — были одни лишь слезы. Он начал ощущать некоторую неловкость, он хотел что-то сказать — но ничего не приходило. Слезы те были прекрасны. И с тех пор он так и плакал здесь; все эти две или три недели, которые он здесь находился, он плакал. Он писал мне вопросы: «Что делать? Как остановить эти слезы? Они текут и текут».

Он стал близок мне, отсюда — слезы. Он увидел меня — отсюда слезы. Глаза его выражают благодарность — отсюда слезы. Глаза наполнены — отсюда слезы. Слезы куда прекраснее, чем все что у вас есть, потому что слезы проистекают из переполненности вашего существа. Примите их с большой радостью. Смакуйте их, питайте их, приветствуйте их, и, благодаря слезам, вы узнаете как молиться. Благодаря слезам, вы узнаете как видеть. Глаза, наполненные слезами, способны увидеть истину. Глаза, наполненные слезами, способны увидеть красоту жизни и ее благословение...

Я должен делать это много раз — разрушать весь ваш мир!

Я — зеркало

Когда человек сдается Мастеру, он на самом деле сдается самому себе. Однако он не знает, кто он, поэтому он не может сдать себе непосредственно, и идет через Мастера. Мастер — это коридор, по которому ты приходишь к самому себе. Он подобен зеркалу: ты смотришься в зеркало и видишь свое лицо. Ты смотришься в Мастера и находишь самого себя, и больше никого.

Не далее, как сегодня, я читал рассказ об одном мастере дзен — Тозане — весьма знаменитом мастере дзен.

В этом рассказе говорится, что боги хотели увидеть его, но не могли, потому что он был лишь пустотой. Они и так, и эдак пытались к нему подобраться; они и проходили через него, однако его нигде нельзя было обнаружить. Он был нигде, ничем... настолько пустым, что им никак не удавалось его разглядеть. И все же им было любопытно увидеть человека, который стал пустым, и они разыграли его.

Пробравшись на кухню, когда Тозан возвращался со своей утренней прогулки, они взяли несколько горстей риса и пшеницы и рассыпали их по его тропинке. В монастырях дзен это считается едва ли не грехом, так как означает большое неуважение к рису и пшенице.

Уважаться должно все, ибо все божественно. Это не имеет никакого отношения к экономике, никакого отношения к гражданской идеологии, так как эта разновидность идеологии является ничем иным, как оправданием скарденности. И это не имеет никакого отношения ко всему этому. Это уважение ко всему. Все, что существует и что существовало, божественно и должно уважаться.

Поэтому в дзенских монастырях ничто не тратится понапрасну, и человеку подобает быть заботливым и бдительным. А они разыграли его и рассыпали на его пути несколько пригоршней риса и пшеницы. И когда Тозан возвращался, он не мог поверить, чтобы кто-то из его учеников был на такое способен. Кто бы это мог сделать? Кто мог проявить такую невнимательность и неуважительность?

И стоило только этой мысли прийти ему в голову, как внезапно появилась самость, и боги смогли его лицезреть. Пустота не была больше пустотой: ее кристаллизовала мысль, и на сцену выступило отношение, ум. На одно мгновение в голубом небе показалось облако, и боги смогли увидеть этого человека, Тозана. Затем облако исчезло вместе с мыслью.

Мне очень нравится эта история.

Саньясину стало интересно, кому же он все-таки следует: «Вам или самому себе?» — задает он вопрос.

Самому себе... даже если ты тем временем следуешь мне, то исключительно с тем, чтобы достичь самого себя. Это очень напоми-

нает смотрение в зеркало: на кого ты смотришь — на зеркало или на себя? В каком-то смысле ты смотришь на самого себя. Отношения между Мастером и учеником точно такие же: Мастер — это зеркало! Вы действительно смотрите на меня, однако лишь с тем, чтобы смотреть на самих себя. А если вы забываете смотреть на себя, тогда я для вас больше не зеркало, а лишь стена, и отношения тогда теряют смысл. До тех пор, пока зеркало не будет вас отражать, оно не будет зеркалом. Вы сдаетесь мне лишь для того, чтобы я смог вернуть вам самих себя.

Так что, в конечном итоге, вы следуете самим себе, а я всего-навсего средство. Это необходимо запомнить. Я только отражаю вас, я отбрасываю вас обратно к самим себе. Я зеркало — и это моя единственная функция.

Если мне удастся ее выполнить, если я заставлю вас осознать свое настоящее лицо, тогда моя работа будет завершена. Зеркало тогда уже не пригодится: вы уже знаете свое лицо, и о зеркале можно забыть.

Быть учеником — значит видеть своего Мастера широко раскрытыми глазами и отстранить свой ум, смотреть без вмешательства ума, без всякой интерпретации — смотреть прямо.

Все, что вам нужно, уже внутри вас. Малейший поворот вовнутрь — и случится преображение. Оно может случиться за один шаг. Оно не обязательно должно быть постепенным, оно может быть внезапным, подобным молнии. Все зависит от того, насколько вы смелы, чтобы двигаться вперед.

Будьте же смелыми и взгляните на себя.

Анупама говорит Ошо, что ей не хочется здесь находиться.

Анупама: *И я не знаю, почему. С тех пор, как умерла Випассана, я ощущаю страх смерти. И мой любимый кажется другим... Я чувствую испуг. Иногда мне даже не хочется больше быть человеком. Но я также не верю, что, если уйду прочь, то мои чувства изменятся.*

Это отрицательное отношение началось после того, как Випассана ушла?

(всхлипывая) До того.

Гм, гм. Дай мне понять. Все можно сделать, когда захочешь, но дай мне понять, что происходит, ага?

Я чувствую себя такой одинокой, и никому нет до меня дела — кроме Вас.

(посмеиваясь) Это так обнадеживает! Не волнуйся.

Вы пугаете меня.

(смеясь) Я испугаю тебя... это уж точно! Куда бы ты ни пошла, я буду тебя пугать. От этого никуда не деться!

Все уходит, и ничего не приходит... И Вы от этого так счастливы (невольнo смеется).

(смеясь) И в самом деле счастлив!

(после паузы) Все уходит, а привязанность создает страдания. И нужно понять, что мы одиноки, и что все отношения...

(Анупама начинает рыдать)

И стоит только нам это понять, как одиночество тут же исчезает. Постарайся меня понять. Если ты будешь и дальше стараться...

(рыдая) Я не хочу слушать! Извините, но я не хочу слушать. Я не хочу Вас отталкивать, но я это делаю!

(терпеливо пережидая) Гм, гм.

(крича) Я не желаю даже смотреть на Вас!

(усмешка) Гм, гм... если ты думаешь, что будешь счастлива, ты можешь уйти — это вовсе не проблема. Но ты не будешь счастлива. Ты окажешься в еще худшем состоянии.

(немного спокойнее) Я верю Вам.

Так что это не поможет. Быть здесь трудно, я знаю, но если ты со мной объединишься, то все пройдет. Здесь нет ничего безнадежного.

Каждый должен прийти к определенному пониманию, ибо мы продолжаем жить в снах. И всегда, когда приходится сталкиваться с чем-то настоящим, начинаешь бояться, страдать и стремиться изменить эту ситуацию, убежать от этой ситуации — но только не смотреть на нее. Вот почему ты не хочешь на меня смотреть (посмеивается), ведь если ты будешь на меня смотреть, тебе придется лицезреть настоящее.

Если ты будешь на меня смотреть, тебе придется смотреть на то, что реально есть. А что есть, то есть. И тебе не удастся это изменить одним лишь погружением в несчастье. Это можно изменить — но для этого потребуются определенное понимание.

Хорошо, Анупама.

Мысль о бегстве всегда приходит на ум, и всегда ищешь повода отсюда сбежать. Но стоит только вам хоть немного меня попробовать, как вы уже не сможете не вернуться — я буду преследовать вас! Я не могу так легко вас оставить. И уж лучше идти со мной как

можно глубже, настолько глубоко, насколько вы только можете в себя войти.

Знаю: это требует смелости. Все испытывают страх, ведь мы так долго от себя скрывались, и узнать, кто мы — это все равно что пережить крушение. Старый образ разобьется вдребезги — а ведь вы так долго лелеяли этот образ, с такой заботой, с такой любовью; вы вскормили его. И, тем не менее, он ложен и обречен разбиться вдребезги. И только когда он разобьется вдребезги, то, что в вас подлинно, обретет очертания.

Мастеру приходится быть очень суровым. Мастеру приходится бить вас по самому больному месту. И на этот раз вам уже не отвертеться. Я заинтересован только в одном: помочь вам преобразиться.

Саньясинка чувствует, что она борется с Ошо.

Это верно; впрочем, так делает каждый. Это значит, что ты попала в ловушку! Ты знаешь, что пути назад нет — отсюда борьба. Борьбаться пытаешься до последнего, и все же эта борьба обречена на поражение. И все же ум еще сопротивляется. «Почему бы не попробовать еще раз?» — настаивает он.

Это пройдет... потому что быть побежденным мной, на самом деле, значит быть победителем.

Величайший триумф ученика — тот день, когда его побеждает Мастер, ибо это день его победы! Быть побежденным Мастером — просто значит быть побежденным своим глубочайшим бытием, только и всего. Мастер — не что иное, как отражение вашей глубочайшей сути, которая и есть вы. Поэтому быть побежденным Мастером — это не то же, что быть побежденным кем-то еще, быть побежденным своей собственной природой. Лишь то, что в вас искусственно, терпит поражение.

В тебе присутствуют эти два человека: искусственный и естественный. Если ты меня допустишь, то победит естественный. А если ты будешь продолжать борьбу и не допустишь меня, то победит искусственный. До сих пор ты жила с искусственным. И он ничего тебе не дал — не может дать: ему нечего дать. В нем нет жизни.

А между тем, это происходит с каждым — так что не вини и не осуждай себя. Это естественный процесс, и через него предстоит пройти каждому саньясину. Скоро он закончится, ага? — тебе осталось пройти всего-навсего несколько групп, и он прекратится. Группы эти очень помогают. Они убирают всю пыль. Они проясняют твой ум — и ты обретаешь способность видеть более отчетливо. В тот день, когда ты сможешь ясно меня увидеть, ты увидишь, что я и есть ты — с кем же тебе бороться? Не с кем бороться.

Я и есть этот самый промежуток — устанавливай связь с промежутокком. А ты пытаешься установить связь с какими-то своими представлениями.

А я — не твои представления.

Я и есть та самая пустота. И если ты установишь связь с этой пустотой, ты установишь связь со мной. А ты пытаешься что-то проецировать, и ум твой играет с тобой в игры. Просто забудь обо мне. Лишь увидь эту пустоту: эта пустота и есть я. Забудь форму... посмотри глубже.

И — чудо из чудес. Оно уже случилось с тобой, но ты его упустила, потому что у тебя сложились определенные представления о том, что должно происходить.

Но в следующий раз ты сможешь ощутить пустоту, ощутить благословение. Позволь же ему проникнуть в тебя; утони в нем. Ты им уже затронута; просто тебе не удастся правильно это истолковать — только и всего. Я ливнем изливаюсь на тебя — просто ты еще не можешь этого понять, только и всего.

Так что это случится в следующий раз — просто отбрось всякие представления. И ничего не жди, ибо само твое ожидание станет препятствием. И что бы ни происходило — прими происходящее. Только так и бывает. Промежуток — так промежуток. Пустота — так пустота. Ничего не происходит — ну и пусть ничего не происходит. Так оно и бывает. Расслабься в этом, и скоро ты ощутишь, что окружена мною.

Здесь все проявляется в полную силу. Все, что вы носили всю свою жизнь, проявляется в полную мощь. Впрочем, так и должно быть, потому что вам неминуемо предстоит столкнуться со своими проблемами лицом к лицу. В присутствии Мастера ваши проблемы, какими бы они ни были, всплывут и выступят на поверхность. Жадный станет очень жадным, сексуальный станет очень сексуальным, агрессивный станет очень агрессивным.

Это и есть та самая проблема, которая должна быть решена. Это, на самом деле, одна из старейших техник: пойти к Мастеру, побыть в его присутствии и потом посмотреть, что с тобой произойдет. Внезапно твоя главная проблема выступит наружу. А как только проблема становится известной, она тем самым решается процентов на пятьдесят. Настоящая трудность заключается в ее распознавании. Определение диагноза важнее лечения. Лечение элементарно: стоит только поставить диагноз, как аптекари уже спешат на помощь; это не очень сложно.

Кто-то спросил мастера дзен...

Кто-то спросил мастера дзен: «Какое определение мудреца?» Мастер ответил: «Мудрец — это тот, кто надеется на то, что после лета настанут дожди, а за дождями последует зима».

Спросивший был озадачен: ведь это и так всегда происходит — какой же смысл об этом говорить? «Ты в своем уме? Ты что говоришь?» — недоуменно спросил он.

«Да, — ответил Мастер, — я имел в виду именно это».

«Но ведь это и так происходит!» — снова возразил спросивший.

Мастер рассмеялся и сказал: «Мудрец — это тот, кто всегда надеется лишь на то, что и так происходит. Он никогда не надеется на что-то другое. Он просто надеется, что дважды два будет четыре, и, разумеется, все его надежды осуществляются. Как ты можешь огорчить мудреца? — ведь он надеется лишь на то, к чему и так все идет».

Посетитель сказал через переводчика, что он хочет узнать Ошо.

Гм! Это неплохая идея!

Переводчик: *Он живет с саньясинами в Берлине.*

Если ты хочешь узнать меня, тогда стань саньясином, иначе это будет трудно.

Ну как? Готов?

Он сомневается.

Сомневается? Тогда ему будет трудно узнать меня... сомнение, оно ведь никуда не приводит. Сомнение приводит к сомнению, одно сомнение порождает другое сомнение. Доверие же приводит к доверию. И если ты начинаешь с сомнения, то тебе придется трудно...

Он считает, что саньяса — это что-то искусственное, напукное.

Сначала так и будет. Сначала так всегда бывает. А в конце ты узнаешь.

Если ты хочешь узнать меня, тогда я советую тебе принять саньясу. А если ты не хочешь узнать меня, то нет проблем — ты можешь быть просто тем, кто ты есть.

Ему бы хотелось стать собой и остаться собой.

Тогда не говори, что ты хочешь узнать меня, а так и скажи, что ты хочешь узнать самого себя — это будет куда лучше. (Посетитель обрадованно кивает.) Тогда совсем другое дело.

Однако средство все то же! Стань саньясином!

(Громкий смех; Ошо невольно смеется сам над собой.)

Какой бы ни была болезнь — лекарство у меня одно. Так что тебе не стоит успокаиваться!

Если у вас есть сопротивление авторитету, тогда в течение месяца делайте то, к чему вы сами склонны, чем бы это ни было. Что бы вы ни выбрали, делайте это; какая бы медитация ни пришлась вам по душе, делайте ее.

Выбирайте в течение месяца, ага? Раз уж вам становится не по себе, когда вам что-то говорят...

Никому здесь не интересно говорить вам: «Делайте то-то и то-то». И я вовсе не испытываю удовольствия, предлагая вам проходить такие-то группы. Я делаю это только из-за того, что забочусь о вас — вот почему я их предлагаю. Никому здесь не интересно заставлять вас что-то делать.

Сперва попробуйте быть сами по себе. Если это вам придется по вкусу — превосходно: именно этого мы и добиваемся. А если это не придется вам по вкусу, то вы можете спросить меня, ага? Хорошо!

Саньясин говорит, что он уже долго борется с Ошо.

Это же великолепно... это просто великолепно! Продолжай бороться — это один из способов добиться скорейшей победы над собой. Если ты много борешься, то тем скорее будешь побежден, потому что устанешь, ведь борьба со мной — это борьба со своей собственной самостью. Я от этого не устаю, потому что на самом деле (Ошо разражается хохотом)... просто ты сам устаешь.

Ты ведь борешься с небом, прыгая и вопя. Вот оно, небо — но на него не действуют твои крики, прыжки и проч. Ты устанешь — рано или поздно ты упадешь! Поражение не за горами.

Возвращайся, ага? А если ты в состоянии продолжать борьбу, хорошо — продолжай. Мне ведь нужны и воины. Они поддерживают меня в рабочем состоянии.

Каждый чувствует, что бывают такие мгновения, когда он не со мной, потому что быть со мной целиком и полностью практически невозможно. Лишь в редкие мгновения ты бываешь учеником. Ты не можешь быть учеником двадцать четыре часа в сутки. Но даже если наступают эти редкие мгновения, этого уже достаточно — можно ожидать, что они наступят и впредь. А они наступят. Таких мгновений раз от раза будет все больше и больше, и тогда ты будешь чувствовать все большую и большую близость ко мне. И в один прекрасный день случится ученичество.

Когда ты принимаешь саньясу, то это не значит, что ты уже стал

моим учеником. Это просто означает, что ты дал мне знать о своем намерении стать моим учеником. Это только начало ученичества, а не конец. Это только вступление в него.

Поэтому предстоит много таких мгновений, когда ты будешь сопротивляться. И справиться со мной трудно, потому что я не обычный учитель. Я так часто причиняю тебе боль; я причиняю столько боли. Это часть всей моей работы: мне приходится причинять тебе боль. Если я не буду причинять тебе боль, твое эго никогда не исчезнет.

Но это естественно, что ты чувствуешь, что ты здесь всегда только наполовину. Чтобы быть здесь целиком, ты должен был бы стать просветленным.

Я здесь не для того, чтобы каким бы то ни было образом заставить вас чувствовать вину или стыд. Если вы не хотите чего-то делать, если вы не хотите сталкиваться с определенной ситуацией, то это вам решать. Если вы решаете не сталкиваться, то и не нужно этого делать.

А между тем, в глубине души вам этого хочется, потому что вы знаете, что без столкновения с ней вы никогда не будете расти. И поэтому вам становится стыдно. Но на самом деле вы прячетесь не от меня — вы прячетесь от самих себя. И на самом деле происходит вот что: когда кто-то начинает от меня прятаться, он пытается спрятаться от самого себя — иначе зачем ему это делать? Я же никогда никого не осуждаю. Никогда никого не сужу. Я вовсе не христианин, и в моей космогонии нет ада ирая. Грешите вы или нет — вы попадете в рай! Избежать этого невозможно. Так что это не проблема. Никому никоим образом не нужно меня бояться.

Проблема, однако, возникает тогда, когда вы начинаете чувствовать вину — оттого что знаете, что так было бы правильно, и знание это порождает вину. Это не какая-то заповедь, навязанная извне. Это некое ваше внутреннее озарение. Вы начинаете чувствовать вину из-за того, что не смогли действовать в соответствии со своим собственным осознанием. И вина эта прекрасна.

Если кто-то другой заставляет вас чувствовать вину, это очень пагубно. Человек этот пытается господствовать над вами, парализовать вас, навязать вам свои собственные представления — а это нехорошо. Но если ваше собственное осознание говорит вам, что вы сами знаете, что нужно делать, и все же не сделали это...

И нет никакого другого внешнего авторитета, который призван решать, что такое хорошо и что такое плохо; только вам выносить решение. Вот на что направлены все мои усилия здесь: оставить вас наедине с решением. И тогда возникает настоящая вина, и вам никуда от нее не деться. Куда бы вы ни уходили, вы будете об этом знать.

И теперь только вам решать, продолжать ли прятаться или столк-

нуться с ней лицом к лицу. Сталкиваясь с чем-то, человек растет. Прячась, он избегает возможностей роста. Поэтому никогда не теряйте возможностей, ибо потерянная возможность потеряна навсегда. Как только ситуация уходит, она уходит безвозвратно.

Вся моя работа заключается в том, чтобы быть для вас зеркалом. Это единственный путь. Если вы узнаете себя, вы узнаете меня. Я здесь не для того, чтобы увлекать вас за собой. Это было бы рабством. Вы снова и снова должны отбрасываться к самим себе.

Другой — это рабство. И нужно пройти через другого, потому что, пока ты не пройдешь через другого, узнать себя как-то иначе будет невозможно. Чтобы узнать «я», приходится двигаться через «ты». И если вы не будете этого делать, вы никогда не сможете узнать, кто вы.

Любовь помогает, однако это очень тонкое, хрупкое явление. Если вы меня любите, вы через меня проходите. А если я люблю вас, то я не должен вас удерживать. Я должен позволить вам идти обратно к себе. Вот почему любви не присуще собственничество. Когда любви присуще собственничество, она бывает очень разрушительной.

Если я собственник, то, когда вы придете ко мне, я не позволю вам уйти к себе обратно. Я буду возводить всевозможные барьеры, препятствия, преграды, чтобы вы не смогли уйти обратно и остались бы со мной, как моя собственность. Но это значит, что я вас не люблю. Если я вас люблю, я позволяю вам проходить через меня и помогаю вам возвращаться к себе домой. Проходя через «ты», начинаешь понимать, что такое «я».

Есть два пути узнать это «я»: один — через отношение с вещами, то, что Мартин Бубер называет отношением «я — оно» — машина, дом, деньги... Но это все мертвые вещи. Другой путь узнать «я» проходит через мир «я — ты»: через любовь, через людей.

Если вы узнаете «я» через отношение «я — оно», вы никогда не узнаете своей целостности. Вы узнаете лишь свою мертвую часть — ту, что похожа на вещь; в лучшем случае, это будет ваше тело. Дух же ваш останется незатронутым.

И приходится двигаться через «я — ты». В этом контрасте проявляется «я». «Ты» превращается в фон, а ваше «я» становится изображенной фигурой. Это очень напоминает рисунок белым мелом на черной доске. Рисунок становится фигурой, а доска — фоном.

Сейчас ты с головой погружена в несчастье, однако в глубине души ты наслаждаешься этим несчастьем. Ты создаешь его, надеясь, что теперь любимый будет тебе сочувствовать, что он опять начнет любить тебя, как прежде. Но расчет твой абсолютно неверен. Никто не любит несчастного — это непреложный закон. Люди могут сочувствовать, однако сочувствие — это не любовь, и

оно не приносит удовлетворения. Оно причиняет боль, оно ранит. Оказаться в ситуации, когда тебе все сочувствуют — значит оказаться в плохой ситуации; это унижает.

Точно так же обстоит дело с тобой. Я должен внести ясность. Я, наверно, кажусь тебе жестоким, ага? Потому что я никогда не потакаю никакому негативному состоянию. Это просто уродство — отбрось же его! Выйди из него. Начни двигаться... и снова петь, снова танцевать, снова дурачиться. Это придаст тебе положительный настрой. И только отсюда возникнет доверие ко мне. Только любящий, только пребывающий в любви сможет на меня смотреть и вступить в отношения со мной.

Твои отношения со мной становятся все тесней и тесней. А это игра с огнем. Но огонь этот очистит тебя.

Это также обещает быть болезненным. Но после каждого приступа боли будет появляться способность ощущать блаженство. Это трудная задача. Да, трудная. Приближение ко мне означает движение в гору!

Отношения с Мастером — это отношения сердца с сердцем, а не ума с умом. И тогда обретаешь способность видеть красоту происходящего. И если это может произойти с одним, это может произойти с каждым. Это право, данное от рождения каждому.

Саньясин говорит, что он часто ощущает склонность к самоубийству. А Ошо отвечает, что, когда исчезает надежда, то остается либо покончить жизнь самоубийством, либо принять саньясу. И то, и другое выводит тебя за пределы этой жизни.

Саньяса выводит тебя за пределы этой жизни — она становится выходом за пределы. Вот почему в Индии самоубийства никогда не были столь уж распространенными.

Индия — одна из самых бедных стран и, казалось бы, где, как не здесь, должны быть распространены самоубийства. А между тем, их встретишь здесь редко. Количество самоубийств в Индии — наименьшее в мире. А причина вот в чем: всякий раз, когда человек начинает ощущать бессмысленность жизни, он обращает свой взор к религии, дабы найти иной смысл, что-нибудь из запредельного.

Так что не волнуйся из-за этого. Самоубийство уже произошло — ты совершил его, став саньясином. Того, кто жил секунду тому назад, больше нет. Скажи ему «прощай» — тот человек ушел.

А теперь... У этого нового человека нет той проблемы — нет и не будет. Так что занимайся в этих группах, и затем я скажу тебе, что делать. Это пройдет, об этом не стоит беспокоиться. Мы на Востоке веками бились над проблемой самоубийства и преобразовали склонность к самоубийству в саньясу. Не волнуйся, никакой проблемы не осталось — ты уже покончил с собой.

Я учу довольству, а не удовлетворенности. Путь к довольству лежит через столкновения со всеми вашими недовольствами без всякого страха, без всякого сокрытия. Узнать свое недовольство во всей его наготе — значит начать новую жизнь.

Когда человек становится действительно довольным, тогда на озере его сознания раскрывается тысячелепестковый лотос. Это самая вершина жизни. Умереть, не познав ее — значит напрасно прожить. И помните: это право, данное от рождения каждому — надо только его востребовать. Оно присутствует здесь как возможность, и оно может быть воплощено в действительность.

Нужна лишь преданность, вовлеченность, решимость воплотить его в действительность. Преданность — вот в чем заключается вся саньяса: я буду работать над каждой возможностью, чтобы преобразовать свое существо в прекрасный цветок.

Одна лишь решимость — и цветок уже начинает раскрываться.

Я всеми силами стремлюсь заставить вас радоваться своей обыкновенности, радоваться тому, какие вы есть. Я не заинтересован в том, чтобы давать вам какие бы то ни было цели совершенствования. Я всеми силами стремлюсь заставить вас осознать, что все нужное вам находится в вашей власти, что существование уже так или иначе предоставило вам все, в чем вы нуждаетесь.

Вы должны лишь заглянуть внутрь. Ищите внутри, узнавайте, изучайте — и вы обретете то, что всегда хотели обрести.

Мы должны объявить обычное человеческое существо самой вершиной божественного проявления.

Я — ваша
сила

Я здесь для того, чтобы напоминать вам

Мастер может лишь вызвать в тебе жажду, испепеляющую жажду истины, но он не может дать тебе программы. Он не может дать тебе дисциплины — он может дать тебе озарение, всепоглощающую устремленность, любовь. Но тогда тебе придется идти в одиночку, потому что это путешествие вовнутрь — и никто не может тебя сопровождать.

В будущем человеку предстоит прийти к великому пониманию: когда ты идешь вовне, используй сомнение, а когда ты идешь вовнутрь, используй доверие. И не вздумай отождествляться ни с тем, ни с другим. Человека до сих пор не научили этому, и он отождествляется либо с сомнением, либо с доверием. Если он отождествляется с доверием, то становится донельзя бедным во внешнем мире. Именно это происходит в Индии, на Востоке: люди там бедны и умирают с голоду. И будут оставаться бедными до тех пор, пока не научатся сомневаться. Они слишком отождествились с доверием.

Запад же слишком отождествился с сомнением. Поэтому у вас всего в избытке: новейшей техники, прекрасных зданий и т. д. — однако сам человек исчез. Со всех сторон нагромождены вещи и вещи, но хозяина отыскать невозможно; тот, кому было суждено всем этим пользоваться — мертв. Во внутреннем мире безраздельно царит какой-то кошмар — страдания, муки, пустота, бессмысленность. Запад живет во внутренней бедности, тогда как Восток — в бедности внешней. И то, и другое неправильно.

Человеку предстоит научиться чему-то принципиально новому — этого до сих пор еще не случалось, — и весь мой подход состоит именно в этом. Моим саньясинам предстоит научиться двум вещам: в освоении внешнего используй сомнение, пребывая в абсолютном сомнении; но как только ты обращаешься вовнутрь, сомнение должно быть выключено — учишься включать и выключать, и пусть будет поток доверия. Борись с внешним и сдавайся внутреннему. И я взываю к вам не извне — я взываю к вам изнутри вас самих; я — ваше внутреннее.

Есть одна суфийская история...

Два человека шли ночью. У одного была лампа, а у другого лампы не было, но когда они шли бок о бок, дорога и того, и другого была освещена. Тот, у кого не было лампы, тоже шел по освещенной дороге и был безмерно счастлив. Они не думали беспокоиться ни о какой лампе — зачем?

Но вот они подошли к развилке, и человек с лампой пошел своей дорогой. Внезапно наступила тьма. И другой теперь очень страдал. Он стал плакать, заливаясь слезами и причитая: «Ну почему я не научился делать лампу? Моя собственная лампа, пусть хоть маленькая, была бы лучше его. Но я никогда не думал об этом. Я думал, что все и так хорошо, и что все это ни к чему: дорога ведь была освещена. А теперь...»

Мастер может дать вам только намеки. Карты здесь начертить невозможно, потому что местность то и дело меняется. К тому времени, как карта будет готова, она уже устареет — вот почему устарели все священные писания. Ни одна карта не может соответствовать реальности, ведь чтобы начертить карту неизвестного, требуется время. И, прежде всего, трудно бывает перевести неизвестное на язык известного.

Мастер может дать вам только намеки — даже не руководство, а только намеки, едва уловимые знаки, палец, указывающий на луну. А между тем, луна стремительно несется, меняясь каждую секунду, и только Мастер, пребывающий в теле, может оказаться хоть в чем-то полезен, потому что он сможет и дальше менять направление своего пальца в зависимости от смены положения луны. Но стоит только Мастеру умереть, как вы уже возводите его статую — и палец по-прежнему куда-то указывает, но это каменный палец. И ясно лишь одно: он вовсе не указывает на луну.

На берегу сидели два моряка. Один был стар, другой очень молод. Молодой только ступил на стезю моряка. «Никогда еще в своей жизни я не видел столько воды», — говорил он старику.

«Ты еще ничего не видел: это лишь ее поверхность», — отвечал старик.

Мастер может только указать на ее поверхность. Но увидеть ее поверхность — уже достаточно. Тогда вы сможете глубоко нырять, тогда вы сможете окунуться в бесконечные глубины существования.

Мастер — не гарантия неизвестного, но его свидетель. Он не может гарантировать вам истину, он может только ею поделиться: вот она — я познал ее, и я ее свидетель. И если, глядя в его глаза, вы способны почувствовать доверие, если вы способны почувствовать его любовь и свою любовь к нему, тогда что-то начнет выявляться, тогда начнет происходить что-то таинственное. Эти таинственные отношения и есть ученичество, и есть саньяса. Это самый таинственный опыт в жизни.

Каждый ученик должен быть Фениксом. Он должен кануть в огонь Мастера. И из него, из пепла, родится новое существо... свершится воскресение. И это ваша вечная жизнь.

Индийский саньясин говорит Ошо, что он прочитал в Бхагаватгите, что просветление можно достичь лишь через Кришну. А Ошо спрашивает в ответ, доводилось ли ему когда-нибудь читать Библию.

Потому что в Библии Иисус говорит: «Только через меня». А Коран ты читал? В Коране Магомет говорит: «Только через меня»...

Ты похож на мужа, провозгласившего на весь мир: «У меня самая красивая жена в мире». А когда его спросили, как он об этом узнал, он ответил: «Она сама так говорит!»

Так что вопрос не в этом. Так говорил каждый учитель. И когда он так говорит, он в каком-то смысле прав. Если ты последуешь за ним, ты через него достигнешь. Но он говорит: «Только через меня», чтобы твое доверие к нему было безраздельным. А если он скажет, что ты можешь достичь и через других, ты начнешь сомневаться и не сможешь быть уверенным. И лишь для того, чтобы сделать тебя уверенным, Кришна говорит: «Только через меня...», Иисус говорит: «Только через меня... Я истина, и путь, я врата!» Все это говорится лишь для того, чтобы помочь тебе обрести уверенность — не воспринимай же их слова буквально.

И чтобы убедить тебя окончательно, я говорю тебе: «Только через меня...» Кому ты будешь верить: книге или мне, живому человеку?

Человеку необходимо напоминать, что он бог или богиня. Это лишь вопрос припоминания. Это не что-то такое, чем вам предстоит стать. Вы таковы с самого начала, вы никогда не были другими. Дело Мастера — напомнить вам, помочь вам осознать тот факт, что вы есть. Мастер не для того, чтобы загружать вас доктринами. Он не дает вам вероучений, догм, доктрин или философий. Он просто потрясает вас, шокирует, чтобы вы смогли стать чуть осознаннее, бдительнее, и чтобы что-то забытое вами вновь смогло прийти вам на память.

Техника медитации — лишь повод. Самое важное — это ваша любовь, ваше доверие. В этом доверии техника начинает срабатывать и действовать, оживать, пускать корни в вашем существе.

Помните это всегда: если вам удастся найти живого Мастера, забудьте все о священных писаниях. Живой Мастер — единственное священное писание, в котором бьется жизнь. Читайте его сердце и позвольте ему читать в вашем сердце. Будьте в общности — это единственный путь.

Иногда мне приходится что-то так преувеличивать, что мои слова перестают соответствовать истине, ибо лишь благодаря моему преувеличению это «что-то» может выступить на поверхность, но не иначе. Так что я не очень-то забочусь о фактах, зато очень забочусь о вашем преображении. И если я иногда чувствую, что ложь — во спасение, я могу и солгать, меня это не волнует.

Много раз я буду у вас что-то отнимать с тем, чтобы потом вернуть вам это обратно, потому что иногда наступает подходящее мгновение для некоторых вещей.

Все имеет свое место, и все можно использовать для роста. И все может стать препятствием... в зависимости от обстоятельств. Поэтому, когда я чувствую, что на этот раз что-то становится препятствием, я говорю тебе отбросить это. Но если я почувствую, что ты уже готов, ты можешь получить это обратно. Однако ты еще не стал таким. Я забираю все это у того, кого больше нет, и даю тому, кого никогда еще не было.

Жизнь — это такое потрясающее изменение. Вы не можете быть теми же и двух секунд. Но со мной, если вы действительно здесь, изменение происходит настолько стремительно, что вы иногда не можете его даже ощутить. Но потом, когда вы начнете об этом думать, вы увидите, насколько вы изменились. Вот почему я иногда так настаиваю на вашем уходе отсюда — ведь тогда вы поймете, насколько вы изменились.

Один суфийский мистик...

Один суфийский мистик, Баязид, бывало, говорил своим ученикам: «Если вы не делаете того, что я велю вам делать, не беспокойтесь об этом. Но всегда делайте то, что делаю я». Понимаете, о чем идет речь? Он говорил: «Не нужно придавать слишком большое значение моим словам». Вы не измените своему Мастеру, если не будете следовать тому, что он говорит. Но вы измените ему, если не будете следовать тому, что он есть.

Вот в чем состоит вся моя работа здесь: помочь людям выйти за пределы всех слов. Это возможно, и, поскольку это возможно, появляется единственная надежда. Человек может ощутить вкус Бога. И нет нужды о нем размышлять — его можно есть, его можно пить.

Я не говорю ничего буквального. Все, что я говорю, это символы. И вам не догадаться, что я на самом деле имею в виду, если вы просто цепляетесь за мои слова и носитесь с ними как с писаной торбой. Вам удастся раскрыть эти слова только в том случае, если вы играете ими, поете их и беспрерывно касаетесь ими своего сердца.

Слово, что я бросаю в вас, подобно камню, брошенному в озеро. Возникают круги — вот в чем состоит реальная работа.

Камень — лишь средство создания этих кругов. Забудьте о камне — он сделал свое дело. И двигайтесь теперь с кругами. Он начал цепь — он будет лишь началом. Конец же необозримо далек. И к тому времени, когда вы достигнете конечного результата, вам уже не удастся соотнести его с камнем. Вам не удастся установить между ними соответствие причины и следствия. Это и есть то, что Юнг имел в виду под синхронностью.

Когда я говорю вам что-то, я не даю вам причину, за которой должно автоматически идти следствие. Нет, я лишь даю вам ситуацию, в которой многое становится возможным. Если вы воспринимаете мои слова буквально, результат будет одним; если вы улавливаете смысл, то произойдет что-то другое; если вы читаете их умом, будет что-то еще, если сердцем — опять-таки, возникнет что-то иное.

А если вы внимаете их музыке, то будет что-то совершенно другое — затронуты будут более глубокие ваши пласты. Поэтому, когда я что-то говорю, слушайте мои слова, храните их в своей памяти. Снова и снова пережевывайте их. Снова и снова осваивайте их в разных ситуациях и наблюдайте, какие чувства они у вас вызовут. И потом живите этими чувствами.

Слово сделало свое дело. Оно создало в вас круги!

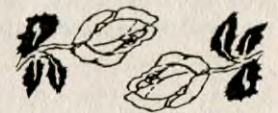
Слушание — вещь пассивная. Когда вы слушаете, от вас не требуется что-то делать, вам только и нужно, что просто быть здесь и слушать — а это для вас трудно. Если вам велят что-то делать, вы чувствуете себя превосходно: у деятеля удовлетворяется эго. Будьте же пассивны хотя бы во время моих слов, полностью пассивны, будьте просто ушами, воспринимающими ушами — ничего не делающими, а просто позволяющими моим словам впитываться в вас. Не так важно, что я говорю — гораздо важнее, что в течение девяноста минут вы только принимаете, становясь самой восприимчивостью.

Время от времени Мастеру приходится что-то изобретать с единственной целью: удержать вас в зоне сумерек — дать вам какие-то слова, чтобы вы не были совсем уж пустыми. А когда зона сумерек останется позади, вы увидите, что все это игрушки и что они уже сделали свое дело.

Иногда помогают даже незначительные решения. И нужно только одно: придерживаться их, потому что они объединяют вас в целое. А если вы их не придерживаетесь, они станут очень опасными, потому что приведут к еще большей потере уверенности.

Вот почему я настаиваю на определенной одежде. Это не имеет никакого отношения к духовности. Это имеет некоторое отношение к вам как таковым. Это что-то такое, благодаря чему вы обретаєте способность оставаться в непрерывности.

Обращаясь к саньясину, который не может прийти в себя после недавней смерти своего друга.

Нужно понять несколько вещей. Первое: ты не принимаешь смерть — вот в чем проблема. Ты слишком привязан к жизни. Ты считаешь, что я должен защищать людей от смерти? Я должен по-

могать им жить тотально и умирать тотально — вот в чем состоит моя работа. Смерть для меня столь же прекрасна, как и жизнь. А ты вбил себе в голову, что я должен защищать людей от смерти. Но в таком случае я бы им только навредил. Смерть прекрасна, в ней нет ничего плохого. На самом деле, может быть плохая жизнь, но только не смерть, ведь смерть есть расслабление, смерть есть сдача.

Ты же создаешь проблему из собственного страха; проблема эта не имеет никакого отношения к умершему саньясину. Его смерть обеспокоила тебя: она донесла до твоего сознания тот факт, что ты тоже обречен умереть — и ты не в состоянии этого принять. Теперь тебе хочется, чтобы я тебя утешил. Но я не собираюсь никого утешать. Я даю одну лишь истину, а смерть так же истинна, как и жизнь.

Между тем, люди живут с мыслью, что смерть — это нечто враждебное, что ее необходимо избегать, и чем больше она избегается, тем лучше. И приходится как-то жить, как-то влачить свое существование. Даже если жизнь бессмысленна, все равно нужно продолжать жить. Человек может страдать, он может быть парализованным, сумасшедшим. От него может не быть никакого толка никому, он может быть обузой для самого себя и каждую секунду испытывать неимоверные страдания — и все же он должен жить дальше, как будто жизни присуща какая-то внутренняя ценность. Эту мысль люди носят в своих головах: смерть — это табу. Но, по-моему, это не так. По-моему, прекрасны и жизнь, и смерть; это два выражения одной и той же энергии.

А потому я должен помогать вам жить и должен помогать вам умирать — вот мой способ защитить вас. Пусть здесь будет предельная ясность, иначе вы всегда будете в смятении. Вот кто-то заболел... заболел саньясин, и он начинает колебаться, доверять мне или не доверять — ведь он же заболел. А я здесь не для того, чтобы защищать вас от болезни. Я здесь для того, чтобы помогать вам понять болезнь, молча пройти через нее, наблюдая ее, проживая ее, оставаясь при этом спокойными. Болезнь — это часть жизни. И если кто-то считает, что я должен защищать его от болезни, он никогда не сможет меня понять; он попал сюда по ошибке.

Если он будет умирать, я буду помогать ему умереть. Смерть может быть великим триумфом, она может быть высочайшим пиком. Смерть всегда вызывает у людей беспокойство, потому что они ее отвергают. В тебе есть отвержение, ты не приемлешь смерть. Тебе не хочется умирать, тебе хочется жить и жить во веки вечные.

А это невозможно.

Безопасности не существует — вот почему существование так прекрасно. Вы только представьте себе утреннюю розу, которая начинает подумывать о безопасности — что тогда произойдет? Если

роза и в самом деле окажется в безопасности, она станет пластмассовой — а иначе опасности не миновать. Может подуть сильный ветер, и лепестки улетят. Прибежит ребенок и сорвет цветок. А вот и павлин уже спешит его съесть. Или что-нибудь еще может случиться — не прибежит ребенок, не будет павлина, не подует ветер, но к вечеру цветок умрет. Даже если ничего не случится, он все равно умрет.

Но именно поэтому роза так прекрасна — ведь она живет, окруженная смертью, она бросает вызов смерти, она бросает вызов ветрам.

Такой маленький, крошечный цветочек, и такой дерзкий вызов, и он растет из всех трудностей, из всех опасностей. И пусть даже на несколько минут или часов — не имеет значения, время не существенно — у него свой срок, он прожил жизнь. Он разговаривал с ветрами, с солнцем, с луной, он смотрел на облака. И была радость, была великая страсть! А потом он умирает. Он не цепляется — цепляющийся цветок розы был бы безобразен, на это способны разве что люди. Когда приходит время, он просто умирает и исчезает в земле, из которой вышел. Внешней безопасности не бывает, внутренней безопасности не бывает. Опасность — это тот самый материал, из которого соткана жизнь.

В этом состоит различие между моей работой и работой других учителей. Они дают вам безопасность, я же отнимаю у вас последнюю безопасность. Я заставляю вас осознать прелести жизни — ее риск, опасность, ее незастрахованность. Я делаю вас более чувствительными. И в этой большей чувствительности есть дерзкий вызов и приключение. Тогда уже не заботишься, наступит ли завтра или нет; сегодня уже достаточно. Если мы способны любить, если мы способны жить, этого дня более чем достаточно.

Ученица Ошо боится, что, пока она будет вдали, он может умереть.

Нет, нет. Когда я умру, ты будешь здесь. Тут не о чем беспокоиться. К тому же, я и не думаю так скоро умирать. Мне ведь еще предстоит позаботиться о стольких людях, ага? О тех, кого я инициировал, кого привел в определенное состояние — только тогда я смогу уйти, но не раньше.

Я все устрою, не переживай. И будь счастлива здесь, ага?

До тех пор, пока мы не обретем вечного, мы так и будем оставаться бездомными. Удовлетворить способно одно только вечное — меньшее не подойдет. Человек может проводить время в удовольствиях, однако он скоро пресыщается, устает, ему становится скучно. Удовольствия становятся однообразными. Можно иметь такое

счастье — но как долго можно продолжать играть в игрушки? Они красивы, но игрушки есть игрушки — и возникает потребность в чем-то более существенном, более питательном. А это и есть блаженство.

Все чудо в том, что оно уже внутри вас, и вам не нужно куда-то за ним отправляться. По сути дела, вы занимаетесь прямо противоположным, и вам нужно вытаскивать себя отовсюду, чтобы побывать в себе хотя бы несколько мгновений. Вот что я называю медитацией: вытаскивание себя на несколько мгновений из целого мира, чтобы отдохнуть и расслабиться в озере собственного сознания.

Как только вы начинаете вкушать удовольствие того отдыха, вы приближаетесь к дому, к вечному.

Каждый ребенок рождается в глубоком блаженстве. Но потом мы начинаем обучать его языку страдания и вдавливаем ему в голову столько всякой всячины, что раз от разу его первозданное, спонтанное существо начинает обрастать тысячами наслоений — и он об этом напрочь забывает. Он забывает о самом себе.

Дело Мастера — напоминать вам о том, что вы, быть может, забыли, несмотря на то, что оно все еще здесь. Стоит только немного копнуть.

Вы носите меня с собой

Быть саньясином значит только одно: вы будете слушать меня, а не свой ум. И потому нужно принять лишь одно решение: либо вы решите слушать свой ум - и тогда все это будет продолжаться: вы сами это выбираете и обрекаете себя на страдания, — либо вы решаете слушать меня. Но тогда забудьте об уме: пусть ум покончит самоубийством. А он покончит самоубийством, потому что он будет больше не нужен. Так что подумайте над этим.

Если вы и в самом деле хотите расти и расти в счастье, тогда эти игры ума должны быть прекращены. Тогда делайте все, что я говорю. И вы ощутите в этом великую исполненность, ибо тогда вы совсем не будете за это отвечать. Ведь это я велю вам делать так, поэтому вы свободны.

Нужно ничего не представлять собой духовно...

Нужно ничего не представлять собой духовно — быть просто никем. И из этого «никто» вы почерпнете силу. Никому тогда не удастся вас победить, потому что некого побеждать. Никому не удастся вас убить, потому что некого убивать.

В этом смысле Иисус силен. Он был распят. Его ученики ждали какого-то чуда. Их представление о силе, судя по всему, было неверным — совсем не духовным. Они думали, что Иисус проявит свое могущество, что он сотворит какое-то чудо, а между тем, ничего не произошло. Иисус просто умер в ужасных муках, в полном отпускании. И в самое последнее мгновение он произнес слова: «Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя». Он просто полностью себя уничтожил. Он стал никем, пустотой. И в этом его красота. Если бы он совершил какое-то чудо, он оказался бы заурядным человеком, ибо в таком случае он положился бы на свою собственную волю. Но он доверял Богу. Он говорил: «Делай, что хочешь. Если Ты хочешь, чтобы я умер — я буду приветствовать смерть. А если Ты хочешь, чтобы я остался жить, то это Тебе решать. Кто я такой, чтобы вмешиваться?»

Есть два мгновения, когда Мастер абсолютно необходим: первое — когда вы начинаете путешествие, но куда важнее второе мгновение — когда вы достигаете зоны сумерек. Это самое значительное мгновение в отношениях Мастера и ученика, ибо только Мастер может толкнуть тебя в неведомый мир света.

Стоит только тебе в него попасть, как тебя уже притягивает центр, притягивает, подобно силе тяжести; он обладает своим собственным магнетизмом. Стоит только тебе попасть в это поле, как тебя уже притягивает — и тогда ты не в силах повернуть назад, и путь назад уже заказан. Стоит только тебе достичь центра — в Индии мы называем это самадхи... Из самадхи выпасть уже невозможно. В этом состоит различие между самадхи и сатори. У тебя может быть сто сатори, но только одно самадхи. Это и есть то самое мгновение, когда случается озарение. И ты впервые начинаешь в полной мере осознавать, кто ты и к чему вся эта жизнь. Это просветление в буквальном смысле слова — ты сам стал светом. И в этом цель саньясы.

Энергия течет превосходно, только вы слишком жадны — вы хотите всего и сразу. А это создает затруднение. Требуется время — все приходит в свой срок. И если вы в таком случае слишком торопитесь, вы можете создать затруднения и сойти с ума, если на вас вдруг обрушится слишком многое.

Так что лучше позвольте всему этому медленно делать свое дело,

иначе вы будете не в состоянии это вынести. Если вы хотите всего и сразу, вы сойдете с ума.

Поэтому я двигаюсь с вами очень медленно, ведь вы на краю пропасти: одно неосторожное движение, и вы сорветесь вниз. Мне приходится давать вам гомеопатические дозы — мелкие, очень мелкие крупинки. А вы хотите проглотить их все разом, но не понимаете, что, если они начнут действовать быстро, мне придется немедленно предотвратить их воздействие, иначе вы не сможете снова вернуться в свое здравомыслие.

Войти в глубокую медитацию — значит пойти на огромный риск. И ваше счастье, если вы входите медленно: постепенно усваиваете ее и свыкаетесь с ней. Если же это произойдет слишком резко, вы не сумеете понять, что произошло и никогда не сумеете вновь вернуться в свое здравомыслие.

В Индии на протяжении веков очень многие сходили с ума. Вы и теперь можете пойти и найти изрядное количество сумасшедших саньясинов — и все из-за того, что за ними некому смотреть, некому придержать их энергию, когда она не нужна, и высвободить ее, когда она необходима. В этом и состоит вся работа Мастера.

Я не могу идти у вас на поводу — ведь, если я это сделаю, то в случае вашего сумасшествия, которое может за этим последовать, отвечать буду я, а не вы. Так что примите просто рост, который происходит, медленно происходит — и это будет благо. И постепенно, шаг за шагом, вы будете с ним сонастраиваться, ага? Вы не можете бежать прямо сейчас — и поэтому лучше идти. Но когда вы сможете бежать, я сам скажу вам: «Бегите».

Просто наслаждайтесь всем, что бы ни случилось, и почувствуйте глубокую удовлетворенность. Именно сейчас необходимо большое довольство: оно поможет упокоить энергию. Энергия успокоена — и тут же делается еще один шаг, затем — вновь глубокое довольство, вновь успокаивающее энергию; тогда снова шаг — но только шаг за шагом.

Существует способ прожить жизнь не выбирая, а только наблюдая, не оказывая предпочтений. Благодаря наблюдению начинает происходить все, что нужно. И не то, чтобы вы это выбирали — оно начинает случаться само собою. Что-то вот-вот должно случиться. И если вы не выбираете, оно случится. Если вы не выбираете, тогда Бог выберет вас, целое будет выбирать за вас. Когда за вас выбирает целое, а вы просто ждете, полные восприимчивости и готовности следовать, то это правильный выбор. Но только пусть выбирает целое.

Все это облегчается в присутствии Мастера: вы всегда можете оставить это мне. Отсюда великая свобода, ведь тогда не нужно беспокоиться, напрягаться, не нужно метаться и всё время находиться в каком-то внутреннем смятении и хаосе. Стоит только вам отбросить

выбор, как жизнь станет очень простой и невинной, как у ребенка. И из этой невинности придет все, что нужно. Вот почему Иисус не устаёт повторять: «Пока вы не будете как дети, вы не войдете в Царство Божие». Невыбирающее сознание — это явление невинности. Человек просто доверяет жизни, верит, что все предстоящее, каким бы оно ни было, будет благом.

И с этого мгновения наступит жизнь в невыбирающей тишине, и вы удивитесь, сколько свободы и радости бывает в земных вещах. Принятие пищи может быть празднованием, сон может быть медитацией, плавание может быть экстазом, потому что вы начинаете ощущать единство с целым: вы не делаете никакого выбора, не оказываете никаких предпочтений, у вас нет никаких симпатий или антипатий.

Всю свою жизнь вы были деятелями — и этот деятель берет свое. Он вызывает едва уловимое состояние напряжения... сильного напряжения. И если вы все время были деятелем, то у вас не было даже проблеска его осознания, а между тем, он вызывает едва уловимое напряжение, обволакивающее вас, словно пленка. Вы ни о чем не подозреваете, а он продолжает преграждать путь многому.

И если вы сделали прыжок, то пусть он будет тотальным. Позвольте мне действовать через вас — и родится великая песнь.

Ваши старые привычки будут пытаться заставить вас что-то с этим сделать — руководить этим, воздействовать на это, планировать, украшать, изменять немного здесь, немного там, но постепенно вы начнете осознавать, что самой по себе песни уже достаточно и что не нужно ничего делать... не нужно ничего трогать. Рождается спонтанность. Можно делать многое и при этом никогда не уставать. Можно делать миллионы вещей и никогда не чувствовать изнеможения, потому что, фактически, вы их не делали.

А я — лишь повод. Когда я говорю: «Позвольте мне», то я — лишь повод. Если вы позволите мне, вы позволите Богу. Если вы позволите мне, вы, на самом деле, позволите самим себе. Это лишь трюки. По сути дела, если вы позволяете мне, вы тем самым позволили своему собственному глубинному ядру сказать свое слово. Когда же руководите вы, то это руководит окружность, а глубинному ядру не позволено быть свободным. И что-то все-таки приходит, однако в сильно искаженном виде.

Будьте же полым бамбуком, позвольте мне петь песнь, и многое произойдет.

Когда энергия приходит в движение, возникает страх. Двигаться в любую медитацию — значит играть с огнем. И не нужно двигаться в нее из одного только любопытства — это может стать опасным.

Если ничего не происходит — нет проблем. С девяноста процентами людей ничего не происходит, и такой проблемы не возникает. Но с некоторыми людьми что-то начинает происходить — и тогда это становится еще опаснее, потому что вы открыли дверь какой-то энергии и не знаете, что это такое, куда ее направить и что с ней делать. А это может стать весьма разрушительным. И без Мастера можно сойти с ума.

Поэтому мы на Востоке никогда никому не позволяем что-либо делать без Мастера. Пока за вами некому присматривать, кто знает, с какими возможностями, с какими альтернативами вы можете столкнуться, кто знает, не близко ли до сумасшествия: один-единственный шаг — и вы можете сойти с ума... ведь вы же идете по натянутому канату. И если здесь все как надо, то возникнет великий синтез, все существо ваше станет единым. И вы впервые узнаете, что такое индивидуальность. Впервые объединитесь в целое, и океан благословения изольется на вас.

Когда же Мастера нет, вероятность того, что все пойдет не так, возрастает, потому что вы просто движетесь ощупью в темноте. И если что-то пойдет не так, тогда возникнет раскол, шизофрения, разделение личности. А для современного человека эта опасность тем более велика.

И это особенно относится к Калифорнии, потому что там стали доступны все учения. Такого подхода, предоставляющего учения всем людям без разбора, не было в давние, древние времена. Учения тогда держались в тайне.

Учения были доступны лишь тем, кто был готов в них войти, а не просто любопытным; тем, кто был готов на риск и сдачу. Это одна из величайших проблем: легко читать книгу и очень трудно принять Мастера, потому что, читая книгу, Мастером остаетесь вы сами. Вы можете манипулировать и так и эдак, и все устроить по-своему.

Учения никогда прежде не были столь доступны, как сейчас. Ящик Пандоры открыт нараспашку. И не только одно учение стало доступным — доступными стали тысячи диаметрально противоположных учений. И многие теперь стали их жертвами. Они знают все, и это все есть сборная солянка. Каждая система срабатывает по-своему: действует одна и та же энергия, но особым образом — приемы различны. И когда вам известно много всякой всячины, возникает путаница: одна вещь ассоциируется с другими, и все превращается в какой-то хаос. И очень трудно тогда бывает расти — куда больше вероятность безумия.

Если вы не объединены в целое, то опасно все и вся. Тогда лучше быть с Мастером и следовать одному маршруту. И все тогда станет предельно ясным. Если кто-то знает наперед, что произойдет, он может планировать. Вы же планировать не можете, потому что не знае-

те наперед, что произойдет. Так что лучше выбрать Мастера, чем идти через книги.

Будьте с кем-то и следуйте его предписаниям. Книга — вещь мертвая. Она не была написана специально для вас. Это может быть всего-навсего обобщенное учение, абстрактное, не адресованное никому в частности. Но если я разговариваю с вами, я разговариваю с вами; я не разговариваю с кем-то еще. Все, что я вам говорю, не является обобщенным утверждением — мои слова адресованы вам, предназначены для вас. Они будут заботиться о вашей потребности, о вашей возможности, о вашем потенциале, о вашем прошлом, о вашем будущем. И вы тогда оказываетесь на надежной тропе.

Так что прежде всего ищущий должен найти Мастера. А это очень сложно: как определить? Как выбрать? Есть старый восточный способ: ходить от одного Мастера к другому. Вы же не можете решать загодя — нет такого способа и нет такого критерия; вы только и должны, что двигаться и чувствовать — и вдруг рядом с кем-то вы чувствуете себя свободно и легко. Возникает какое-то удовлетворение, встречаются ритмы, что-то напомнило о доме. Это как предчувствие... что-то щелкнуло. На какое-то мгновение вы вдруг увидели, что перед вами именно тот человек — и этого теперь будет достаточно. И тогда вы делаете величайший шаг в своем росте. Найти Мастера — значит уже проделать половину работы, вы уже прошли пятьдесят процентов своего пути. Труднейшая часть уже позади — и путешествие теперь может стать танцем. Вы будете смеяться и наслаждаться, потому что на этот раз вы в надежных руках.

Расслабление направлено против эго. Эго вполне счастливо, когда вы напряжены; эго живет напряжениями, оно питается напряжениями. Когда вы напряжены, заняты, вовлечены, делая или обдумывая то одно, то другое, когда вы расколоты на части, устремляющиеся в разные стороны, тогда эго счастливо безмерно, оно не может умереть, ему тогда нечего бояться. Но когда вы молча сидите, слушая меня, расслабившись, или просто сидите с закрытыми глазами, напряжение снова исчезает, и вместе с исчезающим напряжением эго начинает чувствовать опасность. Когда напряжение исчезает, вы выбиваете почву из-под ног эго. Вот почему это происходит в расслаблении.

Мастера веками учили расслаблению по той простой причине, что, когда вы действительно расслаблены, эго уходит. Эго и сознание не могут расслабиться вместе; эго не может расслабляться, а расслабленное сознание не может иметь эго.

Это напоминает тающий лед: когда лед тает, он исчезает; лед может оставаться лишь в том случае, если таяние прекращается. Расслабление — это таяние, и замерзший лед эго не способен существовать, если все начинает таять. Эго может оставаться лишь в том слу-

чае, если вы остаетесь замороженными, сжатыми, напряженными.

Не бойтесь: я с вами. В этом моя цель, в этом смысл саньясы: когда надвигается опасность, вы всегда можете попросить о помощи, всегда можете довериться и идти дальше. Вы можете все время помнить, что я здесь, и, если что-то пойдет не так, я позабочусь о вас.

Всякий раз, когда вас будет одолевать уныние, вспоминайте обо мне. Но вы этому пока не научились, и вы многое теряете. На днях я прочитал один очень маленький анекдот, и он мне понравился.

Отец сидит в саду и смотрит, как играет его маленький ребенок, пытаясь поднять булыжник, непомерно большой для него. Это почти невозможно. Но он очень старался, то так, то эдак, то с одного боку, то с другого. Он пыхтит и тяжело дышит, но, несмотря на это, продолжает стараться и потеть.

Но вот он совсем расстроился и устало опустил на булыжник.

— Ты старался изо всех сил? — спросил его отец.

— Конечно, изо всех сил, — ответил ребенок.

— Нет, — сказал отец, — потому что ты не обратился ко мне.

Мне нравится это... ведь это — тоже часть силы ребенка.

Так что, когда вы почувствуете уныние, обращайтесь ко мне. Не нужно дальше пытаться поднять булыжник. Он иногда может быть слишком тяжелым, и вам с ним не справиться.

Обращайтесь ко мне — это часть вашей силы. Я здесь только для этого.

Когда вы приближаетесь к внутреннему пламени, то это действительно тяжелый путь, усеянный ловушками. Продвигаясь в темноте, человек спотыкается; продвигаясь в темноте, он ударяется; продвигаясь в темноте, он падает, и ему снова приходится вставать. И его нужно постоянно подбадривать, его нужно постоянно поддерживать. Он все время нуждается в том, чтобы не дать ему убежать. Вот в чем заключается работа Мастера: продолжать держать тебя за руку, продолжать говорить тебе: «Не бойся: цель не так уж далеко — она там, за углом!» Учтите, что она никогда не бывает там, за углом, но Мастер всегда говорит, что она вон за тем углом. И вот в один прекрасный день вы с ней встречаетесь! Но этого дня нужно дожидаться. И нужно быть терпеливым.

Никто не любит, когда ему советуют. И все же мне все время приходится совершать этот грех — мне поневоле приходится давать советы: «Делайте то-то и то-то». Никто не любит, когда ему советуют, потому что это противоречит эго. Ведь принятие чьего-то совета означает, что ты не знаешь, а кто-то другой знает. И поэтому стараешься так и эдак от него уклониться — хоть отшучиваясь, но только бы от него уклониться.

Когда вы со мной, вы оказываетесь в моем свете. Тогда вы не бредете в темноте. Но когда вы от меня уходите, вы оказываетесь в своей темноте — моего света больше нет.

Это как два попутчика,двигающиеся темной ночью: один с лампой, а другой просто идет.. а между тем, дорога освещена. И вот они достигают места, где им предстоит разойтись. Человек с лампой говорит: «Теперь я должен идти на юг», — «А я на север», — отвечает тот, у которого нет лампы. И внезапно он во тьме. Он мог совсем забыть о существовании тьмы, ведь свет был всегда доступен.

Так что вам приходится учиться зажигать свою собственную лампу. Когда вы со мной, то, разумеется, все кажется очень просто — ведь все на самом деле просто. Когда вы со мной, проблемы просто исчезают, потому что у меня нет проблем. Просто сидя и слушая меня, вы начинаете все выше и выше подниматься в своем сознании. И с этого мгновения все проблемы, которые вы сюда принесли, выглядят абсурдными, бессмысленными. Вы оставили их далеко позади. Они принадлежат долине, тогда как вы взбираетесь на вершину, где восходит солнце. Но когда вы уходите и вновь шаг за шагом предаетесь своему бытию — вы опять оказываетесь в долине и тьме. И вновь вас начинают осаждать проблемы, атакуя вас и заслоняя собою все.

Поэтому, когда вы здесь со мной, вы должны научиться одному: проблемы никогда не решаются — нужно просто подняться на более высокий уровень сознания.

Если у семилетнего ребенка есть какая-то проблема, то решить ее на самом деле невозможно. Но когда проходит год и ему исполняется восемь, эта проблема исчезает. А когда ему исполняется двадцать лет, все проблемы детства просто перестают существовать. И дело не в том, что они были решены — просто он их давно перерос. Когда он становится юношей, у него возникают уже другие проблемы; когда же он становится стариком, то все проблемы юности исчезают, перестают для него существовать. Он не может даже вспомнить о них.

Ни одна проблема вообще не решается. Единственный способ ее решить — это взойти на более высокую ступень сознания. Вместо того, чтобы мучиться какой-то проблемой и биться над ее решением, направьте лучше всю свою энергию на подъем собственного сознания. Станьте более бдительными и сознающими. Здесь, в моем присутствии, вы начинаете вибрировать с моим сознанием, вы просто забываете о своей давней привычке и начинаете смеяться вместе со мной. Но когда вы снова возвратитесь к своему прежнему состоянию, проблемы снова тут как тут, и все, что случилось, когда вы были со мной, кажется уже сном и чем-то нереальным.

Поэтому не слушайте, что я говорю. Лучше попытайтесь понять, откуда я это говорю, где я стою и куда вас притягивает мое присут-

ствии, какой покой начинает вами овладевать, когда вы оказываетесь здесь. Слушайте это. А словам моим не стоит придавать такое уж большое значение.

Саньясинке из Германии поставили диагноз: болезнь Ходжкина, то есть последняя стадия рака лимфатических узлов. Ошо спросил, когда она об этом узнала.

Джиоти: *Какое-то время я думала, что что-то не в порядке. А теперь я это знаю — и все нормально.*

Гм, гм. И какие же неполадки ты чувствуешь в своем теле, если не принимать в расчет слова врачей?

Они начали лечение весьма и весьма сильными препаратами. Но сегодня я не пошла за этими лекарствами. У меня такое чувство, что лечение их глупо, нелепо. Тело мое отравлено — лимфатические узлы больше не могут работать, потому что я приняла слишком много яда. И я должна поэтому избавиться от яда, а не принимать от врачей новый яд! Вот что я чувствую. Я чувствую, что болезнь — это блаженство!

Так оно и есть. Так оно и есть.

Да.

Смерть, стучающаяся в дверь — это одна из величайших возможностей жизни, самая великая, наивысшая из возможностей. С ней может поспорить только одно: любовь. Да и то она может поспорить с ней лишь немного.

Когда смерть стучится в дверь, все зависит от того, как ты будешь на нее реагировать. Если ты способна реагировать на нее дружелюбно, в настроении приятия, смерть может преобразиться в вечную жизнь. Если же ты цепляешься за жизнь, ты станешь одержима ею, и тогда ты упустишь еще одну возможность.

Смерть случится с каждым — и не важно, под предлогом ли болезни Ходжкина или икоты — это не имеет значения, это лишь предлоги. Смерть приходит, и приходит абсолютно. Под предлогом или без, но она приходит. На самом деле, когда она входит в твою систему, в это самое мгновение ты рождаешься. И с этого мгновения ты начинаешь умирать. И хорошо, если она приходит, как шок, ведь многие люди умирают очень медленно. Но при этом они никогда не становятся сознающими и не могут использовать эту возможность. Люди умирают в постели, медленно-медленно исчезая, по частям, ага? Ты же умрешь сразу!

Ты можешь использовать эту возможность и можешь выйти за ее пределы. Сам шок может стать поворотом, мутацией. Используй же этот шок. А я всецело здесь, чтобы помочь тебе: используй этот шок радостно, с танцами, песнями, и продолжай медитировать. Если ты сможешь умереть медитативно, любя, радуясь, с аллилуйей в своем сердце, то и бог с ними, этими ядами.

Я не знаю, следует ли мне с этим бороться, следует ли мне снова оздоравливаться, или... принять это.

Я как раз к этому и подхожу.

Первое: радуйся. Радуйся этому — сама эта идея прекрасна. Фантазируй о ней, позволь ей стать твоей медитацией, не бойся ее. Никто не может бороться со смертью, разве что на какое-то время.

Никто не может бороться со смертью, разве что немного ее отложить. Поэтому в откладывании нет ничего плохого. Откладывая смерть, расслабься с врачами и не волнуйся. Яд может быть уничтожен только ядом. Мелочи теперь не помогут; яд может быть побежден только противоядием, которое также является ядом. Это очень напоминает шип в ноге. Ты можешь удалить его только другим шипом — иного способа нет. Тебе придется поискать в саду другой шип, вытащить им шип из ноги и выбросить оба шипа.

А если я буду заботливой и очень чувствительной, может быть, я смогу вытащить его ногтями.

Нет (улыбается), это не поможет. Этот шип нельзя вытащить ногтями.

Хорошо.

Ты должна расслабиться с врачами. И это тоже надо принять.

(Ее лицо не очень встревожено, а как будто изборождено множеством пробегающих по нему эмоций. В глазах ее стоят слезы, отчасти облегающие смятение, в котором она, должно быть, находится.)

Ошо, это так трудно. Эти врачи говорят мне: «Отправляйся в Гималаи и найди там нормального гуру. Ты же интеллигентная — зачем ты идешь к этому человеку?» Им так трудно доверять.

Нет, не волнуйся. Не волнуйся из-за них. То, что они обо мне говорят, не имеет значения, ага? Ты знай себе принимай лекарства — в этом они правы. Не волнуйся из-за того, что они говорят: что они могут знать обо мне или о Гималаях? Но они разбираются в лекарствах. Так что скажи им: «Что касается лекарств, я буду вас слушать». И принимай лекарства. Не сердись на них только потому, что они против меня.

Они просто обязаны быть против меня: ведь это такая ортодок-

сальная страна. То, что они вообще позволили мне находиться здесь живым — это уже чудо, а ведь они могли бы убить меня когда угодно. Они и так делают все, чтобы сорвать мою работу. Однако на это не стоит обращать внимание. Они не знают меня, и поэтому, что бы они обо мне ни говорили...

Ты только спроси их: «Вы когда-нибудь слышали о нем? Вы когда-нибудь были там? Гималаи очень далеко — а были ли вы когда-нибудь в ашраме, в Корегаон-парке?» Они никогда здесь не были — как же они могут сказать: «Отправляйся в Гималаи»? А в Гималаях кто находится?

Но не волнуйся из-за этого. Знай себе принимай лекарства. Принимай лекарства и попытайся склонить их на мою сторону — эту работу ты уж проделай (смеется). Так что это будет и получением, и отдачей, ага?

Хорошо.

Но пугаться не нужно. Если это приходит, пусть приходит. Если это можно немного отложить, в этом нет ничего плохого, ведь ты сможешь чуть дольше побыть со мной. Если это приходит, здесь не о чем волноваться: ведь ты можешь скоро родиться у одной из моих саньясинок!

Да!

Что бы ни случилось, все хорошо. Но только расслабься — прими лекарство и расслабься. Медитируй, танцуй и совсем не волнуйся.

(Своему секретарю) Здесь есть шкатулка? У тебя есть шкатулка, Джиоти?

У меня действительно была шкатулка, но я ее сломала.

Что случилось?

Она и сейчас есть у меня, но мне очень трудно быть бережной по отношению к тем вещам, которые я больше всего люблю.

(Ошо молча смотрит на нее. Она как будто хочет что-то сказать, но потом вдруг остановилась, махнула рукой, как бы прося Ошо больше не трогать ее.)

Нет, волноваться не о чем — ты можешь ее время от времени ломать. Когда ты любишь, это допускается. Мои саньясины тоже ведь нехорошо поступают по отношению ко мне. И это — часть их любви. Они не знают лучшей любви, чем эта. Ну что ж, сойдет и так. Шкатулка на тебя не рассердится.

Хорошо!

*Я учу целостности,
а не совершенству*

*Я никогда ни от кого не требую совершенства;
совершенство — это не что-то такое, что вам
предстоит достичь, это сама ваша природа. Оно
должно быть не достигнуто, а лишь открыто.*

Я не совершенный человек. Никто никогда не может быть совершенным, и никто никогда не был совершенным. Жизнь никому не позволяет быть совершенным, потому что в несовершенстве — рост, а жизнь — это проявление роста, это эволюция. Совершенство — тупик, из которого нет выхода, и вы тогда кончаете жизнь самоубийством.

У вас имеется какое-то представление о совершенстве, и если вы посмотрите на меня с позиции этого представления, вы будете озадачены. Я не совершенный человек; и никто никогда не был и не будет совершенным. Жизнь — это не возможность стать совершенным. Совершенство чуждо жизни.

Здесь мы употребляем слово «целостность», а не «совершенство». Целостность может присутствовать каждое мгновение, но целостность не есть совершенство. Целостность — это тотальность, святость. Если вы кого-то любите, любите целиком. Я не говорю вам: «Любите совершенно» — это было бы глупостью. Это было бы указанием на цель. И тогда вы ставите что-то выше любви — а именно совершенство. А я лишь призываю быть целостными в любви и полностью потеряться в ней.

В Махараштре, индийской провинции, есть храм, считающийся одним из самых священных мест в Индии...

Храм этот называется храмом Витобы (Витоба — одно из имен Кришны). Согласно легенде, один из преданных Кришны стал настолько глубоко медитативным, что Кришне ничего не оставалось, как прийти к нему.

Но когда Кришна появился, преданный делал своей матери массаж ног. Кришна пришел и постучался в дверь. Но так как она была открыта, он вошел и сел позади преданного — много жизней тот зывал к Кришне, умоляя его прийти к нему. И вот теперь одного поворота головы было бы достаточно, чтобы он был, наконец, удовлетворен, и его многотрудные дерзания пришли к своему осуществлению.

«Посмотри, я здесь. Взгляни на меня», — молвил Кришна. Но преданный попросил его подождать, так как он пришел в неподходящий момент: ведь он делал массаж ног матери. Преданный, сидевший до этого на маленьком кирпиче, вынул его из-под себя и, отодвинув назад, сказал, чтобы Кришна на него сядил. Но так и не повернулся к нему, не взглянул на него, не пригласил его и не поблагодарил.

Кришна встал на этот кирпич и ждал всю ночь напролет, потому что мать никак не могла заснуть. Она умирала, и преданный не мог от нее отойти. Однако Бог умел ждать.

Настало утро, город пробудился, и Кришна стал опасаться, что его увидит кто-нибудь еще. Поэтому он превратился в статую.

И статуя эта находится в том храме по сей день: Кришна, стоящий на кирпиче и ждущий преданного ему, который так и не обернулся!

Лишь в такие глубокие мгновения отречения — когда нет даже желания увидеть Бога... преданный достиг.

Подойди сюда! Что там у тебя?

Посетитель: *Интересно, а как это можно искать Бога? Мне хотелось бы также попросить, чтобы Вы дали мне имя — я не хочу становиться саньясином, но хочу спросить Вас, дадите ли вы мне имя.*

Нет.

Нет? Тогда я спрашиваю только о том, как искать Бога.

Ты и в самом деле хочешь искать Бога? В самом деле? Это же опасно!

Мне ничего не остается, как идти на риск. Иначе дальше жить невозможно.

Гм. Что ж, неплохо! Почему бы тебе, в таком случае, не стать саньясином?

Потому что я не хочу носить оранжевую одежду.

Когда невозможно жить дальше — какая разница, в какой одежде умирать: оранжевой или не оранжевой? Ты же в любом случае умрешь! Так ты умрешь один! А если ты умрешь в оранжевой одежде, то, по крайней мере, я буду с тобой.

Сколько времени ты можешь находиться здесь?

Не очень долго. Я здесь всего неделю, но уже многому научился и надеюсь продолжить медитации.

Если ты и в самом деле ищешь Бога, то, прежде всего, тебе не нужно искать Бога; сначала прочисти свои глаза. Потому что настоящая сложность не в том, где находится Бог, как искать Бога — ведь Бог везде! Все, что тебе нужно — это прочистить глаза, тебе необходима ясность. А для этой ясности потребуются большая работа, так как ты смотришь через пыльное стекло, и увидеть поэтому ничего нельзя. Стекло должно быть прочищено и сделано прозрачным. Ведь

пыль на нем скапливалась веками.

Люди продолжают искать Бога, но они не прочищают свои глаза, не прочищают свои сердца, не прочищают свое сознание. И они продолжают искать, но им никогда не встретить Бога... тогда как Бог везде, ведь кроме Бога ничего не существует! Так что вопрос не в том, как искать Бога, а лишь в том, как обрести глаза, которые смогут увидеть Бога.

Бог есть! Но это не объект. Если ты спросишь, где искать стул, я скажу, что стул стоит в комнате — ты пойдешь туда и увидишь его. Но Бог — это не объект, поэтому никто не может на него указать... и сказать, что, если ты пойдешь туда-то, ты его найдешь. Бог — это все существование целиком, все. И ты действительно на него смотришь — так что это не проблема. Ты видишь дерево, видишь меня, видишь этих людей, видишь свое отражение в зеркале. Ты смотришь на него, но не можешь увидеть Бога — поэтому, должно быть, что-то не в порядке с твоими глазами. Ведь бывает, что и маленькая пылинка может повредить глазу, глаз — вещь очень тонкая. Маленькая соломинка — и ты уже почти ослеп, а здесь накопилась пыль многих столетий.

Если ты и в самом деле ищешь Бога, останься подольше, пройди здесь четыре-пять групп, ага? Они будут тебя больно бить и глубоко пронзать и так, и эдак — и это прочистит тебя. Это почти что прачечная! А если ты не можешь остаться сейчас, то приезжай в следующий раз хотя бы на два месяца; за два месяца мы тебя прочистим целиком и полностью.

Это тяжелый труд. Это не вопрос логики и философии, это вопрос духовной ясности.

Если Бог и в самом деле интересуется тобой, дай ему поработать хотя бы шестьдесят дней, ага?

Женщину, только что принявшую саньясу, беспокоит конфликт между ее любовью к Ошо и любовью к ее прежнему Мастеру.

Если ты меня любишь, ты станешь способной больше любить. Люби как можно больше людей.

Поэтому здесь нет никакого конфликта. Я помогу тебе больше любить — это не проблема. Ведь цель — сама любовь, а не тот, кого ты любишь.

Саньясинка: *Сегодня я это очень ярко ощутила, когда поняла, что из-за своих мыслей я лишая себя того, в чем иногда нуждаюсь.*

Нет, твои мысли относятся к разряду очень женских и ревнивых.

Ты не понимаешь мою любовь (смех). Моя любовь делает тебя способной к большей любви. Но в каком-то месте твоя любовь становится ограничением: исключают, ревнивой, узкой. Избегай ее, как чумы — она опасна.

Наверное, я истолковывала ваши слова через свои проекции, я не хотела принимать саньясу, потому что она казалась мне какой-то замкнутой, тотальной преданностью.

Нет, нет. Преданность тотальна, но не замкнута — замкнутая преданность не может быть тотальной; Это противоречие понятия. Люди используют их вместе, не ведая, что говорят. Замкнутая преданность никогда не может быть тотальной. Она уродлива: в ней присутствует страх, в ней присутствует слепота. А тотальная преданность всегда открыта.

Я достаточно широк — ты можешь вместишь в меня кого угодно, и я от этого ничуть не пострадаю. Кого бы ты ни любила, ты будешь любить меня — так что здесь нет проблемы.

Если ты не можешь дать согласие, или согласие тебе в тягость — не давай его. Не стоит делать то, от чего так или иначе становишься несчастным; я бы не советовал тебе этого делать. Так что это будет полная сдача, и тогда нет проблем...

И тогда, какая бы работа тебе ни предлагалась, выполняй ее. Вопросы о согласии больше нет. Какая бы работа ни была тебе дана — ты должен вложить в нее всю свою энергию. О согласии или несогласии речь вообще не идет. Настоящее согласие — это когда тебе не надо даже соглашаться.

Но если это невозможно, тогда лучше этого не делать, ага? Потому что это вызовет в тебе конфликт, а никакого конфликта не нужно. Будь счастлив и делай все, что тебе нравится. Либо делай с полной отдачей, либо не делай вообще, и никаких половинчатых мер... потому что мне бы не хотелось, чтобы ты был расколот на две части.

Иногда вы будете сбиваться с пути, однако это не будет падением. Блуждание только укрепит вас — оно послужит вам напоминанием.

Иногда бывает полезно немного поблуждать. Иногда идет на пользу болезнь — из-за которой вы узнаете, что такое здоровье. Легкая болезнь дает вам снова вкус к здоровью. Здоровье возвращается, и вы трепещете от радости.

Но это не падение. Мои саньясины, на самом деле, не могут упасть; вся моя работа и все происходящее таково, что я делаю это невозможным по многим причинам.

Первое: я не даю вам идеалов. Если у вас есть идеалы, то тем вернее возможность падения. Но я не даю вам никаких идеалов, я даю

вам одно только озарение. Я не пытаюсь сделать вас совершенными, само упорствование на совершенстве невротично. Жизнь несовершенна.

Я не учу вас совершенству — я учу вас приятию. Если вы несовершенны, то это просто великолепно — именно этому я вас и учу. Я учу вас скорее целостности, нежели совершенству.

Поэтому, где бы вы ни были, будьте целостны. Если вы сбились с пути, сбивайтесь с пути полностью — и тогда вы будете со мной.

Я учу целостности, а не совершенству. Я говорю: когда вы в гневе, будьте в гневе целиком. И если вы в гневе целиком, вы не пали. Любите — любите целиком — и вы не пали. Короче, если вы падаете, падайте целиком — и вы не пали. Если вы грешите, грешите целиком. Если вы погружаетесь в ад, погружайтесь целиком — и, погружаясь в ад, вы тем самым преобразовали качество ада. И он станет раем, он не может быть адом, потому что целостный человек — где бы он ни был — находит способы и средства наслаждаться и праздновать.

Не нужно быть мною убежденными... не нужно. Если вы чувствуете, что вам лучше, когда вас убеждают, то будьте с этим. Но если вы действительно сходитесь со мною, сходитесь целиком. Если вам хочется не соглашаться — не соглашайтесь целиком. В этом нет ничего плохого: по крайней мере, вы не соглашаетесь целиком. И целостность эта будет с вами, и вы не запутаетесь. Но только не соглашайтесь наполовину.

Я не иду ни на какие уступки, ни на какие компромиссы. Я не демократичный человек — я почти диктатор (смеется). Так что первым делом почувствуйте, что для вас хорошо, потому что это, в конечном счете, вопрос вашего благополучия. И если вам хорошо — хорошо.

Если вам хорошо быть здесь — тогда будьте здесь, и эта путаница постепенно сойдет на нет. А я буду создавать такую путаницу, что вынести ее вам будет не по плечу. И вам поневоле придется ее отбросить!

Когда вы чувствуете беспокойство и несчастье — чувствуйте несчастье! Эти вещи необходимо впитать. Нужно учиться жить и с отрицательными сторонами своего бытия — только тогда становишься действительно целостным.

Но мы все хотим жить с одной только положительной стороной. Когда вы счастливы, вы себя принимаете; когда же вы несчастны, вы себя отвергаете. А между тем, вы и то, и другое. Когда все течет, вы чувствуете себя превосходно; когда же все остановилось и стало вялым, вы чувствуете себя, как в аду. А между тем, принять нужно и то, и другое. Такова жизнь: жизнь состоит израя и ада одновременно.

Разграничение ада ирая — ложное разграничение. Нетрая где-то вверху и ада где-то внизу; и то и другое — здесь. В одно мгновение вы врая — в другое мгновение вы в аду.

Нужно изучать и свою отрицательную сторону и расслабляться в ней. И тогда в один прекрасный день вы будете изумлены: отрицательность придает жизни вкус. Она не случайна. Она придает жизни остроту, а иначе жизнь сделалась бы тусклой, монотонной. Вы только представьте себе: есть одно лишь счастье, счастье, счастье. Что вы стали бы делать? Но вот эти мгновения несчастья снова вносят «изюминку», поиск, приключения. И у вас снова появляется аппетит.

Быть со мной означает, что вам придется быть с целостностью своего бытия. Все стороны должны быть приняты: и положительные, и отрицательные. И нет способа избавиться от чего бы то ни было. Никто никогда ни от чего не избавляется, но шаг за шагом учится все принимать. И тогда возникает гармония тьмы и света. И она прекрасна. Благодаря этому контрасту жизнь становится гармонией.

Так что постарайтесь прожить и эти мгновения. Не делайте из них проблемы. Не начинайте думать: «Что бы такое сделать, чтобы перестать беспокоиться?» Когда вы беспокойны — будьте беспокойными. Таково мое послание. Когда вы несчастны, будьте несчастными! И не поднимайте вокруг этого излишней суеты, просто будьте несчастными — что еще вы можете сделать?

Иногда бывает так, что, с одной стороны, вы пытаетесь во что-то войти, а с другой — норовите этого избежать. Это порождает конфликт, противоречие. И тогда ваша собственная энергия начинает бороться сама с собою — а это пустая ее трата. Многие так и разрушают свою жизнь. Когда вы во что-то входите, входите целиком, уходите всецело, не отступайте назад — и это принесет большую пользу.

Польза эта, по сути своей, зависит не от процесса терапевтических групп, но от вашей же целостности. Происходящее в группах — лишь повод, ситуация. Настоящее же случается не из-за того, что происходит в группах. Оно случается благодаря вашему сотрудничеству. И это относится не только к группам; это относится и ко мне. Я — всего лишь повод. Если вы способны пройти со мной весь путь, Богу ничего не останется, как с вами случиться. Он всегда случается, когда вы проходите весь путь.

А между тем люди идут с большой неохотой — они все время сопротивляются и борются. Эта борьба и сопротивление большей частью бессознательны. Дело не в том, что они умышленно этим занимаются — иначе с какой стати им здесь находиться? Они здесь потому, что сознательно хотят сотрудничать со мной, идти со мной, исследовать со мной неизведанное, но какой-то бессознательный страх, какая-то бессознательная привычка тянет их назад. Поэтому

сознание продолжает движение со мной, а бессознательное продолжает движение от меня, и бессознательное сильнее. Сознание составляет одну десятую часть, а бессознательное — девять десятых, и вы не в силах его одолеть. Его приходится упрашивать, соблазнять — чтобы вы могли идти целиком и полностью: и сознательно, и бессознательно.

Я предлагаю вам занятия в группах просто как обучение, в результате которого вы пойдете со мной. Если вы принимаете занятия в группах и участвуете в них, то раз от раза вы все глубже будете постигать секрет целостного вхождения. К тому же опасность во время занятий в группах невелика, и поэтому вы можете это себе позволить. Но опасность, связанная со мной, громадна. Занятия в группах — это мелководье: вы запросто можете в него входить. Но что касается меня, то здесь вы встретите бездонную пропасть.

Поэтому в отношении групп вы должны помнить одно: необходимо входить как можно глубже. Отстраняйте всякое сопротивление, которое возникает из бессознательного — и будет возникать все время, пытаясь вам помешать. А вы лишь отодвигайте его в сторону, не слушайте его, скажите ему решительное, категоричное «нет!» Но ни в коем случае не тратьте свою энергию на противоборство. И постепенно, чем больше вы будете позволять, тем большее ошутите блаженство. И тогда вы сможете позволить большее. И, в конце концов, пойдете со мной!

Если вы полностью со мной, только тогда может что-то произойти — но не иначе. Даже если человек на девяносто девять процентов со мной и на один процент не со мной — ничего не произойдет, потому что все начинается с точки кипения. Только на стоградусной отметке вы преображаетесь, и случается метаморфоза.

Саньясинка говорит, что у нее такое чувство, будто она не полностью поглощена Ошо. Она обеспокоена тем, что переживание — начавшееся было сатори — прекратилось вместе с ее ослаблением.

Польза будет лишь тогда, когда ты полностью со мной. Иначе ты будешь стараться изо всех сил и что-то будет происходить... и все же ничего не произойдет. К тому же, это иногда бывает опасно, ага? Но если ты со мной, то же самое явление может иметь и положительный результат.

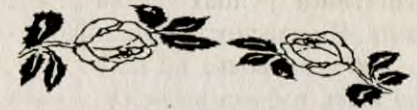
Из-за того, что ты не со мной, ты испугалась. И страх стал таким глубоким, что ты не в состоянии увидеть, что происходит. Ты на це-

лый день утратила свою способность видеть; ты стала рассредоточенной.

Если бы ты была со мной, ты стала бы сосредоточенной внутри. Вовне ты могла бы весь день оставаться слепой — проблема не в этом, — зато глаза твои впервые стали бы видеть внутри. Это был бы поворот в твоей жизни на сто восемьдесят градусов, ты столкнулась бы сама с собою. Именно для этого мы и работаем. Но ты испугалась; из-за страха ты еще и ослабела. То же самое происходит теперь и в Динамической медитации.

Ты должна научиться быть со мной целиком, а все остальное придет само собой.

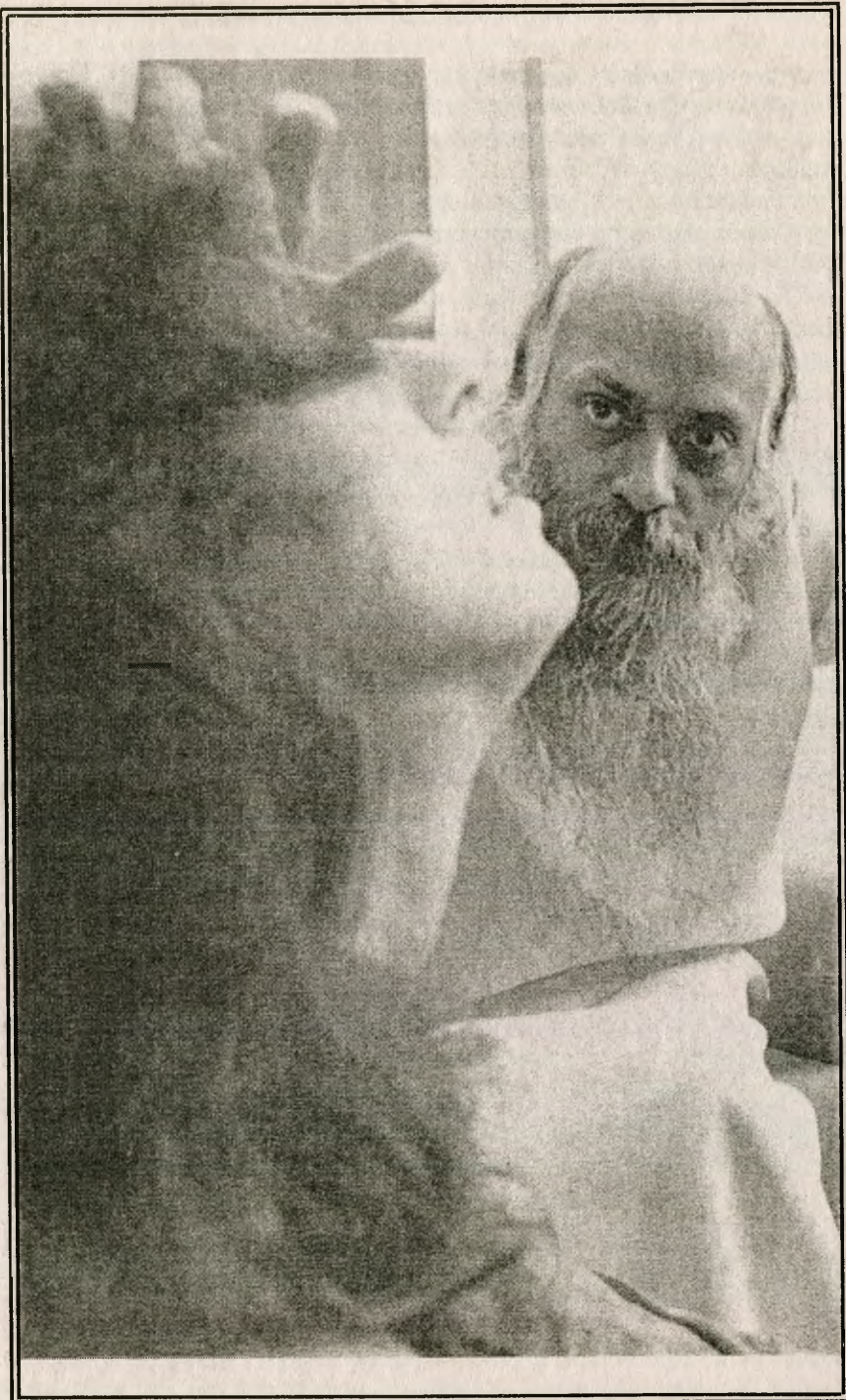
Одна история...

Иисус шел домой, и какая-то женщина — нехорошая женщина, проститутка — подошла и стала лить на его стопы очень дорогие духи.

Находящийся поблизости Иуда сказал: «Ты должен ее остановить, ведь столько денег тратится напрасно. А ведь их можно было бы раздать беднякам».

«Когда я уйду, — сказал Иисус, — бедняки будут всегда. Ты не понимаешь ее сердца. И что бы ни делала она сейчас, позволь ей это делать».

*Расширяйте
свои границы*

Выбирайтесь из кокона

Если вам доставляет удовольствие находиться в аду, то это ваш выбор: у вас может быть ад такой ужасный, какой вы только пожелаете. Если же это не доставляет удовольствия, вы не можете выйти из него незамедлительно. Откладывать не нужно: вы можете выйти из него прямо сейчас, и вы обнаружите, что рай, оказывается, здесь.

Есть одна притча о Рабии Аль Адавии...

Она услышала, как другой мистик, Хасан, рыдал перед дверью мечети, заливаясь слезами и причитая: «Господи, когда ты откроешь свои двери? Я все стучусь и стучусь. Вот уж годы прошли, и стал я стариком. Когда же ты откроешь свои двери? Ведь говорил же Иисус: Стучите, и двери вам откроются...»

Рабия стояла позади него и вдруг залилась смехом — безудержным смехом. Хасан оглянулся и спросил: «Чему ты смеешься, Рабия? Я что, делаю что-нибудь не так? Моя молитва в чем-то ошибочна?»

«Да, конечно, абсолютно, — отвечала она, — ведь двери всегда открыты. Что за чушь ты несешь! Взгляни: двери всегда открыты. Они никогда не были закрыты, никогда не были открыты. А ты причитаешь: «Господи, открой двери!» Кого ты думаешь обмануть? Ты только взгляни!»

Говорят, Хасан взглянул, двери были действительно открыты, и он вошел.

Двери открыты всегда.

Саньясин сказал, что он чувствует, что открыт Ошо лишь тогда, когда поет.

Достаточно даже этого — не волнуйся. Даже если ты открыт мне на одно-единственное мгновение из двадцати четырех часов, этого будет достаточно. И не будь жадным! Достаточно даже одного-единственного мгновения открытости, потому что все, что нужно — это только прикосновение: оно запускает в тебе весь процесс; и вопрос не в том, что ты должен быть открыт мне двадцать четыре часа в сутки.

Постепенно, по мере того, как моя энергия будет вступать с тобой в более глубокий контакт, ты будешь становиться все более и более открытым. Это совсем не проблема; проблема возникает лишь с теми, кто не бывает открыт ни на одно мгновение. И тогда приходится трудно: как до них добраться? Их окна и двери так плотно закрыты — и не просто закрыты, а заперты, задвинуты на засов — они всегда настороже, защищая себя. С тобой проблемы нет. Проблема существует только с теми людьми.

Мастер находится в очень странном положении. Он хочет вас разбудить, но не может сделать это прямо. Если он попытается сделать это прямо, то из одного только сопротивления вы тем глубже

погрузитесь в сон; эго ваше будет ранено.

Мастер может работать только очень непрямым способом. Ему ничего не остается, как давать вам одни лишь намеки, но он должен убедить вас делать это самостоятельно. Работа его — это работа убеждения, поэтому она занимает длительное время. Это можно сделать очень легко: пробужденный может мгновенно разбудить спящего; проблема, однако, в том, что спящий не поймет сострадания. На самом деле, он почувствует раздражение: «Кто ты такой? Зачем ты нарушаешь мои прекрасные сны? Если я хочу спать, то кто ты такой, чтобы меня будить?» Он не скажет это так внятно, потому что он ничего не может внятно сказать, ведь он спит! Но он тем глубже погрузится в сон, хотя бы для того, чтобы его больше не разбудили, ведь что бы он ни увидел, он думает, что это и есть реальность, а кто-то норовит вытащить его из его реальности. Быть может, ему снится, что он император, восседающий в золотых дворцах, а вы вдруг начинаете его будить. Конечно, он рассвирепеет!

Это один из тех моментов, которые Иисус никогда не понимал. Он пытался разбудить прямо. И мне понятно, почему все так произошло.

Будда никогда не пытался сделать это прямо. У нас существует долгая традиция пробужденных, и нам известно, как убедить человека сделать это самостоятельно. Нам приходится обдавать его холодной водой, и все же мы убеждаем его словами: «Лей воду сам. Вот бадья — прыгай в нее или вылей ее себе на голову!» Мы убеждаем его, заверяя: «Это же нектар, а не вода! И она не холодная, а теплая, как парное молоко — она тебе понравится!» Но стоит только ему вылить воду, как с ним уже все кончено: он обязательно пробудится, потому что вода холодна как лед!

Мастер должен работать очень медленно, а ученик должен быть усердным. Потребуется время... хоть Мастер будет все время говорить, что это может случиться прямо сейчас. Это часть его убеждения — иначе вы просто сбежите! Как только вы соберетесь сбежать, в это же мгновение он скажет: «Это произойдет прямо сейчас! Куда ты собираешься? Подожди!» А ведь сам прекрасно знает, что это не произойдет прямо сейчас! Потребуется время, ведь вы так долго спали и забыли, как просыпаться. Вы забыли, как открывать глаза, как избавиться от снов.

Поэтому от ученика требуется терпение, требуется работа; нужно ждать, не нужно спешить. Парадокс заключается в том, что, чем больше вы спешите, тем больше понадобится времени, а чем меньше вы спешите, тем меньше понадобится времени.

А если вы вообще не спешите, это может случиться прямо сейчас. Будьте бдительны!

В этом смысл сатсанга — быть с Мастером в любовной общности. Это очень специфичное слово — его невозможно перевести ни на один западный язык, потому что там никогда не происходило ничего подобного; это чисто восточное явление. Отношения между учеником и Мастером, по сути своей, — восточное явление, вклад Востока в мир сознания.

На Западе в лучшем случае существуют учитель и студент. Учитель учит, а студент учится. Но Мастер — не учитель; Мастер просто доносит, делится, а ученик поглощает, пьет. Это отношения совершенно иного плана.

Студент и учитель общаются. Общение их словесно: это диалог, передача какой-то информации. Учитель знает, а студент не знает; это передача знания.

В отношениях же между Мастером и учеником речь идет не о знании, но о бытии. Дело не в том, что Мастер знает больше, чем ученик — иногда бывает и так, что ученик может знать больше. Дело, однако, совсем не в знании; Мастер больше, чем учение. В нем больше бытия, больше духа. Суть не в его памяти — суть в его существовании; у него принципиально иное существование: сочлененное, центрированное, укорененное. Учитель имеет знания, а Мастер знает. Знание означает «о» и «о». А Мастер обладает восприятием, своим собственным опытом. Он знает не о Боге — он знает Бога, он сам есть Бог.

Когда вы о чем-то знаете, вы остаетесь отделенными от знания. Но когда вы знаете Бога, тогда знающий и то, что он знает, становятся одним целым. Мастер божественен. Он узнал Бога не как отдельную сущность — он распознал Бога как свое собственное глубочайшее ядро... не как объект знания, а как самого познающего, как свидетеля всего. У него есть бытие. А бытию нельзя научиться, бытие можно только пить.

Это и есть сатсанг: ученик пьет. Мастер напоминает алкоголь: ученик все больше и больше пьянеет. И постепенно учение оставляет себя, совсем оставляет, он начисто забывает о себе. И в этом забвении он впервые вспоминает, кто он, потому что забытое было всего-навсего личностью, а теперь выявилась сущность, душа, бытие.

Это специфическое явление существовало на Востоке тысячелетиями: ученик сидит близ Мастера и только впитывает. Достаточно одного только пребывания с ним — чтобы только пульсировать с ним, вибрировать с ним, вибрировать с его бытием. Это не общение; это общность. Она идет не от ума к уму, но от сердца к сердцу, от души к душе. Она непосредственна.

Иногда могут использоваться слова, но это лишь приемы. Иногда могут использоваться паузы — и это тоже приемы. Главное же до того таинственно, что его не передать никакими словами. Одного толь-

ко взгляда Мастера в твои глаза, одного только прикосновения его бытия, одного прикосновения его присутствия уже достаточно, чтобы расшевелить в тебе то, что погружено в глубокий сон. Мастер тебя пробуждает. Его единственное послание — облеченное в слова, паузы, любовь — просто и определенно: пробудись!

Ученик говорит Ошо, что ему хорошо, когда он сидит перед ним. И потом задает вопрос: «Прекрасна ли жизнь?»

Все зависит от конкретной ситуации (широко улыбается): если я сижу перед тобой — она прекрасна! Забываешь меня — и она больше не прекрасна! Все зависит от осознания. Если ты бдителен, жизнь прекрасна; а если ты спишь, то нет. Так что больше не храпи, ага? И тогда она действительно будет прекрасна! Но всегда помни: жизнь сама по себе нейтральна. Мы сами делаем ее прекрасной, мы сами делаем ее безобразной; прекрасна или безобразна на самом деле не жизнь, а та энергия, которую мы ей сообщаем. Если ты вливаешь в нее прекрасное, она прекрасна; а если ты просто сидишь себе и хочешь, чтобы она была прекрасна, она не будет таковой. Ты сам должен создавать прекрасное.

Прекрасное не находится здесь, как объект, как скала. Прекрасное должно быть создано. Вы должны придать реальности вид, вы должны наделить реальность цветом, вы должны внести в реальность песню — и тогда она станет прекрасной.

Поэтому прекрасное существует всегда, когда вы сами участвуете в его сотворении, и всегда перестает существовать, когда вы перестаете творить. Прекрасное — это творчество; то же самое можно сказать и о безобразном. Счастье — это творчество; то же относится к несчастью. Вы получаете лишь то, что сами создаете, вы никогда не получаете чего-то другого. В этом заключена вся философия кармы: вы получаете лишь то, что сами делаете. Жизнь — это чистый холст: вы можете написать на нем прекрасную сцену, пейзаж или, если захотите, можете написать на нем черных призраков и злодеев. Это зависит от вас. Вы можете создать прекрасный сон или кошмар.

Стоит только это понять, как все становится предельно простым. Вы — Мастер, и вся ответственность лежит на вас. Если вам доставляет удовольствие находиться в аду, то это ваш выбор: у вас может быть ад такой ужасный, какой вы только пожелаете. Если же это не доставляет удовольствия, вы можете выйти из него незамедлительно. Откладывать не нужно: вы можете выйти из него прямо сейчас, и вы обнаружите, что рай, оказывается, здесь.

Как правило, мы думаем, что жизнь обладает некоей объективной красотой или объективным уродством. Нет, жизнь — это лишь возможность. Она дает все, что вам нужно — так что делайте ее сами! Это — само-деятельность: она дает все, и вы можете лепить из нее что угодно.

Во сне нет ничего дурного. Не говорите, что во время моих выступлений вас клонит в сон — скажите лучше, что вы слышите мои выступления во время сна — это лучше и оптимистичнее!

В этом нет ничего дурного. Сон хорош. Вы, должно быть, сопротивляетесь, стараясь не заснуть. Многие засыпают. Не делайте из этого проблемы — наслаждайтесь этим.

Все, что важно, будет услышано вами даже во время сна. Вы можете этого не запомнить, но это станет частью вашего существа, и когда придет время, окажется тут как тут, в вашем распоряжении. Поэтому, начиная с завтрашнего дня, просто расслабьтесь и не боритесь со склонностью ко сну.

Я не даю своим саньясином никакой доктрины, никакой догмы, никакого культа, никакого вероучения — у меня ничего этого нет. Я настаиваю только на одном: будьте осознающими, будьте бдительными во всем, что вы делаете. Просто делайте это бдительно, сознательно — и этого достаточно. Потому что, осозная, никогда нельзя сделать ничего плохого. Сознание неизбежно будет иметь своим результатом правильные действия, а бессознательно вам не сделать ничего правильного. Можно попытаться сделать правильно, однако, конечный результат всегда будет плохим. Поэтому не нужно беспокоиться о своих маленьких действиях. Лучше припасть к самому источнику. А источник этот — осознанность.

Откройте же его и живите из него, и жизнь ваша будет тогда сплошным фейерверком.

Рождение — это только начало, начало возможности. Ее можно использовать, ее можно упустить — люди в большинстве своем упускают ее, потому что они начинают думать, что жизнь состоит только из одного: мирского, повседневного. Они затерялись в рутине, и песня осталась неспетой. Есть только один грех — не быть тем, кем вы рождены, не проявить этого, не выразить своего глубочайшего ядра. Это единственный грех. А единственная добродетель — танцевать свой танец, петь свою песню, быть самим собой.

В этом и заключается вся саньяса. Я не хочу навязывать вам какого бы то ни было шаблона, а лишь помочь вам, чтобы все скрытое в вас выступило бы на поверхность, все бессознательное стало бы сознательным, все пребывающее в темноте вышло бы на свет.

Ошо просит саньясинку напомнить, о чем она писала ему в письме. И она говорит, что написала о том, что текущие лекции о Будде вызывают у нее гнев и она не может жить согласно ожиданиям Ошо.

Шраддха: В последний день лекции вы говорили что-то вроде этого: «В вас нет ничего потаенного — Бог видит вас везде». Это вызвало у меня такой гнев, потому что вы не имеете права (она колеблется, не зная, можно ли говорить Ошо такие вещи — Ошо посмеивается) — не имеете права совать свой нос в мои дела. Я была так разгневана!

Гм. Ну, а теперь как?

Я и теперь еще разгневана. Да, я все еще разгневана.

Гм, гм, это хороший знак (смеется). Это действительно прекрасно — потому что гнев возникает только тогда, когда что-то бьет сильно и глубоко. А все эти лекции о Будде били многих, и они били многих только потому, что в них есть истина. И вся проблема в том, что, если примешь их за истину, то как быть с теми иллюзиями, в которых ты живешь?

Поэтому трудность состоит вот в чем: если прав Будда, тогда неправильна вся твоя жизнь. А это уж слишком. И тогда сетуют: «Какое право имел Будда...?»

И все-таки он прав! (Смеется.) И с этим ничего не поделаешь!

(Смеется) Знаю. Так было и со мной...

И если ты понимаешь его правильно, то он не призывает тебя к тому, чтобы ты оставила свои иллюзии или что-нибудь в этом духе — нет! Ни один Мастер такого уровня никогда не вмешивается в чью бы то ни было жизнь. Он просто говорит свою истину. И если ты можешь понять — хорошо. Если же ты понять не можешь, то и не нужно из-за этого переживать. Пусть так и будет! И в один прекрасный день ты осознаешь: да, он прав — и тогда ты раскаешься.

А между тем, это требует времени — не все сейчас созрели, чтобы это понять. Разница вот в чем: когда плод созревает, он падает легко. Но если Будда начинает говорить о падении, тогда незрелый плод, все еще стремящийся удерживаться на дереве и жить своими снами, конечно же, почувствует гнев.

П. Д. Успенский посвятил свою книгу «В поисках чудесного» Ге-

оргию Гурджиеву такими словами: «Человеку, который нарушил мой сон». Это действительно нарушение; когда кто-то спит и наслаждается хорошим сном, прекрасным сном, вы не можете пойти и начать его трясти.

Так что гнев твой понятен — я ничего не имею против него, но я буду и дальше тебя трясти! (Смеется.) Так что продолжай приходить и продолжай гневаться — это не проблема, ага? Это не проблема. Все это просто свидетельствует о любви и больше ни о чем. Если ты любишь, ты становишься агрессивной. И это хорошо — это придает пикантность (смеется). Меня любит так много людей, и если они не будут гневаться, то все это станет приторным. Допусти гнев, ага? Ты относишься к саньясинам строптивного типа, ага?

Хорошо, Шраддха. Не переживай. Продолжай ненавидеть и гневаться, и можешь писать такие длинные письма, какие только пожелаешь — ведь кто их читает...? (заливается смехом).

Ага? Хорошо, Шраддха.

Быть сонастроенным с сознательным человеком — значить быть учеником, быть саньясином. Сознательный человек может помочь вам открыть себя, он ничего вам не навязывает — он просто вас распрограммирует и оставляет открытыми, доступными... чистой доской — чтобы вы смогли поставить свою собственную подпись, чтобы вы смогли написать собственную песню, чтобы вы смогли танцевать собственный танец. Ибо величайшее переживание жизни есть переживание своей собственной уникальности.

Мы (саньясину с большим стажем) держись очень отдаленно, ты слишком сдерживаешь себя. Но теперь пришло время расслабиться и подойти поближе, потому что все это — не более, чем пустая трата времени. Мы многое упускаем понапрасну. И все из-за того, что эго продолжает настаивать на отдалении, так как, если ты отдаляешься, эго получает способность сохраняться. Страх возникает из-за того, что, если ты станешь приближаться, то, чем ближе ты будешь ко мне подходить, тем дальше ты будешь удаляться от своего эго. Но ты должен выбирать.

И в один прекрасный день приходится соглашаться с тем, что момент настал.

Когда вы кому-то говорите: «Привет, как дела?», вы ничего не имеете в виду. Вы на самом деле и не думали этого говорить. Когда вы это говорите, вы бываете удивлены: зачем я это говорю? Это словно грампластинка, которая срабатывает автоматически. Как только вы увидели лицо, показавшееся вам знакомым — вы его, вроде бы, где-то видели, — и в ту же секунду грампластинка начинает вертеться сама собой. Этот непрекращающийся внутренний шум мешает пробуждению.

Молчание делает прямо противоположное. Оно помогает вам быть пробужденными. Вот почему посвящение в саньясу — это, на самом деле, посвящение в молчание.

Я очень расстроена, так как все время замечаю, что я невосприимчива... Я не знаю, что мне делать!

Откуда у тебя взялось чувство, что ты невосприимчива?

Вы же сказали мне, чтобы я возвращалась в Италию. И тогда я смотрела в ашраме на каждый цветок... на каждый камень... буквально на все. И все это было так прекрасно. Я подумала, что никогда не смогу без этого жить. И тогда я удивилась: почему же я не могла так смотреть на вещи и реальность всегда? Как будто человек способен видеть лишь тогда, когда он что-то теряет.

(Посмеиваясь.) Верно! Поэтому я и велел тебе ехать в Италию, а потом, когда вы увидела, в чем дело, взял свои слова обратно. Теперь тебе уже не нужно уезжать в Италию! Здесь нет проблемы — так устроен человеческий ум. Это совсем не относится к тебе и только тебе — так устроен ум каждого. Ум способен быть бдительным либо когда он что-то теряет, либо когда он приобретает что-то новое. Лишь когда что-то внезапно случается, тогда, в состоянии шока, человек становится бдительным. Правда, потом он снова впадает в механичность происходящего. Это нужно наблюдать — ты постепенно обрешь способность это наблюдать.

Это благотворные события. В этом весь смысл пребывания с Мастером. Это прямо-таки палка дзен, которой я ударяю тебя по голове, ага? Я не хожу повсюду, держа в руке увесистую дубину — у меня есть свои собственные тонкие методы битья людей, и я применяю их, когда люди в этом нуждаются. Ты об этом просила, хотя ты просила не о сильном ударе — я это знаю. Ты просила лишь о легком хлопке по голове (посмеивается). Но этого недостаточно.

Так бывает всегда. Если бы я сказал тебе, чтобы ты поехала в Бомбей, это для тебя не было бы проблемой... потом в Карачи, затем в Каир и, постепенно, все ближе к Риму — это было бы просто замечательно, ты бы с этим справилась, а тут я вдруг сразу сказал: «Немедленно езжай в Рим», — перемена до того внезапна, что механический ум просто останавливается. Он не знает, как действовать, это неожиданность. А между тем, остановить его можно только так. И тогда ты замечаешь, какой ты стала чувствительной: деревья, оказывается, такие зеленые — они никогда не были такими зелеными. А

розы такие розовые — никогда еще они не были такими розовыми. Все ново, каждая травинка потрясающе красива, так психоделично красива. Но потом все опять возвращается на круги своя, и ты снова возвращаешься в старый шаблон.

Так будет происходить много раз. И лишь потом, постепенно, это проникнет в сердце, и ты увидишь, что можешь так жить каждое мгновение. Но это будет происходить медленно-медленно — тебе не дано вызвать это силой.

Бессознательный человек живет в снах. Когда старые сны проходят, он тут же заменяет их новыми. И жизнь его состоит не из реального, а только из желаний — из того же материала, из которого сотканы сны. Он живет в коконе ложных представлений, галлюцинаций, надежд. А это просто способ самоубийства.

Саньясин должен выбраться из этого кокона, он должен отбросить всю белиберду ума и вступить в контакт с реальностью, с тем что есть. А реальность действительно наполняет. Одно-единственное мгновение контакта с реальностью куда ценнее целой вечности сна — оно так питает.

Метод вступления в контакт с реальностью есть осознание — потому что именно бессознательное мешает нам это сделать. Поэтому вся работа саньясина заключается в движении от бессознательного состояния к состоянию сознательному, медленном-медленном изменении каждого фибра вашего существа с бессознательного на сознательный. И если вы способны измениться пусть даже одно мгновение — это значит, что вы получили ключ и способны изменить всю свою жизнь.

Только первое мгновение бывает сравнительно трудным из-за наших старых привычек. И, чтобы это мгновение настало, необходимо определенное энергетическое поле, в котором многие люди стремятся стать сознательными. Само их усердие создает вокруг тебя тонкий водоворот энергии. И он начинает приводить тебя в движение.

В этом и заключается цель поля Будды, в этом и заключается цель этой коммуны. Такое множество людей, стремящихся любить, стремящихся быть медитативными, стремящихся быть бдительными, создает определенную вибрацию, способную охватить всех. И стоит только вам вкусить одно-единственное мгновение, как проблема исчезнет, и вы уже сможете двигаться самостоятельно.

Один ученик задал Мастеру дзен вопрос, как быть свободным.

«А кто посадил тебя в тюрьму?» — спросил Мастер.

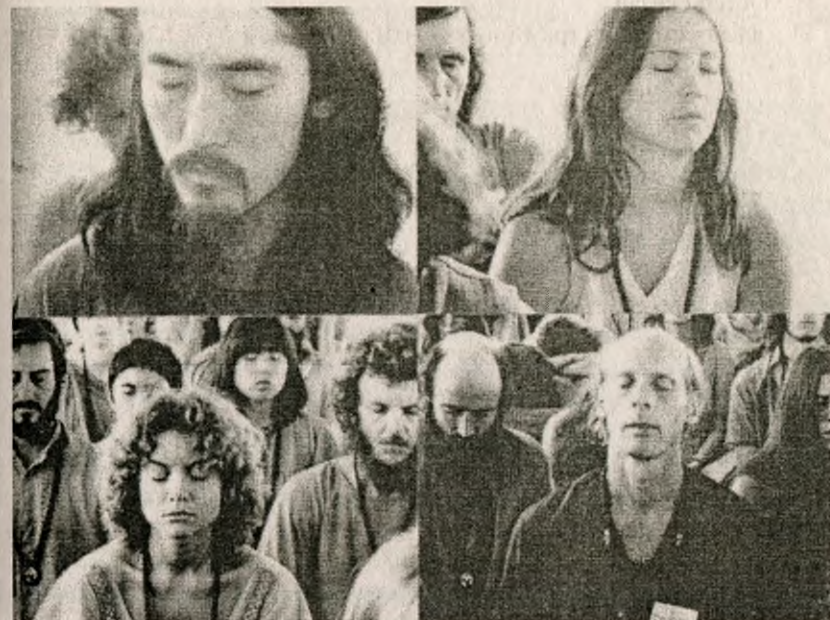
«Никто», — ответил ученик.

«Где же твои цепи?» — спросил Мастер.

«Нет у меня никаких цепей», — ответил ученик.

И Мастер сказал:

«Тогда почему ты стремишься быть свободным? От чего? От кого?»

Отстраните несущественное

Саньяса — это осознанная преданность, сознательное решение, и с этого мгновения она становится средоточием вашей жизни. Вы должны отстранить все несущественное и вкладывать все больше энергии во внутреннее путешествие.

Прежде чем отправиться в Индию
Александр пошел к Диогену...

Они были полярными противоположностями: Александр — великий завоеватель, и Диоген — нищий. Но даже Александру пришлось идти к Диогену, потому что он слышал столько легенд об этом человеке и его неиссякаемой смелости, и о том благословении, что ощущалось в его присутствии.

Он пошел к нему, прежде чем начать свой поход на Индию. Было утро, летнее утро, и Диоген лежал обнаженный на берегу реки, принимая солнечные ванны. Александр стоял и наблюдал. Должно быть он почувствовал непреодолимую зависть к этому человеку — такому расслабленному, такому сияющему. У него при себе ничего не было, даже одежды; он был голым.

Он произвел на Александра сильное впечатление, и тот сказал: «Могу ли я для тебя что-нибудь сделать? Я сделаю все, что ты скажешь».

Диоген рассмеялся. «Подойди поближе, — сказал он. — Все, что мне нужно, уже происходит. Но ты можешь сделать одно: отойди немного в сторону, потому что ты загораживаешь мне солнце».

Александр затрепетал. Он не мог поверить в происходящее. Он был готов отдать все, что тому угодно, а этот человек просто говорит «отойди немного в сторону». И он произнес: «Если у меня когда-нибудь появится еще один шанс родиться, я попрошу Бога сделать меня Диогеном, а не Александром». «Не нужно ждать другой жизни, — ответил Диоген. — Пляж такой большой, и ты тоже можешь здесь расслабиться. Это то самое мгновение, когда ты можешь стать Диогеном, если ты понял».

Александр, должно быть, принужденно засмеялся. «Ты прав, — сказал он, — но я должен завоевать Индию». «А что ты собираешься делать после того, как завоюешь Индию?» — спросил Диоген.

— Завоюю Азию.

— А потом?

— Весь мир.

— И последний вопрос: а дальше что? — спросил Диоген.

— Тогда бы мне хотелось отдыхать и быть счастливым.

Диоген залился смехом. «Ну и дурак! — сказал он. — Я же расслабляюсь и без завоевания мира! Какой во всем этом смысл, если в конце концов собираешься расслабиться и быть счастливым? Почему бы не сделать этого прямо сейчас?»

Саньяса просто значит вот что: решение найти свою истину, обет: начиная с этого мгновения моя жизнь будет посвящена нахождению моей истины. И помните: истина Будды, истина Иисуса или истина Заратустры не может быть вашей истиной. Если вы станете повторять Иисуса или Будду, вы будете жить в уме. Но когда вы отстраняете, берете и отстраняете ваше христианство, ваш индуизм, ваше мусульманство, потому что все они — часть ума, то, как только вы отстраняете ум, в ту же секунду вы уже отстранили всю историю, весь мир. Тогда вы движетесь в свое собственное бытие, без истории, без прошлого, без общества, как если бы вы были на земле одни, как если бы вы были первым существом на Земле, в существовании.

И стоит только этому решению стать переживанием...

Вот почему я настаиваю на саньясе. А иначе люди могут лишь слушать меня, медитировать и продолжать жить по-старому — и нет нужды становиться саньясинами. Многие думают, зачем становиться саньясином? Мы ведь можем медитировать, можем слушать, можем стараться понять происходящее, мы можем пройти через терапевтические группы...

И все же здесь имеет место причина, которая меняет все, и причина эта вот в чем: это осознанная преданность, сознательное решение, поэтому оно мгновенно становится средоточием вашей жизни. Вы должны будете отстранить все несущественное и вносить все больше и больше энергии во внутреннее путешествие.

Мужчина, только что принявший саньясу, слушает описание Ошо его имени с возрастающим недоверием. Когда же Ошо предлагает ему пройти несколько групп и замечает, что несмотря на то, что он делал на Западе, ничего, по-видимому, не пошло ему на пользу, новый саньясин отвечает: «Я не согласен».

Превосходно — и не нужно соглашаться: ты можешь и не соглашаться. Но если ты не соглашаешься, тогда зачем быть здесь? Если ты соглашаешься, я смогу над тобой работать, а если ты не соглашаешься, тогда нет проблемы: ты можешь уходить. Если ты думаешь, что группы тебе уже помогли, великолепно — я очень счастлив! Однако несогласие со мной тебе не поможет. Это напоминает тот случай, когда человек приходит к врачу и заявляет: «Я совершенно здоров».

Превосходно. Я собирался было предложить кое-какие группы, но не стану этого делать. Ты можешь выбрать все, что тебе самому придется по вкусу.

Согласие со мной — необходимое условие...

Вопрос не в том, соглашаться тебе со мной или нет. Если нет — превосходно: меня тогда ничего не волнует, и я не стремлюсь тебе помочь. Впрочем, если тебе нужна моя помощь, она доступна.

Если тебе по вкусу какие-то группы медитации, ты волен их делать. А если тебе по вкусу согласие со мной, тогда я предложу тебе кое-что делать — по-другому не выйдет. Это ведь твой выбор, ага?

Это то, что я чувствовал с самого начала: здесь слишком много эго. Тебе даже имя и то не нравится!

Нет.

Гм, что ж, я это знаю. И полагаю, что ты зря принял саньясу. Тебе не следовало ее принимать. И пока не поздно, ты можешь вернуть ее обратно... Потому что лично я не понимаю, почему ты решил стать саньясином. Я никогда никому не говорю «нет», я всегда готов дать все, о чем бы ты ни попросил. Но я не чувствую, что тебе будет от этого хоть какой-то прок, потому что твой основной подход не есть подход сдачи... в то время как саньяса есть сдача.

Я умышленно дал тебе такое имя. Я рассказывал о значении этого имени, а ты со мной все время не соглашался. Ты не был счастлив. Сама эта идея ранила тебя: ты, и вдруг какой-то инструмент? Ты, и вдруг пустой бамбук? Даже представить себя пустым бамбуком, и то очень трудно.

И очень хорошо, что ты не соглашаешься, ага? Впрочем, подумай также о саньясе. Если завтра у тебя будет такое же чувство, иди в офис и возвращай ее обратно... толку от нее все равно не будет никакого! Все не так уже с самого начала. И я никак не смогу над тобой работать, потому что с самого начала между нами нет согласия. И конфликт неизбежен. Оставайся свободным, оставь себе свое прежнее имя, а этого для тебя слишком много!

Но здесь не должно быть спешки, ага? Думай об этом всю ночь и завтра прими решение. Но если ты захочешь остаться саньясином, то учти, что я не признаю всякого там вздора несогласия, такого или эдакого — все это бессмысленно. Просто возьми и отбрось свои старые представления, свой старый ум и дай мне шанс вызвать в тебе новое озарение. Но если ты не готов принять что-то новое и не готов его исследовать, то, что ж, это твоя жизнь, и тебе решать.

Когда я сказал, что группы не пошли тебе на пользу, я имел в виду вот что: если бы они помогли, ты бы со мной согласился. Они бы сделали тебя смиренным. Если бы они помогли, ты почувствовал бы большую открытость к движению во что-то неизвестное тебе. По

крайней мере, ты сказал бы «может быть», а не стал бы выражать свое несогласие; ты оставался бы открытым. А несогласие просто говорит о том, что ты совершенно не понял, что такое процесс Первобытной группы. Он делает тебя невинным, он снова делает тебя ребенком. Ты выглядишь таким серьезным, и у тебя столько всего в голове. Первобытный крик так и не вырвался. Он вырывается, лишь когда человек становится невинным.

Подумай об этом и завтра иди в офис. Если ты решишь остаться саньясином, оставайся им, а если ты решишь бросить саньясу, бросай ее. Но если ты захочешь остаться саньясином, тогда возможности для несогласия со мной у меня не будет.

В отношениях со мной нет места демократии — это абсолютная диктатура! (смеется). Я работаю только так, это мой метод работы. Эти люди за меня не голосовали! Это не их решение — я сам их выбрал.

Так что подумай об этом, ага?

Когда вы со мной, будьте со мной. Если вы со мной целиком — и я не говорю, что «вы соглашаетесь со мной» — вопрос о согласии или несогласии даже не возникает...

Когда вы видите цветок розы, вы согласны с ним или не согласны? Когда вы видите ночью луну, вы просто ее видите! Видите вы ее или не видите, но вопроса о согласии или несогласии не возникает.

Будьте такими же и в отношении меня. Быть с Мастером можно только так.

Саньясинка говорит, что ее обязанности заставляют ее поторопиться с отъездом.

Если это вопрос обязанности, то ты можешь создать еще большую обязанность по отношению ко мне, и с этими маленькими обязанностями будет покончено.

В тебе что-то растет, но очень бессознательно. Ты искала то здесь, то там, но это не было настойчивым усилием. Ты очень легко сбиваешься с пути, и тебе необходимо большее упорство.

Ты побывала в хорошей компании — я чувствую твою энергию. Но это была всего лишь хорошая компания, это не была ВЕЛИКАЯ компания. И разница здесь громадна: хорошие люди — это хорошие люди, однако их присутствие не может быть преображающим. В лучшем случае они могут сделать хорошей и тебя, однако радикальная перемена не возможна. Для того чтобы произошла радикальная перемена, ты должна быть рядом с очень опасным человеком. Он может временами и не быть хорошим, он может быть отъявленным негодя-

ем.

Радикальная перемена случается только рядом с тем, в ком есть что-то от запредельного. Ты общалась с людьми, но тебе еще не доводилось столкнуться с действительно опасным человеком.

Очень опасный человек необходим, потому что настоящее преображение весьма напоминает самоубийство: ты порвала с прошлым, и старое просто уходит.

И это возможно. Лишь немного смелости — и возможно будет многое.

Пойми суть. Именно твои мысли привели тебя туда, где ты сейчас находишься — в состоянии несчастья, в конфликте, в расколотом уме. Ты и теперь цепляешься за те же самые мысли и из-за них не соглашаешься со мной. А еще спрашиваешь меня как идти глубже! Ты все еще цепляешься за берег, тогда как хочешь идти глубже и дальше, к другому берегу. Ты только пойми суть.

Если ты хочешь быть со мной, тогда тебе придется сдаться — а это риск. Я могу оказаться не тем человеком. Никто не может дать гарантии — кто будет ее давать? Допустим это буду я — но если я не тот человек, то моя гарантия будет бесполезной! Я могу дать тебе тысячу и одну гарантию, но это ничего не изменит. Тебе придется меня испытывать.

Дай же мне себя проявить!

У меня не так много слов, но
мое сердце...

Я уже попробовала, что на самом деле означает сдача... попробовала! Двадцать лет я понимала ее интеллектуально, но никогда не знала ее вкуса. Она уже затронула меня, и теперь мне не за что зацепиться.

Существуют обязанности дома — их нельзя отрицать; в мою жизнь вовлечены другие люди — и в тоже время я чувствую, что бегу прочь.

Так оно и есть!

Нужно понять несколько моментов... Первое: когда бы ни довелось впервые попробовать сдачу, глубоко внутри возникает одновременно страх, потому что сдача означает смерть эго, поэтому страх присутствует здесь всегда, словно тень. Ты попробовала ее, и теперь ты знаешь, что, если ты в нее немного войдешь, ты уйдешь навсегда. Поэтому все прошлое будет воздвигать перед тобой препятствия, а прошлое очень хитро и очень весомо. Это великий адвокат. Оно будет спорить с тобой, приводить доводы, что у тебя есть ответственность, долг, обязанности перед людьми, и что тебе надлежит их выполнять.

Но запомни одно: главная обязанность — это обязанность перед Богом и больше не перед кем. И если мы выполняем эту обязанность, все остальные обязанности могут быть выполнены. Но если мы не выполняем эту обязанность, мы и дальше будем прилагать усилия, однако эти усилия ни к чему не приведут.

Я вижу, ты кое-что вкусила — у тебя был проблеск, один луч уже проник в тебя, и теперь из-за этого луча возник страх, а если проникнет еще больше света, твоя тьма исчезнет... А ведь в эту тьму вложено многое: вложена вся твоя жизнь, и не только эта жизнь, но и много других жизней вложено в эту тьму. Так что страх этот естественен.

Вернешься ты обратно или нет, но я пойду с тобой. Я не намерен так просто тебя оставлять! Теперь это уже не возможно. Ты уже переступила ту черту, за которой был возможен побег — и теперь никуда не деться. Страх этот возникает лишь тогда, когда ты уже переступила границу, но не раньше. Поэтому каждый саньясин в этом месте начинает отвлекать себя то на одно, то на другое.

Я не говорю «не иди» — я говорю «иди». Я сам пойду с тобой и буду тянуть тебя обратно. Вернувшись обратно домой, ты увидишь в чем дело: что нет обязанности, нет вовлечения и что никто тебя не ждет. Если ты завтра умрешь, жизнь будет продолжаться, и ничто не изменится.

Человека никогда не замечают — вот в чем беда. Даже те, кто считает, что их заметят, если они вернутся обратно домой, будут в шоке: мир движется распрекрасно, карусель жизни продолжает себе вертеться, и никто не останавливается. Если ничего не изменит даже твоя смерть, то как может что-то изменить твоя саньяса?

Возвращайся обратно в любое время, когда сможешь, и продолжай медитировать и помнить меня.

Человек принял саньясу и стал
посвященным Будды...

Он был сыном богача и жил в неслыханной роскоши, но затем всем этим пресытился. И вот, в один прекрасный день, когда он слушал Будду, мысль о саньясе привела его в трепет.

Впрочем, то была лишь фантазия. Когда люди влюбляются, они влюбляются и в Мастера, однако медовый месяц потом проходит. Поэтому дня через три — четыре, когда медовый месяц прошел, молодой человек стал думать, как глупо он поступил! Аа? До сих пор он жил в комфорте, в роскоши, окруженный красивыми женщинами, богатством — всем, а теперь он был всего лишь нищим, обреченным просить о пропитании и ночлеге. Ночью вокруг Будды собиралось по десять тысяч монахов. Люди спали где попало, и стоял такой шум,

что он не мог уснуть всю ночь — ведь ему никогда не доводилось спать среди такого множества людей!

Он был молодым, и поэтому получил самое отдаленное место — старики же располагались в местах получше.

На четвертую ночь он уже совсем вышел из себя и подумал: «Вот наступит утро, и скажу Будде: все это не для меня. Я не в состоянии заснуть: здесь столько комаров, места нет, да еще люди эти то приходят, то уходят».

На следующее утро он подошел к Будде. Будда посмотрел на него и спросил: «Ну что, опять комары?» «Что значит «опять»?» — переспросил молодой человек.

«В своей прошлой жизни ты тоже не мог медитировать из-за комаров. Из-за таких пустячных существ...» — сказал Будда.

Молодой человек был шокирован. Он закрыл глаза, и перед ним предстала сцена — он перенесся в свою прошлую жизнь. Он увидел себя монахом, но комары были слишком уж назойливыми — эти давние враги медитирующих — и поэтому он оставил медитации.

Он открыл глаза, поклонился Будде и сказал: «Нет, больше нет! На этот раз я выдержу!»

Туть саньяса будет праздником, а не отречением. Принимайте жизнь со всеми ее радостями и горестями, со всеми ее экстазами и муками. Только так и растет человек: сквозь дни и ночи, зимы и весны... и все это — часть великого ритма. Вместо того, чтобы пытаться найти Бога где-то там, начните искать его здесь, сейчас, среди людей на рынке. Он здесь, очень живой и подвижный.

Он есть и в Гималаях, но только очень молчаливый, расслабленный. И если вы не можете увидеть его здесь, вы не сможете увидеть его и в Гималаях. Чтобы увидеть его в Гималаях, вы должны сперва увидеть его в миру, потому что здесь он полон жизни, жизнь в нем бьет через край... во стольких формах.

Гималаи — это какой-то сон; Бог там спит — вот почему он так тих, бесшумен. Но чтобы узнать тишину, нужно узнать, как создается шум. Если вы узнали, как создается шум, если вы узнали, что такое шум, тогда у вас будет другое качество переживания молчания. Тогда молчание ваше будет насыщенным, вибрирующим, в молчании вашем будет мелодия. Если вы не познали шума, вы не сможете распознать и молчания.

Вот почему я не выбрал Гималаи. Я люблю их, но я умышленно их не выбрал. Они притупляют человеческое сознание. Они слишком сонливы, это транквилизатор.

Сегодня вы впервые оказались в Индии, потому что я представляю что-то совсем забытое. Я представляю что-то такое, что было

здесь основой, но затерялось в дебрях веков и индийского интеллекта.

А индусы действительно интеллектуальны. Они все время плетут и ткнут теории — в чем-чем, а уж в этом они поднаторели. За долгие века они не сделали больше ничего, ага? Они стали великими логиками и учителями и продолжают толочь воду в ступе. Зато подлинная религиозность начисто забыта.

Вся моя работа здесь заключается в уничтожении всего этого скопления гниющих отбросов и в привнесении кристально чистой воды, которая некогда текла здесь во времена Упанишад, Будды, Нагарджуны, Шанкары ...

Учителя вам нужны для знания. Для мудрости же вам необходим Мастер. Мастер — это не учитель, и разница здесь громадна. Учитель помогает вам все больше и больше заучивать, он информирует вас. А Мастер помогает вам разучиваться. Он разучивает вас, помогает вам сбросить ношу, выбросить весь мусор, называемый знаниями. Работа его прямо противоположна.

Учитель помогает вам быть многознающими. А Мастер просто помогает вам быть самим собой.

Мастер — это не учитель. Мастер — это не философ. Мастер — это врач. Быть учеником просто означает проходить лечение у Мастера. Это означает быть пациентом — в буквальном смысле этого слова, потому что здесь необходимо огромное терпение. (Слова «пациент» (patient) и терпение (patience) в английском языке однокоренные — прим. переводчика.)

Если вы чувствуете, что соединены со мной, тогда я могу над вами работать. Если же вы не чувствуете, что соединены со мной, тогда работать над вами становится очень трудно, потому что необходим хоть какой-то мост. И до тех пор, пока вы его не наведете, я так и буду бросать к вам свою энергию, а она будет отскакивать рикошетом, и это будет напрасной расточительностью.

Саньясин — психотерапевт, вернувшись из Штатов после длительного отсутствия, говорит, что не знает, что его соединяет с Ошо, и что он не знает даже, зачем ему нужно сюда приезжать.

Гм, гмм ... Зачем тогда о чем-то спрашивать. Меня не интересуют люди не соединенные со мной. Мне даже отвечать им, и то не интересно. К чему напрасно тратить время?

Ты — эгоист и больше никто. Но ты продолжаешь оправдывать собственное эго разными путями. Ты не можешь смириться с мыслью, что тебе кто-то нужен — это ранит твое эго. А тебе действительно кто-то нужен, поэтому ты продолжаешь приезжать и, несмотря на это, говоришь, что тебе это не нужно и что ты не знаешь, зачем приезжаешь. Ты прекрасно знаешь, зачем приезжаешь, но эго не может смириться с мыслью о том, что ты во мне нуждаешься. Эго не может смириться с мыслью о том, что тебе приходится быть с кем-то связанным.

Ты скорее стремишься быть Мастером, чем учеником, и тебе это доставляет удовольствие. В этом нет ничего плохого — ты и дальше можешь получать от этого удовольствие. А между тем, глубоко внутри, ты так и будешь пребывать в невежестве, и людям, которым как тебе кажется, ты помогаешь, ты в конечном итоге только навредишь. Как ты можешь помогать людям? — ты же сам нуждаешься в помощи. Впрочем, ты себя хорошо чувствуешь, это верно. Эго всегда хорошо себя чувствует, когда торжествует. Поэтому, когда к тебе кто-то приходит, и ты даешь ему советы и оказываешь помощь, ты становишься врачом и гуру и чувствуешь себя очень хорошо. В такие мгновения ты бываешь особенно счастлив. Но когда ты остаешься один, ты не знаешь, кто ты. Тебе все время кто-то бывает нужен, чтобы дать тебе почувствовать, что ты врач, что ты гуру, что ты это и то. Но когда никого нет, тогда тебе приходится трудно. Вот почему когда ты сюда приезжаешь, ты ощущаешь какое-то неудобство, потому что здесь ты не Мастер и никто не возьмет труд тебя слушать.

Вся проблема в том, что, вместо того, чтобы работать над своей собственной внутренней самостью, ты начал работать над другими. Такое случается на Западе со многими, ты не единственный в этом путешествии. Но в один прекрасный день тебя все это очень горько разочарует. В один прекрасный день ты обнаружишь, что что-то упустил.

Все зависит от тебя: если ты думаешь, что ты и так знаешь и можешь помогать людям, тогда тебе не нужна от меня никакая помощь — продолжай и дальше помогать людям. Приходи только тогда, когда почувствуешь, что тебе нужна моя помощь — иначе не приходи. У меня и без того хватит людей, которым действительно нужна моя помощь и которые готовы ее принять. Никто другой не должен отнимать время, потому что это напрасная расточительность. Позволь же мне работать с этими людьми.

Саньясина беспокоит, что он чувствует по отношению к Ошо. «Прошлый раз когда я был здесь, я чувствовал, что соединен с вами гораздо сильнее», — говорит он.

Много раз ты будешь чувствовать соединенность со мной и много раз ты будешь ее терять — потому что она случается на многих уровнях. В человеке не один уровень, в человеке много уровней... в тебе много людей.

На первом уровне случается соединенность. И тогда вся моя работа бывает направлена на то, чтобы разрушить этот уровень, для того чтобы ты смог попасть на второй. А когда разрушается этот уровень, тогда происходит многое, и соединенность та исчезает. И ты снова чувствуешь, что не соединен со мной.

Только на этот раз это случится на более глубоком уровне и на это уйдет больше времени, зато, когда это случится, ты почувствуешь трепет, потому что тогда ты увидишь, что первый был ничем. Так будет происходить много раз — примерно семь раз.

И снова второй уровень будет разрушаться, потому что это единственный способ достичь третьего — и снова ты почувствуешь потерю.

Многие люди, к сожалению, убегают. Когда рушится первый уровень, они думают, что связь порвана, и что делать теперь уже ничего не остается — и они убегают. Это необходимо осознанно понять: такое будет происходить, по крайней мере, семь раз.

А когда все уровни будут преодолены, ты проникнешь в свое бытие, в самое свое ядро, и на веки соединишься со мною; и тогда не будет проблемы. Тогда нас с тобой будет уже не двое: я буду ты, а ты будешь я. И никакой проблемы тогда не будет. Мы будем едины. В этой точке все существование будет едино.

Но прежде чем ты достигнешь этой точки, тебе предстоит много раз соединяться и много раз разъединяться. И здесь не о чем беспокоиться. Это постоянные переходы.

Выходите за пределы

Ученичество означает полное отсутствие страха предо мной, полное отсутствие стремления от меня спрятаться, грубым ли, тонким ли способом, и подлинность, открытость. Тогда вам уже не придется что-то специально делать для исцеления — оно произойдет само собою; вы можете положиться на Бога, на целое. Но чтобы предстать во всей наготе, нужно набраться смелости.

Саньясин с многолетним стажем говорит, что Ошо вселяет в него ужас. И хотя он намеревался сжечь все мосты перед возвращением в Пуну, ему так и не удалось это сделать.

Уз-за этого самого страха... страх всегда тянет назад, сохраняет прошлое целым и невредимым, чтобы в него можно было бы погрузиться при первом же удобном случае. Но все путешествие так и остается каким-то половинчатым и тепловатым. Это лучше, чем быть холодным, однако испарение наступает лишь тогда, когда ты полностью со мной, а быть полностью со мной — значит сжечь все мосты. Это верно.

Иначе ты будешь взвешивать каждый свой шаг. Ты смотришь, судишь и заходишь в этом так далеко. Ты на самом деле следуешь самому себе. А когда появляется что-то, в чем твой ум не убежден, ты сразу же останавливаешься — а ведь это то самое место, откуда случается преобразование.

Доверие же подразумевает что-то для тебя невидимое, то есть невероятное — и все же ты дерзаешь! Доверие есть дерзание, это смелость. И чем больше будет доверия, тем больше жизни случится с тобой, потому что жизнь случается только через риск.

А быть со мной — это риск. Впрочем, здесь не только ты наполовину — это относится ко многим. Однако ты будешь расти постольку, поскольку ты со мной. А если ты постоянно со мной, рост тогда будет подобен взрыву.

Саньясин должен жить на пределе. Он должен жить при стоградусной температуре, интенсивно, страстно, в ежесекундной захваченности — с такой полнотой, что ничего уже не остается позади, как если бы это мгновение было последним.

Проживайте каждое мгновение, как если бы оно было последним. Все ставьте на карту, всем рискуйте — и вы будете безмерно удивлены: жизнь превращается в потрясающее чудо.

Человек боится, что теперь, когда он стал саньясином, он может потерять работу.

Будь готов потерять все, потому что в этом мире терять особенно нечего. Рано или поздно тебе предстоит уйти, и тогда уйдет работа, уйдет зарплата — все уйдет. Так что какое это имеет значение? Ты

найдешь другую работу. Кто знает? — может быть, и получишь! Одно только несомненно: ты сам будешь лучше. С работой ли, без работы, но ты будешь лучше.

Учись любить в этой жизни маленькие жертвы. Каждая жертва принесет тебе столько радости, что ты будешь удивлен: это не жертва, это путь благословения. Когда люди слишком уж пугаются чем-то жертвовать, они живут лишь мирской жизнью — это значит вообще не жить.

Я специально создаю для людей подобные трудности. За этим стоит определенная цель. Я хочу, чтобы вы учились бороться, бунтовать, быть неконформистами. Я хочу, чтобы вы были в каком-нибудь затруднении — золото можно очистить только огнем.

Жизнь — это непрерывная серия трудностей; тот же, кто не сталкивается с трудностями, тупеет, выдыхается. Жизнь продолжает быть острой, когда есть постоянные трудности. И в конечном итоге человеку всегда становится хорошо, из-за того, что возникли эти трудности, потому что лишь благодаря им он становится зрелым. Вы только представьте себе жизнь, в которой никогда не бывает штормов, трудностей, проблем — а все так комфортно, уютненько, безопасно. Что это была бы за жизнь? Душа никогда б не родилась! Человек оставался бы глиной. Трудности должны приветствоваться. И если они не приходят сами, их нужно создавать. С ними нужно сталкиваться лицом к лицу, и сталкиваться с радостью, с доверием, что с тобой Бог.

Германия положила начало серии событий, которым суждено распространиться по всему миру, и это только поможет моей работе и моим людям. Саньяса теперь будет чем-то стоящим, вы должны будете за нее заплатить. Она не будет лишь прихотью, не будет лишь модой — она будет жертвой.

Когда мои саньясины действительно начнут подвергаться гонениям, я буду безмерно счастлив, потому что мои саньясины будут расти. Тогда вам уже не нужно будет идти в терапевтические группы — весь мир превратится в терапевтическую группу! Именно так было с первыми христианами, с первыми буддистами — так было всегда. Этой драме предстоит повториться и теперь.

Есть знаменитая история о
Конфуции...

Один ученик спросил его: «Мастер, а как быть насчет мира?» Конфуций очень рассердился и переспросил: «Мир? Мир — это для мертвецов в могилах. Зачем спешить? Когда ты умрешь, ты будешь в мире. Но сейчас тебе дается несколько дней — живи жизнь!»

Смело живи!»

Я здесь не для того, чтобы помогать вам ко всему приспособливаться. Я здесь для того, чтобы помочь вам столкнуться лицом к лицу с реальностью!

У индийской актрисы, саньясинки, которой скоро будет тридцать лет и которая работает в Бомбее, навернулись слезы, когда она села перед Ошо. Она написала ему записку о своем отчаянии. И Ошо спрашивает ее, в чем дело.

Говори честно! Говори же, не плачь — иначе тебе из этого уже не выйти. Сначала скажи мне.

Прити: *Проблема вот в чем. Я не честна и я не знаю, я или —*

Что случилось? Расскажи свою историю, какой бы она не была. И будь честной! Не играй!

Я чувствую, что вся скована страхом. Страх слишком силен, слишком. Он обступает меня повсюду, и я устала. Я устала от страха. (Ее голос драматически повысился до крещендо, и она громко расплакалась. Ошо настаивает на ответе.)

Гм, гм. Так в чем же страх — в чем?

Я не знаю!

Ты боишься смерти? Да? Это смерть тебя преследует или что-нибудь еще?

(Рыдая.) Я не знаю... я не знаю! Я забываю, что все означает, я смотрю на Ваш портрет и пытаюсь изо всех сил быть тем же, кто Вы, но я не могу... Я не могу найти слова, я ничего не могу найти!

Гм, гм...(пауза). Но ты же не слушаешь меня.

Если я что-то велю, ты этого не делаешь. Я хотел, чтобы ты прошла несколько групп — это бы здорово помогло, — но ты в них не занималась. Я хотел, чтобы ты порвала эти отношения, но ты продолжаешь в них оставаться. Вот ты и создаешь вокруг себя крошечную путаницу.

Я не могу этого увидеть. Я никак не могу этого увидеть. Я не могу увидеть, что я это делаю, а могу только слышать, что Вы говорите. Я не знаю, что это значит.

Гм. Например, я велю тебе пройти несколько групп — а ты их не

проходишь. Они могут избавить тебя ото всего этого. Тебе нужен хороший катарсис — только и всего. Страх пройдет, слезы пройдут, но тебе нужна ситуация, в которой тебе можно помочь и избавить тебя от этого. А ты только сидишь у себя дома — ты так и будешь плакать и рыдать и бояться то одного, то другого — это не поможет.

Это же так просто. Если ты меня просишь, я прописываю определенные лекарства. Но ты ведь их не принимаешь. И что тогда прикажешь делать, а? (посмеивается). Ты же видишь: люди здесь растут, ты видишь: люди здесь меняются... но они меня слушают. Я посылаю их в определенные группы, и они идут; и даже если это иногда бывает трудно, они все равно идут.

Ты хочешь измениться, хочешь стать более центрированной, более счастливой, но ты не хочешь ничего для этого делать! И этим не сможешь. Либо принимай все как есть... и тогда прекрати кукситься и рыдать: такова уж твоя судьба. Прими ее! Либо тебе придется сделать некоторые усилия. И ты сможешь благодаря им расти; это же очень просто. Тысячи людей выходят из таких же проблем. Впрочем, если ты хочешь сохранить эти проблемы, то это твое дело, и я не могу заставить тебя силой. К тому же здесь, судя по всему, присутствует страх. Ты не хочешь расти еще и потому, что ты боишься: если ты будешь расти, то вещи будут меняться!

Ты только подумай над этим. Что здесь можно сделать? Ты боишься, что, если придешь в Столкновение (группу), ты подойдешь к осознанию, что находишься в глупых отношениях — и страх тут как тут. А если ты придешь к осознанию, что это глупые отношения и что от них одни только трудности, то что тебе тогда останется делать? Так что лучше уж не видеть. Ты держишь глаза закрытыми, чтобы не видеть врага и поверить, что его здесь нет. И все-таки ты знаешь, что он есть, поэтому ты и держишь глаза закрытыми.

Ты похожа на человека, который не идет к врачу из-за того, что боится, что у него может быть рак. Однако отказ идти к врачу не может. Ты можешь и дальше твердить: «Зачем я должна идти к врачу? — я же совершенно здорова!» Но ты знаешь, что это не так.

Проблемы очень просты, но они нуждаются в определенном решении, они нуждаются в определенном процессе. Я не могу вытащить твой страх. Тебя придется поколотить, чтобы страх мог выйти наружу. И ты можешь легко и просто выйти из него; проблема не так уж велика, какой ты ее делаешь. Ты ее преувеличиваешь и раздуваешь. И создается такое впечатление, что ты наслаждаешься тем, что у тебя большая проблема, что-де у Прити проблема большая, а не маленькая. Или, может, ты боишься, что в случае ее решения, что тогда останется делать? Так иногда бывает: люди цепляются за свои страдания, потому что это лучше, чем вообще ничего.

Страх может быть вызван глубокой пустотой, поэтому все что

угодно: волнение, депрессия, страх — все сгодится. Так человек чувствует себя наполненным.

Если ты меня послушаешь, ты из него выйдешь — подумай об этом. Если ты хочешь из него выйти, тогда делай все, что я говорю. А если ты не хочешь из него выходить...

Я хочу из него выйти.

Тогда делай что-нибудь. Когда ты сможешь прийти?

Сейчас!

Ты сейчас здесь останешься?

Можно, я отойду и потом вернусь?

Да, ты можешь вернуться.

(Ошо предлагает две группы). Занимайся в этих двух группах. Иди туда смело и не прячься, потому что, если ты будешь прятаться... Открой себя, полностью открой. Будь невинна в своей открытости, и эти две группы сделают многое.

Три — четыре дня тебе придется трудно, но потом кое-что начнет случаться. И ты выйдешь из всего этого танцую! И это не наказание (посмеивается). Ты, думаешь, эти группы — наказание?

Они пугают!

Гм, пугают, но это ведь не наказание, ага? Это на самом деле награда, а не наказание. И стоит только тебе войти в одну из них, как ты уже ни о чем не будешь спрашивать!

Ваши границы будут понемногу все больше и больше расширяться. Ваши границы будут отходить от вас все дальше и дальше. И по мере того, как эти границы начнут отступать, вы будете обретать больше пространства, вы будете становиться способными на большее. Однако терапевтические группы будут неизменно превышать ваши границы.

Моя работа направлена не только на участников терапевтических групп. Моя работа направлена также и на руководителей групп, так что здесь проходит двойная работа.

Я хочу подготовить редких руководителей групп. И это только начало. Не пройдет и двух лет, как вы найдете здесь редчайших руководителей групп. И тогда уже никаким в мире руководителям групп с ними не сравнятся. Потому что на Западе они одиноки: они существуют и работают в своих собственных границах, а если что-то и выступает за их границы, то им приходится втаскивать это обратно в эти границы. А здесь вы можете расширяться сколько угодно, потому что у меня нет границ.

Если вы встречаете Мастера и вас посвящают в определенный путь, Мастер становится помощью. Кто-то однажды поведет вас вперед по тому же пути — и это не предательство — это то же самое путешествие. Миллионы жизней человек встречает миллионы Мастеров, и Мастером становится вся ваша жизнь. Поэтому, если вы не примете саньясы из-за прежнего Мастера, это будет предательством, потому что это будет значить, что вы цепляетесь за что-то одно, а не течете вместе с вашим ростом.

Одно только нужно: быть готовыми к эксперименту — только и всего. Я не настаиваю ни на каком веровании. Нужно лишь доверие к гипотезе и эксперименту — когда человек хочет сделать попытку. Не нужно верить, что это хорошо, правильно или неправильно, или что-то поможет или не поможет. Вы только увидите, куда это ведет и что из этого случается. И если вы способны двигаться с открытым умом, это случится.

Это очень естественно — бояться Мастера. Каждый боится! Это естественно. Ведь здесь присутствует некоторая опасность, ага? И, естественно, вы ее замечаете. Но это пройдет. Чем больше вы будете мне доверять, тем скорее это пройдет. Это какая-то боязнь, что я могу сделать то, к чему вы не готовы — только и всего, что я могу сделать что-то такое, что вам может не понравиться. Вам пока не хочется заходить так далеко.

Но я никогда не сделаю этого.

До тех пор, пока я не увижу, что вы готовы, я никогда не буду вас толкать. Я толкаю вас только тогда, когда вы легко можете идти. И прежде чем начать толкать вас дальше, я буду вас убеждать. Только что я убеждал (другого саньясина) прыгнуть чуть дальше, но он говорит, что это нелепо. И все-таки он пойдет... он уже сам об этом думает. (Ошо смётрит в том направлении, где сидит этот саньясин, и посмеивается).

Мысль об этом уже пришла ему в голову. И стоит только ему в это войти, как он освободится от секса! Мне иногда приходится убеждать именно так.

Весь смысл моего пребывания здесь — помогать вам быть смелыми, поддерживать вас в такие мгновения, когда, оставшись одни, вы хотите закрыться; толкать вас в тех направлениях, куда вы сами не желаете идти; выталкивать вас за пределы самих себя и помогать вам расширять свои границы так, чтобы вы постепенно начали возвращать свободу.

И тогда настанет тот день, когда вы отбросите все ограничения и просто будете двигаться в открытое небо.

Это случается много раз: вы приходите к человеку, в котором говорит внутренний свет, и иногда вдруг открывается дверь, и освещается

ваш путь — и вы видите все то, во что не могли поверить и секунду тому назад. Это бывает! Однако это не ваша лампа, но вы запомнили ее, и память будет преследовать вас. Снова и снова вы будете думать о том, как вернуться к этому обратно.

Но нет пути назад — и не нужно возвращаться назад. Вы должны идти вперед и достигать своего собственного света. И это сделать можно. Назад вернуться невозможно... даже если бы это было возможно, этот же самый опыт вас бы уже не удовлетворил. Это было бы всего лишь повторением и не доставило бы вам того трепета. Трепет был в его новизне.

И теперь тот же самый опыт уже не доставит вам никакой радости. Вы скажите: я это уже знаю — ну и что? Что в этом нового? А если это повториться несколько раз, оно вам наскучит, и вы не будете больше называть это переживанием Бога.

Нужно идти вперед, и каждый день будет приносить новые переживания. Бог настолько вечно новый, что у вас никогда не будет того же самого проблеска. У него есть столько миллионов сторон, что каждый день у вас может быть новое видение — так что зачем беспокоиться о старом? Незачем.

Саньяса означает: сделать некоторое усилие ради чего-то абсолютно необходимого, без чего вы и не живете по-настоящему. В мире есть только один тип дураков: те, кто никогда не делает усилий, кто остается закрытым и запуганным — сжатым. Величайший страх, которые вызвали так называемые духовные мудрецы — это страх сделать ошибку. А между тем каждый, кто хочет учиться, неминуемо должен делать ошибки.

Поэтому я и говорю своим людям: делайте столько ошибок, сколько можете, каждый день делайте новые ошибки, изобретайте новые ошибки, не повторяйте старых... и тогда начнется учение, и не будет ему предела. Если человек продолжает учиться, он остается ребенком, а истинный путь к мудрости — вечно оставаться ребенком.

Мои саньясины должны быть исследователями, а не почитателями. Когда вы почитаете, вы почитаете объект, а все эти объекты — дело рук человеческих. Храмы, синагоги, церкви — все это дело рук человеческих. Вы можете почитать философии, теологии — и это тоже изобретение человеческого ума.

Исследователь же должен двигаться по совершенно иному пути. Путешествие его направлено к его собственному глубочайшему ядру. Он обращен во внутрь, ибо это единственно возможный путь познания: каково на самом деле то, что скрыто в потаеннейшем святилище моего существа? Что из себя представляет эта осознанность? Что из себя представляет эта любовь? В чем источник всего этого?

Человеку просто необходима смелость — требуется не вера. Человеку просто необходима готовность войти во всевозможные сферы, в которых он никогда не был прежде. Я знаю, что они есть, однако это мое знание. И оно не имеет ничего общего с вашим знанием или с вашей верой. Вы просто движетесь и видите. И если встречается эта сфера, возникает вера. Но тогда нет надобности говорить, что вы верите; вера возникает автоматически. Когда вы что-то узнали, нет надобности говорить «я верю». Само ваше знание становится верой.

Старые религии говорят вам: сперва поверьте, опыт придет потом. А я говорю: сперва испытайте, вера придет сама собою.

Когда американский автор, которая последнюю неделю делала медитации, сказала Ошо: «Здесь нет отрицания — они удивительны», он предложил ей принять саньясу.

Салли: *Хорошо, но только это немного сложно. Эта проблема, кажется, имеет что-то общее с моим отцом, очень религиозным человеком, всегда учившим меня слушать то, что говорил сам Христос, а не то, что с ним сделала какая бы то ни было церковь. Я нахожу Вашу мудрость, в той мере, в какой она мне доступна, исходящей от человека, не божественной. А мала и оранжевая одежда напоминают мне распятие или икону.*

Тогда подожди.

Но я всецело с Вами в своем сердце.

Это невозможно — иначе здесь не было бы такой мешанины.

Я чувствую в пределах своей собственной ограниченности, что я с Вами.

Тогда подожди. Ты скоро выйдешь за пределы своих границ, ага? И если ты действительно понимаешь Иисуса, ты сразу же поймешь меня. А если ты не можешь увидеть во мне Божественной мудрости, ты не можешь видеть ее и в Иисусе, потому что это вопрос видения.

Вопрос не в том, где ты можешь ее видеть и где ты увидишь ее не можешь. Если бы ты могла, ты видела бы ее и в Будде, и в Иисусе, и в Магомте. А иногда ты могла бы увидеть ее и в маленьком ребенке. Потому что человеческое и Божественное друг от друга неотделимы.

Человеческое — это божественное.

Я согласна, но возведение чего-то на пьедестал выводит это за пределы моей досягаемости и моих возможностей.

Ты только подожди. Я увеличу твои возможности. Только подожди. Человек должен выйти за пределы — только тогда он растет. А если ты останешься в своих пределах, ты никогда не будешь расти. Человек должен постепенно перерастать свои пределы. Должен дерзнуть немного за пределами своих возможностей. Должен двигаться в неизвестное, незнакомое. А если ты так и будешь оставаться в пределах своих возможностей, ты не сможешь расти. Придерживайся своих возможностей, если хочешь, но всегда выходи чуть дальше их.

Марк: «Я не думаю, что уже готов к саньясе».

Как ты можешь решать готов ты или нет?

Так много неопределенности.

Неопределенность бывает всегда, когда ты принимаешь решение. А когда ты принимаешь жизненно важное решение, что-то меняющее, ему предшествует сильная тревога. Это естественно.

Тревога эта просто говорит о том, что старое известно, а новое неизвестно — что ты собираешься делать? Ум говорит: «Держись за старое», а бытие вторит: «Выходи и исследуй новое». Такова тревога — она всегда предшествует определенному решению. Однако ей не стоит придавать очень уж большого значения. Как только ты примешь решение, она исчезнет в ту же секунду. А если ты не примешь решения, она так и останется и будет продолжать тебя донимать. Она станет пыткой, она станет агонией, кошмаром. От нее можно сразу же освободиться, если ты примешь решение. Ум тогда расслабляется. Он знает: теперь, когда ты уже сделал прыжок, донимать тебя нет смысла.

Впрочем, если ты можешь ждать, если тебе хочется мучить себя, ты можешь подождать еще несколько дней. Но это все равно произойдет. Я уже решил (заливается смехом).

Вот что я чувствую: сделай прыжок и позволь тревоге исчезнуть. Зачем тратить энергию на тревогу? Та же энергия может быть использована на приключение. И всегда помни одно: всякий раз, когда возникает вопрос выбора между старым и новым, всегда выбирай новое, потому что с новым что-то становится возможным. А со старым ты жил, и ничего не происходило, так что зачем продолжать его возобновлять? Но люди живут именно так: одна и та же колея.

Всегда слушай зов нового и иди с ним. Будет тревога — а ты иди

вопреки ей. Весь ум твой станет протестовать: «Не иди». А ты иди вопреки ему.

Что-то в тебе, что глубже ума, что больше ума, уже готово. И только испуганный ум трясется и нервничает. Впрочем, если тебе все еще хочется несколько дней испытывать эту тревогу, ты можешь это делать; это твой выбор. Но лично я готов освободить тебя в это самое мгновение!

Так что мне делать? А? Ты только посмотри на меня и... (еще больше заливается смехом).

Это трудно.

Да, это трудно, я знаю (Ошо сейчас облегчает давление. Марк снова на него пристально глядит; он явно боится).

Как долго ты можешь здесь оставаться?

Я должен уехать шестого мая, но только на время.

И потом ты сможешь вернуться обратно?

Потом я смогу вернуться обратно.

Да! Ты будешь здесь нужен. Пройдешь несколько групп. Ты уже записался в какие-нибудь группы?

Да, я записался в несколько групп.

Хорошо, когда ты вернешься, ты можешь в них заниматься.

Ну и что мы будем сейчас делать? (Взрыв смеха.)

Я не думаю, что когда-либо принимал решение!

Так я и чувствую. Так что пусть это решение будет твоим началом! Человек должен когда-то решать, не в один день, так в другой... а это хорошее решение, чтобы с него начать. Тогда закрой глаза и стань саньясином! (Снова взрыв смеха). Ага? Не бойся! Посмотри — кругом так много саньясинов! Ага? (Смех усиливается).

Если ты хочешь остаться в таком состоянии, ты можешь это сделать. Подумай об этом еще три дня, но только эти три дня будут такой пыткой. А я все равно от тебя не отстану! (Взрыв смеха).

Так что подожди три дня, ага? Или решишься прямо сейчас?

Ты никогда не принимал никакого решения, это верно. Вот почему это кажется таким трудным. Ты жил, как бревно, плывущее по воде... без направления, без назначения. Ты жил бездумно — вот почему это так трудно. А между тем, каждое жизненно важное решение объединяет твоё бытие в единое целое. Оно тебя центрирует, дает тебе чувство, что ты есть.

Поэтому, если ты не можешь ничего сказать, ты только подай знак. Если ты покажешь мне три пальца (выставляет три пальца), это

будет означать три дня; если же ты покажешь один, то значит прямо сейчас (взрыв смеха). Я упрощаю твою задачу: так один или три? (посмеивается)... Раз уж ты не можешь выговорить ни слова, то что остается делать? Итак, либо то, либо...

(Ошо выставляет три пальца, потом один. Марк мешкает секунду, затем выставляет один мизинец. Ошо сияет. Шквал смеха.)

Хорошо! Закрой глаза. (Одевает ему на шею малу). А теперь скажи Марку «до свидания». Твое новое имя будет таким: Свами Дева Прем. «Дева» означает «божественный», «Прем» означает «любовь» — божественная любовь. И это твой путь: путь любви.

Пьяней от любви. Ты не человек головы, ты можешь жить только сердцем. До сих пор ты жил головой, а это для тебя не естественно, это не соответствует твоей сути. Поэтому соскользни от головы к сердцу и начни жить оттуда — не мыслями, а чувствами. Забудь о логике, помни о любви. Стань более чувствительным и позволь себе всевозможные удовольствия.

Начни рисковать, потому что сердце растет через риск. Голова труслива — сердце смело. Оно даже в пасть смерти может пойти смеясь, напевая и танцуя.

Голова же так труслива, что не в состоянии идти танцуя, напевая и смеясь даже в жизнь. Даже в жизни она остается так себе, тепловатой и вечно боящейся. Она всегда держится ото всего на расстоянии, так чтобы в случае чего можно было бы убежать. И только сердце прыгает в центр всего, а центр всего — это Бог — он не на периферии.

Поэтому позволь этой инициации стать сдвигом от головы к сердцу.

Твои тревоги миновали — сегодня ты будешь крепко спать.

Саньяса просто означает видение разрушительности эго и его отбрасывание... одним рывком, а не постепенно. Оно не может быть отброшено постепенно. Либо человек видит в чем дело и отбрасывает его, либо он продолжает его носить, надеясь, что когда-нибудь его отбросит. Однако сама эта надежда иллюзорна.

Когда твой дом охвачен огнем, ты не ждешь завтрашнего дня — ты из него выскакиваешь. Ты даже не думаешь о том, чтобы выйти из него, как полагается: через главные ворота, через главную дверь. Ты прыгаешь прямо в окно. А если ты голый принимаешь ванну, ты выпрыгнешь из окна голым. Ты даже не позаботишься обмотать себя полотенцем. Когда дом охвачен огнем, человек не может откладывать ни на одну секунду.

А ведь дом охвачен огнем: все страдают, все горят в аду, все живут в муках и агонии.

Ждите неожиданного

Вы хотите использовать меня для каких-то своих планов: что я-де должен вас защищать и обеспечивать вам безопасность. Но я не таков! Я не являюсь гарантом чего бы то ни было. Я очень безответственный человек. Тем, кто соединяет со мной руки, поневоле приходится соединять со мной руки, полностью отдавая себе отчет, что они действуют заодно с безответственным человеком, который не следует никакой морали, который не знает никаких принципов, который не имеет никаких так называемых ценностей, который совершенно хаотичен и абсолютно доверяет жизни и ее хаосу. И потому, что бы жизнь ни приносила, для меня все благо.

Есть одна красивая притча...

Великий царь пожаловал к Будде. Он принес один из самых ценных бриллиантов своей коллекции, редкий, уникальный бриллиант, глядя на который, многие цари лопались от зависти. Он собирался подарить его Будде, но царица сказала ему: «Будда отрекся от всех богатств. И если ты преподнесешь бриллиант, мы, наверное, будем выглядеть глуповато: для него это всего-навсего камень. Возьми с собой бриллиант, но не забудь взять и цветок розы. Он сам — цветок, и куда лучше подарить ему благоухающий цветок, чем мертвый камень. К тому же все его учение говорит о мимолетности существующего: утром цветок жив, а к вечеру он уже мертв. Бриллиант же представляет прочность, а не мимолетность. Возьми и то, и другое. Сначала подари бриллиант, а если ты увидишь, что он не произвел на Будду никакого впечатления, ты можешь сразу же преподнести цветок».

Итак, он взял и то, и другое.

Сначала он подарил бриллиант, и Будда сказал: «Выбрось его!» — как будто это был обычный камень. Когда Будда сказал «выбрось его», ему пришлось подчиниться, разумеется с большой неохотой. Со стороны это выглядело так, как будто он выбрасывал свое собственное сердце — ведь то была самая ценная вещь. Сердце его говорило «нет», однако сказать Будде «нет» при всех было невысказано — ведь эту сцену наблюдали тысячи людей. И он выбросил бриллиант.

После чего он подал цветок розы, который был у него в другой руке, думая что уж его-то Будда примет. Будда сказал: «Выбрось его!» Он выбросил и розу. На этот раз уже ничего не осталось.

И он поклонился Будде с пустыми руками, а Будда сказал: «Выбрось его!» Теперь он был весьма озадачен и произнес: «Господин, я совсем вас не понимаю. Теперь-то уж мне нечего выбрасывать».

Один из учеников Будды, Ананда, засмеялся и сказал: «Теперь, ты должен выбросить настоящую вещь. Выбрось самого себя! Легко выбросить бриллиант. Мы видели, как твое сердце говорило «нет», и все же, несмотря на это, ты его выбросил. Легко выбросить цветок. Настоящая же проблема вот в чем: ты должен выбросить самого себя!»

Единственный подарок, который можно преподнести Будде, — это выбрасывание эго.

Человек ждет большого и упускает малое, которое и есть реальность... совсем малое: смех ребенка, слезы радости, прекрасные слезы радости, или солнечный закат, или парящую на крыльях птицу — какие-то пустяковые вещи, но они наде-

лены безмерной красотой, безмерной истиной. Человек должен учиться жить с малым; малое прекрасно. И если вы глубоко в него войдете, то малое теперь уже не будет малым, каким казалось на первый взгляд; если вы в него войдете, оно будет становиться все больше, больше и больше. Каждая капля содержит океан, а каждая травинка вмещает в себя целую вселенную.

Все искусство состоит в том, чтобы войти в малое. Входите в малое — и вы обнаружите большое, а продолжая искать большое, вы никогда его не найдете, а вместо этого упустите еще и малое.

Когда вы сюда придете в следующий раз, приходите без ожиданий. Первый раз вы, как правило, приходите с ожиданиями. А между тем я здесь нахожусь для того, чтобы давать вам настоящее, а не путешествия в воображаемое. Путешествия же дать ничего не стоит, мне ничего не стоит их устроить, и эго ваше будет удовлетворено, но тогда я был бы вашим врагом, а не другом. Вернувшись домой, вы свалитесь плашмя на землю, потому что все это будет не более чем воображением, фантазией. А между тем во имя духовности и религии продолжают измышлять столько всякой всячины.

Я хочу, чтобы религия была очень земной. Я хочу, чтобы она заботилась о реальной жизни.

Пауль Тиллих определил религию как вечную заботу, а я определяю религию как заботу в настоящем. Ага? Вечное — понятие растяжимое, а вот настоящее... И в этом — весь подход дзен, дао, тантры. Все эти три великие традиции сходятся в одном: в заботе о настоящем: просто пейте из чашки чай — наслаждайтесь его вкусом, ароматом.

Когда вы пришли ко мне в первый раз, я был для вас кем-то новым. А теперь вы приходите с ожиданием — и это все убивает. Теперь у вас в отношении меня сложилось твердое представление. А я никогда не соответствую ничьим представлениям — никогда! — потому что я все время меняюсь. Я не мертв! Когда я буду мертв, тогда вы сможете что-то от меня ожидать, и ожидания ваши всегда осуществятся, потому что меняться будет некому.

Вот почему, когда умирает человек такого калибра, как Христос или Будда, религия начинает разрастаться с неслыханной быстротой. Она превращается в громадную силу.. миллионы людей присоединяются к ней. Почему? Потому что Будда теперь предсказуем. И теперь вы можете подогнать Будду под себя.

Когда вы пришли в первый раз, у вас в отношении меня не было ожиданий. Вы приходили с невинными глазами. И тогда это было чем-то волшебным! Волшебство это не имеет никакого отношения ко мне — волшебство это не имеет никакого отношения к вам. Всегда, когда ум находится в состоянии невинности, начинается волшебство.

Взгляните на цветок розы невинными глазами — и он станет волшебным. Взгляните глазами, полными знания — и волшебства как не бывало. Наука уничтожила много волшебного в мире, потому что наука дала людям знания, и люди думают, что они теперь знают.

Никто ничего не знает!

Иногда бывает, что вам хочется повторить какое-то переживание. И вы ждете, что я буду таким, каким был два часа тому назад. Как я могу им быть? Вы приходите с твердыми представлениями — а никто никогда и не думал им соответствовать. Я буду меняться и дальше — я непредсказуем. Но если вы придете без ожиданий, вы вдруг обнаружите, что волшебства здесь еще больше, чем было доселе. Оно здесь всегда... Правда, для этого понадобится немного времени.

Медитируйте, танцуйте в музыкальных группах, пойте и забудьте о своем прошлом. Забудьте о том, что происходило год тому назад — произойдет гораздо большее. И не цепляйтесь за это. Не просите о повторении. Жизнь никогда не повторяется.

Саньясинка обеспокоена тем, что
Ошо мог не прочитать ее письмо.

Не беспокойся из-за этого. Я никогда не читаю ничьих писем. Пусть это будет выяснено раз и навсегда... ни твоих, ни чьих бы то ни было. Вот уже несколько лет, как я не прочитал ни одного письма!

Вам кто-то их читает?

Не беспокойся о таких вещах! Здесь все время происходит что-то сумасшедшее, и я не могу выдать тебе секрета фирмы (Смеется).

И с каждым разом становится все более сумасшедшим ... с каждой секундой.

И дальше будет! Так что становись частью этого сумасшествия. И бог с ними, с теми сомнениями; они пройдут сами собой. Не питай их — вот и все. И не ставь мне никаких условий, иначе ты никогда не вступишь со мной в глубокие отношения. А ведь только глубокие отношения и способны создать доверие. Это случится — только погоди!

Когда все меняется, много о чем найдется рассказать. И все же это бывает очень трудно передать словами, потому что очень много вещей происходит одновременно. И очень трудно бывает найти, с чего начать. Это словно круг — круги в кругах; это переходный период. Когда старые звезды гаснут, а новые еще не появились на горизонте, то бывает промежутки, похожий на теперешний.

Поэтому, о чем бы вы меня ни спрашивали, вопрос ваш будет выглядеть неуместным, потому что вы способны спрашивать лишь то, что уже знаете. Это ваше исчезающее прошлое. Вы не способны задать ни одного уместного вопроса, потому что он должен относиться к будущему, которое покамест не стало настоящим. Когда вы придете в следующий раз, все станет предельно ясным, и вы сможете спрашивать как раз то, что соответствует вашим потребностям.

Но спрашиваете вы или нет, вопросы ваши будут удовлетворены — такова моя работа. Дело не в вашем спрашивании... Время от времени это происходит: человек спрашивает одно, а я отвечаю ему что-то другое, потому что вижу, что от этого вопроса нет никакого толку, что это всего лишь вопрос из головы. А все головные вопросы бессмысленны — задавайте же внутренние вопросы — вопросы исходящие из пупка, а не из головы, вопросы исходящие не из ваших наук, знаний, учености, а из вашего существования — существенные вопросы.

Не увертывайтесь! Когда я ударяю вас молотком, наклонитесь для удара. И молоток упадет на вас, словно цветок. А если вы будете увертываться, вы будете страдать. Боль вам причиняет не молоток, а ваше увертывание. Именно ловкость ваша наносит вам тяжелые удары, причиняет вам страдания и становится невыносимой. Иначе говоря, молоток, которым я ударяю, состоит из цветов. Это розы, розы и розы. Но вы узнаете его качество розы, его аромат и его нежность только тогда, когда наклонитесь для удара. И внезапно он перестанет быть молотком — а станет невиданным благом, благословением.

Но увертывается потихоньку каждый, ага? Люди идут на любую хитрость. Они научились в своей жизни множеству трюков и, естественно, проделывают эти трюки и со мной... ненамеренно, неосознанно. Тогда они чувствуют боль, и боль становится нестерпимой.

Но вам не дано этого избежать; вам некуда уйти. Даже если вы и будете уходить, я последую за вами. И чем дальше вы будете уходить, тем вернее вы со мной столкнетесь.

У меня свои методы: когда люди не смеются, я велю им смеяться, а когда они смеются, я велю им быть серьезными.

Посетителя беспокоят
противоречия в ашраме.

Посетитель: Я не нахожу, что здесь все просто — я нахожу сложности там, где ожидал увидеть простое.

Все очень просто, но из-за того, что ты смотришь сквозь призму определенного ума, из-за того, что ты смотришь не прямо и в уме

твоем содержатся определенные представления, все усложняется.

Если у тебя имеются определенные представления, тогда, что бы я ни говорил, все сказанное мной непременно должно соответствовать этим представлениям. А если не будут соответствовать, тогда появятся сложности, тогда возникнет конфликт и путаница.

Вот что я имею в виду... Например, Иисус пошел на озеро в Израиле и велел людям следовать за ним. А чтобы встретиться с вами, я должен обращаться к секретарю, для того, чтобы тот все устроил, да еще ждать Вас.

Я не Иисус. У меня свои собственные методы. К тому же я не являюсь последователем Иисуса. Он жил своей жизнью, а я живу своей.

Вот почему я говорю, что у тебя имеется определенное представление, и поэтому ты пытаешься разложить все это по полочкам. Но если бы мои последователи пошли к Иисусу, им пришлось бы не легко, так как они бы стали искать секретаря, а его бы не оказалось (Смех). Ты понимаешь меня?

Каждый Мастер живет по-своему — и по-другому жить он не может. Так уж я живу: пытаюсь сделать как можно недостижимее, пытаюсь максимально затруднить твой приход ко мне. Это еще что, это только начало. Подожди еще несколько дней, и ты будешь иметь дело с секретарем секретаря!

Таков мой метод, потому что таково мое понимание: чем доступнее ты, тем бесполезнее твоя доступность. Затрудни ее — и люди будут приходить, сгорая от нетерпения — только тогда они будут приходить. В других же случаях приходит только толпа. Впрочем, я жил и так. Я был доступен многие годы, когда сидел под деревом.

Но разве это не естественное право быть свободным или идти шаг за шагом — разве это не естественное право?

Не существует такой вещи как естественная природа. У каждого своя собственная природа — нет такого явления, как природа вообще, нет такого явления, как человеческая природа. У Иисуса была его природа, у меня — моя, а у тебя — твоя. И когда ты расцветешь, ты расцветешь по-другому.

Даже у Мастера Иисуса, Иоанна Крестителя, и то было другое качество. Иисус никогда ему не следовал — он начал двигаться по-другому. Так и должно быть. Здесь нет проблемы.

Нет такого явления, как человеческая природа. У каждого отдельного человека есть своя собственная природа. Поэтому, если ты обратишься к Будде, то найдешь, что он совершенно отличен от Иисуса. А если ты спросишь у буддиста, он скажет, что Иисус, судя по всему, был каким-то политичным, что он не был чисто религиозным,

иначе зачем бы его понадобилось распинать? — Будда ведь не был распят!

А если ты спросишь у джайнов, последователей Махавиры, они скажут, что человека распинают только тогда, когда он совершил много грехов в прошлой жизни, а иначе его не распинают. Так что Иисус, похоже, был в прошлой жизни убийцей и был распят из-за той кармы — Махавира же не мог быть распят.

Махавира жил обнаженным, поэтому его последователи думают, что каждый достигший непременно должен жить обнаженным. Поэтому что, когда ты становишься невинным, какой прок от одежды? Иисус не реализовался. Даже Будда, и тот не реализовался — он ведь еще носит одежду!

Так что это разные люди, и все они достигли по-своему; они уникальны в своих проявлениях. И хорошо, что они уникальны, иначе жизнь была бы слишком монотонной. Представь себе вереницу Иисусов, вытянувшихся в очередь...(смех). Это выглядело бы уродливо. Один Иисус прекрасен, прекрасен как ценный бриллиант, но если бы было бы слишком много в точности ему подобных, он стал бы прибрежной галькой, ничего не стоящей прибрежной галькой.

Я не хочу надоедать Вам этими техническими вопросами. Покажите мне что-нибудь. Если Вы можете позволить мне чувствовать... я готов чувствовать.

Если ты готов чувствовать, ты почувствуешь. А показывать тебе что-то я не собираюсь. Ты, наверное, жадный; ты, наверное, ищешь какого-то чуда, но ты еще не готов.

Те, кто готовы, просто расслабляются и сдаются, и многое тогда открывается их взору. И не то чтобы все это им показывал я — они сами видят. И в этом также состоит различие: я не волшебник, я здесь не для того, чтобы показывать вам чудеса. Но если ты готов, с тобой произойдет многое.

Каждый, приходящий с ожиданиями, непременно будет разочарован — причем не только здесь: куда бы вы ни пошли, вы будете разочарованы. Ожидание — коренная причина разочарования. Те, кто действительно хотят ко мне прийти, должны приходиться без всякого ожидания — лишь тогда они что-то найдут. А иначе ваш ум будет требовать и требовать: это должно быть таким, а то должно быть сяким. Но я вовсе не обязан делать что-либо по-вашему — я все делаю по-своему. Когда вы приходите в мой мир, то это вы должны быть в гармонии с моим миром. Я не могу быть в гармонии с вашим миром. Если ваши ожидания верны, тогда вам не нужно будет куда-то идти — вы будете вполне счастливы везде, где бы вы ни были.

Ваш ум не верен. А ведь это тот самый ум, который требует, тот самый который проецирует.

Так бывает почти всегда: люди, не способные любить, ожидают

любви. А между тем человек получает любовь лишь тогда, когда любит сам. Если же эти люди не получают любви, они становятся еще жестче, еще замороженнее, и мир им кажется безлюбом. Мир так и будет оставаться безлюбом; он бывает любвеобильным лишь с теми, кто сам любит.

И это относится не только к вам. Многие приходят с большими ожиданиями. Они создают свои ожидания, они приходят из-за своих ожиданий, а ожидания здесь вдруг не оправдываются. На самом деле в мою работу входит намеренное неосуществление ожиданий, ведь, если ваши ожидания осуществляются, ваш ум укрепляется, а ваш ум — это ваш враг. Ваш ум стал вашим адом. И укрепление его не пойдет вам на пользу — оно вам только навредит.

Побудьте здесь несколько дней без ожиданий... как если бы вы оказались в каком-то очень странном месте. Вы не знаете, что это, вы не знаете, что ожидать. Оставайтесь открытыми и наблюдайте, и вы будете изумлены: к вам течет столько любви.

Впрочем, это зависит от вас...

До тех пор пока вы не откроете дверь в неизвестное, жизнь никогда не станет радостью, глубоким дерзновением. Но стоит только вам начать приветствовать неизвестное, как в ту же секунду вы позволите ворваться новым, свежим ветрам, дождю, солнцу, звездам, аромату цветов. А вместе со всем этим постепенно приходит божественное. Сначала вы должны начать наслаждаться неизвестным, а потом вы можете рискнуть и сделать еще один шаг и открыться непознаваемому.

Мир известного — это мир бизнеса, рынка, обыденного существования, повседневного существования. Мир неизвестного — это мир поэзии, музыки, танца, мир эстетики. А мир непознаваемого — это мир религии.

Сначала саньясин должен быть открыт неизвестному, а затем в конце непознаваемому. И невозможное тогда становится возможным.

У нас в Индии есть красивое слово для обозначения гостя. Такого слова не существует ни в одном другом языке. Гость у нас в Индии называется атити. Атити — это тот, кто приходит без предупреждения. Если он вас предупреждает, то это уже не гость. Если он назначает вам день: «я приеду такого-то числа, таким-то поездом», тогда это не гость, потому что вы уже подготовлены и собираетесь встречать его на станции; а когда вы подготовлены, это уже не сюрприз.

Гость бывает гостем лишь тогда, когда ни с того ни с сего вдруг распахивается дверь, и он входит, и вы на мгновение не можете поверить своим глазам.

Такие мгновения неожиданности приходят в жизнь саньясина каждый день, каждое мгновение. Потому что он ничего не ожидает, а просто дает, и каждое мгновение приносит тысячи чудес, и чудеса это раз от разу увеличиваются все больше и больше. И жизнь становится сплошным праздником.

Вы — одна
семья

Любовь не знает ни времени, ни расстояния

Все дело в любви: любовь не знает ни времени, ни расстояния, ни пространства. Если вы меня любите, вы обнаружите, что я с вами. А если вы меня не любите, тогда вам не найти меня даже здесь. Если вы меня любите, то даже когда я покину это тело, вы найдете меня — я буду оставаться доступным вам. А если вы меня не любите... Здесь много людей, находящихся совсем рядом со мной, но контакт все-таки невозможен.

Так что раз на раз не приходится — все сводится к любви. Идите, ага? Не бойтесь — идите и смотрите. Продолжайте медитировать и помнить меня.

Есть одна очень известная
суфийская история...

Суфийский мастер медитировал в горной деревушке, вознося свою вечернюю молитву. Он сидел у стены и видел другого человека, сидящего на стене. Прямо рядом со стеной тек маленький прозрачный ручеек. И человек бросал в него кирпичи — откалывал их от стены и бросал в ручей.

Суфийский мастер, наблюдавший эту сцену, спросил того человека: «К чему это? Что ты делаешь?»

— Пить очень хочется, — ответил тот.

— Но, если тебе хочется пить, то почему тебе не пойти к ручью? Ты же можешь отсюда спуститься — всего-то несколько шагов. Зачем же ты бросаешь кирпичи?

— Пытаюсь продвинуть ручей к себе поближе, кирпич за кирпичом, — ответил человек. — Ручей поднимается все выше и выше, и рано или поздно он сравняется со мной. Да еще когда падают кирпичи и отскакивают брызги, то сидеть здесь и слышать плеск воды для меня ни с чем не сравнимая радость. Да и не век же мне испытывать жажду — вода ведь под боком.

Поэтому, если вы близки ко мне, то даже брызги сделают вас счастливыми. Правда, они не утолят вашей жажды.

И не бросайте в меня кирпичи, потому что это не поможет (посмеивается). Я не собираюсь к вам приближаться... это вы должны приблизиться ко мне!

Посетитель: было время, когда меня к Вам непреодолимо влекло, но я чувствую очень сильное сопротивление, страх. Можете ли Вы что-нибудь об этом сказать в связи со мной?

Это естественно: если тебя ко мне влечет, ты будешь чувствовать страх: а вдруг этот человек окажется опасным? Слишком большое приближение ко мне означает, что ты можешь исчезнуть! Я похож на пропасть: если ты ко мне приблизишься, ты исчезнешь навсегда и уже не будет возможности вернуться назад. Так что страх естественен. Кто не боится пропасти, кто не боится ничто? И здесь перед вами нет никого, кто сидит и говорит, а одно только ничто!

Так что это естественно. Впрочем, сбежать тебе тоже не удастся!

Куда бы ты сейчас не отправился — хоть на край света, хоть на луну — я буду преследовать тебя. Так что лучше подойди действительно близко и посмотри, что это. Ты ничего не потеряешь! Ты исчезнешь, но ты ничего не потеряешь. На самом деле, впадая в океан, река, с одной стороны, исчезает, но с другой стороны, она становится самим океаном.

Каждая река, должно быть, дрожит, приближаясь к океану — это естественно. Но назад пути тоже больше нет. Как может река повернуть назад? Так что пусть будет страх, пусть будет сопротивление — а ты все равно прыгай вопреки им.

Когда вы впервые чувствуете близость ко мне, глубокий страх рождается в бессознательном, потому что приблизиться ко мне — значит отдалиться от самих себя. И наоборот: если вы приближаетесь к себе, вы отдаляетесь от меня. А если вы приближаетесь ко мне, вы отдаляетесь от самих себя. Поэтому, когда вы впервые почувствуете близость ко мне, вступит в действие бессознательное сопротивление. Это ваше заявит, что так не должно быть. И так происходит почти всегда, когда вам бывает очень нужно...

Например, вы заболели или потерялись в лесу и не можете отыскать дорогу или же вас гложет какое-то внутреннее страдание, какая-то боль, и вы чувствуете такую беспомощность... И когда беспомощность эта станет очень глубокой, вы почувствуете, что очень близки ко мне, потому что только в такие мгновения беспомощности вы можете несколько ослабить свое эго. Но когда вы опять начинаете чувствовать себя вполне благополучно и ваши дела идут в гору, вы обособляетесь: с какой стати сдаваться? Тогда-то уж вы сильны. И эго восседает на троне!

Знаю, (когда вы будете уезжать), вам станет грустно, но примите эту грусть и будьте благодарны. Это тоже благо. Идите с полным принятием всего, что происходит. Скажите «да» всему, всему происходящему, каким бы оно ни было. И тогда каждое мгновение будет приносить безграничные возможности для роста.

Я иду с вами. И вы просто должны будете научиться чувствовать меня, когда я не буду физически рядом — этому учатся. Как только вы в этом поднатореете, это станет очень легко. И вы сможете почувствовать даже большую близость, чем когда вы рядом со мной физически, потому что, когда голод силен и вам меня не хватает, стимул усиливается. А когда стимул становится интенсивным, физическое расстояние исчезает, и также происходит исчезновение времени.

Но только интенсивность должна быть очень сильной, ага? Поэтому, если вы действительно сильно чувствуете — а интенсивность становится тем сильнее, чем дальше вы от меня — тогда закройте глаза и просто вспоминайте меня. Только вспомните меня, как я

здесь сижу, вот так, как сейчас. И вся атмосфера сразу же изменится.

Чем ближе вы подходите ко мне, тем болезненнее станет отделение. В конечном итоге это место будет домом для всех моих саньясинов, потому что вам начнет меня не хватать, а это порождает страдание.

Когда вы отсюда уезжаете, вы не просто уезжаете из одной страны в другую. Вы уезжаете от кого-то, кого вы любите. Вы можете не осознавать, как вы меня любите, но потом, когда вы уже будете далеко, любовь вспыхнет с еще большей силой. Здесь легко считать меня кем-то само собой разумеющимся. Но чем дальше вы будете, тем сильнее будет жажда и тем больше вам будет меня не хватать.

Вы только вернитесь обратно в свою страну и поделитесь, расскажите все, что вы чувствуете. Я вам столько всего наговорил, что если вы начнете помогать людям в понимании самих себя — понимают они себя или нет, это неважно — пытаюсь заставить их понять, вы сами начнете понимать! Лучший способ научиться чему-то — это учить этому.

Человек приближается ко мне не оттого, что подходит ближе ко мне, а оттого, что входит в самого себя. И чем больше вы входите, тем вернее вы ко мне приближаетесь — где бы вы ни были. Время и пространство не имеют значения. Всякий раз, когда вам захочется ко мне приблизиться, сначала возьмите мой портрет, посмотрите на него с минуту, а потом закройте глаза и позвольте начаться движению, позвольте произойти всему, что бы ни происходило.

Всякий раз, когда вы будете чувствовать, что вам бы хотелось быть ближе ко мне, просто сядьте молча в своей комнате, обнаженные, поднимите руки и начните общаться со мной своей энергией. И вскоре вы узнаете этот язык. Он присущ вам. Он напоминает плавание: никто на самом деле не учится плавать, и все же каждый знает, как это делается. Нужно лишь вновь открыть что-то позабытое. Плавание — это не обучение, это припоминание. Даже шестимесячные младенцы, и те могут плавать. Причем учатся этому куда быстрее взрослых, потому что они это еще не забыли. Телу от природы присуща способность плавать по воде; здесь вступает в силу естественная биоэнергетика.

Так что это энергетическое явление. Оно естественно, это забытый язык — его нужно только попытаться открыть заново. Используйте его, и вы его вновь откроете. Поэтому просто поднимите руки и позвольте энергии что-то сказать. Не вмешивайтесь, не пытайтесь даже понять, что вы говорите. Пусть энергия говорит свое слово, и вскоре вы заметите, что излили свое сердце, и вскоре вы начнете по-

нимать, что вы сказали. А на третьем шаге вы узнаете, что ответ тоже получен.

Это и есть настоящий способ общения с Мастером.

Если вы действительно любите меня, просто будьте в моем присутствии, и вопросы ваши исчезнут. Не нужно спрашивать: они получают ответ еще до того, как вы спросите. Присутствие отвечает на них гораздо глубже, гораздо полнее.

Быть здесь — значит быть в моем присутствии. Сами не зная о том, вы начинаете со-настраиваться со мною. Состояние вашего сознания меняется, уровень вашей осознанности становится другим, поэтому вопросы, которые существовали на первом уровне, не могут существовать на этом уровне. И есть все возможности для того, что, когда вы потеряете связь со мной, они снова всплывут на поверхность. Это будет означать, что вы меня забыли.

Не беспокойтесь из-за этих вопросов. А лучше постарайтесь вновь вступить со мной в контакт. Вы можете вызвать мое присутствие где угодно. И нужно только одно — исполненное молитвы любящее сердце. Вы можете вызвать меня где угодно. Вам не нужно специально приезжать сюда, чтобы почувствовать мое присутствие — я сам могу к вам прийти. Мои саньясины шаг за шагом учатся этому искусству.

Стоит только вам прикоснуться ко мне и суметь меня почувствовать, как вопросы эти тут же исчезнут, где бы вы ни были. Будучи одни и предоставленные сами себе, вы ничто иное как пучок вопросов. А быть со мной — значит становиться ответом.

Дело не в решении вопросов. Дело в преодолении их, в превосхождении их, в выходе за их пределы, нахождении иной реальности, где эти вопросы не возникают.

В этом заключается различие между религией и философией. Философия пытается решить вопросы, поэтому ни один вопрос никогда не был решен философией. Это упражнение в абсолютной тщете. Религия же пытается изменить уровень сознания, состояние ума. Есть состояние, в котором бывают вопросы, и есть состояние, в котором вопросов не существует. Религия решила все вопросы, не решив ни одного. На самом деле она решает самого вопрошающего.

Быть со мной — значит быть в соприкосновении с живой религией. Я здесь не для того, чтобы решать ваши вопросы — я здесь для того, чтобы решать вас. Если вы позволите мне, я буду уничтожать ваши вопросы — я буду уничтожать самого вопрошающего.

На все ваши вопросы будут даны ответы. Иногда я отвечаю на ваш вопрос, отвечая на вопрос кого-то другого — и вам просто нужно правильно услышать. Только будьте бдительны.

Если вопросы эти не дают вам покоя, вы можете их задать. Одна-

ко в этом нет необходимости, потому что я буду на них отвечать, даже если вы их никогда не задавали. Просто на это может потребоваться время. Вопрос может преследовать вас сегодня, а я мог ответить на него вчера или буду отвечать завтра.

Но если он преследует вас сегодня и он вызывает некоторую тревогу, напряжение — тогда просто выскажите его. Только высказав его, человек уже освобождается. А я отвечу завтра. Даже если вы меня спрашиваете, то большого значения это не имеет. Я отвечу, когда наступит срок. А куда срок не наступил, вы не сможете понять. Важен не мой ответ — важно ваше понимание.

Когда вы счастливы, вы увеличиваете долю счастья в мире. Потому что когда один человек попадает в гармонию, он создает вокруг себя тонкие вибрации. И каждый, кто затрагивается этими вибрациями, тоже начинает попадать в гармонию; это инфекция. Поэтому, если вы действительно счастливы, то это прямая противоположность чувству вины. На самом деле вы сослужили великую службу человечеству, жизни во всей ее полноте. Человеку достаточно только стать счастливым, для того чтобы стать полезным, в высшей степени благотворным, потому что затронуты будут все, оказавшиеся под его воздействием, на его территории.

Я здесь делаю именно это. Я всеми силами стремлюсь помочь вам пульсировать со мной, быть со мной в тонком поле любви — и тогда вы сможете выйти из берегов. А стоит только в вас этому случиться, как вы сможете увидеть самих себя. И вы тогда узнаете, как сонастроиться с существованием. И можете продолжать двигаться самостоятельно.

Руководство мое окажет свое воздействие, если вы сумеете им воспользоваться. В этом вся сложность, в этом весь тормоз. Я готов отдавать, и я на самом деле отдаю, независимо от того, берете вы или нет.

Физическое присутствие не обязательно. Всегда, когда вы будете чувствовать, что нуждаетесь в большем осознании, вы только вспомните меня, только представьте мой образ. Закройте глаза, ощутите мое присутствие — и произойдет тоже самое! И как только это начнет происходить без физического присутствия, вам будет очень легко отбросить даже воспоминание.

Это естественно: всякий раз, когда вы находитесь в присутствии человека, вы уже втянуты в него. Его мощная вибрация ловит вашу вибрацию и захватывает вас. Но это может быть сделано даже тогда, когда нет присутствия.

Поэтому всегда, когда вы будете чувствовать такую потребность, придите домой, молча сядьте и почувствуйте меня. И вы тотчас же

заметите излучение — потому что пространство и время не имеют значения. Если человек все еще любит Христа, помощь ему придет именно так. Если человек все еще любит Будду, помощь ему придет именно так. Будда почти всегда может быть вашим современником, если вы наполнены любовью.

И вовсе не нужно волноваться, что вы-де должны что-то делать — волноваться здесь не о чем. Наслаждайтесь в полную меру — и вы постепенно сможете увидеть, что присутствие доступно везде. Оно здесь, в тиши деревьев, в молчании звезд.

Этот мир полон Богом — он до того переполнен Богом, что другого пространства просто не остается. Вам только и нужно что стать чуть бдительнее — ведь Бог изливается отовсюду. Поэтому не волнуйтесь насчет длительности своего наслаждения. Продолжайте — оно же ваше. Наслаждайтесь, наслаждайтесь — и наступит тот день, когда вы вдруг обнаружите, что другие стали наслаждаться в вашем присутствии.

Оставить меня трудно, вы оставляете только вовне, а это совсем не оставление. Теперь, когда уже случилось это соприкосновение, я могу быть с вами где угодно. Вы можете позвать меня отовсюду, и вы меня найдете. Поэтому в своем глубочайшем ядре вы не упустите меня. Физически вы, конечно, не будете со мной, и все-таки это не важно. Самое главное — это быть со мной в сердце.

Здесь есть много людей, которые физически находятся рядом, и, несмотря на это, они упускают и даже не осознают этого. Ведь если меня нет в их сердце, тогда они просто обманывают себя, что якобы они со мной, а я с ними.

От того, что вы здесь находитесь физически, толку не много. Ценность физического присутствия весьма и весьма не велика. В лучшем случае это повод позволить случиться другому контакту. И стоит только случиться тому контакту, как вы уже можете быть где угодно, хоть улететь на другую планету — это не будет уже иметь никакого значения, это не создаст никакого расстояния между нами. Есть такая близость, в которой не существует пространства, не существует времени — это настоящая близость, это интимность. И любящий Мастера ученик достигает той полноты.

Вы вернетесь очень и очень счастливыми, потому что будете знать, что теперь уж вам меня не потерять, теперь уж потерять меня невозможно. Даже уходя в беспроглядную даль, вы подходите все ближе и ближе.

Постепенно вы уже любите не какого-то человека, а просто любите. Любовь может быть сосредоточена на человеке, но постепенно она становится похожей на качество, чем на отношение. Только так и должно быть. Когда вы

любите человека, то это всего-навсего изучение азов, учеба в школе, одна из дисциплин. Вы любите человека для того, чтобы научиться любви. Но постепенно любовь распространяется вширь и вглубь. Человек этот остается важным, потому что он стал дверью, через которую вы начали двигаться и в том, и в этом направлении. Этому предстоит случиться — и волноваться здесь не о чем.

Любовь становится более важной, чем сам любящий, чем тот, кого он любит. Постепенно она становится похожей на ваше качество. Оно окружает вас каждое мгновение вашей жизни. Если вы играете с собакой, вы в это мгновение любите собаку. Если вы обнимаете дерево, вы полны любви. Если вы любите — что вы можете поделаться со всей любовью? Если вы обнимаете дерево, вы любите дерево.

Поэтому сначала один человек любит другого человека, а потом любовь начинает постепенно распространяться. Сначала вы любите одного человека, потом вы любите других людей. Сначала вы любите другого человека, затем постепенно вы начинаете любить другие существа: собаку, дерево, камень. И, наконец, наступает мгновение, предельное мгновение любви, когда вы просто любите. Даже если вы сидите в пустом пространстве, вы обнимаете пустое пространство — здесь нет даже дерева, которое можно обнять. Вы просто обнимаете — здесь никого нет. Вы понимаете меня? Просто обнимаете... потому что объятие — это теперь не действие. Но атмосфера, которая вас окружает. Вы обнимаете пустоту... вы любите и целуете пустоту.

Именно здесь любовь становится молитвой. Тогда бывает нужно новое название, потому что старое название только создает сложности. Любовь становится молитвой.

Это очень напоминает раскрытие цветка, начинающего источать аромат. Цветок по-прежнему прикреплен к дереву — но только не аромат. Аромат подобен облаку, устремляющемуся с ветром во всех направлениях. Цветок может умереть, но аромат будет распространяться все дальше и дальше, до самого конца существования.

Человек, достигший любви, может умереть, но любовь его продолжается. Будда умер, а любовь его продолжается. Я умру, а любовь моя будет продолжаться. И те, кто сочувствуют, те, кто чувствительны, смогут получить ее всегда и повсюду.

Не беспокойтесь о будущем — о нем и так все заботятся. У меня тысячи учеников во всем мире, и я над ними работаю. Они неотрывно связаны со мной; пространство не имеет значения. Как только сердца соединяются, ничто уже не имеет значения; пространство, время, даже жизнь, смерть — ничто не имеет значения. Как только два сердца соединяются, тогда, даже если я оставлю свое тело или вы оставите свое, это не будет иметь большого значения. Иногда все становится проще без тела, потому что тело — это всегда препятствие. Иногда, находясь в отдалении, вы чувствуете большую бли-

зость ко мне, потому что сердце сильно жаждет, много думает, много помнит. А когда вы находитесь здесь поблизости, вы начинаете считать меня чем-то само собой разумеющимся.

Где бы вы ни были, я буду доступен. Одно только имеет значение: вы сами должны быть мне доступны.

Когда вы загружены мыслями, вы от меня очень далеко. Расстояние к этому пространству не имеет никакого отношения; расстояние имеет какое-то отношение к самым разным уровням мысли. Вы можете быть отсюда за десять тысяч верст, но если между мною и вами нет ни одной мысли, то вы находитесь прямо предо мною. Вы можете находиться здесь, но если между мною и вами горы мыслей, то вы очень далеко.

Когда вы бодрствуете и рой мыслей бороздит вам голову, и умственному шуму и привычному внутреннему движению нет конца, установить контакт бывает трудно. Но когда вы погружаетесь в сон и мысли исчезают, постепенно воцаряется молчание и вы расслабляетесь, готовые предаться отдыху, тогда возникает больше возможностей.

Если вы, погружаясь в сон, продолжаете помнить меня, существует определенный момент, когда происходит смена механизма, когда вы уже не бодрствуете и еще не заснули. И если в это мгновение смены механизма остается воспоминание, тогда эта мысль будет пульсировать в вас всю ночь напролет. Она будет осаждать вас, она будет жить в вас.

Ваши сновидения будут пронизаны ей, а если у вас не будет сновидений, то сам ваш сон будет ею пронизан.

Последняя мысль вечером всегда бывает первой утром — всегда. Она толкается здесь, она остается здесь на всю ночь. Вы можете ее наблюдать; и вы можете обратить внимание на ту мысль, которая была у вас вечером последней, и потом рано утром вспомнить ее. И вы увидите, что первое, что пришло вам в голову, и есть та самая мысль — та, в присутствии которой вы сказали уму «до свидания». Она неотступно находилась здесь, она вас ждет. Вы заснули, а гость ждал, когда вернется хозяин.

Поэтому, когда вы будете засыпать, вспоминайте, оживляйте меня, и от этого будет много пользы.

Когда ты ощущаешь подъем сексуальности, то лучше не вступать в другие отношения... потому что это не поможет. Если эти отношения не помогли, то как могут помочь другие? Ты можешь вступать в тысячу и одно отношение, но ты будешь только все больше и больше запутываться и раскалываться на куски. Ты будешь раскалываться на мелкие куски, но это не поможет.

Вместо этого, когда будешь ощущать сексуальность, закрой глаза

и медитируй над ней: откуда она приходит, почему она приходит, как она приходит? Увидь, что отношения с женщиной, с которой ты живешь, в чем-то не очень глубоки и не вполне удовлетворяющие.

Так сделай их более удовлетворяющими, более глубокими. Сделай их более открытыми и уязвимыми. Это очень напоминает тот случай, когда ты что-то ешь и чувствуешь удовольствие. А потом тебе приносят еще, но ты говоришь: «Спасибо, я уже сыт». Если ты удовлетворен одной женщиной, мимо проходит другая, ты говоришь: «Красивая, но я уже сыт. Я полностью удовлетворен».

Здесь какая-то неудовлетворенность — и над ней нужно работать. От вступления в другие отношения толку не будет никакого, так как вместе с тобой в отношения вступит тот же самый ум, и неудовлетворенность будет продолжаться. Неудовлетворенность находится внутри тебя. Она находится где-то в ваших отношениях. Ваши отношения не полны.

Поэтому сделай их полными... сделай их более медитативными. Не прячься. Объясни своей любимой в чем дело, и тогда она поможет тебе, и вы сможете вступить в более глубокие отношения; вы сможете все предельно углубить. Вместо того чтобы бегать за каждой юбкой — если ты будешь это делать, ты уподобишься плывущему по воде бревну — работай над источником этой проблемы. А он где-то глубоко в тебе.

Он может породить много проблем. Он может породить проблемы, связанные с телом, физиологией. Ты будешь чувствовать себя выдохшимся, измотанным. И, разумеется, ты почувствуешь, что далек от меня, потому что близость ко мне зависит от состояния твоего ума. Если ты течешь открытый, счастливый, ты будешь чувствовать близость. А если ты закрытый, несчастлив, пребываешь в раздоре и страданиях, ты будешь чувствовать себя очень далеко.

Расстояние между тобой и мной будет зависеть от внутреннего качества твоего ума.

Бытие здесь и сейчас не имеет ничего общего с тем, чтобы находиться здесь и сейчас физически. Вы можете быть здесь и сейчас, где угодно — это ваше внутреннее состояние. Вы можете быть здесь где угодно, и вы можете быть сейчас когда угодно. Всегда, когда вы будете в здесь и сейчас, вы будете близки ко мне; тысячи верст, пролегающих между нами, равным счетом ничего не значат.

Всегда, когда я вам буду нужен, будьте просто здесь и сейчас, и вы ко мне внезапно приблизитесь. Наступает мгновение, когда прошлое и будущее начисто исчезают. И тогда вы во мне, а я в вас. Этому нужно научиться, и тогда вы будете блаженны, где бы вы ни были, и кем бы вы ни были.

Моя работа здесь заключается в исправлении сердца. Стоит только сердцу открыться, как жизнь ваша становится праздником.

Есть одна история...

Однажды кто-то спросил Диогена, которому стукнуло уже сто лет, отчего он всегда счастлив и в чем здесь секрет. А он ответил: «Каждое утро, когда я просыпаюсь, у меня бывает две возможности: быть счастливым и не быть счастливым. И я всегда выбираю быть счастливым!»

Общая цель, одна душа

Дом там, где ваши корни, дом там, где вы можете быть дома. Дом там, где вы можете расслабиться и вас примут такими, какие вы есть... где никто не пытается вас изменить, никто ничего от вас не ждет и все готовы любить вас такими, какие вы есть. Где в любви нет никакого расчета, а любят просто так, ради самой любви.

Дом ничего общего не имеет с родителями, дом ничего общего не имеет с определенным зданием, местом рождения — ничего общего. Дом — это великий психологический опыт, опыт принадлежности. Дом означает, что вы не одни. Он означает, что вас кто-то понимает и, что бы вы ни делали, не осудит вас. Это ваш дом.

Вы никогда не будете чувствовать себя дома до тех пор, пока не станете саньясинами. Это ваша проблема, а не моя. Среди такого множества саньясинов вы всегда будете чувствовать себя посторонними. Что-то не будет давать вам покоя. А если вы станете частью, то это будет просто великолепно, и все пойдет легче. Вы станете более семейными. Вы будете принадлежать не только мне — вы будете принадлежать и моей семье. Вы будете получать не только мою любовь — вы будете получать и любовь моих саньясинов. Я могу любить вас и без вашей саньясы, но саньясины мои не смогут вас полюбить, поэтому вы упустите много любви. Вы будете с ними двадцать четыре часа в сутки, но всегда в некотором отдалении, на некотором расстоянии, причем расстояние это не будет нужным, в нем не будет никакой необходимости.

Когда вы с моими саньясинами, нет причин бояться каких-то жестко установленных порядков, какой-то дисциплины. Здесь нет никакой дисциплины.

Если вы меня любите, значит вы хотите моей любви, и вам придется слушать, что я говорю. И постараться это впитать. До тех пор, пока вы не постараетесь понять и мою точку зрения, в любви этой не будет никакого смысла. Любви как таковой будет недостаточно. Передача понимания также будет необходима, необходима как воздух.

Так что любовь есть — насчет этого не волнуйтесь. На самом деле я дарю вам саньясу только потому, что люблю вас. Любовь — это а priori. Она предшествует саньясе, а не следует за ней. И дело обстоит не так, что вы становитесь саньясинами, и только потом я вас начинаю любить. На самом деле я уже люблю вас — поэтому вы и становитесь саньясинами. Останетесь вы саньясинами или нет — дело не в этом, а в том, что из-за своей любви вы совершаете со мной прыжок.

Я не обещаю вам никакого неба или рая или чего-нибудь еще в этом духе. Я просто обещаю вам захватывающее путешествие в никуда.

Я не говорю: вы достигните. Я просто говорю, что нет такого места, которого нужно достигать. И все же, где бы вы ни были, вы будете двигаться. Я обещаю вам движение, я обещаю вам динамизм. И где бы вы ни были, в какой бы ситуации вы ни оказались, я готовлю вас к тому, чтобы быть там счастливыми, чтобы праздновать там.

Вы можете учиться двумя способами. При первом вы остаетесь прежними, и когда вы что-то учитесь, это «что-то» становится вашим дополнительным богатством, оно наполняет и питает эго. Вы остаетесь прежними, и увеличиваются лишь ваши владения: вы обладаете большими знаниями.

И есть другой тип обучения — когда в процессе обучения вы растворяетесь. И вместо того, чтобы становиться больше, вы стано-

витель меньше. А если вы уже обучились, тогда вас нет, а есть одно лишь обучение.

Настоящий ищущий не вырастает из накопленных знаний.

Вот почему я настаиваю на саньясе: как только кто-то принял саньясу, он тем самым сделал недвусмысленный жест утверждения, сдачи, согласия, принятия. Сделав жест принятия саньясы, он стал другим. Тот же самый человек будет теперь все видеть в новой перспективе. Он будет меньше отвергать, больше сотрудничать и чувствовать больше ответственности.

И тогда возникает семья. Если эти двадцать или тридцать человек (указывает на сидящую перед ним группу) приходят по отдельности, это говорит о том, что они преследуют свои собственные цели, и группа эта очень напоминает толпу, ожидающую прибытия самолета. Тридцать людей сидят друг подле друга, однако между ними нет никакой взаимосвязи. Но когда каждый из них саньясин, то это уже не толпа, а группа. Вот в чем разница. Группа — это когда каждый так или иначе связан с остальными: все вы находитесь в одной и той же лодке, плывущей по реке. Вы не преследуете своей собственной цели, а другие не преследуют своей — вы все стремитесь к общей цели. Это не соревнование, а сотрудничество.

Разница здесь громадна: чувство принадлежности к одной цели. Вы в чем-то схожи. И сходство это создает семью, общность. А общность или семья живет иначе, нежели толпа. Энергия приумножается, и перемена в каждом человеке затрагивает всех. Если меняется один человек в толпе, тогда меняется только он, потому что каждый представляет собой отдельный остров, ни с кем не соединенный.

В семье же (а саньяса — это семья) вы меняетесь, вы поднимаетесь выше. И вы связаны с другими, потому других это тоже тянет вверх. Это неизвестная сила. Постепенно вы начинаете чувствовать, что с изменением одного растут многие; каждый обретает большую уверенность и оказывает меньшее сопротивление. Любое озарение, пришедшее к одному, становится достоянием всех. Процесс этот очень бессознательный, но постепенно вы начнете его осознавать.

Я обращался к самым разным скоплениям людей — к толпам, где каждый слушает меня, но где между слушающими нет никакой взаимосвязи. Поэтому я обращался к одному человеку. Там может сидеть десять тысяч людей, и, несмотря на это, создается такое ощущение, что я обращаюсь к одному человеку, потому что все разрознены и никак не связаны. Это навело меня на мысль о том, что так быть не должно.

И тогда я стал строить семью. И теперь, когда я обращаюсь к вам, я обращаюсь не к одному человеку — я обращаюсь к семье. И вижу — это же так заметно — что когда чувствует подъем один, вся группа вдруг начинает чувствовать вибрации. Один начинает улы-

баться — и улыбка вдруг распространяется, ее волна достигает каждого. И я вижу, что если здесь сидит кто-то, кто не стал саньясином, он становится преградой — поток на нем замирает. Он не часть целого.

Так что разница здесь колоссальна. Человек лишь постепенно начинает осознавать, и все благодаря саньясе.

Весь смысл пребывания со мной заключается в том, что каждый должен отбросить хитрость, лукавство. Здесь это не пригодится. Здесь вы можете быть абсолютно подлинными и новыми. Вот почему мы пытаемся создать этот маленький мир, не похожий на прочие. За пределами этого мира подлинным быть невозможно, потому что люди живут в неискренности. Неискренен каждый, если ты искренен, ты пропадешь, тебя тысячу раз проведут и обманут, и ты останешься несчастным.

А здесь мы стараемся постепенно создать подлинный мир, где люди могут быть честными и никто никого не обидит, где люди могут быть честными, и никто не будет их эксплуатировать.

Вы забыли сам язык гармонии. Благодаря одному лишь пребыванию с теми, кто знает об этом мире, кто в этом мире живет, энергия ваша начнет снова подниматься, начнет течь в новых направлениях. Она почти как инфекция.

Если смеется много людей... ты мог быть грустным, но смех их затронет тебя, и ты сам начнешь смеяться. Вот для чего нужны эти люди в оранжевом. Они сошли с ума, они сдались. Они живут просто как ненормальные. Ты только взгляни на них, почувствуй их, их путь, их музыку, и ты почувствуешь также, что хорошо было бы с ними немного побыть. И, кто знает, быть может, это «немного» станет всей твоей жизнью. Быть может, ты никогда уже отсюда не уйдешь. Это может быть не просто несколько миль — это может стать самой твоей судьбой.

Стоит только вам пожить со мной, как вы уже нигде не сможете жить. Рано или поздно каждому саньясину предстоит прийти ко мне и остаться здесь навсегда. Вкус мира уже не будет столь восхитителен. Вы будете чувствовать себя чужими, и у вас станет возникать такое чувство, что вас не понимают.

Мы создаем здесь совершенно иную атмосферу понимания, признания, почитания, уважения к индивидуальности. Мы создаем иной мир, основанный на любви, в любви, для любви.

Обычный мир противостоит любви. Он не дает свободы индивиду, в нем отсутствует всякое уважение к индивидуальности и ее образу жизни. Он силой навязывает человеку свой собственный образ жизни, свою собственную структуру. Он принимает человека только в том случае, если он готов поддаться его напору, он принимает чело-

века, только если он раб, или человек уже не человек.

Поэтому вернуться обратно в вашу страну будет трудно. Это будет тяжело, но это также станет богатым опытом. Вы сможете увидеть, что здесь с вами произошло, и это проявится с особой яркостью и очевидностью в контрасте. Так что вернуться однажды назад будет неплохо — тогда человек почувствует, что он покончил с внешним миром. И тогда он сможет прийти и стать частью моего сердца.

Никого в ашраме ни в коей мере не волнует, что ты делаешь и какое ты производишь впечатление. Здесь все до того сумасшедшее, что никто даже не обратит внимания. Ты можешь полностью расслабиться.

В этом вся суть: создать общность людей, схожих по духу. Именно это я и создаю: маленький мир похожих людей. Поэтому они и смогут тебя принять, ага? Они дают тебе свободу быть собой. Если ты не можешь расслабиться здесь, с моими саньясинами, то где еще ты сможешь расслабиться? Тогда этот мир тебе не по плечу!

Здесь тебя принимает каждый. Даже если ты делаешь какую-то чушь, они будут только рады — они никак неотреагируют. На самом деле они примут в этом участие, потому что они тоже ждали... они опасались твоей реакции. А теперь они скажут: «Этот человек тоже сумасшедший». И опасения теперь уже не будут.

Никто не реагирует, никто не осуждает. Никто даже не задумывается о том, хорошо ты делаешь или плохо. Что спонтанно, то спонтанно. Что есть, то есть. Если ты плачешь, значит ты плачешь. Зачем им реагировать? Ты же им ничего не делаешь — ты просто плачешь. Это твоя свобода! Это твое право плакать, которое дано тебе от рождения.

Обуславливание коренится в уме. Человеку с самого начала втолковывали: «Не делай это — делай то! Что подумают другие? Думай всегда о других. Никогда не думай о том, что реально, что естественно, что подлинно. Но всегда бери в расчет, что подумают другие» — а другие берут в расчет, что подумаешь ты. Ты только взгляни на этот абсурд... Они боятся тебя, а ты боишься их!

Но если ты освободишься от страха перед ними, они освободятся от страха перед тобой, и тогда придет свобода — только в свободе растет любовь. Только в свободе растет счастье. Только в свободе возможны отношения.

Найди такого человека, найди такую общность, где тебе дается не любовь, а пути и способы любви, чтобы у тебя появилась возможность расти в любовь самостоятельно... где тебе не дается утешений. Здесь все очень просто: я могу проявлять по отношению к вам любовь, я могу вас утешать, но толь-

ко это не поможет. Единственное, что может помочь — это что-то способствующее вашему росту.

Пребывание в растущей общности всегда необычайно, потому что всегда случается что-то новое. Там никогда не позволяют на чем-то остановиться, потому что остановиться — значит застрять. Я никогда не позволяю своим людям останавливаться. Им бы хотелось где-нибудь остановиться, хотелось бы почувствовать: вот теперь работа закончена — но я никогда этого не допускаю. Я продолжаю их побуждать. Чем больше вы проявляете потенциала, тем через большие испытания вам предстоит пройти.

Поэтому продолжается странное, непрекращающееся изменение. А мы к нему не привыкли. Мы создали насквозь фальшивый мир неизменности. Он удобен, он комфортен, он уютен. Мы исключили из нашего мира все неизвестное и таинственное. Мы обустроили в этом мире маленький уголок, четко вычерченный, выверенный по категориям, проанализированный, известный, хорошо освещенный, и мы весьма удачно вписались в этот маленький уголок. А между тем все мои усилия здесь направлены на то, чтобы выдворить вас из этого комфорта, этого удобства, этой безопасности и выбросить вас в тьму беззащитности, неизвестного. Это странно, но именно так, шаг за шагом, человек учится жить в опасности. А удовольствие от жизни в опасности громадно. Жизнь в удобстве — ничто иное, как медленное самоубийство. Настоящая жизнь состоит из опасности, из непрерывного вызова и приключения. И превращения в духовного бродягу, странника никак не избежать.

Жизнь здесь может и не быть столь уж безопасной, может и не быть столь удобной, и все-таки жизнь здесь будет ростом, в то время как (на Западе) вы будете только умирать. Там вы будете находиться в каком-то мертвом застое. Будете жить прошлым, но у вас никогда не будет никакого будущего. Вы будете жить в комфортной могиле — люди так и живут.

А здесь вся моя работа направлена на то, чтобы вытащить вас из вашей комфортной могилы. Выходить из могилы рискованно. Выход из могилы спустя долгое время — на солнце, на ветер, на дождь — кажется небезопасным. А между тем жизнь растет именно так.

Вы можете посадить растение в комнатный горшок. Оно может выжить, но оно утратит глянec, оно утратит радость, оно утратит жизнь. Оно может выжить, спокойно может выжить: здесь тебе ни ветра, ни опасности, ни дождя, ни палящего солнца, ни опустошающего пожара, ни страха быть уничтоженным животными или человеком. Растение может находиться здесь, в благоустроенной современной гостинице, оно может выжить, но оно выживает на минимуме.

А вот вернувшись обратно в сад, в окружение всевозможных

опасностей, оно не только выживет, но будет праздновать. Тогда оно получит удовольствие, что случается, когда вы принимаете вызов, и рост, что происходит, когда вы вступаете в борьбу и все это преодолеваете.

Жизнь должна быть приключением, а саньяса — ничто иное, как приключение во внутреннем мире. Мне известна ваша жажда, я доверяю вашей жажде и буду ждать подходящего мгновения, когда вы всем сердцем своим сможете сказать, что это единственное место, где вам бы хотелось быть, быть любой ценой. И тогда оно будет вашим домом!

Не носите с мыслью, что вы непременно должны что-то делать, что вы-де такие-сякие, что вы-де бессознательны. Какими бы вы ни были, я принимаю вас такими, какие вы есть и не требую от вас никаких изменений.

Пока вы здесь со мной, если вы можете во мне отдохнуть, если вы можете во мне расслабиться, все будет происходить само собой. А самим вам ничего не нужно делать. Вы можете сделать только одно: позволить это делать мне, и тогда все начнет происходить. Когда же вы начинаете все делать сами, вы не позволяете делать этого мне, и тогда вы берете ответственность на свою голову. И, конечно же, это порождает путаницу.

Становясь саньясинами, вы отбрасываете всякую ответственность. И это главное, что можно почерпнуть из пребывания рядом со мной. Моего присутствия будет достаточно — вы просто расслабляетесь в моем присутствии.

Если вы можете расслабиться... Я хочу, чтобы эта общность была одной из самых расслабленных в мире, где люди на самом деле не стремятся ни к какому росту, ни к какому совершенству — духовному ли, материальному ли — а просто находятся здесь, наслаждаясь. Люди наслаждаются, подобно деревьям, подобно звездам. Будьте же абсолютно обычными.

Все эти представления об осознанности, и то и се также являются путешествием эго. Но довольно этих путешествий эго. Мне бы хотелось, что бы эта общность была самой обычной, простой, естественной и гедонистичной. Пусть это будет сад Эпикура... и тогда все начнет происходить само собою.

Когда вы действуете необособленно, все происходит. Когда вы обособляетесь, ничего не происходит.

Чем больше вы пытаетесь сделать, тем меньше это станет возможно.

Не разделяйте действия на глупые и неглупые. Не говорите, что вы делаете что-то глупое. Если бы я думал так же, я бы с вами не разговаривал. Это же абсолютная глупость — с какой стати я должен

с вами разговаривать? Но я не разделяю вещи на глупые и мудрые.

Я наслаждаюсь всем, что приходит.

Так что, если вы и в самом деле хотите быть вовлеченными, вам придется отбросить эти категории... мысль о том, что это глупая работа. Но если ваш ум наполнен такими категориями, вам придется трудно. Вы не сможете вовлечься, потому что все будет казаться глупостью. Но, скажите на милость, что тогда не будет глупостью? Подготовка, уборка, печатание — все глупость. Так что отбросьте это, иначе вы впадете в уныние.

Все действия прекрасны, если делаются из любви. Все, что вы здесь делаете, вы делаете из любви ко мне. Деятельность эта — вовсе не деятельность — и все потому, что я хочу, чтобы вы делали то, что делаете. Это — символ... символ вашей сдачи.

Когда вы признаете в ком-то своего Мастера, вы прекращаете его судить. Много раз он может играть с вами в игры, чтобы увидеть судите ли вы его еще или уже прекратили судить. Ученик никогда не судит своего Мастера. Это часть игры в ученичество. Чтобы Мастер ни велел, ученик обязан это делать — и в самом этом делании растет сдача.

Если вы называете чью-то деятельность глупой, вы тем самым создаете трудности для самих себя. Трудность создается не деятельностью, а тем, что вы окрестили ее глупой. Как вы можете наслаждаться деятельностью, если вы назвали ее глупой? Вы подвели ее под категорию, вы уже сказали ей «нет». Разумеется, это относится к любовью деятельности.

Вам приходится делать эту работу, потому что вы меня любите — а любовь не глупа. Вам приходится это делать, потому что вы мне сдались — а сдача не глупа. Глупые люди не могут даже понять, что такое сдача и что такое любовь.

Отбросьте же эти представления и позвольте каждой работе быть служением, позвольте каждой работе быть вашей медитацией. Ум может много раз создавать вам трудности, но не слушайте ум. Здесь вы должны слушать меня, а не ум. Если же вы неотрывно слушаете ваш ум, вы не будете расти, потому что ваш ум — это ваше прошлое; вы остаетесь прежними. А если вы слушаете только тогда, когда ваш ум соглашается со мной, то вы меня опять-таки не слушаете. Это простое совпадение, что я говорю что-то согласующееся с вашим умом, но вы все-таки слушаете свой ум.

Когда же встречается что-то решительно не согласующееся с вашим умом, противоречащее вашему прошлому, всему вашему опыту, и, несмотря на это, вы решаете меня слушать, тогда вы на пороге революции. Она приведет вас в страну не-ума.

А иначе вы останетесь в уме, и ум ваш будет вашей проблемой. Ваш ум — это ваша болезнь. Ваш ум — это препятствие. И, тем не

менее, вы продолжаете слушать эту болезнь.

Достаточно. Если вы хотите подойти ко мне по-настоящему близко, вы должны прекратить слушать свой ум. Вы и так уже достаточно долго слушали его. И что он для вас сделал? Каковы его заслуги? Тревога, мучения, уныние, тоска — вот и все его заслуги.

Я пытаюсь пробить брешь между вашим прошлым и вашим будущим, отъединить ваше прошлое от вашего будущего, так, чтобы прошлое стало вам просто безразличным и началось что-то совершенно новое и свежее. Это трудно, это требует беззаветной любви, это требует доверия. И всегда помните, что доверие — это не что-то логичное.

Пребывание здесь со мной — это доверие. Я веду вас к неизвестному. Вы ничего о нем не знаете. Вы не знаете, где оно. И я могу сделать так, чтобы вы поняли, куда я вас веду, потому что способа объяснить это не существует. Сама природа его необъяснима. Поэтому вам ничего не остается, как любить меня, доверять мне и следовать за мной в неизвестное, в незнакомое. Вы не можете вычислить заранее, чем это окажется. И вам остается только идти и переживать это на собственном опыте.

Ашрам — это всего лишь средство, и больше ничего.

И я не очень-то заинтересован в создании монастыря или ашрама. Он всего лишь средство, в результате которого люди могут быть здесь со мной и учиться любить и сдаваться... преобразовывать малое в большое, превращать мытье полов в молитву, приготовление пищи — в служение, печатание, издательство, охрану или уход за садом — в опыт святости.

Никогда не называйте что-либо глупостью. Выбейте из под ума саму эту почву. И тогда вы вдруг почувствуете, что все происходит. Вы больше наполняетесь энергией, свечением, потому что они следуют за любовью и доверием, словно тень за человеком.

Уборка — это лучшее, что можно сделать! Все, что я делаю — это уборка. Я продолжаю убирать всевозможный мусор.

Ученица говорит, что она не чувствует положительного отношения к своей работе машинисткой.

Проблема исчезнет, когда ты почувствуешь, что сдалась мне — тогда, если я скажу что-то сделать, ты будешь это делать. Не нужно находить правильное отношение, потому что это не поможет. У тебя может быть положительное отношение, но не пройдет и недели, как от него ничего не останется — потому что ты не можешь все

время оставаться с одним отношением.

Только не-ум может оставаться с одним отношением, и это, по сути своей, не-отношение — вот почему он остается в одном состоянии. Отношения неизбежно меняются. Поэтому, если ты попытаешься сделать свое отношение к этому более положительным, то, изрядно над этим потрудившись, ты сможешь этого добиться — страдая и насилуя саму себя — но, несмотря на это, ты соскользнешь обратно.

Просто возьми и сдайся мне. Как только я увижу, что ты счастливая машинистка, я это так не оставляю. Я дам тебе что-нибудь потруднее, так что не волнуйся, ага?

Все пойдет тебе на пользу так или иначе. Если ты действительно заинтересована в изменении себя, тогда не цепляйся за себя — иначе как ты будешь меняться? Если ум твой наполняется, тогда он будет все больше и больше укрепляться. Если ум твой твердит, что печатание тебе не нравится, что ты предпочла бы что-нибудь другое, то, когда ты будешь делать это «другое», твой ум будет укрепляться.

Все происходит так, как раз потому, что тебе не нравится мое упорствование на том, чтобы ты продолжала это делать — так происходит именно из-за этого. Так происходит, потому что у тебя может возникнуть чувство, что ты не ум и не работа ума, что не дело ума диктовать, что ты можешь его обойти и действовать по-своему. А это великая наука и великая дисциплина.

Так что не нужно создавать никакого положительного отношения к своей работе. Просто возьми и отбрось все отношения и действуй как средство, как проход — только и всего. И ты увидишь, что все будет меняться.

Саньясин: если я попытаюсь сделать что-то другое и новое, то это будет моим эго или моим течением? И если я попытаюсь позволить всему случаться, то будет ли это принятием всего или обычной несостоятельностью?

Первое, во что ты, судя по всему, еще не вник: ты все еще работаешь сам по себе. Позволь же работать мне!

Вся проблема сводится к этому. Если ты работаешь сам по себе, ты попадешь в большие неприятности. Прежде всего ты устанешь, потому что, если ты работаешь сам по себе, как ты сможешь избежать того обстоятельства, что все это — одно и то же? Человек пресыщается — это естественно — ему становится скучно. А когда происходит что-то новое, он воодушевляется, однако снова и снова де-

лая одно и то же, утомляется. И тогда ты теряешь к этому чувствительность, тебе приходится делать это механически, все это, конечно, кажется тебе проституцией.

И с этой проблемой приходится сталкиваться каждому.

Но те, которые перестали работать сами по себе, избавлены от столкновения с этим; они не носят с собой психологической памяти об этом. На самом деле, вместо того, чтобы делать эту работу самим, они просто позволяют делать ее мне. И это изменит все. Ты не обременен: если приходит успех, ты не преуспеваешь, если следует падение, ты не падаешь; если все идет хорошо — хорошо, а если нет ничего хорошего, это тоже хорошо.

Тогда, просто отсутствуя, ты не накапливаешь психологической памяти и не воспринимаешь работу каждый раз как повторение, потому что ты не копишь ее как свою собственность.

Стоит только этому случится, как творчество твое будет высвобождено.

Это очень нетворческое. Обычно люди думают, что, до тех пор пока ты не станешь эгоистом, ты не сможешь быть творческим. Но это непонимание. Эго не является творческим — в лучшем случае оно может быть конструктивным, но только не творческим. В лучшем случае оно может произвести какое-то новшество, но это не открытие. Все открытия делаются в состоянии, в котором нет эго.

Новшество — это одно; оно очень напоминает заново отремонтированную комнату: комната та же самая, мебель та же самая, картины те же самые, краски те же самые. Мы просто еще раз ее побелим, изменим цвет, переставим вещи. Все это конструктивно, но не является творческим: это всего лишь по-новому расположенное, переставленное старое.

А творчество — это что-то совершенно новое, разрыв с твоим прошлым.

Это неразрывно связано с прошлым, поэтому оно никогда не может быть творческим. Эго должно уступить дорогу. Когда я говорю «позвольте мне поработать», то это не более чем прием — дело не в том, что я собираюсь работать сам... я не такой дурак! (Смех). Если я разгружаю вас, не думайте, что я стану нагружать себя! (Хихиканье). Не тут-то было.

Это всего лишь прием: вы любите меня, и вам легко будет ради меня отбросить эго. И уже в процессе самого этого отбрасывания в действие вступает что-то большее, чем вы. Эго тогда уже не преграждает больше путь, и вы просто становитесь доступны для работы. И будет много творчества, начнет случаться много нового, много новых переживаний, о которых вы раньше и не подозревали, вдруг заявят о себе, возникнет много спонтанного — и тогда вас охватит трепет, воодушевление, экстаз, и вы снова будете течь.

Так что прежде всего необходимо отбросить мысль о том, что вы работаете.

И второе: есть очень тонкое различие между принятием и несостоятельностью.

Многие начинают думать, что их несостоятельность это и есть принятие, но это не так. Они хитрят и обманывают сами себя.

Принятие увеличивает ваши способности, принятие помогает расти. Принятие делает вас более интеллигентными.

Оно не оупляет вас. С принятием вы не застреваете на месте. Принятие не означает, что вы приняли свою неудачу. Принятие не означает, что вы приняли свои ограничения, что вам все равно, что вам наплевать, что все хорошо. Принятие не означает, что все хорошо.

Итак, здесь налицо две разные вещи: что-то происходит и вы можете принять это из-за собственной несостоятельности, потому что знаете, что сделать с этим все равно ничего не сможете. Вы почувствовали предел, вы выбились из сил и знаете об этом. Но вместо того, чтобы признать, что вы выбились из сил, лучше сказать, что вы живете в принятии. Поэтому, что бы там ни происходило, все хорошо. Это маскировка, умствование. Если так будет повторяться еще и еще раз, вы утратите всю способность к творчеству, утратите то счастливое напряжение, что порождает творчество.

Это нужно понять: эти так называемые медитирующие — скажем, медитирующие ТМ — воображают, что в результате их медитации люди станут творческими. Но это суцая чепуха, потому что из-за медитации подобного рода, Восток пережил колоссальную утрату творчества. Она устраняет напряжение, но она точно так же устраняет бросок в будущее. Она в какой-то мере расслабляет вас, но вам уже становится все равно. Поэтому никто из тех, кто этим занимался, не был творческим. Все великие творцы вызывали в людях напряжение почти что на грани сумасшествия.

В то время как я делаю все для того, чтобы дать медитации совершенно новую перспективу — так чтобы, с одной стороны, она бы вас расслабила, и все же не устранила бы вызов, не устранила бы это счастливое напряжение. Вы остаетесь способными и на то, и на другое: на самом деле ваша способность расслабляться только усилит вашу способность к напряжению, если возникнет на то необходимость. Вот как должно быть. Только тогда человек может быть творческим. А иначе он не будет творческим, а просто опустится, впадет в ту-пость, летаргию.

Величайшая проблема, связанная с медитацией — а нам на Востоке в прошлом уже довелось сталкиваться с ней и наблюдать ее — в том, что в девяносто девять людей из ста она так и не привела к творчеству. Восток жил очень не творческой жизнью. Да, в каком-то

смысле жизнью, лишенной напряжения: люди принимают рабство, люди принимают бедность, люди принимают смерть — они говорят, что все это хорошо. Каким бы ни было уродство, оно принимается, и люди до сих пор живут на самой низкой ступени жизни. Это один из побочных эффектов так называемой медитации.

Запад не очень-то беспокоился насчет медитации. Он стал весьма творческим, однако он и по сей день доводит людей до безумия. Люди напряжены, они не могут спать, они не могут ничем наслаждаться, они не могут расслабиться.

И то, и другое кажется теперь каким-то искажением. Нужен некий синтез, в котором человек мог бы расслабиться всегда, когда бы он ни пожелал — когда бы он ни захотел, он смог бы расслабиться и войти в глубочайший уровень отдыха — и когда бы он ни захотел, он смог бы подняться и принять величайший из всех вызовов.

Будущее человека должно быть таким. Вот почему я ставлю акцент, такой явный акцент на активных медитациях. На Востоке, по сути дела, еще не случалось ничего подобного. Такого никогда не бывало. Поэтому, если восточные святые со мной не соглашались или не могут меня понять, то не трудно увидеть почему. Ничего похожего на активную медитацию — динамическую или хаотическую медитацию до сих пор не существовало. Медитация ассоциируется у них с человеком, тихо сидящим, как будда. А танцы, прыжки — это не медитация. Во всяком случае, для них это до сих пор не было медитацией.

А я стремлюсь соединить активность, творчество с расслаблением.

Так что вы должны взять себе на заметку: несостоятельность не должна приниматься. С ней нужно бороться, бороться в полном смысле этого слова. Вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы ее преодолеть.

И все же это не должно вызывать в вас напряжения!

Я имею в виду вот что: если вы весь день бились над какой-то проблемой, то это не должно напрячь вас до такой степени, чтобы вы не смогли заснуть ночью. Когда вы переступаете порог спальни, вы должны все это отбросить и спать так, как если бы весь день играли и не работали в поте лица.

Всякий раз, обнаружив какую-то несостоятельность, боритесь с ней, потому что это единственный путь роста. А всегда, когда вы почувствуете что на этот раз достаточно и вы устали, успокойте свои нервы, расслабьтесь, примите это.

Принятие нужно для расслабления, а вызов — для творчества.

И вы должны как-то управлять этими двумя весьма противоречивыми явлениями: вызовом и принятием. Если упускается вызов, принятие становится смертью, а если упускается принятие, вызов прев-

ращается в безумие. Отбрасывать ничего не нужно: и то, и другое должно быть приведено к какому-то высшему синтезу.

Ашрам — это моя полярная противоположность. У меня обязательно должна быть полярная противоположность. Если вы меня любите, вы будете терпеть и ашрам — такова цена, которую приходится платить. Тот, кто любит меня, постепенно забывает об ашраме и начинает его принимать. Ашрам — это часть мира. Он не может быть похожим на меня... Это невозможно. И все же вы должны быть ему благодарны, потому что он помогает моей работе — вот и все. Он для меня очень удобен. Он помогает всему происходить — вот и все. И все же это не более чем организация. Не волнуйтесь из-за него. Забудьте его и помните меня, ага? Хорошо!

Этот ашрам — какой-то бульдозер: он просто едет по головам людей. Здесь стоит хруст ломающихся костей. Быть со мной — значит отбросить все свои предрассудки и все выкрутасы своего эго.

А это трудно. Причем трудность эта создается умышленно. Я мог бы создать такой ашрам, что никто не был бы обижен — это ведь так просто. Но тогда я был бы вам совершенно ни к чему. Подобные ашрамы можно найти в Индии где угодно. Они дают вам утешение, они никогда не бросают вам вызов; они для вас удобны, они никогда не досаждают.

А я нахожусь здесь для того, чтобы досаждать и бросать вызов, потому что это единственный способ уничтожить вас и создать вас заново. Так что вам придется несладко. Впрочем, с вами произошло только одно: вы узнали меня. Вы распознали меня, а все остальное неважно.

Чувство, что вы меня нашли и что я вам помогу, уже обрело место в вашем сердце. Все остальное отпадет само собою, но это чувство существенно. А если этого нет, вы будете от меня отделены.

У ашрама есть две функции: он соединяет людей со мной и отъединяет людей от меня. Если люди стоят того, он соединяет их со мной; а если они этого не стоят, он отъединяет их от меня.

Он должен выполнять двойную функцию. Он очень напоминает ворота, в которые входят и из которых выходят; у него двойная функция: он позволяет людям входить, и он же выдворяет людей обратно. Впрочем, если вы медитативны, вы постепенно начнете видеть рациональное зерно во всем том, что сейчас кажется иррациональным. Здесь есть рациональное зерно, и оно глубоко скрыто; оно не на поверхности. И, пытаясь его найти, вы сами будете становиться глубже, вы сами будете становиться мудрее.

Быть здесь и делать что-то отдельно от ашрама просто бессмысленно. Тогда вы здесь, и все же вас здесь нет.

Все удовольствие от пребывания здесь заключается в том, чтобы стать частью этой коммуны, раствориться в ней, потерять в ней свои отождествления. Само удовольствие от пребывания здесь заключается в этом. А между тем, некоторые люди с самого начала стремятся оставаться независимыми и делать что-то обособленно — это дает им возможность быть здесь и все же оставаться независимыми. Однако они связаны двойным узлом и рано или поздно почувствуют разочарование.

Если все начнут сами решать, какую работу им следует выполнять, тогда они не будут частью коммуны, тогда они будут решать сами за себя.

Если же вы хотите быть частью коммуны, вам придется слушать меня. А иначе все сойдет на нет и станет невозможным. Как это можно организовать? Вы только представьте себе: рано или поздно здесь будет пять тысяч людей, и если каждый возьмется решать за себя, то сделать что-либо будет невозможно.

Я имею в виду делать дело. Я имею в виду что-то делать — что-то, что вы не осознаете, что-то, о чем вы и мечтать никогда не могли... что-то, что лежит за пределами вашего понимания.

Вы можете принимать в отношении себя лишь весьма и весьма банальные решения. Вы не видите своего потенциала, не видите какая ситуация бросит вам вызов, какая ситуация может привести вас в состояние взрыва, какая ситуация объединит вас в единое целое — вы же ничего не знаете. Если кто-то будет решать за себя, то он просто не будет частью коммуны. И тогда здесь не будет проблемы: он может решать сам за себя.

Но если вы хотите быть частью коммуны, все решение остается за мной. И тогда, если я однажды приму решение, вы будете это делать.

И это не всегда может быть легко, это на самом деле не может быть легко. Когда решаете вы, вы решаете в соответствии с вашим умом, вы решаете в пользу того, что согласуется с вашим умом, и это будет легко. Когда же решаю я, я решаю, исходя из того, что вижу что-то другое — какое-то будущее явление, которое пока еще не произошло.

А потому все это неизбежно будет напоминать подъем в гору. Когда же решаете вы, вы решаете спускаться с горы. Это легко, удобно, вы хорошо себя чувствуете, идя вниз, не прилагая никаких усилий. Однако вы идете вниз, а я иду вверх — и вы тогда со мной не согласуетесь.

Я сам желал бы сделать это путешествие вверх как можно легче, но путешествие вверх — это все-таки путешествие вверх. Оно станет легким, если все вложат в него всю свою энергию и каждый будет поддерживать остальных. Одному трудно достичь вершины, но пяти

тысячам достичь ее будет легко. Впрочем, если люди будут решать все сами, коммуна существовать не сможет.

Сейчас я забочусь именно о коммуне. Когда я создам коммуны, поле будды, тогда все станет очень и очень легко. Но вы не можете понять все в совокупности. Вы способны видеть лишь что-то одно — то, что вам представляется более легким, то, что согласуется с вами, а остальное кажется тяжелым, изнурительным...

Но стоит только вам стать частью меня, как вы забудете обо всем остальном, и любое решение будет тогда вашим решением. Тогда малейшего неприятия этого решения будет достаточно, чтобы вы что-то упустили. Даже если среди ночи я говорю «это день», прекрасно зная, что это ночь — если вы можете сказать «да», это «день», в вас тут же что-то произойдет — тут же, на месте.

Это не вопрос дня и ночи: мне все равно, день это или ночь — это всего-навсего прием. Если вы решите не спорить со мной ни в чем, тогда в этом неспорящем уме сразу же появится что-то, что не вяжется умом, что приходит из запредельного.

Так что не должно быть или-или. Я не намерен принимать половинчатых людей и быстро от них освобождаюсь, потому что, если они однажды войдут в коммуны, то избавится от них будет уже трудно. Так что в течение этих трех — четырех месяцев я должен буду отбирать тех людей, которые могут быть со мной всецело, которые способны раствориться и стать одной энергией. Только тогда может быть создан этот оркестр. Он и прежде неоднократно создавался, но в таких масштабах он не создавался еще никогда, ага? Крошечные вкрапления религиозности не подойдут — необходимо единое океаническое явление.

Так что ваши маленькие удобства или неудобства значения не имеют. Когда вы отправляетесь в такое длительное путешествие, эти мелочи должны быть отброшены. И стоит только вам отбросить этот ум, выносящий решения, как все станет прекрасным. Все дело в уме. И избегайте насаждать в умы людей какие бы то ни было идеи, ведь людей так много — и кто-то из них может заронить какую-нибудь идею и в ваш ум.

Если я хочу, что бы ты стал дровосеком, тебе ничего не останется, как быть дровосеком, рубить деревья и при этом изумительно себя чувствовать! Впрочем, решение остается за тобой, ага? Ты можешь приостановиться, но приостановиться тебе придется за воротами коммуны, ты не будешь ее частью. Ты можешь и дальше делать все, что тебе заблагорассудится. Ты будешь саньясином, но ты не будешь частью коммуны.

Так что здесь не обойтись без решения. И это относится не только к тебе; я обращаюсь не только к тебе — я обращаюсь к каждому. Это тот способ, которым я обращаюсь ко всей моей коммуне, ага?

Отдельный человек становится всего-навсего инструментом, поводом.

Рбота, которая выполняется здесь — это тяжелый труд: люди ввергаются в глубокую борьбу и конфликт, гнев и ярость, а доведение до их понимания, что борьба эта не может привести к конечному благу — всего лишь прием. Он может быть полезен сейчас, но на последней ступени его придется отбросить.

Конечный прыжок всегда случается со сдачей. С одним он может случиться и с первого шага, а с другим он может случиться на последнем шаге. Все зависит от типов, от тех типов, которые накопились за ваши прошлые жизни, от тех видов энергии, от которых они ведут свое происхождение.

Здесь вам придется быть бдительными, потому что здесь будут выполняться все виды работы. Приходить будут самые разные люди — они и сейчас находятся здесь — и кто-то начинает удивляться: что происходит с этим человеком, а что делалось с тем? Иногда кто-либо становится слишком заинтригованным случившимся здесь явлением. Он начинает интересоваться, стремиться войти в это явление, но вы должны помнить свой путь.

Многое должно быть привнесено в коммуны, и тогда работа приобретет единство. Но она к тому же еще станет и сложной, и люди будут становиться в тупик. Если ты видишь, что кто-то борется и при этом полон воодушевления, тогда как тебе велено сдаться и расслабиться, то, естественно, возникает желание спросить: «Что же я делаю? Ведь другие приходят в такой экстаз от борьбы». А между тем человек, которому было велено бороться, может обратить внимание на тех, кто просто расслабляется и ничего не делает.

Но каждый должен следовать тому, что дано ему как ключ, каким бы ни был этот ключ.

Саньясин, который недавно вылечился от гепатита, говорит, что в нем возникло отрицательное отношение к Ошо и этой коммуне.

Это естественно: иногда приходит и отрицательное. На самом деле это просто чудо, что положительное тоже иногда встречается, потому что отрицательное — это естественное состояние ума. Ум есть отрицание, ум живет на «нет» — это его пища. Он ощущает большое сопротивление по отношению к «да». Он крайне неподатлив и всегда противится сказать «да». А если он и говорит «да», то делает это очень неохотно. Он вынужден так говорить, вот он и говорит, но го-

ворит не с благодарностью, не с радостью. Таков ум.

В ум войти очень легко. А вот выйти из него крайне затруднительно. В него очень легко входить снова, потому что это твой старый шаблон, это старый шаблон каждого — такой знакомый. И болезнь твоя, судя по всему, сделала свое дело, потому что каждый раз когда человек бывает болен, он слабеет, а когда он слаб, уму ничего не стоит стянуть его обратно в свои шаблоны и желоба.

Очень трудно бывает выйти за пределы ума, когда ты болен, отсюда давний акцент на здоровье, характерный для всех систем йоги. Если тело совершенно здорово, ему бывает легче удерживать себя в «да». Оно способно подниматься в положительное все выше и выше, и уму уже не удастся стащить его обратно на землю. Тогда как в больном теле сила тяжести ума значительно сильнее. Когда ты болен, ты не можешь выпрыгнуть из него просто так. Гепатит, без сомнения, ослабляет человека.

Естественно, что, когда ты болен, испытываешь слабость и тебе нехорошо, у тебя возникает подобное чувство. Ты ведь заболел гепатитом именно из-за Индии — и из-за меня. Потому что именно из-за меня ты находишься здесь. Поэтому все это стало ассоциироваться друг с другом. К тому же всегда найдется тысяча вещей, которым ты говорил «да», когда ты был в лучшем расположении духа, когда ты был сильнее. А потом все эти «нет», которые так долго ждали своей очереди, начали заявлять о себе.

Так и должно происходить, потому что этот ашрам создан не для утешения людей, этот ашрам создан не для того, чтобы помогать людям оставаться укорененными в их уме. Ничего подобного! Однажды, основав эту коммуны, я собираюсь сделать так, чтобы людям было действительно трудно говорить «да». Потому что они смогут выбраться из ума лишь в том случае, если сумеют сказать «да», когда это действительно трудно. Иного пути нет.

Если бы я был слаще меда и подлаживался ко всем твоим предубеждениям и представлениям, если бы ашрам танцевал вокруг тебя и ты был бы в его центре, тогда сказать «да» ничего не стоило бы. Но тогда ты остался бы прежним.

Ашрам неизбежно должен возводить препятствия, и чем глубже будут эти препятствия, тем глубже будет проделанная работа. И тот, у кого достанет сил столкнуться со всеми этими преградами, препятствиями...

Они создаются. Было бы очень просто сделать ашрам таким, каким бы его хотелось видеть людям. Но тогда он не способствовал бы росту. Тогда он был бы церковью. А церкви таковы, что они идеально подлаживаются под предрассудки, под симпатии и антипатии, под идеологии. И тогда строятся храмы, миллионы храмов и работать с ними ничего не стоит. В то время как здесь не обычное место — это

лаборатория, эксперимент по проведению внутреннего путешествия. Поэтому здесь все будет трудным.

И придется быть предельно бдительным, чтобы использовать все эти возможности.

Например, ты болен. Это как раз тот самый момент, когда ты должен постараться сказать «да». Если ты способен сохранить положительное отношение во время болезни, то когда ты выздоровеешь, ты будешь изумлен: когда ты станешь здоровым, твое «да» представит в таком сиянии, твое доверие проявится с такой силой и полнотой, которых ты прежде и не знал. Оно станет почти что спонтанным, оно завладеет всем твоим существом, станет самой твоей природой. Дело не в том, что тебе поневоле приходится говорить «да» — ты просто его говоришь, оно приходит само собою. Подобные ситуации можно использовать — и люди действительно их используют.

Всего несколько дней назад здесь был Анунада. У него рак, и он умрет — гепатит ведь не убьет тебя. А он использовал эту возможность и вышел за пределы. Он ушел в состоянии такой благодарности, что это воистину стоило похвалы. Такое случается очень редко — когда практически не остается сомнений, что через два-три месяца наступит смерть и избежать ее невозможно.

Он мог бы очень сильно возмутиться мной, очень сильно возмутиться ашрамом, очень сильно возмутиться всем. Он мог бы создать сильное сомнение, зачем ему быть со мной, если я не могу его спасти. Если я не могу спасти его жизнь, какой тогда смысл быть саньясином? Он мог бы создать тысячу и одно сомнение. А он все превозмогал, и рак стал возможностью роста.

Даже смерть становится возможностью роста.

Жизнь людей ничтожна, потому что ничтожна их смерть. Они умирают только в теле, поэтому они живут только в теле.

Если ты сможешь умереть в уме, ты сможешь жить в уме; если ты сможешь умереть в душе, ты сможешь жить в душе. Если ты сможешь умереть целиком, ты станешь Богом. У тебя будет жизнь самого Бога. Смерть — цена, которую мы платим за жизнь, и нет другого пути, нет более легкого пути.

Каждый раз, когда вы будете сюда приходить, это будет становиться все тяжелее и тяжелее, ага? Потому что, чем ближе вы подходите к преображению, тем тяжелее оно становится.

Когда вы приходите ко мне первый раз, это кажется едва ли не забавой. А между тем это капкан. И тогда вы постепенно захватываетесь. А когда вы уже схвачены, когда я вижу, что вам теперь не уйти, тогда-то и начинается настоящая работа. Я начинаю ранить вас во многих направлениях, многими способами. И ваши раны дают о себе знать — вы столько жизней носили их с собой — и когда они открываются, становится больно. Мне приходится быть жестоким. Если я

люблю вас, то мне поневоле приходится быть жестоким.

Поэтому каждый раз, когда вы будете сюда приходить, это будет становиться все тяжелее и тяжелее. Не сопротивляйтесь и не боритесь, и тяжесть в скором времени пройдет. Если вы способны умереть, тогда вся тяжесть пройдет. И тогда начинается настоящая забава, настоящее наслаждение, это не просто развлечение.

Жизнь тогда обретает крылья, и вечность доступна ей.

Саньясина, постоянно живущего в ашраме, попросили оставить ашрам.

Если бы ты слушал меня, уезжать было бы не нужно. Но ты совсем не слушал.

Дело не в том, что я хочу твоего отъезда — мне бы как раз хотелось, чтобы ты был здесь. Но, вместо того чтобы приносить коммуне какую-то пользу, ты постоянно мешаешь ей. Если ты постарайся себя изменить, ты можешь остаться. Но тогда тебе придется изменить несколько вещей.

Ты должен быть более внимательным по отношению к своей работе.

Не пытайся ловчить, не пытайся избегать работы, потому что должно произойти что-то значительное, и к нему нужно подготовиться. Те, кто избегают работы, избегают меня. Это единственный способ, которым ты сможешь доказать свою любовь. А если ты станешь отлынивать от работы и находить оправдания... Ты можешь найти миллионы оправданий, но как тогда быть с тем, ради чего я здесь работаю не покладая рук? Все саньясины должны внести свой вклад в создание этого поля — только тогда может снизойти на тебя что-то великое.

А ты покамест совсем не думал о коммуне; ты думаешь только о себе, о своих пустячных делах, проблемах и романах. Ты не думаешь обо мне, не думаешь о том месте, в котором ты находишься, о том, что от тебя ждут. Совсем не думаешь. А только знаешь себе вращаться в своем собственном мире.

Мир этот должен быть отброшен.

Здесь ты должен думать прежде всего обо мне, а все остальное второстепенно.

Саньясин говорит, что хочет проникнуть в Ошо и чтобы Ошо проник в него.

Такие вещи случаются лишь тогда, когда ты не осознаешь; ты не можешь сделать так, чтобы они случились, не можешь заставить их случиться. Эти вещи настолько хрупки, что могут случиться лишь тогда, когда ты о них начисто забываешь. И тогда в один прекрасный день это случается.

Они случаются, как чудо. Когда они случаются, ты не можешь даже определить, как это случилось. Не можешь определить, правда это или только воображение. Не можешь поверить, что ты был вполне достоин... а это вдруг случилось!

Хорошо, что есть жажда, потому что без жажды это никогда не случается. Однако и с жадой это тоже никогда не случается. Потому что это сложное явление. Сначала ты должен хотеть, а потом ты должен перестать хотеть. Одна половина пути пролегает через желание, а другая половина пути пролегает через отсутствие желания — только тогда это случается.

Отбрось желание — и путешествие завершено.

Ты только попробуй раствориться в работе. Моя работа — это я. И в один прекрасный день ты внезапно обнаружишь, что я уже внутри тебя.

Индивид должен научиться сливаться с группой. На Западе бытует весьма превратное мнение, что, если ты сливаешься с группой, ты перестаешь быть индивидуальностью. Тогда как на самом деле все как раз наоборот.

Настоящий индивид всегда способен себя потерять, потому что осознанность его настолько совершенна, что он может привнести самого себя в любую секунду.

Только тот, кто на самом деле не является индивидом, боится потерять себя в коммуне, в группе. Он все время обороняется, потому что знает: стоит только ему потеряться, как с ним будет все кончено, ему уже не удастся вернуться к своему центру. И этот страх перерастает в оборону.

Так что настоящие индивиды всегда находятся в общности. Они способны абсолютно слиться с группой. Они не боятся: они знают о существовании своего центра. И они так хорошо знают свой центр, что могут без всякого страха двигаться в другую полярную противоположность.

Так что помогайте людям чувствовать общность.

Будьте внимательны к мелочам. Когда вы убираете комнату, то это не просто уборка комнаты. Вы создаете для людей чистое пространство. Уважайте же людей. Вы можете убирать комнату механически, совершенно не думая о том, что в ней будут жить люди. И тогда вы убираете комнату, однако ваша уборка становится просто работой. В ней нет молитвы, в ней нет любви. Так может функциониро-

вать и механизм. А прикосновения человеческой руки как будто здесь и вовсе не было.

Поэтому что касается мелочей... если вы приносите или готовите пищу, позвольте этому быть почти как молитва, служение.

Когда вы готовите еду для других, вы готовите еду для Бога. Пусть это будет подношением. Когда вы готовите еду, помните, что ваши вибрации передаются ей. Если вы в гневе и в гневе готовите, вы отравляете пищу.

Если вы разгневаны, идите в ванную и примите душ. Сперва устраните свой гнев, не прикасайтесь к пище. Это же пагубно, ведь еда эта превратится в людей. Кто-то будет ее есть. И в скором времени она впитается и станет частью его существа. Она будет циркулировать в крови... она станет его мышлением, его чувствами, его сердцем, его бытием.

И если вы это делаете в гневе, или если вы это делаете в безразличии, или же просто делаете это, потому что это приходится делать, и не испытываете к этому никакой любви, то лучше не делать этого. Человек, готовящий еду, входит в нее, и все его вибрации передаются ей. А еда очень и очень восприимчива, потому что она что-то живое, пульсирующее жизнью и живостью.

Поэтому научите людей, как надо относиться к мелочам: быть внимательными, исполненными молитвы, почтения. И скажите им, что они должны оставить свои эго вне дома; там, где они оставляют свою обувь, там же они должны оставить свои эго. Сделайте это медитацией. Люди, не имеющие представления, как можно жить без эго, продолжают быть несчастными. Они думают, что жизнь только из этого и состоит.

Люди эти постепенно будут становиться частью общности, которая здесь растет. Рано или поздно нам придется создавать бытие коммуны. Многие коммуны появляются и исчезают. Такова была история всех коммун: красивые утопии, идеи, идеологии — и многие вложили в них всю свою жизнь. Но, несмотря на это, все коммуны исчезают.

В чем же дело?

Если вы не можете создать душу коммуны, коммуна рано или поздно обречена умереть. Но как только вы создадите душу коммуны, люди смогут и дальше меняться. Им волей-неволей придется меняться. Кто-то будет умирать, кто-то другой приходит; старики будут исчезать, а новые молодые люди будут вступать в коммуны. Но коммуна будет продолжать жить. У нее будет своя собственная душа.

Саньясинка, пробывшая в коммуне несколько лет, говорит, что руководитель группы сказал ей, будто ашрам — это на самом деле гурджиевское упражнение.

Четана: Я поняла, что отвергаю ашрам. Я отстраняюсь, потому что люди разрушат мое эго и заведут меня бог весть куда, и мне становится от этого страшно.

Я боюсь этой рутины, потому что погрязание в рутине меня очень угнетает. С одной стороны я чувствую потребность быть в ашраме, потому что мне кажется, что я должна быть Вашим продолжением — и я боюсь это упустить, — а с другой стороны, мне страшно.

Так оно и есть! Я именно такой. (Посмеивается). И вся рутина — это тоже я!

Что же мне делать?

Решай сама.

Как только ты приходишь в ашрам, тебе приходится следовать абсолютно всему. Я терпеть не могу всякой там чепухи — ты должна следовать абсолютно. А если нет, то будь снаружи ашрама, и беспокониться здесь не о чем.

Что тогда стало бы с моим ростом?

Почувствуй это сама, ага? Ведь если что-то скажу я, то это вызовет в тебе конфликт. Просто будь терпелива и чувствуй. Если ты чувствуешь, что тебе хорошо снаружи — хорошо. Если тебе не хочется погрязать в какой-то рутине — то и это хорошо. Но только не приходи в ашрам наполовину. Это вызовет трудности.

Мне бы так хотелось быть целостной в чем-то одном, а между тем всегда так много голосов.

А ты постарайся услышать основной, главный голос. Раз уж ты не можешь быть целостной, пусть хоть, по крайней мере, главный голос все определяет!

Сегодня же вечером садись на свою кровать и слушай, ага?

Эти правила и порядки установлены мною. Они не установлены кем-то другим. Если вы любите меня, вы любите также мои правила и порядки.

Так что не принимайте их в штыки. Они созданы для того, чтобы помочь вам. Как только я решу, что вы меня больше не интересуете и что меня не интересует помощь людям, в тот же день я отменю все

правила и порядки. И тем буду счастлив, правда, тогда вам от меня уже не будет никакой пользы.

Это место, где мы разбиваем иллюзии. Я не даю вам никакой надежды, потому что никакая надежда не возможна. Я могу лишь сделать вас достаточно бдительными, чтобы жить без всякой надежды, и тогда придет безбрежная радость, ведь с надеждой приходит будущее, а с будущим приходит тревога. С надеждой вы начинаете терять настоящее и откладываете жизнь.

Сама мысль о том, что в жизни непременно должна быть цель, совершенно бессмысленна. Даже если кто-то скажет «это и есть цель», тогда опять таки возникнет проблема: в чем же заключается эта цель? Кто-то ответит: «Цель — это достичь Бога».

Но с какой стати? Что это за цель: достичь Бога? Вопрос остается тем же, и так до бесконечности.

В жизни нет цели, вот почему жизнь прекрасна. Если бы в ней была цель, жизнь была бы американской и уж совсем не прекрасной! Она была бы бизнесом!

Так что, если вы хотите быть здесь, имейте в виду, что это то самое место, где мы разрушаем цели. Мы не даем вам никаких утешений, мы не даем вам никакой защиты. Мы не помогаем людям становиться лучше — нет, ни в коем случае; я буду последним человеком, если стану вам помогать становиться лучше. Эти улучшатели и так порядком вас отравили.

Я просто делаю вас бдительными для того, чтобы вы наслаждались тем, кто вы есть, кем бы вы ни были. Здесь нет осуждения, нет оценки, здесь не выносятся решения. Мы не используем здесь слов «хороший» и «плохой». Вместо них мы используем слова «открытый» и «закрытый». Вместо них мы используем слова «живой» и «мертвый».

Мы не делим человечество на святых и грешников. Мы лишь делим человечество на сознающих и несознающих.

На днях я читал рассказ об одном бедном еврее...

Я читал рассказ на днях об одном бедном еврее, который так отчаялся в своей жизни, что отказывался от всякой надежды на перемену. И ему уже ничего не оставалось делать, как обратиться за утешением к раввину. Он поведал ему во всех подробностях о своем ужасном существовании: он так беден, что он сам, его жена, шестеро детей, его мать и тесть — все вынуждены жить в одной комнате полуразвалившегося дома, и все так действуют друг другу на нервы, что постоянно ругаются. Жизнь стала до того невыносимой, что он сог-

ласился бы скорее умереть, чем продолжать жить.

Раввин долго думал и потом сказал посетителю, что у него созрел план, который исправит эту ситуацию, и посетитель дал слово следовать ему. Человек этот так отчаялся и так доверял своему раввину, что сразу же дал слово.

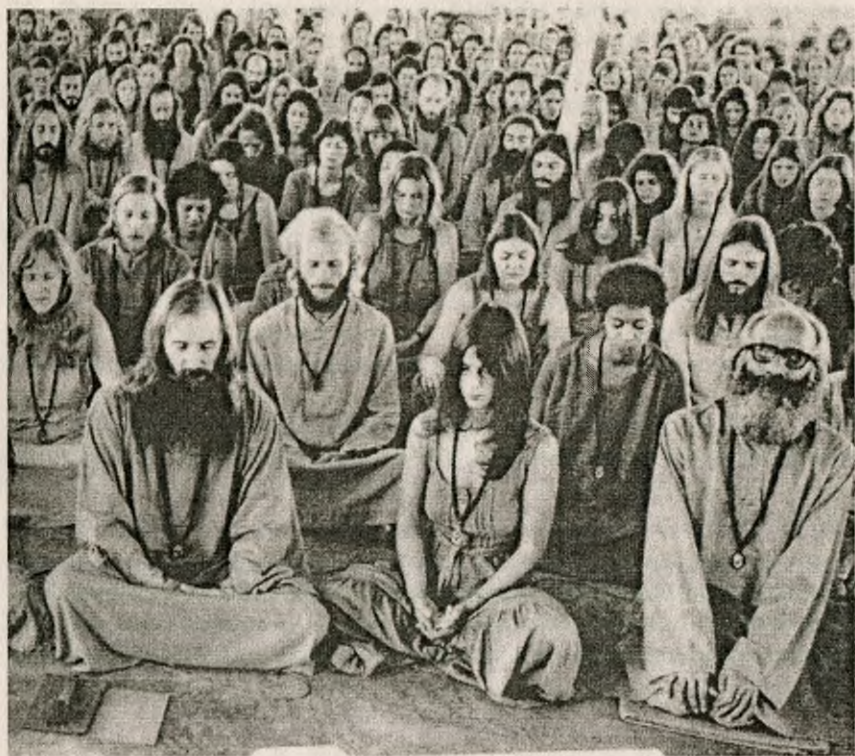
И раввин спросил его, есть ли у него какие-нибудь животные. Посетитель сказал, что у него есть несколько цыплят, корова и коза. «Хорошо! — сказал раввин. — А теперь иди домой и забери их всех в свой дом — пусть они с тобой живут». Посетитель был изумлен, он подумал, что его раввин немного рехнулся. Однако он дал слово, поэтому пошел домой и сделал все, что ему было велено.

На следующий день он вернулся в слезах и стал жаловаться раввину, что жизнь его стала еще хуже, чем была до сих пор, и что если тот ему немедленно не поможет, он наложит на себя руки.

Раввин спокойно велел ему пойти домой и убрать из дома цыплят, что тот и сделал. Однако на следующий день он явился с причитаниями, что корова превратила дом в сарай, и что с ней жить невозможно. И раввин сказал ему, чтобы он убрал корову из дому и что ему поможет Бог.

Человек повиновался, однако на следующий день он пришел с громкими стонами, что коза рвет его одежду и ломает ту жалкую мебель, которая стоит у него дома. И тогда раввин мягко сказал ему, чтобы он снова позволил козе жить за пределами дома. Тот так и сделал.

На следующий день он вбежал в дом раввина улыбающийся и счастливый первый раз за все это время. «Раввин, раввин, как же мне тебя благодарить? — воскликнул он. — Моя жизнь снова стала прекрасной. Когда убрали всех животных, дом стал таким чистым, просторным и мирным, что все мы опять друг друга полюбили. Какая радость!»

Пусть медитация будет вашей любовной связью

Становясь саньясинами, вы даете обет вступить в мир медитации. Отныне все ваши усилия должны быть сосредоточены только на одном: как быть более медитативными, более сознающими, более сознательными. И как только вы вливаете всю свою энергию в одно направление, это начинает случаться. Нужна лишь интенсивность и страсть.

Саньяса непременно должна быть любовной связью — так чтобы вы могли вложить в не всю свою энергию, и тогда все начнет случаться само собою.

Мы все рождаемся со способностью пробудиться. В каком-то смысле мы все пробужденные, только не осознаем этого. Тонкая пелена закрывает нас, подобно занавесу, от нашей собственной реальности, но занавес этот может быть устранен. Занавес этот очень тонок, почти прозрачен. Он состоит из мыслей, желаний, воспоминаний, фантазий, грез и т.п. А это все невещественно, поэтому занавес этот соткан из невещественного. Он прозрачен, очень тонок, и его ничто не стоит устранить. Нужно лишь усвоить сноровку его устранения, а сноровка эта — медитация.

Ее нельзя назвать наукой, ее нельзя назвать искусством — к ней лучше всего подходит слово «сноровка». И чтобы усвоить эту сноровку, необходима тесная связь с мастером, интимная связь с мастером — настоящая любовная связь. Если бы это была наука, ей можно было бы обучать в школах, колледжах, университетах; если это было бы искусством, то здесь тоже не было бы большой проблемы. Но из-за того, что это сноровка, даны могут быть одни лишь намеки.

Всегда, когда вы в медитации, вы со мной. Где вы физически находитесь, не имеет значения. Но если вы в медитации, вы близки ко мне.

Вложите в медитацию всю свою энергию. Держите у себя перед глазами одну цель — то, что вы должны создать в себе центр. И как только возникнет этот центр, как только войдет тот Мастер, все ваши чувства просто начнут им следовать — вам не нужно их контролировать. Одного только присутствия того внутреннего «Я» уже достаточно, одно только присутствие все ставит на свои места. Так что размышляйте, созерцайте, медитируйте все больше и больше, ищите пути и средства... существуют ведь миллионы путей и средств.

Как только цель определится, вы найдете правильные техники. Как только энергия ваша получит направление, она начнет искать свой собственный путь. А я всего лишь возможность направить вас, дать вам определенную цель. И как только эта цель станет для вас настолько значимой, что превратится в вопрос жизни и смерти, то исчезнет страх, исчезнут проблемы; вы отыщете к ней нужную тропу. Цель должна стать настолько интенсивным стремлением, что вы загоритесь от нее.

Медитация — это пустота, поэтому нужен Мастер. Больше всего Мастер важен в полосе сумерек. Потому что, когда ученик начинает отступать — а это естественно, в этом нет ничего из ряда вон выходящего, это происходит с каждым... потому что раньше было все известно, знакомо, по крайней мере, кроме этого ничего больше не было, а тут человек просто расплавляется и не знает, что наступит дальше. Это почти как смерть — смерть старого — а новое еще не родилось.

Это то самое мгновение, когда Мастер продолжает держать тебя за руку и говорить «не волнуйся, до рассвета осталось не долго, ты только взгляни на Восток — солнце уже всходит».

Мы живем утешениями. Ты не хочешь верить в то, что твоя жена просто умерла и ничего больше не осталось, ага? Вынести это совершенно невозможно, потрясение от этого слишком велико. Отсюда — мысль о вечности души...

Я не говорю, что эти мысли неверны. Я говорю, что эти мысли для вас всего лишь мысли, что они покамест не стали вашим опытом. А если они не стали вашим опытом, то, когда наступит смерть, вы будете повержены, так как мысли никак не могут помочь. До тех пор, пока вы их не переживете... только тогда они могут иметь ценность. А иначе каждый верит, но, стоит только кому-то умереть, как каждый будет рыдать и лить слезы.

Каждый знает, каждый считает, что он знает, а между тем редко кто приходит к знанию, потому что знать трудно, знание требует постоянного усилия проникнуть в свое собственное бытие, а это путешествие в темноте, путешествие, в котором вы все одиноки. И чем глубже вы входите, тем более одинокими вы становитесь, потому что никто не может с вами пойти. Даже Мастер, и тот не может пойти со своим учеником. А в самом конце вы остаетесь совсем одни — лишь чистое сознание — но тогда вы знаете.

С приходом знания жизнь становится игрой, драмой. Тогда остается ли жизнь или уходит — не имеет значения. Она нематериальна.

Впрочем с вами это еще не произошло. Вы можете заставить себя поверить в то, что это произошло, но, если вы будете продолжать верить в подобные утешения, это и в самом деле не произойдет. Эти утешения опасны, эти утешения и есть то, что так называемые святые продолжают давать людям; это — выдумки.

Мудрость случается благодаря простому искусству наблюдения собственного ума. Ум есть знание. И если вы сможете наблюдать свой ум во всех его действиях, вы сможете наблюдать все его знание и отделитесь от него. Наблюдатель становится отделенным от наблюдаемого, и само это отделение есть начало блаженства и мудрости. Когда вы целиком и полностью осознаете, что вы не ум, вы тем самым отделяетесь от самих себя и даете случиться чуду. А оно непременно случится, и нужно только одно — быть к нему готовым.

Саньяса и есть подготовка к мудрости, блаженству, свободе, любви, ко всему воистину ценному.

Есть одна маленькая история
о Бодхидхарме...

Бодхидхарма сидел девять лет, пристально вглядываясь в стену. В этом заключалась вся его медитация. Когда же приходили ученики и спрашивали, что им делать, он имел обыкновение говорить: «Просто сядьте и смотрите в стену». Однако не проходило и нескольких часов, как многих словно ветром сдувало: в самом деле, что делать? Только сидеть и глядеть на стену?

Но те, кто оставались, те, кто доверяли, достигали высочайших вершин, которые только доступны человеку. И вся традиция дзен держится на озарении Бодхидхармы.

Я учу медитации и любви через медитацию. Когда любовь основана на медитации, тогда она жива. Тогда она — точный синоним Бога. Тогда она несет свободу. На самом деле очень немногие узнали, что такое любовь, потому что очень немногие вошли в свое собственное глубочайшее молчаливое пространство одиночества.

Саньясин должен делать только одно: наслаждаться своим одиночеством. И любовь тогда приходит, словно тень, сама собою.

Нет необходимости в том, чтобы вы полюбили меня прямо сейчас. Это что-то такое, что само случается с вами, что и так неизбежно должно прийти. Как долго можете вы оставаться без любви ко мне? Вы можете крепиться изо всех сил, но вы уже обречены! Вы потерпите поражение!

Ну, попытайтесь, а? Оставайтесь недоверчивыми, сомневающимися, нелюбящими и просто продолжайте выполнять медитации, посещать группы, и в один прекрасный день вы обнаружите, что это уже произошло. Это никак не связано с вашими действиями — это случается. А если что-то случается с вами, то это просто великолепно.

Не нужно навязывать никакого верования. Я не из тех, кто верит в верования — все системы верования источают яд. Что же касается какой-то системы верования, то все, что вы можете сделать, это уверовать в меня. Но это не доверие — это жульничество. Когда не хватает доверия, его можно заменить верованием и при этом чувствовать, что ты доверяешь, однако это не доверие. На самом деле, если вы замените его верованием, настоящее доверие может даже не возникнуть, потому что вы продолжаете игру в вашу фальшивую монету и перестанете искать подлинную монету, довольствуясь этой подделкой. В этом беда многих: они так торопятся, что непременно хотят кому-то доверять — а между тем доверять не так легко. Доверие появляется, когда оно появляется. И предвидеть его невозможно.

Не завидуйте тем, кто доверяет. Конечно, они расцветут лучше тебя — это уж точно, но не завидуй: что ты можешь сделать? Они доверяют, а ты не доверишь. С ними это случилось. И они также не

смогут рассказать тебе, как и почему с ними это случилось. Однажды это случится и с тобой, и ты тоже не сможешь никому рассказать, как это случилось.

Так что просто оставайся счастливым, ага? Верь в счастье — вот и все. А я войду через заднюю дверь.

Я помогу эго умереть. А вам только и нужно, что быть смелыми, потому что всегда, когда наступают такие мгновения, человек пугается, у него возникает такое чувство, что он поглощается каким-то жутким, неведомым явлением. И он отступает, начинает цепляться за все подряд. Но таким бывает лишь одно мгновение, и тогда возможность упускается и может уже не появляться уже много дней, много месяцев, много лет. А иногда и много жизней.

Позвольте же своей саньясе стать хорошей возможностью для такого мгновения. Если вы будете со мной сотрудничать, это случится.

Вы готовы, я готов. Не избегайте же этого!

Гурджиев обычно советовал своим ученикам никогда не начинать с отбрасывания чего бы то ни было. Сперва попробуй это внести, потому что только тот, кто способен вызвать по требованию гнев, может быть способен отбросить его по требованию — это же математика. Поэтому Гурджиев имел обыкновение говорить своим ученикам, чтобы они сперва учились быть в гневе. Все, бывало, сидели, а он вдруг говорил: «Номер один, встань и разгневайся». Это выглядело так абсурдно! Но если вы способны вызвать это произвольно, это всегда будет доступно, всегда будет под рукой.

Саньясинка беспокоится из-за групп: почему Ошо допускает на них жестокость? Она заявляет, что не в состоянии его понять.

Группа это ничто иное как помогающая ситуация. Все участники стараются друг другу помочь, это группа взаимопомощи. Они создают друг для друга ситуации с тем, чтобы кипящее внутри могло бы прорваться наружу.

Сейчас все это должно стать реальностью — тогда это пойдет глубже, а иначе процесс не будет глубоким. А против этого лишь те люди, которые носят в себе глубокие раны и боятся, что, если они впадут в неистовство, они, чего доброго, не сумеют себя проконтролировать. Они могут зайти слишком далеко: они действительно могут кого-то убить!

Так что дело не в группах...

Всякий раз, когда возникает вопрос, обращай его внутрь и сделай его вопросом о самой себе. Если ты чувствуешь, что группа тебе не нужна, потому что ты любящий человек и никакой ярости в тебе нет — все, точка. В таком случае она предназначена для тех, кто в ней нуждается. А кто-то в ней действительно нуждается, иначе зачем им платить деньги, приходить в ярость, испытывать ярость? Должно быть, они в этом нуждаются. И они выходят из этого в неопишуемой радости, куда большей, чем была у них доселе. Выходят из этого более человечными, более благосклонными. Ты первая, кто поднял этот вопрос, так что эта проблема относится скорее к тебе, чем к ним.

А что касается меня, то тебе ничего разгадывать не нужно — тебе все равно не удастся это сделать. Если ты сможешь разгадать свою собственную внутреннюю карту, этого уже достаточно. Прими мою помощь и не пытайся меня разгадать, иначе у тебя появятся сложности. Я существую для тысяч людей. А потребности у них разные, поэтому для разных людей я существую по-разному. И если все захотят меня разгадать, то все они сойдут с ума! Ты только взгляни на ту часть, которая тебе помогает, и этого для тебя достаточно. Я больше, чем это нужно тебе, потому что я нужен и другим, и я должен тоже кое-что им дать.

Так что посмотри на ту сторону, которая тебе нужна — если ты можешь ее разгадать, то это достаточно. Но если ты хочешь составить карту всей моей территории, ты сойдешь с ума, ты ничего не сможешь решить. Ты утратишь всякую ясность, потому что я соткан из противоречий, должен быть соткан! Для разных людей я разный. Каждому нужен свой подход, поэтому для каждого я становлюсь его особым лекарством.

Всегда помни: каждый раз, когда возникает какая-то проблема, поворачивай ее вовнутрь, сосредотачивай на себе и смотри на нее отсюда.

Кто-то приходит, чаще всего это бывает индус, и говорит: «Это нехорошо! Мужчина после медитации обнимал женщину. Как вы можете это допускать?» Этот человек задает вопрос обо мне так же, как и ты, однако это его вопрос! Должно быть, он подавил сексуальность, иначе с какой стати ему беспокоиться?

Кто-то обнимает женщину — это же не твоя женщина, он же не тебя обнимает, она же не тебя обнимает. Ты в этом вообще не участвуешь, ты здесь никто. Отчего же тебя это так волнует и ты так разгневан? А он разгневан на меня: почему я это допускаю?

Он считает, что он должен мне диктовать, что мне следует делать и чего мне делать не следует, и только при таких условиях он будет моим учеником. А все остальные должны убраться — тогда я буду его мастером, а он будет моим учеником — и точка! Но в таком случае я

не смогу учитывать потребности других...

Это его проблема! На самом деле он очень подавлен. На самом деле ему самому хочется обнимать ту женщину, но он на это не способен, он не достаточно смел. И он чувствует зависть. Он не может видеть, что происходит: то, что он не может делать сам, он не может позволить другим. Но он, по крайней мере, может делать одно: он может осуждать других — он превратился в моралиста.

Миллионы людей собираются сюда прийти, причем это самые разные люди. В самом деле, на Востоке никогда еще до сих пор не бывало, чтобы вокруг одного человека собралось столько разных типов людей.

У Будды был один тип людей, и разгадать его было очень легко. Только один тип, и поэтому все шло хорошо. У Иисуса был другой тип, определенный тип. Со мной же все очень сложно: у меня люди всех типов. Это прямо-таки вселенная в миниатюре. Сюда приходят самые разные люди, и здесь будут практиковаться самые разные методы.

А потому, если тебе что-то подходит, входи в это; если тебе становится плохо, уходи оттуда — это не для тебя. Вот и все! Ты не должна принимать решения о целом, иначе, вместо того чтобы помогать себе, ты превратишься в запутавшегося и сбитого с толку человека без всякой на то необходимости.

Впрочем, я вижу, в чем твоя проблема. Твоя проблема в том, что в тебе есть едва уловимая жестокость, и ты ее боишься. Однако тебе не нужно заставлять себя ходить в эти группы. Занимайся в других группах, где нет жестокости, и постепенно в один прекрасный день ты обретишь способность заниматься и в этих группах.

Пусть саньяса станет путешествием в вашу собственную самость. Пользуйтесь телом, любите тело — это же прекрасный механизм, ценный дар, и тайны его велики — но не отождествляйтесь с ним. Тело очень похоже на самолет, в котором пилот — вы. Самолет действительно прекрасен, очень полезен, однако пилот — это все-таки не самолет, и он должен помнить, что он отделен, отдален, хладнокровен, безучастен. Он — хозяин этого средства передвижения.

Есть одна история о Будде...

Будда сидел под деревом недалеко от Бодгаи, а в это время несколько молодых людей из богатых семей затащили в лес проститутку. Они напились допьяну и стали срывать с проститутки одежду. Но, увидя, что они совершенно пьяные, она убежала. Рано утром до них начало доходить, что женщина их покинула, и они принялись ее разыскивать. И по дороге они увидели Будду.

«Не проходила ли здесь женщина, очень красивая и обнаженная? Она должна была здесь проходить, так как это единственный путь в город». «Кто-то проходил, — ответил Будда. — Трудно сказать, кто это был: мужчина или женщина. Очень трудно сказать, одет или раздет был этот человек. Очень трудно сказать, красив или некрасив был этот человек. Я был глубоко погружен в медитацию... Я смотрел сквозь них. Кто-то, конечно, проходил, однако это все, что я могу сказать. Но кто это был — мужчина ли, женщина ли, красивая, уродливая, одетая, раздетая — не могу сказать наверняка».

«Ты сидел с открытыми глазами?» — спросили они и услышали в ответ: «Я сидел с открытыми глазами, но я не смотрел. Глаза, естественно, отражали какого-то прохожего, заметили, что кто-то шел мимо. Но мне это не было интересно», — когда вам неинтересно, тогда ничего не отвлекает... впрочем, это очень высокое состояние медитации.

 ставаться посередине — это и есть медитация, не направляться ни по этому пути, ни по тому, вообще не направляться. Когда человек никуда не идет, не идет даже в медитацию, вообще никуда не идет, он пребывает в медитации. Иногда она застигает вас врасплох: глядя на закат солнца, вы оказываетесь в ней. Любящие склонны к забвению времени. Они входят в иной мир, где нет движения, где все бесшумно и тихо, и ничто не шелохнется. В этом причина притягательности любви, ведь когда вы очарованы красотой: цветком, женщиной, мужчиной, ребенком, звездой — время внезапно останавливается. Вы так этим очарованы, что забываете о мыслях; на какое-то мгновение вы останавливаетесь посередине, и часы, отсчитывающие время, замирают.

Лелейте эти мгновения, питайте эти мгновения и создавайте благоприятные возможности для их появления. Они не могут быть привнесены непосредственно, но вы можете создать благоприятные возможности. Все религии — это ничто иное, как благоприятные возможности для привнесения этих мгновений. Если, к примеру, это случается ранним утром, когда восходит солнце и воздух чист, и мир еще полон тишины, и птицы льют трели, и земля пробуждается — если это случается в такое мгновение, тогда позаботьтесь о том, чтобы не упустить это мгновение. Просто наблюдайте, замечайте, когда это естественно случается. Это значит, что вы имеете дело с благоприятными возможностями, которые могут быть созданы. Вы не можете привнести это мгновение непосредственно — вы можете пригласить это мгновение случиться.

Я тоже именно такая благоприятная возможность.

Саньяса — это благоприятная возможность.

Нет гарантии, что, став саньясинами, вы достигнете, но возмож-

ность несколько увеличивается. Один только взгляд в мои глаза уже дает какую-то возможность; это благоприятная ситуация. Просто чувствовать меня, быть со мной, быть в этой коммуне, и все немного более склоняется к тому, чтобы это произошло — только и всего.

Впрочем, и этого бывает много.

Я хочу, чтобы мои саньясины снова и снова вспоминали о том, что нужно позволить медитации быть вашей любовной связью. Не думайте о ней, не философствуйте о ней, а просто нырните — погрузитесь в медитацию, как погружаются в любовь. И тогда тайны — ваши. Но стоит только на секунду появиться мысли, как вы уже от нее за тысячи верст — нет мысли — и вы в ней.

О Бодхидхарме рассказывают...

 О Бодхидхарме, который привнес дзен в Японию и Китай, рассказывают, что, когда он стал просветленным, он продолжал медитировать. Кто-то из его учеников спросил: «Вы же достигли. Зачем Вам медитировать?»

«Из-за вас, — ответил он. — Если я не буду медитировать, вы будете думать: «Зачем нужно медитировать? Мастер ведь не медитирует, значит и мы можем об этом забыть». Для меня это уже не важно, но для вас это может быть опасно. Я просто сижу, чтобы помогать сидеть вам».

*Немой,
попробовавший сахар*

Есть одна история...

Великий философ пришел к Будде и задал ему вопрос: «Зачем нужно это существование?» «Побудь здесь, — сказал Будда. — Я обязательно отвечу тебе, но в течение двух лет молча сиди рядом со мной. Просто молча сиди, и как пройдут два года, можешь спрашивать».

Но когда он говорил это философу, другой ученик Будды разразился хохотом — он хохотал до слез. Он сидел под деревом и никак не мог удержаться. Это озадачило философа, и он спросил этого ученика: «Что здесь смешного? Почему ты засмеялся? Я готов ждать два года. Я способен ждать. И буду делать все, что он скажет».

«Я смеюсь не над твоим вопросом, — ответил тот человек. — Я смеюсь над его хитростью. Это тот самый вопрос, который задавал я, и он ответил мне точно так же. Вот уже два года прошло, как я здесь нахожусь, а он так и не ответил».

И Будда сказал: «Я готов ответить, но ты же не спросил». «А как мне теперь спрашивать, — сказал ученик. — Я же вижу абсурдность этого!» И ученик посоветовал философу: «Если ты хочешь задать этот вопрос, задавай его прямо сейчас; иначе через два года тебе будет трудно это сделать. Он не ответит, так как будет настаивать на том, чтобы ты первый спросил. А ты не спросишь!».

Если вы задаете вопрос, я, конечно, на него отвечу. Однако вы упускаете неоценимый шанс — просто приблизиться ко мне, стать открытыми, восприимчивыми. И в это мгновение все вопросы исчезают. Остается одно лишь молчание — и молчание и есть ответ. Так что ваше молчание — это как раз то, что нужно. Постепенно оно начнет случаться с каждым. В один прекрасный день это непременно случится. Вы будете просто сидеть здесь, и я буду сидеть здесь, и никто ничего не будет спрашивать, потому что каждый будет получать ответ, не задавая вопроса.

Когда вы задаете вопросы, вы становитесь студентами, а мне приходится становиться учителем. Когда вы не задаете вопросов, то вы ученики, и тогда я Мастер. Видите разницу? Когда вы задаете вопрос, мне приходится чему-то учить. А когда вы не задаете вопроса, мне учить нечему. И тогда здесь только я и вы, и передача энергии.

Моим саньясинам не нужно загружать себя философскими вопросами и теологическими аргументами. Подход мой экзистенциален: просто будьте и знайте. Другого способа познать не существует.

Меж двух молчаний

Если кто-то хочет узнать молчание и его вкус, ему придется выйти за пределы мира со всеми его плодами. Тогда ему придется искать в себе ту часть, что исходит из запредельного. Она здесь, это сама ваша душа. И нужно лишь немного поисследовать. Саньяса есть исследование своего внутреннего. Стоит только вам обнаружить молчание, как в ту же секунду вы найдете подлинный храм, подлинную церковь, подлинную синагогу, а все прочее лишь измышления хитроумных священников. Только в алтаре глубиннейшего ядра вашего бытия можно пережить опыт божественного. Вы открываете молчание, и божественное приходит, как награда.

Чем больше вы стремитесь сказать что-то значительное, тем труднее это становится. Если вы и в самом деле хотите сказать что-то значительное, вы погрузитесь в молчание, потому что все, что может быть сказано, просто излишне. На самом деле только лишнее может быть сказано, только произвольное, мирское, пустяки, вздор, который не имеет значения, говорите вы его или не говорите.

То, что имеет значение, не может быть высказано, потому что это больше чувство, чем мысль. Или даже еще глубже: это даже больше, чем чувство. Оно так глубоко, что вы не можете вытащить его на периферию, это само ядро вашего чувства. Оно может быть передано только в медитации.

Мы на Востоке развили большие возможности для этой передачи. У нас есть для нее особое название, мы называем ее сатсангом: Мастер и ученик, сидящие в молчании. Ученику нечего сказать, потому что все, что он может сказать, ничтожно, бессмысленно. Зачем на это тратить время?

Мастеру есть много что сказать, однако сказать это невозможно: это настолько значимо, что словами этого не передашь. И поэтому они сидят в молчании. Они становятся друг для друга лишь пустыми пространствами, и тогда происходит общение между двумя молчаниями, поглощение, слияние, погружение друг в друга.

Слова сохраняют нашу отделенность друг от друга, поэтому язык — это на самом деле не средство общения, а скорее способ его избегания. Это средство избегания общения, важность которого недооценима. Когда вы не хотите ничего говорить, язык бывает очень полезен. Вы можете окружить себя огромным словесным облаком и спрятаться за ним.

Но когда наступает молчание, вы не можете никуда спрятаться. И тогда вы неприкрыты и наги: в молчании вы уязвимы, открыты. Вот почему люди никогда не молчат, ведь молчание опасно: каждый может вас больно ранить; состояние молчания слишком хрупко. Слова же дают вам защиту, броню.

Мы называем это сатсангом... когда два человека просто находятся в унисоне, попадают в один ритм, становятся одним целым. И тогда что-то действительно может быть сказано... не с помощью слов, но с помощью любви.

Лишь сидя близ Мастера, ничего не делая, начинаешь впитывать дух. Ничего не говорится, ничего не слушается, а между тем пламя передается.

Истинная религия — это всегда передача, что за пределами писаний, за пределами слов, за пределами философий, поэтому истинная религия может быть пережита лишь с просветленным, пробужденным Мастером. Вы можете пережить ее и с Буддой, с Лао Цзы, но только не с помощью слов. Если то, что не может быть сказано, го-

ворится — в ту же секунду оно делается ложным.

Слова похожи на портреты. Портреты Будды или Иисуса — это не Будда и не Иисус. Вы должны соприкоснуться с настоящим, живым Мастером.

Единственная отличительная черта настоящего и живого Мастера — та, что он никогда не бывает традиционным; он вечно бунтует. И это может стать критерием: где бы вы ни встретили традиционного святого, он окажется фальшивым — иначе он не смог бы быть традиционным. Бунт — это самый дух настоящего Мастера — все сметающий бунт.

Быть учеником кого-то, кто живет в молчании — единственный способ попробовать религию, испытать первый проблеск религии; тогда вы уж точно сможете искать ее внутри себя. Однако первый луч, первый намек, первый удар, что будит вас, должен исходить от Мастера.

Постарайтесь почувствовать вибрацию, что приходит к вам, когда вы оказываетесь в моем присутствии, покой, что нисходит на вас, присутствие бытия, что внезапно высвечивается в вас, бриз, что пронизывает ваше существо. Послушайте его — это я! Это мое настоящее послание.

Носите его внутри себя все больше и больше. Когда меня здесь нет, постарайтесь снова попасть в унисон. Сидя в комнате наедине с собой, вспомните меня и постарайтесь попасть в унисон со мной. И рано или поздно вы этому научитесь. Потому что это не вопрос расстояния; если это может случиться, когда вы сидите на расстоянии трех футов, это может случиться и когда вы будете на расстоянии трех миль. Это может случиться и когда вы будете на расстоянии трех тысяч миль — это лишь вопрос сноровки. Это и есть то настоящее, которое должно быть понято, а все остальное — всего-навсего предлог.

Поэтому, когда вы будете сегодня отсюда уходить, просто постарайтесь сохранить в себе ту благодать, что случилась с вами. Удерживайте ее, помните ее. Вы почувствуете, что она очень неустойчива. Если вы забудете ее на одно мгновение — она исчезнет. Помните — еще идя по дороге, помните ее. Снова вберите ее. Схватите ее, и тогда двигайтесь. И двигайтесь медленно — так, чтобы ее не забыть. Сегодня вечером вы сможете принести ее домой. Идите, как беременная женщина. В ней ребенок, и ей приходится быть очень осторожной, ей нельзя поскользнуться и упасть. Дело не в ее теле: просто здесь другое существо, такое хрупкое существо.

Когда вы находитесь здесь со мной, забеременейте моим присутствием. Очень медленно, осторожно берите его. Возьмите его заботливо в руки. Сегодня вечером вы сможете донести, по крайней мере, маленькую частицу его. Потом идите домой, сядьте и снова оживите

его, снова вдохните в него жизнь — и оно снова будет здесь. И как только вы научитесь его оживлять, постарайтесь находиться в нем все дольше и дольше.

Саньясин должен начинать как император, а не как нищий. Это должен быть его первый шаг, и это то, что я имею в виду под довольством: стоит только тебе сказать: «Я неописуемо рад всему, что есть — звездам и облакам, и деревьям, и людьми, и самим собой» — стоит только тебе сказать: «Во мне нет неудовлетворенности, нет вины, нет желания быть кем-то еще, нет желания быть где-то в другом месте, я наслаждаюсь всем, что происходит» — как в тот же миг ты преобразуешься в императора.

Требуется мужество, для того чтобы сказать «Я не прошу о большем, мне и так дано больше чем нужно». И с этого самого мгновения начнет происходить преобразование, и жизнь ваша будет становиться все более и более созвучной существованию, она будет все более и более похожей на танец.

Особенность моих саньясинов должна быть такой: глубокое внутреннее довольство — довольство проявляется вовне как празднование жизни, ежесекундное празднование обыденной жизни.

Как только вы становитесь готовы праздновать обыденную жизнь, как она уже полностью перестанет быть обыденной.

Мне бы хотелось, чтобы мои саньясины были настолько мирными, настолько молчаливыми, настолько полно чувствовали себя в существовании как дома, чтобы в них не было сожаления, и одна только благодарность.

Из этой благодарности проистекает творчество. А это величайшая радость в жизни: вносить что-то в существование, делать его более привлекательным, чем прежде. И если это может быть сделано, тогда человек становится религиозным.

Моя религия больше эстетична, чем религиозна. Она гораздо больше сродни искусству, поэзии, живописи, танцу, музыке, чем обряду. По мне религия есть величайшее из искусств. И Бог не может быть доступен благодаря научному подходу — он становится преградой — потому что Бог не объект. К Богу можно прикоснуться только субъективно, через субъективность, потому что Бог — наш самый глубокий субъект. А это путь искусства.

Художник должен быть необъективным. Как только художник становится объективным, искусство утрачивается. Тогда он может быть разве что фотографом. Он просто изображает объект снаружи, и работа тогда становится механической. Когда же вы творите объект, он приходит из вашей субъективности, из вашего глубинного источника — это ваше произведение. Живопись ни в коем случае не

представляет природы. А если она и делает это, то это уже не живопись, а фотография. Она представляет художника, она представляет его видение, она представляет его взгляд на реальность; она представляет его видение реальности, какой она должна быть. Она представляет ценность, а не факт.

А это и есть религия в своем высшем смысле. Она не представляет никакой фактичности. Бог — это не факт, а высшая ценность — ценность из ценностей, ценность, превосходящая все ценности, прекрасное, что за пределами всего прекрасного, песнь, что за пределами всех песней.

Высший уровень красоты относится к бытию, всецело относится к вашему внутреннему... ясно, что восприятия тела не достаточно, восприятия разума и чувств не достаточно. Для этого нужен один только ученик — тот, кто полностью сдался, открыт, уязвим.

В этом и заключается вся саньяса — в пребывании в унисоне с Мастером на глубочайшем уровне красоты... проходя мимо физиологического, психологического, двигаясь, подобно стреле, не застревая, но глубоко вонзаясь в самое ядро Мастера.

Я слышал одну историю о
Баязиде...

Я слышал одну историю о Баязиде, суфийском мистике. Он шел по дороге со своими учениками и увидел на обочине красный камень необыкновенной красоты. Он поднял его, повертел в руках и положил на прежнее место. «Что Вы делаете? — спросили ученики. — Вы взяли камень и потом положили его обратно».

«Должно быть, Бог отвел ему какую-то роль — вот он и находится здесь. Кто я такой, чтобы менять его место? Я чуть было не совершил грех — красота этого камня соблазнила меня — но я вовремя вспомнил Бога. Он должен оставаться здесь, должно быть, он здесь нужен», — был ответ.

Есть одна очень старая
суфийская история...

Это случилось однажды: христианский теолог направлялся к Мастеру дзен, который, ко всему прочему, был еще и художником — празднующие ведь всегда творцы, в отличие от почитателей... Мастер писал картину. Он уже собирался было что-то изобразить и был как раз в том мгновении ожидания, что что-то снизойдет и овладеет им. «Я был бы очень счастлив, — заговорил христианин, — если бы Вы смогли написать для меня Иисуса Христа».

«Хорошо, — ответил Мастер, — я напишу Иисуса Христа». И он написал бамбук!

Когда очертания бамбука стали появляться на холсте, христианин был несколько озадачен: неужели Мастер забыл свои слова? Но когда картина была закончена, на ней красовался один из самых живописных бамбуков, написанных человеческой рукой. «Простите, — начал было христианин, — картина превосходна, но Вы же обещали написать Христа».

«Это и есть Христос, — ответил Мастер, — неужели Вы не видите в нем Христа? Он так же хрупок, как Христос. Разве Вы не видите, как он шевелится на ветру? Он движется вместе с ветром — заказ Ваш выполнен. Это именно Христос. Такой же живой, и такой же прекрасный; он принадлежит Богу! А что еще Вы можете ожидать? На этот раз Христос принял форму бамбука».

А Христос и был бамбуком — полым бамбуком. Его не было — и в этом была его красота. Он позволял Богу проходить через себя, он сделал возможным контакт Бога с миром. Он стал связью.

Обращаясь к кинорежиссеру:

Ставь для публики обычные фильмы. Не принимай их близко к сердцу, просто ставь все, что они захотят. Требование их должно быть удовлетворено... И сделай один фильм для себя — для меня — где ты будешь развивать такую идею, из-за которой он не будет иметь успеха; если ты попытаешься сделать его кассовым, то это будет ошибка и компромисс.

Если ты поставишь действительно хороший фильм, он не будет иметь успеха. Ничто хорошее не может иметь успеха, потому что мир таков, что успех имеет только плохое, тогда как хорошее терпит неудачу.

Так что пусть это будет твоим критерием. Когда ты будешь ставить этот фильм, отдавай себе отчет, что он обречен на неуспех... Объяви, что он обречен на неуспех, потому что он только для избранных. Скажи, что ты не сделал его предметом потребления. И тогда, если никто не придет, если кинотеатр будет пуст, это будет его успехом.

И тебе это принесет несказанную радость. Ты преуспеешь и в своих неудачах, потому что это не неудачи, если ты делал их сознательно. Поэтому работай над ним исходя из таких соображений: один для меня, четыре для рынка. Я буду работать вместе с тобой над пятым. С прочими четверья ты сможешь добиться успеха сам. А чтобы потерпеть неудачу с пятым, тебе буду нужен я!

Сучениками Будды такое случалось снова и снова... Приходил новый ученик и что-то спрашивал — примерно то же, что спрашиваете вы: «В чем смысл жизни?»... ведь вопросы эти не новы, человек задавал их с незапамятных времен. И в самом деле, невозможно представить человека, который не задавал бы подобных вопросов. Человек должен был задавать вопросы с самого первого мгновения, почему что существование выдвинуло проблему: почему это главное, почему это вообще существует?

Но чем глубже движетесь вы в свое осознание, тем скорее начнут исчезать ваши вопросы. И наступит мгновение отсутствия вопросов, невопрошающего состояния ума. Это и есть ответ. Он не может быть дан извне. А между тем вы вдруг узнаете, все узнаете... хотя и не можете произнести ни одного слова о том, что вы узнали. Таков вкус сахара во рту немого. Он знает — вкус еще остается на языке — однако он нем и ничего не может об этом сказать.

Я могу помочь вам узнать вкус существования. И это будет вам ответом.

Молчание — это не слово, это переживание — что-то должно быть испито, должно быть усвоено — что-то, что войдет в вашу кровь, кости, в самый костный мозг. Но люди продолжают жить словами, и слова для них важнее переживания. Слово «любовь» кажется более важным, чем любое переживание любви.

Мои саньясины должны это четко осознавать: не попадайтесь в ловушку слов — потому что миллионы людей уже попались в ловушку слов. Всегда выходите за пределы слов и двигайтесь в переживание.

Люди от мира сего — это никчемные люди; они знают все громкие слова и весь жаргон. Это великие трепачи. Они способны говорить до скончания света о тех вещах, которых сами никогда не испытывали. Остерегайтесь этой ловушки, а ловушка эта расставлена повсюду. До тех пор пока человек не станет предельно наблюдательным, он где-нибудь да и угодит в ловушку. Но лишь осознание того, что мир — это не то же, что реальность, что мирская любовь — это не любовь, что мирской Бог — это не Бог, и что мирской огонь — это не огонь... Достаточно одного лишь этого большого осознания, и тогда вы начнете искать переживание.

А переживание — это освобождение. Переживание — это обогащение.

А молчание — великое сокровище.

Есть один анекдот из жизни Будды...

Есть один анекдот из жизни Будды о великом философе, который не был учеником Будды, а был ищущим, и который сказал Будде: «Я пришел сюда не затем, чтобы услышать от Вас какие-то слова. Я пришел сюда также не затем, чтобы услышать Ваше молчание. Так что не говорите мне ничего словами и не говорите мне ничего молчанием».

Будда оставался безмолвным. Прошло еще несколько секунд, и человек задрожал, охваченный экстазом. Он коснулся ног Будды и проговорил: «Велико Ваше сострадание, Вы дали мне то, о чем я просил». И, полный почтения и благодарности, он ушел.

Однако ученики Будды не смогли уловить, что произошло между двумя этими людьми. Ведь с самого начала тот человек попросил ничего не говорить молчанием — а Будда оставался молчаливым. Человек тот задал очень трудную дилемму: ничего не говорить словами и ничего не говорить молчанием, и, несмотря на это, что-то сказать! Что же произошло между этими двумя людьми? Даже ученики — и те не могли взять в толк.

И когда тот человек ушел, главный ученик, Ананда, промолвил: «Мы не в состоянии понять, что произошло. Этот человек просил Вас не молчать, а Вы продолжали молчать — и, несмотря на это, он получил ответ!»

«Есть два вида молчания, — сказал Будда. — Один — когда тебе хочется что-то сказать, но ты не говоришь». В английском языке есть выражение «беременное молчание». Что-то есть и, возможно, обладает таким качеством, что не может быть высказано. Оно невыразимо, но оно есть. «Тот человек, — продолжал Будда, — попросил меня не быть в беременном молчании, красноречивом молчании, поэтому я ничего не говорил словами и ничего не говорил молчанием. Но есть и другое молчание — просто молчание — это не бессмыслица говорения, не пустота говорения, а просто полнота молчания. Я оставался в нем, а человек тот последовал за мной и понял».

«Но мы не смогли последовать, а ведь мы — твои ученики. Как же это могло произойти?» — недоумевал Ананда.

И Будда ответил: «Для чистокровной лошади одной тени кнута уже достаточно».

Существовало много мистиков, говоривших, что, когда вы достигнете истины, вы будете блаженны. А я говорю вам, что вы можете достичь истины лишь в том случае, если вы блаженны. А потому не ждите, что, когда вы достигнете истины, вы будете блаженны. Не нужно ждать, потому что это опять-таки движение в будущее, движение в желание и мотивацию. Я говорю вам: станьте блаженными. А истина позаботится сама о себе. Она может прийти всегда, когда сама того пожелает.

Плюющаяся птица религиозности

Моим саньясинам нужно лишь переместить свою энергию от головы к сердцу. Доверьтесь сердцу, постарайтесь жить сердцем. И куда бы оно ни вело, идите с ним без всяких сомнений, без всякого страха. Следуйте сердцу — и вы будете следовать подлинной религии.

Я слышал одну старую историю...

Монах, не принадлежавший к людям дзен, захотел быть инициированным Мастером дзен. Его спросили: «Откуда ты пришел?».

Он ответил: «Я пришел из монастыря. Он называется Монастырем духовного света».

«Духовного света? — переспросил Мастер. — Странно! Мне уже девяносто, но я никогда не слышал о духовном свете. Днем бывает солнечный свет, ночью — свет лампочки. Откуда же взялся этому духовному свету?»

Посетитель смутился, он не смог ответить. И тогда Мастер ответил: «Не волнуйся. Днем бывает солнечный свет, ночью — свет лампочки. Это и есть духовный свет. Никакого другого духовного света не существует».

Саньяса — это не верование, не религия... а скорее некая религиозность. Дело не в том, что вы принадлежите к духовной секте, определенному вероучению — у меня ведь нет вероучения — вы в меня влюбляетесь. Это просто любовная связь. Она больше напоминает доверие, чем верование. Вам хочется мне открыться — вот и все. Вам хочется сделать со мной несколько шагов в неизвестное — вот и все. Вы остаетесь иудаистами, если вы иудаисты. Вы остаетесь христианами, если вы христиане. А если в вашей жизни наступает мгновение, когда вы отбрасываете свое вероучение, то решение остается только за вами. Все это не имеет ко мне никакого отношения; это ваше собственное путешествие.

Для меня здесь проблемы не существует. Все, что я могу сделать — это помочь вам стать более религиозными. Я передаю определенное качество, а не вероучение.

Мне хотелось бы, чтобы вы увидели несколько проблесков через мои глаза — и тогда вы пойдете своим путем. Но проблески эти станут для вас определяющими. Где бы вы ни были, что бы вы ни делали, ваше внутреннее качество, ваше существо изменится до неузнаваемости, благодаря этим проблескам.

Так что в каком-то смысле между мной и вашей религией нет никакого конфликта, потому что я не даю вам верования. Верование — это мертвое доверие. По сути дела вы не доверяете, но все еще веруете. Вот что такое вера: она дается от рождения случайно. Лишь волей случая вы стали индуистами или мусульманами, или иудаистами. Вы могли явиться на свет индуистами, и это значит, что вы никогда не стали бы думать о Моисее или Аврааме — никогда.

Разницу эту можно увидеть и по-другому: у тебя есть сестра. То,

что ты ей брат — это случайность. Ты ее, конечно, любишь, ведь она же твоя сестра. Но когда ты влюбляешься в женщину, которая не имеет никакого отношения к твоему рождению, то любовь эта обладает такой страстью, которую ты никогда не испытывал по отношению к своей сестре или брату... потому что кто-то является твоим братом всего лишь по рождению. Ты сочувствуешь ему, ты заботишься о нем. Но когда ты влюбляешься в женщину, ты готов за нее умереть.

Доверие напоминает любовь, а верование — брата или сестру.

Поэтому я не против какого то ни было верования. Однако, если посмотреть глубже, то, приходя ко мне, вы станете меняться. И тогда станете меняться все, что с вами связано.

Пусть же мои отношения с вами будут от сердца...

Я никому ничего не навязываю. Я просто даю вам целостную перспективу, так что выбор остается за вами.

Я не против чего бы то ни было в этом мире. Я не против богатых. И все-таки нужно напомнить одно: есть еще большее богатство, и большее царство ждет внутри тебя, когда ты его завоеешь. Так что не растрачивай всю свою энергию на внешний мир, а сохраняй большую часть своей энергии и жизни для внутреннего исследования. И тогда ты станешь царем религии.

Миллионы людей думают, что они знают Бога, так как они знают слово «Бог». Миллионы людей думают, что они знают любовь, так как они знают слово «любовь».

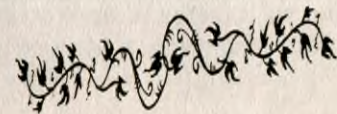
А между тем саньясин должен выйти за пределы слов к реальному содержанию. Он должен рассеять слова и посмотреть, что скрывается за ними — это и есть исследование. Как слой за слоем снимают оболочки с луковицы, так нужно слой за слоем снимать оболочки со слов, и тогда можно будет добраться до их ядра. И — чудо: когда вы снимаете оболочки со слов, слой за слоем, как с луковицы, вы приходите в конечном итоге к пустоте, ничто.

Библии, Кораны, Гиты — они не могут вам этого дать. Это все слова — сказанные прекрасными людьми, однако не имеющие никакого значения. Даже если Будда произнесет слово «роза», слово от этого не станет розой.

Христиане, индуисты, мусульмане — все занимаются тем же самым. Они забыли реальность, они привязаны к ярлыкам. Они все привязаны к клетке. Это может быть золотая клетка, однако птицы, живой поющей птицы, там больше нет.

А поиск саньясина сосредоточен на живой, поющей птице.

Я слышал...

Жил один мусульманский мистик, Хассан, у которого был очень красивый сын — необыкновенно интеллигентный и талантливый молодой человек. Ему было всего двадцать лет, а его уже любил весь город. И вот однажды он внезапно умер.

Хассан смотрел на труп, но не плакал. Ни одна слезинка не выступила у него на глазах — вместо этого он стал смеяться. Люди не могли поверить своим глазам. «Что случилось? — недоумевали они. — Ты что сошел с ума? Неужели потрясение было таким сильным?»

«Нет, — ответил он, — это не потрясение. Я чувствовал большое горе, как вдруг вспомнил, что ребенок этот не родился — и стал совершенно счастлив. Я был один, и проблемы не существовало. Я никогда не терял его, ведь он же не родился. А теперь он снова ушел, а я так и остался в прежнем состоянии. Сон прошел; тот, кто дал его мне, взял его обратно. Кто я такой, чтобы заявлять, что это нехорошо?»

Саньясину, у которого были некоторые эзотерические переживания, когда он занимался в гурджиевской группе, Ошо говорит:

Нужно понять прежде всего вот что: какие бы переживания не случились бы с тобой, они случились из-за твоей работы в гурджиевской группе. Они не являются безотносительными друг для друга. У них нет ничего общего с Муктанандой или кем-нибудь еще. Эти вещи начали происходить лишь благодаря твоей двадцатилетней работе.

Однако сам Гурджиев был категорически против разговоров об этом. Причина не говорить об этом есть, и это очень важная причина: человеческий ум обладает таким воображением, что, когда вы говорите о подобных переживаниях, это может пойти на пользу лишь одному, тогда как девяносто девять процентов будут одурачены.

Ум — это такая способность воображения, что, если вы станете говорить о кундалини, то кундалини начнет подниматься у каждого! А если вы заговорите о голубом свечении, то каждый начнет видеть голубое свечение! Люди глупы!

Поэтому люди, подобные Муктананде, на самом деле не помогают, а только поддерживают человеческое воображение. Это вообще не работа. Это всего лишь игра с человеческими снами. Дураки есть по всему миру, и кому не захочется иметь великие переживания? Это ведь себя очень хорошо чувствует. И если они так дешево случаются, без всякой работы, что вы можете просто сидеть, и кундалини уже

поднимается, и сияет голубое свечение... Вы можете видеть какое угодно свечение, и подниматься может какая угодно энергия. Вы можете это так вообразить, что оно и впрямь покажется вам реальным.

Гурджиев никогда не говорил о подобных вещах, потому что он был настоящим Мастером. Он знал, что, когда это случится, к нему начнут приходить ученики, и говорить об этом не следует. А если вы станете об этом говорить, то сбегится сотня людей, причем среди них только один может быть подходящим, а девяносто девять процентов — просто дураков — так зачем приглашать эти девяносто девять процентов дураков? Идиоты его никоим образом не интересовали.

Гурджиев даже не допускал таких людей на свою территорию — он их прогонял! На самом деле его интересовали только очень искренние люди, искренние в том смысле, что они приходили работать, а не воображать — люди, которые приходили изменяться, и которые действительно были готовы к преображению, готовы за него умереть, и в голове у которых не было подобного вздора.

Поэтому он работал над людьми и ждал. Когда эти переживания случались, ученики приходили и говорили об этом Мастеру. И они так долго сопротивлялись, что, если они и воображали что-то, это «что-то» отбрасывалось. И ученики старались ничего не говорить. Это же глупость — может быть это просто воображение.

Поэтому они годами ни о чем не говорили Мастеру, однако, если все это реально, вы не сможете это отбросить. Если это реально, оно ни за что не оставит вас в покое. И рано или поздно вопреки самим себе вам все равно придется пойти к Мастеру и сказать: «Теперь это происходит — я не хочу чтобы это происходило, мне не нравится, что это происходит, я знаю, что это все воображение. Но это происходит уже несколько лет. Что же делать?»

И тогда Гурджиев начинал работать на другом плане.

Впрочем, все это уже исчезло — это всегда исчезает вместе с исчезновением Мастера, и тогда остается разве что видимая часть, невидимая исчезает, а ведь невидимое — это самое ценное, невидимое лично.

Так что было несколько людей, которым Гурджиев говорил, что переживания эти истинны — однако это говорилось во время личных бесед с ним, и этим людям запрещалось рассказывать об этом другим. Он никогда не допускал никаких фантазий, а иначе фантазии разгуляются, и наступит сумасшествие.

Это хорошо, что ты пришел сюда. И переживания эти — результат твоей двадцатилетней работы. Благодарю за это Гурджиева!

Умистицизма есть другой смысл: тайное учение — это такое учение, которое не может быть рассказано, а может быть только передано в тайной близости, и не через логику, а через любовь. Между

Мастером и учеником в определенное мгновение близости может произойти передача... Однако высказать это нет возможности, нет возможности это произнести, ибо все, что вы можете об этом сказать, будет лишь искажением. Лао Цзы говорил: «Дао, которое может быть высказано, не есть истинное дао». Как только вы его высказываете, в эту же секунду оно становится ложью.

После тысячи лет философского анализа не было сделано ни одного вывода, не пришли ни к одной истине. Это достаточное основание для того, чтобы философия была отброшена, полностью отброшена — это ведь упражнение в абсолютной тщетности!

Именно в этом месте саньяса устремляется по совершенно другому пути. Саньяса в основе своей означает мистицизм. Она не философична, она экзистенциальна. Мы стремимся не к тому, чтобы узнать об истине — мы стремимся сами быть истиной. Быть истиной — это единственный способ ее познания — другого способа не существует.

И до тех пор, пока вы не прочувствуете ее вкус с такой полнотой, чтобы она стала частью вашей крови, костей и плоти, вы не познаете ее. До тех пор, пока вы сами не станете ею, познания не будет.

Мастер не может ничего сказать об истине — истина невыразима, она лежит за пределами каких бы то ни было обозначений. На нее указать, и то нельзя, потому что она не объект — она превосходит все. И поэтому, когда вы указываете в одном направлении, вы тем самым делаете ее ложью, потому что она не в одном направлении, она — все пространство в целом. Ни один жест не способен ее ухватить. Единственный путь поэтому — это выйти за пределы языка, выйти за пределы священных писаний, выйти за пределы обозначений, выйти за пределы всех возможных символов, метафор и просто пребывать в унисоне с Мастером, в молчаливом со-общении. Ничего не говорится, ничего не слушается, и все это происходит.

Скажи что-то — и это будет не правильно понято.

Постарайся это понять — и ты уже неправильно понял это. Ни говорение, ни слушание не помогут. Мастер — это молчание, ученик — это молчание и постепенно эти два молчания сливаются и становятся одним.

А когда два молчания становятся одним, ты слышишь звук хлопка одной ладони. Это за пределами всего выразимого... это мгновение просветления, передача, что за пределами слов, за пределами обозначений, за пределами священных писаний. Пламя просто переметывается в сердце другого. Происходит квантовый скачок от горящей свечи к негорящей — горящая свеча ничего не теряет, а негорящая свеча приобретает все. Это передача света — передача свечения.

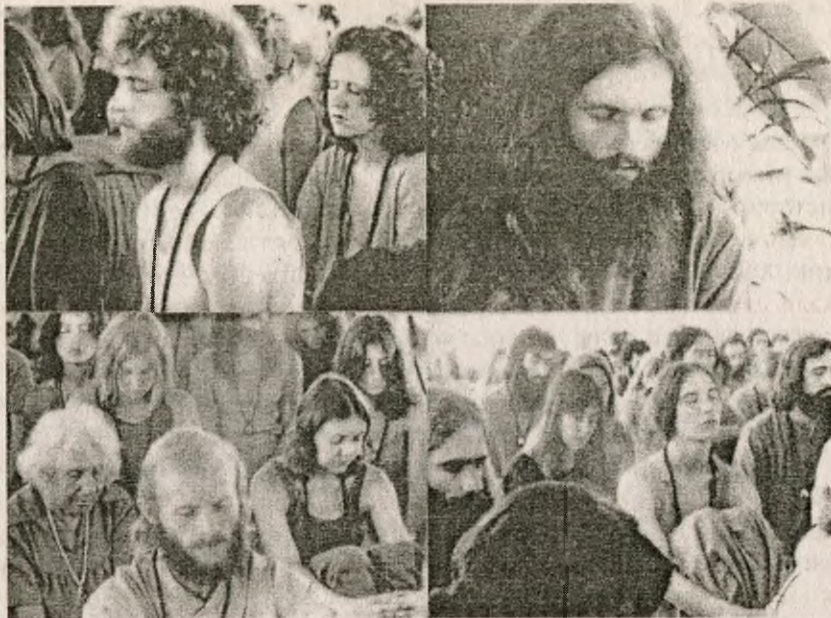
Поэтому ученик должен научиться только одному: молча сидеть в

безмерной любви и ждать, ждать того мгновения, когда это придет, не желая, не надеясь, не прося, не требуя — просто ждать.

Слово «ждать» выражает самую душу саньясы.

Саньяса есть выход за пределы любых ограничений с тем, чтобы в один прекрасный день вы смогли просто расслабиться в самом своем центре. Центр этот есть сознание, осознанность, божественность.

Круги блаженства

Быть иницированным означает, что, по крайней мере, с одним человеком, с одним Мастером ты отбрасываешь всякую мысль об отделении. Это начало. Мало-помалу ты отбрасываешь со мной мысль об отделении, и это дает тебе ощутить первоначальный вкус одиночества. А затем ты будешь все больше и больше отбрасывать ее с другими. И в один прекрасный день ты сумеешь полностью отбросить всю эту чепуху. И тогда будет один лишь Бог.

Есть очень известный суфийский анекдот...

Есть очень известный суфийский анекдот об одном суфийском мистике, Рабии эль Адавии, одной из редчайших женщин во всей истории человеческого сознания. Сравниться с ней могут лишь очень немногие женщины. Рядом с ней стоял другой великий мистик, Хассан. Было утро, всходило новое солнце, пели птицы, благоухали цветы, и все это было необыкновенно прекрасно. Из глубины сада раздавался голос Хассана: «Рабия, выходи! День так прекрасен!»

А Рабия отвечала, сидя дома: «Хассан, вместо того, чтобы звать меня наружу, заходи внутрь. Ты созерцаешь красоту творения — это прекрасно! А я созерцаю красоту творца!»

Хассан решил, что тут должно быть что-то значительное. Он лишь случайно позвал Рабию. Но когда он вошел, Рабия пребывала в состоянии полного блаженства. Она раскачивалась с закрытыми глазами, и слезы счастья струились по ее щекам. Хассан был прямо-таки загипнотизирован; он закрыл глаза.

И он пишет в одном из писем, что впервые смог увидеть что-то внутри, что было сообщено Рабией — что-то передалось. И на него снизошло блаженство.

Общение может происходить где угодно, потому что оно ведется от головы к голове. Несколько ближе к общности, хотя это и не общность в полном смысле слова, случается между влюбленными, потому что идет не от головы к голове, а от сердца к сердцу. Однако и это не больше чем приближение к общности. Это не общность как таковая, а что-то близкое к ней. Настоящая же общность случается между Мастером и учеником, от бытия к бытию. Существуют три возможности: первая — от головы к голове, вторая — от сердца к сердцу и третья — от бытия к бытию.

Общение, ведущееся от головы к голове, носит характер аргументации, спора. Общность, что идет от сердца к сердцу, полна сочувствия, любви, однако это лишь приближение к общности. Настоящая же общность, что идет от бытия к бытию, — это просто со-общение энергии, чистое со-общение, бессловесное со-общение. Это молчание... Два бытия просто поглощаются друг другом. И когда бытие Мастера и бытие ученика соединяются мостом, случается чудо.

Ученичество всегда от бога. Мастер — лишь связующее звено. Человек не становится учеником Мастера — человек становится учеником посредством Мастера. Мастер — это дверь, мост, но ученичество всегда от Бога. Мастер лишь образ, видимый символ невидимого, потому что ум не может обойтись без видимого. Он не может

постичь невидимое или довериться невидимому.

Мастер — это промежуточный пункт, в котором есть что-то видимое и что-то невидимое. Те, кто приходят к Мастеру как студенты, познают лишь его видимую часть. Те же, кто приходят к Мастеру как ученики, познают его невидимую часть, потому что невидимое может быть познано только через любовь, близость, доверие.

И все же ученичество в основе своей от Бога. Чем глубже вы будете входить в Мастера, тем меньше и меньше вы будете его обнаруживать. А в тот день, когда вы проникните в самое его бытие, он исчезнет, и вы обнаружите Бога. Вот почему на Востоке Мастер считается Богом.

На Западе же очень трудно бывает понять, с какой стати Мастер должен считаться Богом. Не подлежит сомнению, что он не создал мир, так что не он творец мира — тогда с какой стати он должен называться Богом? Он называется Богом не потому что он создает мир, а потому что он уничтожает ученика. Он уничтожил себя, он растворился, и кто бы теперь ни приблизился к нему, тот неминуемо растворится.

Бог создает — Мастер уничтожает. Бог — это развитие, Мастер — это обратное развитие. Бог — это движение вовне, Мастер — это движение вовнутрь. Он дополняет Бога; а иначе все бы шло, шло и шло и никогда не возвращалось бы, никогда не приходило бы обратно к первоначальному отдыху.

Поэтому в каком-то смысле их действия противоположны друг другу. Бог посылает вас в мир, а Мастер отсылает вас обратно к первоначальному источнику; Бог вас создает, Мастер вас уничтожает. На первый взгляд действия их противоположны, диаметрально противоположны, однако глубоко внутри это не так — это взаимодополняемость. Представление о дополняемости — одна из величайших интуиций; оно говорит о том, что не существует противоположностей, а существуют только дополняющие друг друга стороны.

Мастер — это обратная сторона Бога.

Амеба увеличивается и увеличивается в своих размерах, и, наконец, наступает такое мгновение, когда она не может больше удерживаться в своем прежнем состоянии, и раздваивается. Амеба никогда не умирает. Амеба — это единственное в мире безбрачное животное! Секс здесь никак не задействован — она продолжает давать рождение без всякого секса. Затем две амебы начинают увеличиваться в своих размерах, раздваиваться, их становится четыре, и так продолжается и продолжается до бесконечности.

С Мастером же происходит все наоборот: два нуля начинают подходить друг к другу все ближе и ближе — и вдруг возникает один ноль. Это мгновение сатсанга — когда нет Мастера, нет ученика, а есть одно лишь развертывающееся молчание, такое безбрежное, что

оно вбирает обоих в одно целое.

Ничего не говорится, ничего не слушается, и в то же время все говорится, все слушается. Вот почему я называю то, что случается между Мастером и учеником, чудом.

Жил один суфийский мистик...

Жил один суфийский мистик, Баязид, который, бывало, каждый день молился Богу, выражая ему признательность и благодарность. Хотя благодарить иногда было не за что.

Однажды он и его ученики три дня скитались голодными. Их гнали из одного города в другой, потому что мусульмане были настроены против них. Однако и в тот вечер Баязид благодарил Бога.

«Это уж слишком, — сказал один из учеников. — Все это просто невыносимо! Зачем вы благодарите Бога?» А Баязид продолжал: «Ты так милостив, мой Господь! В чем бы ни нуждались мы, ты всегда нам это даешь». «На этот раз все зашло слишком далеко, — не выдержал ученик. — Вот уж три дня, как у нас крошки во рту не было, и нас вышвыривают из каждой деревни, люди уже пытаются нас убить. А Вы говорите «в чем бы мы ни нуждались, ты всегда нам это даешь! Что же он дал нам за эти три дня?»

Баязид рассмеялся и сказал: «Он дал нам трехдневную бедность и голод, а также людей, преследующих нас и пытающихся нас убить. Он всегда дает нам все, в чем мы нуждаемся. Это нужно. Это должно быть нужно, потому что ему знать лучше, чем нам».

Таково религиозное отношение. Религиозное отношение очень алхимично — оно преображает все. Религиозный взгляд — это философский камень. Все, чего вы касаетесь, немедленно превращается в золото.

Это своего рода сноровка: никто не может научить вас быть в раю. Это очень напоминает обучение езде на велосипеде: никто не может научить вас на словах, как это делается, как удержать равновесие на велосипеде. А между тем это случается. Вы способны этому научиться — это дело сноровки. Несколько раз вы будете падать, однако постепенно начнете понимать, как удерживать равновесие, в ту же секунду вы изумитесь: почему вы не могли увидеть это раньше — это же так просто. Но даже тогда вы не сможете никому рассказать, как это делается.

Поэтому даже Будда не может рассказать, как ему удалось быть неизменно блаженным. Все, что он может сделать сам, — это дать вам несколько намеков, но вам приходится работать над своей жизнью самим, исходя из этих намеков. Любовь — это намек. Будьте более любящими, не упускайте ни одной возможности любви. И

постепенно вы обнаружите, что возникает это равновесие: вы раскачиваетесь на огромной волне радости, и в один прекрасный день вы увидите всю истину рая и ада.

Этот день есть день возрождения.

Жизнь — это божественный поток. Она не стоит на месте — она подобна реке. И чем больше человек похож на реку, тем больше он попадает в унисон с жизнью. А между тем люди окаменели в своей застылости, поэтому Бог не может через них течь. Как только Бог перестанет через вас течь, в те же секунду вы лишаетесь всех соков. Вы живете только по видимости, но на самом деле вы не живы. Остается один лишь скелет — душа теряется. В мире найдется весьма немного людей, у которых есть душа. Когда у вас есть душа, то это значит, что Бог течет через вас; что Бог циркулирует, как внутренний сок вашей жизни.

Вся моя работа здесь состоит в том, чтобы растопить вас. Застылость должна исчезнуть. И стоит только вам начать таять, как вы будете становиться религиозными, радостными и совершенно счастливыми без всяких на то причин. Для того чтобы быть счастливым, достаточно только быть, и ничего не нужно. Счастье не имеет ничего общего с обладанием чем-то. Счастье — это состояние бытия, бытия в потоке.

Бог — это также сок, потому что вам предстоит его попробовать. Он напоминает вино: от него всегда пьянеют. А до тех пор, пока не опьянеешь, так и останешься в голове!

Блаженство возможно лишь в том случае, если ты становишься учеником. Процесс становления учеником есть процесс отречения от эго. Эго — это причина всех бед. И стоит только сделать эго, как ничто уже не сможет помешать тебе стать счастливым.

Отношения Мастер-ученик — это лишь средство, стратегия помощи ученику в отбрасывании эго. Когда ты совсем один, то отбросить его бывает очень трудно. Правда, это бывает возможно — это не невозможно — когда-то это уже случалось. Впрочем, те люди лишь исключения, но исключения только подтверждают правило.

А правило заключается в том, что вам необходимо определенное средство, которое могло бы поддерживать вас, помогать вам, потому что отбросить эго — значит стать таким уязвимым, таким незащищенным, таким открытым, что начинаешь бояться и снова закрываешься. И снова цепляешься за эго, потому что тебе ничего не известно, кроме эго. Отбрасывание эго подобно смерти. Только в глубокой любви с Мастером бывает возможно постепенно набраться смелости. Когда твое доверие Мастеру растет, идти на риск становится для тебя возможным.

И как только ты готов рискнуть эго, в ту же секунду блаженство

начинает течь к тебе из всех закоулков и уголков существования. Одна только скала эго не дает потоку блаженства достичь тебя.

Как существуют замкнутые круги, точно так же существуют и круги блаженства. В замкнутом круге одно несчастье ведет к другому несчастью. А в круге блаженства одно блаженство ведет к другому блаженству. И весь вопрос заключается лишь в выборе для вашей жизни правильного круга.

Люди живут в замкнутых кругах. Например, если кому-то не спится, он изо всех сил старается заснуть. Он ворочается, вертится с боку на бок, повторяет мантры, считает. Однако что бы он ни делал, это приведет еще к большей бессоннице, потому что сон — это не что-то такое, что вы можете вызвать силой. Чем больше человек пытается вызвать сон, тем большую бессонницу он будет чувствовать. А чем большую будет чувствовать бессонницу, тем больше новых методов он будет пытаться испытать...

То же самое верно и в отношении блаженства — в отношении всего. Какой-то пустяк вначале — и вот он уже влечет за собой более крупные явления.

Таково мое наблюдение: если вы можете быть блаженными из-за чего-то одного в вашей жизни, этого уже достаточно. Это приведет вас к новым изменениям, новым вершинам.

А потому делайте все, что вы любите, все, что вам по душе — и наслаждайтесь этим. Наслаждайтесь этим в полную меру. Не рассуждайте о том, является ли это чем-то великим или нет — это не имеет значения. Имеет значение лишь само ваше наслаждение. Если вы способны в полную меру наслаждаться чем бы то ни было, вы создаете круг блаженства. Он приведет к новым рубежам, новым начинаниям, новым вершинам. И вскоре вы будете удивлены: маленькое начало привело вас к высшему.

Поэтому начните с непосредственного, чем бы оно ни было — достаточно одного лишь маленького глотка чая из чашки. Но если вы способны наслаждаться им в полную меру, он приведет вас к высшему самадхи.

В жизни нет мелких и великих событий, а есть только интеллигентные и неинтеллигентные люди. Интеллигентный человек превращает все в блаженство, а неинтеллигентный человек превращает все в несчастье.

Я не могу удерживать вас подле себя. Чем больше вы приходите ко мне, тем больше я буду отбрасывать вас обратно к самим себе. И тогда возникнет непрерывность, поток. Энергия нигде не будет заблокирована. Это очень напоминает тот случай, когда река впадает в океан. Океан не собирается удерживать в себе воду. Он будет испаряться, будет бросать ее к облакам, и облака вновь прольются дож-

дем, и вновь река будет течь, приближаясь к океану. Это круг. Такова экология. Причем так происходит не только в природе — так происходит и в сознании. Существует экология сознания.

Поэтому если вы даете мне любовь, мне ничего не остается, как вернуть вам ее обратно.

Когда двое вступают во взаимоотношения, они становятся смотрящими друг на друга зеркалами. Никто не сдерживает себя и круг замыкается. И в этом круге заключается жизнь, в этой пульсации, в этом процессе, в этой динамике заключается жизнь. Но стоит только кругу где-нибудь разорваться, как непрерывность блокируется, и наступает смерть.

Так что это отлично, как и должно быть. Вы только продолжайте на меня смотреть и позвольте мне отбрасывать вас снова и снова. И в один прекрасный день вы поймете, что все мы едины. А это приходит лишь тогда, когда все мы становимся едины с целым кругом. Вы не будете полярной противоположностью там, а я не буду полярной противоположностью здесь — все мы соединимся в круге.

Но тогда океан — это вовсе не океан, а река — это вовсе не река. Река находится на пути превращения в океан, а океан — на пути превращения в реку. И оба они — часть одного полюса.

Это тоже случается.

Необходимо понять две вещи: иногда вы чувствуете отдаленность, потому что вы подошли очень близко. Люди, которые отдалены, никогда не чувствуют, что они отдалены: им не с чем сравнивать. А иногда вы подходите очень близко — поэтому вы и чувствуете, что вы уходите очень далеко. Это хороший признак, счастливое проявление и бывает лишь у тех, кто очень близко подошел, но не иначе.

Вы не можете постоянно оставаться близко — это верно, потому что это станет невыносимым; человек не способен вместить столько радости. Однако постепенно вы сможете вмещать больше, и тогда вы сможете оставаться близко все дольше и дольше. Естественно, здесь существует ритм: вы приближаетесь и затем отдаляетесь. Отдаление помогает вам впитывать меня — а иначе когда вы будете переваривать? Человек ведь не может постоянно сидеть за обеденным столом и продолжать есть, есть и есть. Ему нужен перерыв на несколько часов — по крайней мере, шести-восьмичасовой промежуток между двумя приемами пищи — ага? А иначе вы сойдете с ума и духовно разжираете... что куда опаснее физического ожирения!

Когда слушание исходит из сердца, тогда не бывает аргументов, не бывает суждений. А просто слушаешь, как слушаешь пение птиц или музыку или ветер, шумящий в кроне сосен. Здесь не бывает вопросов, не бывает «почему» — этим просто наслаждаешься. Мастером

нужно просто наслаждаться!

Помните это: Мастера нужно есть, как говорил Иисус. Ученик должен быть каннибалом. Не бойтесь... быть каннибалом означает быть со мной всецело! Быть с Мастером просто означает усваивать его бытие, позволять ему войти в себя, допустить его до глубочайшей святости своего существа, куда вы никогда никого не допускали, куда вы и сами никогда не входили, открыть все свои двери и окна. И тогда начинаешь понимать не только слова — начинаешь понимать и молчание.

Саньясинка, только что
вернувшаяся с Запада,
сидит у его ног.

Привет, Низима! Когда ты приехала?

Низима: *Несколько дней назад.*

Очень хорошо! На этот раз ты приехала навсегда? (она кивает). Это очень хорошо. Добро пожаловать! Тебе хочется что-нибудь мне сказать?

Мне просто интересно, что Вы собираетесь со мной делать.

(Посмеиваясь) Тебе не нужно интересоваться — ты сама увидишь. Я начну делать жуткие вещи (смеется). Подойди-ка!

(Когда Низима подходит ближе, Ошо кладет ладонь ей на лоб. Из его ладони, видимо, идет огромная энергия, и, наполняясь благодатью этой передачи, она опускает голову. И, кажется, после этого сама вечность...)

Хорошо, Низима. Очень хорошо... Все просто замечательно. Ты готова! Я уже начал свою работу!

Достижение мужественно, восприятие женственно. Саньясин должен быть женственным, он не воин. Он должен быть открыт существованию, уязвим. Все искусство саньясы заключается в том, чтобы быть все более и более восприимчивыми ко всему, что окружает вас.

Воин агрессивен; воин — это прямо противоположный полюс саньясы. Воин амбициозен; он сражается, борется. А саньясин ждет, молится, любит, надеется, но он просто ждет — терпение его бесконечно. Когда восприимчивость достигает своей полноты, тогда в вас не остается и следа агрессивности, и дар приходит сам собою. Он нисходит свыше и преображает вас.

Хасид — еврейское слово; слово «хасидизм» является от него производным. Хасидизм означает искусство ученичества. Мастер называется «цадик», а ученик называется «хасид». Однако ученику уделяется больше внимания — даже больше, чем Мастеру — и вся философия называется хасидизмом, путем ученика... потому что Мастер не более чем предлог. Он существует ради ученика, и вся его работа заключается в том, чтобы помочь ученику.

Наиболее существенная часть ученичества — переустроить свою жизнь, ориентируясь на Мастера. Позволить ему действовать в качестве своего центра — тогда как ты перестаешь действовать как центр самого себя. И голос Мастера становится твоим голосом.

Это основополагающее искусство, фундаментальное искусство, оно также является величайшим из искусств. Это абсолютно новое устройство, ага? Как правило, у каждого бывает свой собственный центр; но как только ты становишься учеником, в ту же секунду ты отбрасываешь свой центр, отрекаешься от своего центра. Средоточием твоим становится Мастер. И тогда ты начинаешь жить через него, начинаешь жить, как он, ты позволяешь ему жить через тебя, как будто он — это и есть ты. И — парадокс: когда ты отбрасываешь свой центр, ты впервые становишься центрированным, потому что центр твой ложен — это не настоящий центр. Эго это лишь псевдосамо́сть, претензия на само́сть. А когда ты отбрасываешь свое эго, свою псевдосамо́сть, ты тем самым позволяешь Мастеру действовать в качестве твоей само́сти, и внезапно впервые обнаруживаешь кто ты.

Так что на самом деле это не потеря центра; напротив: это его приобретение. Ученику терять нечего: он же ничего не имеет.

И как только он начинает понимать, что терять ему нечего, как в ту же секунду в самом этом понимании все отброшено.

Шаг за шагом человек обретает способность входить в ничто и выходить из ничто, входить и выходить — как если бы ты вошел в свой дом и выходил из своего дома. И тот день, когда ты сможешь легко входить в ничто и снова выходить из него в обычный мир — в работу, повседневные дела, зарабатывая себе на жизнь — всякий раз, улучив минутку, закрой глаза и исчезни в ничто — тогда ты действительно стал саньясином.

Стоит только мне уйти, как вы уже не сможете вступить в контакт со мной благодаря кому-то еще: организациям, священникам, апостолам... они не помогут. Единственный способ — это либо быть непосредственно со мной, либо идти к живому Мастеру, который мог даже не слышать обо мне, и быть с ним.

Либо у вас достанет осознанности, чтобы общаться со мной прямо, либо вы общаетесь с кем-то еще, у кого есть такая осознанность. Он мог обо мне и не слышать — это не важно — но, благодаря его

присутствию, вы тут же связываетесь со мной.

Каждый ученик должен быть фениксом. Он должен сгорать в огне Мастера. И из него, из пепла, родится новое существо... наступит воскрешение. Это и есть ваша вечная жизнь.

Чем сильнее вы меня любите, тем сильнее вы будете чувствовать, что вы недостаточно близки. Чем сильнее любовь, тем сильнее ощущение дистанции. Это хороший знак: любовь есть рост, и, любя, вы постепенно, шаг за шагом, будете подходить все ближе и ближе. Это случается в глубоком молчании, неосознанно, и процесс этот идет до того медленно, что вы его и не заметите. Это напоминает рост дерева: вы не замечаете, когда оно растет. Ребенок растет и становится юношей. Но вы не можете разграничить, где кончается ребенок и начинается юноша — это невозможно. Рост протекает медленно — таково и приближение ко мне.

Вы приближаетесь, и чем ближе вы ко мне подходите, тем большую вы будите чувствовать жажду. Все идет, как и должно идти. Жажда эта превратится в огонь, и огонь этот сожжет вас дотла. А когда эго сгорит дотла — только тогда вы и сможете приблизиться. Потому что я к вам близок — только вы не близки.

Бог станет вашей смертью, потому что, когда он приходит, он хочет овладеть вами настолько полно, чтобы ничего больше не оставалось... он ничего от вас не оставит. Он поглощает вас. Он — вор и великий расточитель. Он так отдает себя, что вы переполняетесь, исчезаете и пропадаете. Так что помните: он может постучаться в любую дверь!

А когда вы приближаетесь ко мне, то это значит, что он уже постучался. В глубине своего бессознательного вы уже услышали этот стук, иначе вас бы здесь не было. Нет ничего случайного. Если вы здесь, причем сами вы можете и не отдавать отчета, почему вы здесь и как вы сюда попали, но что-то в вашем бессознательном уже выросло. Сознание ваше может позже начать это осознавать, однако великое путешествие уже началось — вы уже странники.

И мне бы хотелось, чтобы вы подготовились... Случится гораздо большее!

